РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АФРИКИ

Б.М. Горелик

РОССИЙСКАЯ ИММИГРАЦИЯ В ЮЖНУЮ АФРИКУ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

МОСКВА
2007

Ответственный редактор

к.и.н. Л.Н. Рытов

Горелик Б.М. Российская иммиграция в Южную Африку: вчера и сегодня. М., 2007 – 255 с.

Когда в конце XX века россияне устремились в недоступную прежде ЮАР, они оказались далеко не первыми: в Южной Африке к тому времени уже жили десятки тысяч наших соотечественников. Среди них – депутаты парламента, нобелевские лауреаты, миллионеры, звезда русского немого кино, всемирно известный художник, эксперт по южноафриканским бабочкам, основоположник электронной микроскопии, советник эфиопского императора, мэр Йоханнесбурга.

Как сложились отношения вновь прибывших иммигрантов с предшественниками? Как наши соотечественники адаптировались к жизни в ЮАР? Оправдались ли их надежды? Что представляет собой российская диаспора в этой стране сегодня?..

Перед вами первая книга по истории российской иммиграции в Южную Африку.

ISBN 978-5-91298-013-8

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Почему Южная Африка? 5

О тех, без кого не было бы этой книги 13

Часть 1. Эмиграция россиян в Южную Африку до Второй мировой войны

Глава 1. XVIII в. – 1860-е годы: русские моряки, путешественники и случайные иммигранты 17

Глава 2. Конец XIX–начало XX вв.: период массовой эмиграции из России в Южную Африку 19

Глава 3. Русские евреи в Южной Африке в 1870–1917 годах 23

Глава 4. Россияне в Южной Африке в 1920–30-е гг.: последствия интеграции 30

Глава 5. Вторая мировая война: период симпатий к Советскому Союзу 40

Часть 2. Российские эмигранты в Южной Африке в годы «холодной войны» и апартеида

Глава 1. Русские эмигранты в ЮАС в послевоенные годы: их характеристика, численность и способы адаптации 53

Глава 2. Причины появления русской общины в Южной Африке 59

Глава 3. Русская община и политика правительства Южной Африки по «подавлению коммунизма» 63

Глава 4. Русский православный приход в Йоханнесбурге: успешная попытка объединения общины 66

Глава 5. Второй этап истории русского православного прихода в Йоханнесбурге: кризис и несбывшиеся надежды 74

Глава 6. Возникновение «Русского дома» и расформирование прихода св. Владимира 84

Глава 7. Русская община Йоханнесбурга в 1968 – первой половине 1980-х: «Русский дом» как общинный центр 90

Глава 8. Русские общины Кейптауна и Дурбана: жизнь на периферии 99

Глава 9. Роль наших соотечественников в формировании представлений южноафриканцев о России и о русской культуре 111

Глава 10. Русские евреи в ЮАР в послевоенные годы: потеря связей с родиной и ассимиляция в южноафриканском обществе 117

Глава 11. Эмигранты из России в борьбе против расового неравенства в Южной Африке 121

Часть 3. Современная российская диаспора в Южной Африке

Глава 1. Социально-политические изменения в Советском Союзе – катализатор российской иммиграции в Южную Африку 151

Глава 2. Три «волны» современной российской иммиграции в ЮАР и иммиграционная политика этой страны 155

Глава 3. Численность российской диаспоры ЮАР начала XXI века 164

Глава 4. Взаимоотношения русских эмигрантов после-революционной «волны» и новой российской диаспоры 165

Глава 5. Современные российские общины ЮАР 170

Глава 6. Приход Русской православной церкви в Мидранде 173

Глава 7. Евреи из бывшего Советского Союза в ЮАР в 1990-е гг. 180

Глава 8. Особенности социальной и профессиональной адаптации российских иммигрантов в Южной Африке 183

Глава 9. «Русские жены» 198

Глава 10. Нелегальная деятельность российских иммигрантов в Южной Африке 202

Заключение. Подведем итоги 226

Summary 240

Источники и использованная литература 241

Именной указатель 252

ПРЕДИСЛОВИЕ. ПОЧЕМУ ЮЖНАЯ АФРИКА?

Несмотря на обилие статей, сборников и монографий по истории российской эмиграции после 1917 г., появившихся в нашей стране в последние 10–15 лет, пристальное знакомство с ними обнаруживает два характерных обстоятельства: 1) сравнительно малое количество работ по истории российской эмиграции на периферии Русского Зарубежья; 2) досадное отсутствие объективных аналитических трудов, посвященных систематическому рассмотрению и выявлению наиболее общих закономерностей возникновения и функционирования российских диаспор с 1917 г. по настоящее время.

Первое из этих обстоятельств неизбежно затрагивает и Африканский континент. К сожалению, до сих пор актуальны горькие слова А.Б. Летнева из вступления к первому в своем роде сборнику «Российская диаспора в Африке»: «Нельзя сказать, чтобы историки-африканисты вообще не занимались изучением африканской составляющей Русского Зарубежья… Но… специалисты по истории Европы, обеих Америк, Китая успели сделать, особенно в монографическом плане, больше. Отсюда необходимость развернуть глубокое исследование проблемы, расширить базу источников, активнее знакомить всех, кому не безразлична история отечественной культуры вообще, история культуры в изгнании в частности, с ее африканской главой»[1].

Насколько нам известно, до сих пор единственными научными публикациями, специально посвященными истории российской диаспоры в Африке, являются два сборника[2], подготовленные сотрудниками Центра исторических, национальных и культурных исследований Института Африки РАН, а также книга Г.В. Горячкина, Т.В. Гриценко и О.И. Фомина «Русская эмиграция в Египте и Тунисе (1920–1939 гг.)», монографии В.И. Рябовой «Российская эмиграция в Африке в 1920–1945 гг.» и В.Е. Колупаева «Русские в Северной Африке»[3]. Прочие опубликованные работы по этой теме представляют собой статьи, появившиеся в разное время и в различных изданиях, как научных, так и популярных.

Что касается утверждения о недостаточной аналитичности, об описательности, характерной для отечественных трудов по истории Российского Зарубежья, то, возможно, историки еще не успели освоить значительный объем источников, необходимый для комплексного исследования этой сложной и многогранной проблемы. Первой серьезной попыткой рассмотреть российскую эмиграцию как целостное историческое яв-

ление во всем его многообразии стала монография И.В. Сабенниковой «Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование»[4]. Несмотря на несомненные достоинства, эта монография не привлекла должного внимания исследователей Российского Зарубежья. И.В. Сабенникова считает, что к концу 1930-х гг. послереволюционная русская эмиграция вполне интегрировалась в принявшее ее общество и перестала быть специфическим социальным образованием. Но история русских общин Южной Африки, напротив, свидетельствует о том, что именно в первые послевоенные десятилетия здесь появился первый русский храм и общинные центры, основанные эмигрантами послереволюционной «волны». Отметим также, что И.В. Сабенникова в своей работе почти не касается российской эмиграции на Африканском континенте, за исключением Туниса.

Изучение малых и изолированных российских диаспор до сих пор актуально и необходимо не только для устранения «белых пятен истории», но и для выявления наиболее общих закономерностей возникновения и функционирования общин российских эмигрантов. Вопрос о характерных для наших соотечественников причинах и способах сохранения национальной идентичности, русской культуры, языка, религии, а также об обстоятельствах и условиях, способствующих размыванию этой идентичности, интеграции и, наконец, ассимиляции российского эмигранта невозможно полностью осветить без исследования «микроскопических» (по меркам русских общин в Европе или США) образований.

Именно в изоляции, на периферии диаспоры, ярко проявляется давление принимающего общества на иммигранта, его стремление вобрать пришельца в себя, нейтрализовать его, или, напротив, отторгнуть чужака. В таких условиях иммигрант может остаться один на один с новым для себя обществом. Общинные организации, которые призваны защитить иммигранта от воздействий внешней среды, смягчить для него болезненный процесс адаптации, формируются очень медленно, если формируются вообще. Возникает неизбежный и острый конфликт между «пришельцем» и принимающим обществом, и его разрешение зависит, прежде всего, от самого иммигранта.

Специфика адаптации российских эмигрантов в колониях также заслуживает особого внимания. На этих территориях господствующее положение занимали именно пришельцы, колонизаторы, а местное население вынуждено было приспосабливаться к обычаям и правилам, устанавливаемым чужаками. В таком обществе европейский иммигрант, в том числе россиянин, мог рассчитывать на престижную, по местным меркам, работу и даже сравнительно высокий социальный статус[5]. Это относится, прежде всего, к Африке южнее Сахары и, в частности, к Южной Африке, которая сочетала в себе колонию и метрополию.

Изучение небольшой русской общины позволяет понять, какой вклад внесли российские иммигранты в культуру, науку, экономику прини-

мающего общества даже при малочисленности диаспоры. Например, в 1950–80-е гг. русские эмигранты в Южной Африке играли важную роль в различных областях жизни этой страны и при этом до конца жизни сохраняли приверженность родному языку, культуре, религии, русскому самосознанию. Вряд ли это характерно только для ЮАР.

Исследование российской диаспоры в Южной Африке дает возможность вернуть отечественной науке и культуре имена эмигрантов из России, получивших международное признание, но остающихся практически неизвестными на родине. Это биологи Борис Балинский и Юрий ван Зон, живописец Владимир Третчиков, карикатурист Виктор Иванов, психоаналитик Вульф Сакс, скульптор Владимир Мейерович, историк Николай Мосолов, певицы Ксения Бельмас и Ольга Рысс.

На Африканском континенте наиболее исследованный регион Российского Зарубежья – страны Магриба[6]. Ведь именно здесь до деколонизации проживали самые крупные в Африке русские общины. Что касается Южной Африки, то помимо естественной проблемы труднодоступности источников, ввиду чрезвычайной удаленности ЮАР от центров Российского Зарубежья, возникает необходимость определить социально-этнический состав местной российской диаспоры. Задачу усложняет разнообразие национальностей поселившихся здесь российских иммигрантов. До Второй мировой войны большинство из них составляли десятки тысяч евреев – уроженцы Литвы, Белоруссии и Латвии. Такого явления не знали страны Северной Африки.

Численность наших соотечественников в ЮАС в 1920-е гг., по сообщению А.Б. Летнева, сопоставима «с числом эмигрантов первой волны в Северной Африке»[7]. Помимо евреев и русских (общая численность последних вплоть до начала 1990-х гг. не превышала нескольких сотен), в Южную Африку из бывшей Российской Империи устремлялись латыши, литовцы, эстонцы, украинцы, поляки, финны и немцы. С другой стороны, здесь не было организованной массовой иммиграции россиян, подобной эвакуации военнослужащих Белой Армии в Северную Африку. Российские иммигранты ехали в Южную Африку в индивидуальном порядке и без принуждения.

Отметим также, что подавляющее большинство трудов по истории российской эмиграции посвящено периоду до Второй мировой войны. Считается, что к началу 1950-х гг. такое уникальное культурно-этническое явление, как Русское Зарубежье, перестало существовать. Тем не менее, представление об особой миссии российской эмиграции и связанных с ней обязательствах по-прежнему объединяло сохранившиеся очаги Русского Зарубежья и даже способствовало возникновению новых эмигрантских общин, как это произошло, например, в Южной Африке. Повторная эмиграция россиян из Западной и Восточной Европы, Китая, Северной Африки достигала порой самых удаленных уголков нашей планеты. И, как видно на примере ЮАР, эти эмигранты нередко проти-

вились ассимиляции, даже гармонично вписавшись в принимающее общество[8]. И если история самостоятельных общин русских евреев в ЮАС к 1950-м гг. уже вполне завершилась, то русская община в эти годы только начала формироваться.

История послевоенной российской эмиграции пока недостаточно изучена, – а что уж говорить о ее волне, пришедшейся на самый конец XX века. Современной эмиграцией занимаются, в основном, социологи, психологи, демографы, а не историки. Причины очевидны: отсутствие «исторической дистанции», с которой отчетливее видятся события и явления, невозможность доступа к важнейшим документам, без которых объективное представление о происшедшем, его серьезный анализ невозможны. Конъюнктурность является, пожалуй, наиболее опасной ловушкой на пути историка, собирающегося изучать совсем недавние миграционные процессы. Его задачу усложняет и отсутствие общепринятой парадигмы, концепции современной российской эмиграции, которая позволяла бы, отталкиваясь от нее, заниматься исследованием конкретных диаспор.

Тем не менее, попытки исторического осмысления аспектов «новой» эмиграции должны предприниматься, даже если некоторые наши заключения будут впоследствии значительно скорректированы или опровергнуты. Надо сделать первый шаг. Поэтому в третьей части этой книги мы пытаемся охарактеризовать российских иммигрантов в Южной Африке последних 15–20 лет и понять причины, которые побудили их переселиться в эту прежде запретную для наших сограждан страну. Возможно, наши выводы помогут другим исследователям пролить свет на более широкие проблемы. Например: почему многие россияне предпочитают малоосвоенные нашими соотечественниками страны таким популярным направлениям эмиграции, как США, Израиль, Германия, Канада, Австралия, Новая Зеландия? И почему эмиграция из России не прекращается, несмотря на свободу печати, предпринимательства и передвижения, провозглашенные в нашей стране?

Основной целью настоящей работы является выявление исторической динамики и особенностей российской иммиграции в Южную Африку. Для этого необходимо:

1. Изучить изменение численности российской иммиграции в Южной Африке и ее причины;
2. Определить способы адаптации иммигрантов к новым, непривычным условиям и причины сохранения и потери национальной идентичности выходцами из России на самом юге Африканского континента.
3. Рассмотреть изменения российской иммиграции в Южную Африку не изолированно, а в контексте истории аналогичных общин и российских диаспор в других частях Африканского континента и в сопоставлении с прочими периферийными общинами наших соотечественников в других частях света.

4. Выявить характерные черты двух последних «волн» российской иммиграции в Южную Африку и понять причины различий в их адаптации и самоорганизации.

При изучении межэтнических отношений и социально-политических процессов мы опираемся на теорию развития диаспор З.И. Левина[9]. Под диаспорой мы понимаем «часть этноса, проживающую вне своей исторической родины или территории обитания этнического массива, сохраняющую представление о единстве происхождения и не желающую потерять стабильные групповые характеристики, заметно отличающие ее от остального населения страны пребывания, *вынужденно (осознанно или неосознанно)* подчиняясь принятому в ней порядку»[10]. Таким образом, потомки эмигрантов, ассимилированные южноафриканским обществом, в настоящем исследовании как часть российской диаспоры не рассматриваются.

Более того, поскольку понятие «российский» объединяет в себе целое множество этносов, населяющих нашу страну, понятие «российская диаспора» неизбежно вступает в конфликт с вышеуказанным определением. Действительно, вплоть до самого позднего времени в ЮАР существовало как минимум две диаспоры выходцев из России: русская и еврейская. Однако существуют обстоятельства, позволяющие не отказываться от словосочетания «российская диаспора».

Во-первых, очень многие евреи из России, даже те, кто эмигрировал в Южную Африку еще до Второй мировой войны, не забыли русский язык, обучали ему своих детей, интересовались событиями в СССР, посещали советское консульство, участвовали в деятельности обществ дружбы с Советским Союзом, гордились своим знакомством с русской культурой и считали Россию своей родиной. Иными словами, с нашей страной их связывали не только обстоятельства рождения, но и гораздо более прочные культурно-языковые узы. Во-вторых, евреи, рожденные в СССР и ныне проживающие в ЮАР, ассоциируют себя скорее с русскими иммигрантами, чем с местным еврейством. О причинах этого явления будет подробно рассказано в основной части этого исследования. Таким образом, понятие «российская диаспора» можно условно принять и использовать по отношению к российским иммигрантам в Южной Африке, особенно в последние десятилетия.

Понятия «диаспора» и «община» не синонимичны. Диаспора может состоять даже из небольшого числа иммигрантов, которые сопротивляются ассимиляции или просто неспособны к ней. Но для возникновения общины, то есть социального организма в совокупности его институтов, необходимы, во-первых, «критическая масса» иммигрантов, а, во-вторых, их сознательное желание объединяться, вызванное целым рядом социально-политических и экономических обстоятельств, с которыми вновь прибывшему иммигранту приходится сталкиваться при контактах с принимающим обществом.

Под «российской эмиграцией» понимаются «все подданные России [включая Российскую Империю, Советский Союз и Российскую Федерацию], покинувшие свою родину (вне зависимости от национальности, вероисповедания и причин, побудивших к отъезду)»[11]. В то же время понятие «русская эмиграция» подразумевает национальный состав эмигрантов: «русские по крови, или лица, других национальностей, ставшие носителями русского менталитета и причисляющие себя к русским»[12]. Поэтому прибалтийские немцы и украинцы, ставшие членами русского православного прихода в Йоханнесбурге и являвшиеся носителями русского языка, могут быть причислены к русским эмигрантам.

Ранее говорилось, что до сих пор не существует обстоятельных научных трудов о российской иммиграции в Южную Африку. Но это совсем не значит, что исследовательская работа по этой теме прежде не велась. Поиском и изучением материалов о наших соотечественниках в ЮАР многие годы занимались видные российские африканисты, доктора исторических наук, профессора А.Б. Давидсон и И.И. Филатова. Они не только исследовали издания Русского Зарубежья и труды южноафриканских историков, чтобы отыскать свидетельства о жизни российской диаспоры на юге Африки, но и работали в архивах России, ЮАР и других стран, а также брали интервью у самих эмигрантов. Результатом этой работы стал ряд публикаций в отечественных и зарубежных журналах[13], а также монография «Россияне и англо-бурская война», опубликованная в Южной Африке на английском языке и содержащая множество новых сведений о русских евреях-эмигрантах, сражавшихся в этой войне, о российских добровольцах – кадровых военных, врачах, медсестрах[14].

Бóльшая часть упомянутых публикаций А.Б. Давидсона и И.И. Филатовой посвящена периоду до 1950-х гг. После Второй мировой войны в Южной Африке завершилась ассимиляция многих тысяч русских евреев-иммигрантов, прибывших сюда, в основном, на рубеже веков. При этом собственно русская диаспора в этой стране вплоть до 1990-х гг. была крайне малочисленной. А условия для объективного исторического исследования самой поздней волны эмиграции из России в ЮАР еще не сложились ко времени написания этих работ (вторая половина 1990-х). К тому же авторы, ограниченные форматом журнальных статей, вынуждены были уделять основное внимание наиболее изученному ими периоду – с конца XIX до середины XX вв.

К сожалению, других научных публикаций о российской эмиграции в Южной Африке до сих пор не появилось[15]. Упоминавшиеся сборники «Российская диаспора в Африке» и «Африка глазами эмигрантов», а также книги В.И. Рябовой, Г.В. Горячкина, Т.Г. Гриценко, О.И. Фомина и В.Е. Колупаева посвящены нашим соотечественникам в странах к северу от ЮАР.

Основные источники, использованные при написании этой книги, можно разделить на следующие группы:

1. Архивы русских эмигрантов в Южной Африке (как личные, так и хранящиеся в научных учреждениях ЮАР);
2. Судебные постановления, пассажирские декларации, заявления о получении гражданства или права на жительство в Южной Африке, свидетельства о смерти российских эмигрантов, и т.д., хранящиеся в отделениях Национального архива ЮАР;
3. Документы Русского зарубежного архива, хранящиеся в ГАРФ; послужные списки из собрания Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА); а также материалы Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) и Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ);
4. Интервью, взятые автором у соотечественников в Южной Африке;
5. Мемуары российских эмигрантов;
6. Статьи в периодике Русского Зарубежья, отчеты настоятелей русского прихода в Йоханнесбурге, а также периодические издания русских эмигрантов в Южной Африке.

Надеюсь, что результаты исследования заинтересуют не только африканистов и историков Российского Зарубежья, но и наших соотечественников, проживающих сегодня в ЮАР. Эта книга позволит им узнать о богатых традициях российской иммиграции в этой стране, осознать преемственность всех ее «волн», включая нынешнюю, и, возможно, использовать опыт создания общин, который был накоплен их предшественниками на юге Африки.

---

[1] Российская диаспора в Африке. 20–50-е годы. Сборник статей. М.: Восточная литература, 2001. С. 16.

[2] Российская диаспора в Африке. 20–50-е годы. Сборник статей. М.: Восточная литература, 2001; Африка глазами эмигрантов. Россияне на континенте в первой половине XX века. М.: Восточная литература, 2002.

[3] *Горячкин Г.В., Гриценко Т.В., Фомин О.И.* Русская эмиграция в Египте и Тунисе (1920–1939 гг.). М.: ИСАА при МГУ им. Ломоносова, 2000. *Рябова В.И.* Российская эмиграция в Африке в 1920–1945 гг. М.: МАКС Пресс, 2005. *Колупаев В.Е.* Русские в Северной Африке. Обнинск, 2004.

[4] *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь: «Золотая буква», 2002.

[5] «Бедных белых в Конго нет, – писал местный русский эмигрант. – Есть только более состоятельные и менее состоятельные». Цит. по: *Рябова В.И.* Российская эмиграция в Африке в 1920–1945 гг. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 74.

[6] Российская диаспора в Африке. 20–50-е годы. Сборник статей. М.: Восточная литература, 2001. С. 17.

[7] Там же. С. 5.

[8] В этой книге под «принимающим обществом» Южной Африки понимаются белые, прежде всего, англоязычные южноафриканцы как наиболее урбанизированные.

[9] Положения этой теории изложены в монографии *Левин З.И.* Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М.: Институт востоковедения РАН; Издательство «Крафт+», 2001.

[10] *Левин З.И.* Менталитет диаспоры. С. 5.

[11] *Федотов А.С.* Российская эмиграция и Русское Зарубежье (к вопросу о дефинициях). // Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры. Научная конференция. Москва, 13–15 апреля 1993 г. Тезисы докладов. М.: Институт российской истории РАН, 1993. С. 5.

[12] Там же.

[13] Прежде всего: *Давидсон А.Б.* Едут, едут по Капстаду наши казаки… // Родина. 1996. № 9. С. 49–53 и *Филатова И.* Мадам Бельмас. Вернется ли прах великой певицы на Родину? // Родина. 2000. № 7. С. 61–65. В той или иной степени, тему российской иммиграции в Южную Африку затрагивают статьи: *Davidson A.* Russia and South Africa: Centuries of Contact // Russia in the Contemporary World. The First Symposium in South Africa at the Centre for Russian Studies. University of Cape Town, 1995. P. 95–107; *Davidson A., Filatova I.* Early Contacts between Russia and South Africa: 17–18th Centuries // Slavic Almanach: A Year Book of the South Africa Society for Slavic, Central and East European Studies. Pretoria, 1992. Vol I; *Давидсон А., Филатова И.* Опыт консульских отношений // Азия и Африка сегодня. 1998. № 1. С. 32–37; *Давидсон А.Б.* Русская литература в Южной Африке // Россия–Восток–Запад / РАН, Отд. лит. и яз. М.: Наследие, 1998. С. 210–229; *Давидсон, А.* Союзники в войне – Россия и Южная Африка // Азия и Африка сегодня. 2000. № 5. С. 2–6. *Давидсон А.Б., Филатова И.И.* Англо-бурская война и Россия // Новая и новейшая история. 2000. № 1.

[14] *Davidson A., Filatova I.* The Russians and the Anglo-Boer War. Cape Town, Pretoria, Johannesburg: Human & Rousseau, 1998.

[15] Можно упомянуть и статью этнографа Б.В. Соколова «Иммигрантское население Южноафриканской Республики» (Советская этнография. 1984. № 6), но в ней российская эмиграция упоминается лишь мимоходом.

О ТЕХ, БЕЗ КОГО НЕ БЫЛО БЫ ЭТОЙ КНИГИ

В создании этой книги участвовали десятки людей из России, ЮАР, США, Великобритании, Австралии, Франции, Испании и других стран. Я хотел бы поблагодарить всех, кто помог мне в работе. Если бы не ваша заинтересованность и деятельная помощь, я не смог бы написать эту книгу.

Но есть те, чей вклад я хотел бы отметить особо. Прежде всего, это Вера Белякова, йоханнесбургский журналист, генеалог и женщина неиссякаемой энергии и обаяния. Благодаря Вере Борисовне я заинтересовался историей российской иммиграции в Южную Африку. За прошедшие годы Вера Белякова поделилась со мной множеством сведений и материалов из собственного архива, которые составили большую часть этой книги. Она принимала меня в Йоханнесбурге и познакомила с русскими эмигрантами в ЮАР. Я всегда мог рассчитывать на ее поддержку и советы.

Я хотел бы поблагодарить покойного Льва Николаевича Рытова, ответственного редактора этой монографии. Когда в 2001 г. я, выпускник факультета иностранных языков, решил поступать на историческое отделение аспирантуры Института Африки, Лев Николаевич поверил в мои силы и стал научным руководителем по диссертации, которая легла в основу книги. Он очень ждал выхода в свет этой монографии. У меня остались только светлые воспоминания об этом умном, трудолюбивом и жизнерадостном человеке.

Видные африканисты Аполлон Борисович Давидсон и Ирина Ивановна Филатова помогали мне советами и консультациями практически все время работы над монографией. Ирина Ивановна принимала меня у себя во время моего пребывания в Кейптауне. Аполлон Борисович увлек меня африканистикой, и его труды остаются для меня образцом. Поэтому, работая над книгой, я старался не забывать о том, что главное в исторической науке – это не поиск фактов и материалов, а их всесторонний анализ и интерпретация.

Большую помощь в осмыслении истории российской иммиграции в Южную Африку мне оказала Салли Пеберди, сотрудница Южноафриканского миграционного проекта. Она предоставила свою уникальную

диссертацию об иммиграционной политике этой страны в XX в. и консультировала меня по этому вопросу. Я активно использовал положения ее диссертации в своей монографии.

Также я хотел бы поблагодарить Владимира Геннадьевича и Геннадия Владимировича Шубиных и Андрея Васильевича Притворова из Института Африки РАН, которые все эти годы помогали мне советами и рекомендациями и торопили с написанием этой книги.

ЧАСТЬ 1. ЭМИГРАЦИЯ РОССИЯН В ЮЖНУЮ АФРИКУ ДО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава 1. XVIII в. – 1860-е годы: русские моряки, путешественники и случайные иммигранты

Выходцы из России поселились в голландской Капской колонии, основанной в 1652 г., уже в XVIII веке. Сведения об этих, крайне немногочисленных, иммигрантах сохранились в воспоминаниях и путевых заметках русских морских офицеров, проходивших практику на европейских судах, которые заходили в южноафриканские порты на пути в Азию. Судя по их свидетельствам, иммигрантов из России, проживавших в Южной Африке в конце XVIII–середине XIX вв., можно условно разделить на две группы:

1. Родившиеся на территории России иностранцы. Самый известный из них – Йоханнес Свелленгребел (1671–1744), богатый капский колонист, который родился и провел детство в Москве. Поступив на службу в Голландскую Ост-Индскую компанию, он поселился на Капе в 1691 г., то есть почти через 40 лет после основания колонии. В Южной Африке он и окончил свои дни[1].

Став свободным бюргером, Йоханнес нажил крупное состояние, позволившее ему повлиять на руководство компании, чтобы оно назначило губернатором Капской колонии его старшего сына, Хендрика Свелленгребела (1700–1763)[2]. «Капский Хендрик», как его прозвали голландские поселенцы, стал первым уроженцем Южной Африки, получившим должность губернатора этой колонии. Он учреждал школы, основывал церкви в отдаленных районах колонии, способствуя тем самым дальнейшему освоению территории, и пользовался уважением колонистов.

Конечно, настоящая история российской эмиграции в Южной Африке началась гораздо позднее, ведь голландца Йоханнеса Свелленгребела нельзя в полной мере считать русским эмигрантом. Родители Йоханнеса были голландцами, и, вполне возможно, он даже не владел русским языком. Но поскольку Йоханнес вырос в России и его отец прожил в Москве около 50 лет, он был до некоторой степени знаком с русским образом жизни и культурой и, вероятно, рассказывал о них жителям Капской колонии. А значит, определенное «российское присутствие» проявилось уже в первые десятилетия существования голландской колонии в Южной Африке.

О встрече с другим российским эмигрантом-иностранцем сообщал Г.К. Блок, русский офицер, служивший на корабле «Або», посетившем Южную Африку в начале 1841 года. На Капе Блок познакомился с человеком, который говорил на ломаном русском и представился сыном бывшего консула в Кронштадте: «…был в Нью-Йорке, Рио и попал в Капштадт; здесь женился, обзавелся торговлею и, разумеется, детьми…»[3]. «Кронштадтский земляк» называл себя русским, но, к сожале-

нию, Блок не сообщает никаких других сведений о происхождении этого человека. По-видимому, он имел такие же основания считать себя русским, как Йоханнес Свелленгребел.

2. Случайные русские иммигранты, в том числе беглые матросы. О них упоминает русский мореплаватель, капитан В.М. Головнин (1776–1831), проведший в 1808–1809 гг. тринадцать месяцев на Капе. В своих воспоминаниях о Капской колонии Василий Михайлович пишет о встрече с двумя русскими эмигрантами. Один из них, рижанин, служил сержантом в английском гарнизоне Кейптауна. Другой, уроженец Нижнего Новгорода, крестьянин и, вероятно, беглый матрос, Иван Степанович Сезиомов жил в Готтентотской Голландии, на востоке от Кейптауна. В Южной Африке Сезиомов обзавелся семьей, а на жизнь зарабатывал «продажей кур, картофеля, огородной зелени и изюма»[4].

В 1853 году, во время плавания в Японию, Капскую колонию посетил Иван Александрович Гончаров (1812–1891). Он описал свои впечатления от Кейптауна и его окрестностей в знаменитом «Фрегате „Паллада“». Между прочим, в этом произведении есть эпизод, имеющий прямое отношение к русской иммиграции в Южную Африку. Гончаров пишет: «Однажды наши, приехав с берега, рассказывали, что на пристани [в Саймонс-Бее] к ним подошел старик и чисто, по-русски, сказал: „Здравия желаю, Ваше благородие“. – „Кто ты такой? откуда?“ – спросил наш офицер. „Русский, отвечал он, – в 1814 году взят французами в плен, потом при Ватерлоо дрался с англичанами, взят ими, завезен сюда, женился на черной, имею шестерых детей“. – „Откуда ты родом?“ – „Из Орловской губернии“. Но от него трудно было добиться других сведений – так дурно говорил он уже по-русски»[5].

В рассмотренный период иммиграция россиян в Южную Африку носила случайный, спорадический характер и была крайне малочисленной. Россияне еще не хлынули туда, как это произошло в конце XIX века, когда эта территория стала экономически привлекательной для иммигрантов. Впрочем, русская эмиграция в другие страны мира также активизировалась лишь во второй половине XIX века.

Судя по имеющимся свидетельствам, в рассматриваемый период в Капской колонии жили русские крестьяне, ремесленники, бывшие военнослужащие, попавшие на юг Африки, в буквальном смысле, по прихоти судьбы, а не стремившиеся сюда добровольно. Они заводили семьи, изучали местные языки, забывали русский и быстро ассимилировались. Мы здесь имеем дело с индивидуальной и случайной иммиграцией, когда иммигрант всячески стремится избежать конфликта с принимающим обществом, его обычаями, традициями и ценностями, и потому строго контролирует проявления ностальгии. Насколько можно судить по крайне разрозненным и скудным данным, в этот период русские иммигранты в Южной Африке были одиночками, для которых единственным способом выжить в новой, незнакомой и чужой среде было возможно скорое

и прочное слияние с нею. А значит, предпосылки возникновения диаспоры в этот период еще не появились.

Глава 2. Конец XIX–начало XX вв.: период массовой эмиграции из России в Южную Африку

«Во всех странах при начале переворота, когда мысль еще слаба, а материальная власть необузданна, люди преданные и деятельные отъезжали, – писал А.И. Герцен. – Эмиграция – первый признак приближающегося переворота»[6]. Такая ситуация сложилась в России во второй половине XIX века.

В эти десятилетия Российская Империя по уровню экономического развития отставала от важнейших государств Западной Европы. Российские крестьяне получили свободу лишь в 1861 году и сохраняли уклад и способы хозяйствования, характерные для феодального строя. Индустриальная революция в России еще только начиналась. В Российской Империи была законодательно оформлена дискриминация некоторых национальных меньшинств. Усилилось движение за расширение автономии и независимость Польши и Финляндии.

А в Европе уже господствовали капиталистические отношения, свобода предпринимательства, более эффективные методы ведения сельского хозяйства. Фактическая дискриминация по национальному признаку в этих государствах не была закреплена юридически. Поэтому неудивительно, что с 1870-х годов начинает расти эмиграция из России.

Большинство эмигрантов из России составляли представители национальных меньшинств. Например, среди российских подданных, выехавших в эти годы в США на постоянное жительство, 43% составляли евреи, 22% – поляки, 7% – литовцы, 5,2% – немцы, 6,7% – финны и только 15,8% – русские, украинцы и белорусы[7]. Как видно из приведенных данных, очевидно, далеко не полных, эмигрировали, в основном, евреи, поляки, немцы и литовцы. Для этих народов традиционной была «западническая» ориентация, стремление к независимости, нежелание полностью интегрироваться в русское общество. Их представители составили большинство российских эмигрантов и в Южной Африке.

До начала 1890-х годов страны Африканского континента занимали довольно скромное место среди государств, куда устремлялся поток иммигрантов из России. Более того, Южная Африка так никогда и не вошла в число главных стран российской иммиграции. Но, тем не менее, в численном отношении выходцы из нашей страны, особенно русские евреи, в конце XIX – начале XX вв. представляли собой многочисленную и довольно влиятельную группу населения Южной Африки.

Причины выезда из России были традиционны: дискриминация и преследования по национальному и религиозному признакам, экономические трудности, опасность многолетней службы в армии. Но для Южной Африки были характерны и такие важные факторы иммиграции, как открытие богатых золотых и алмазных месторождений и последовавший экономический бум, а также социально-экономические привилегии, которыми здесь пользовались европейские иммигранты как представители «расы господ».

Мы знаем, что россияне жили в Южной Африке уже в первой половине XIX века, но, вероятно, сейчас уже невозможно установить, сколько их было. Первые данные о численности иммигрантов из России появились лишь в 1875 году, когда по переписи в Кейптауне проживало 82 россиянина[8]. Еще больше наших соотечественников поселилось в Трансваале, ставшем в семидесятых годах одним из мировых центров алмазодобычи. По сведениям департамента внешних сношений МИД России, к 1895 г. в Йоханнесбурге, крупнейшем городе Трансвааля, проживало более 4000 российских подданных[9]. В основном, это были русские евреи.

Рост эмиграции из России на юг Африки заставил российское правительство задуматься об открытии дипломатического представительства в Трансваале. Обосновывая необходимость такого представительства, министр иностранных дел М.Н. Муравьев в письме министру финансов С.Ю. Витте сообщал, что к марту 1897 года в Претории, Йоханнесбурге и Крюгерсдорпе проживало до 8000 подданных Российской Империи. Эти эмигранты, в основном, занимались торговлей, причем с таким успехом, что «состояние русских, живущих в Иоганнесбурге, где они составляют десятую часть населения, оценивается в 500000 ф. ст.»[10].

После установления в декабре 1898 г. дипломатических отношений между Российской Империей и Трансваалем внештатным вице-консулом в Претории, столице этой бурской республики, был назначен российский дворянин, инженер Рихард Адольф фон Гернет (1863–1942). За несколько лет до этого он прибыл в Южную Африку в качестве сотрудника электротехнической компании «Сименс и Гальске». Фон Гернет работал в этой компании с 1887 г., сначала в Санкт-Петербурге, потом на Урале, на Кавказе и в Северной Америке[11]. В Трансваале Адольф фон Гернет стал вторым директором местного отделения «Сименс и Гальске»[12].

По сведениям, сообщенным им самим в интервью корреспонденту газеты «Россия», фон Гернет «устроил в Йоханнесбурге чугуноплавильный завод, директорствовал в созданной им компании для эксплуатации железной руды…, но не выдержал тропического климата, заболел воспалением печени, вынес операцию и, послушавшись врачебных советов, уехал поправляться в Европу как раз накануне объявления [англо-бурской] войны»[13]. После отъезда из Африки Адольф фон Гернет работал

горным инженером на приисках в Чили, Китае, Испании, Бельгии, Чехии, а с 1910 года – в Сибири, в том числе на Ленских золотых приисках. После 1920 года он поселился в Германии и, по-видимому, никогда более не возвращался в Южную Африку[14].

В упомянутом интервью фон Гернет довольно точно предсказывал исход англо-бурской войны, характеризовал буров и их тактику, а также отмечал ошибки, допущенные англичанами и не позволившие им закончить войну в короткие сроки. Фон Гернет симпатизировал уйтландерам – иностранным подданным, проживавшим на территории Трансвааля и не имевшим права на получение гражданства этой страны. Вероятно, такое отношение отражало настроения части выходцев из России, поселившихся на территории Южно-Африканской Республики, особенно тех, кто поддерживал прогрессивные западные методы хозяйствования, а не консервативные бурские.

После отъезда Р.А. фон Гернета обязанности российского дипломатического представителя в Претории исполняли подданные Франции и Великобритании – как, впрочем, и в других городах Южной Африки. Незнание внештатными российскими консулами русского языка, российских законов и обычаев мешало им эффективно исполнять свои обязанности и защищать интересы русских подданных, проживавших в подведомственных им округах. После англо-бурской войны предпринимались неоднократные попытки учреждения штатного российского консульства в Южной Африке, но все они остались без результата. При этом, даже по очевидно неполным данным российского МИДа, к 1909 г. число подданных Российской Империи в Трансваале и Капской колонии увеличилось до 20 тысяч[15].

Проблема штатных консульств демонстрировала противоречие между нуждами российских эмигрантов и позицией Министерства иностранных дел России. МИД как будто не реагировало на обращения русских подданных и даже своих представителей в Южной Африке и Лондоне (последние курировали Южную Африку), которые настаивали на необходимости расширения русских консульств на юге Африки и повышении их статуса. Передача российских дипломатических функций французским консулам свидетельствовала о пренебрежении проблемами соотечественников со стороны правительства Российской Империи.

Конечно, до англо-бурской войны открытие штатного консульства в Претории пришлось бы не по душе Англии. В Петербурге опасались ухудшения отношений с Лондоном, и без того напряженных из-за столкновения интересов двух стран в Средней Азии. Но, особенно по окончании войны, дала себя знать и косность внешнеполитической службы России, которая традиционно была ориентирована на достижение геополитических целей государства, а не на защиту своих граждан за рубежом.

Около 250 добровольцев – российских подданных, включая членов санитарных отрядов, участвовали в англо-бурской войне на стороне Транс-

вааля и Оранжевого Свободного Государства[16]. В ноябре 1900 года агент русского Отряда Красного Креста в Южной Африке штабс-капитан А.С. Потапов в докладе управляющему делами Военно-ученого комитета российского Главного штаба коснулся вопроса о российских эмигрантах, поселившихся в бурских республиках. Потапов сообщал, что в Трансваале и Оранжевом Свободном Государстве проживало более 30 000 русских евреев, «большинство которых бежало из наших пределов, спасаясь от воинской повинности»[17]. Также здесь жили тысячи русских, литовцев, поляков и финнов, многие из которых еще в России были завербованы в качестве рабочих на южноафриканские прииски, куда отправлялись за счет работодателей, привлеченные обещанными им высокими заработками.

«Другие приехали за собственный счет для занятия земледелием и торговлей. Так два киевских извозопромышленника имеют большие фермы в окрестностях Brandfort'a, – продолжал Потапов. – Запасной вахмистр лейб-гвардии гусарского Его Величества полка открыл курорт в Warmbad, и так далее. В Кронштадтском округе (district) самый богатый фермер – дворянин Троицкий. Около Претории русский доктор [Людвиг] Тейхман выстроил несколько ферм. Третьи поселились в больших центрах для занятия разными профессиями: доктора, фармацевты, корреспонденты, переводчики, и так далее (наибольший % белых проституток в Южной Африке – русские уроженки)[18]. Большинство русских, проживающих в названных странах, не теряют связи с домом, куда они посылают заработанные ими деньги и после нескольких лет пребывания в Южной Африке обыкновенно возвращаются в отечество»[19].

Очень ценно свидетельство А.С. Потапова о различии между русскими и евреями из России, проживавшими в бурских республиках: «Что же касается евреев, уклонившихся от отбывания воинской повинности, то по прибытии в Трансвааль они получали русский паспорт без всяких затруднений, а по истечении законом установленных сроков для натурализации делались гражданами Южно-Африканской или Оранжевой Республик»[20]. Многие евреи видели в Южной Африке новую родину, место, где они собирались жить до конца своих дней или, по крайней мере, до тех пор, пока социально-политические условия не вынудят их покинуть Трансвааль и Оранжевое Свободное Государство. А русские, судя по отчету капитана Потапова, напротив, изначально считали проживание на юге Африки временным, продиктованным, скорее, экономическими, чем социально-политическими мотивами.

Аналогичные данные приводятся в справке Министерства иностранных дел, подготовленной в январе 1903 г., авторы которой считали главной причиной эмиграции россиян в Южную Африку желание уклониться от воинской повинности. Тем не менее, «следует заметить, что проживающие в упомянутой стране русские подданные не теряют связи с родиной, на что указывают частые обращения их к содействию иностранных консулов, которым поручены русские интересы»[21]. Авторы

справки указывали, что большинство российских эмигрантов в Южной Африке работали не на приисках, а в медицине, торговле и других сферах. Возможно, что многие российские рабочие, завербованные горнопромышленными компаниями, по прибытии на юг Африки находили возможность трудоустройства по другой специальности.

Если говорить об этнических русских, проживавших в Южной Африке в рассматриваемый период, то сведения о них найти довольно сложно – особенно по сравнению с обилием материалов и публикаций о русских евреях. В конце XIX – начале XX вв. среди русских в Южной Африке было мало сколько-нибудь заметных предпринимателей, деятелей политики, культуры, науки. Очевидно, вплоть до 1930-х гг. русские либо ассимилировались в среде африканеров или англичан, либо довольно скоро уезжали. И, наконец, отсутствие «критической массы» русских иммигрантов, чрезвычайная дисперсность их расселения, а также «временный» характер их пребывания в Южной Африке не позволяли местным русским сформировать общину.

Что же касается еврейской иммиграции из России, то в конце XIX – начале XX вв. она стала важнейшим компонентом российской диаспоры в Южной Африке.

Глава 3. Русские евреи в Южной Африке в 1870–1917 годах

До 70-х гг. XIX века в Южной Африке проживало всего несколько десятков евреев–носителей идиша, включая выходцев из России. Эмиграция из Российской Империи усилилась после 1881 г., когда по черте оседлости прошла череда крупных погромов. Многих еврейских эмигрантов привлекло в Южную Африку открытие золотых месторождений Трансвааля в 1886 году. Большинство русских евреев приезжали сюда из Литвы (Ковенская, Виленская, Гродненская губернии) и Белоруссии (Витебская, Могилевская, Минская губернии).

Они бежали от голода, безработицы, перенаселенности, многолетней военной службы, религиозной нетерпимости, угрозы погромов, депортации, лишения земли. Родители стремились дать своим детям хорошее образование, что в царской России стало почти невозможным из-за резкого сокращения приема евреев в средние и высшие учебные заведения с 1886–87 годов. Доступ еврейских детей в государственные школы был также ограничен, а значит, продолжение светского обучения было доступно только тем семьям, которые могли платить за частную еврейскую школу. Кроме того, в черте оседлости нередки были пожары, оставлявшие сотни людей без крова и средств к существованию. Например, от пожаров в конце XIX века страдала Ковенская губерния, откуда в Южную Африку эмигрировало больше всего российских подданных.

Увеличение притока евреев из России в Южную Африку привело к тому, что уже в 1894 г. в Капском парламенте впервые рассматривался вопрос об ограничении этой иммиграции. Два года спустя евреи составили одну десятую населения Йоханнесбурга[22]. В 1895 г. в Трансваале проживало несколько сот русских евреев – приказчиков, владельцев ресторанов, баров, магазинов[23].

Русские евреи объединялись в землячества, которые выполняли функцию благотворительных обществ или касс взаимопомощи для своих членов и собирали пожертвования для еврейских общин на родине. Некоторые из этих землячеств даже устраивали в Южной Африке молельные дома, где службы велись по обычаям, распространенным в черте оседлости.

Уже в конце XIX века в южноафриканских городах появились районы компактного проживания русских евреев, где царила атмосфера литовских, белорусских и латвийских местечек. Евреи из России выпускали печатные издания на идиш, организовывали курсы английского языка для вновь прибывших и сбор средств в пользу жертв погромов. Поскольку в среде русских евреев на рубеже веков был очень популярен сионизм, он стал активно распространяться и в Южной Африке. Вскоре здесь появились сионистские общества. Увеличивалось влияние евреев из Российской Империи в разных сферах жизни южноафриканского общества. Например, в начале XX века мэром Кейптауна стал Хайман Либерман, уроженец польского города Сувалки, первый еврей, занявший такой высокий пост в этом городе.

Каким образом евреи из России попадали в Южную Африку? Во многих случаях, этот поток являлся побочным продуктом эмиграции в Англию или США. Прибыв в британские порты, российские евреи узнавали о широких возможностях, открывающихся на юге Африки, и отправлялись туда попытать счастья. Это было особенно характерно для 1870–1880-х гг., периода алмазной и золотой лихорадки и последовавшего экономического бума в Капской колонии и бурских республиках. Впрочем, некоторые из тех русских евреев, кто эмигрировал в Северную Америку, после долгих мытарств перебирались в Южную Африку в надежде найти там больше возможностей для достойной жизни.

На резкое увеличение еврейской иммиграции из Литвы повлиял феноменальный успех южноафриканских миллионеров Сэмми Маркса (1844–1920) и Исаака Льюиса (1849–1927). Они родились в уездном городе Владиславове Сувалкской губернии (современное название – Кудиркос-Науместис) и эмигрировали в Южную Африку через Англию. Партнеры стали одними из первых владельцев участков на алмазном месторождении в районе Кимберли, а затем основали успешные предприятия в сфере горной и пищевой промышленности, тяжелой металлургии и сельского хозяйства.

Марксу и Льюису принадлежал первый в Трансваале завод по изготовлению спиртных напитков. Они первыми в стране начали производить кирпичи и черепицу, а также участвовали в строительстве первой в республике электростанции. Маркс и Льюис были одними из основателей таких важных южноафриканских компаний, как «Саут Эфрикэн Брюэриз», «Энгло-Фаал» и «Де Бирс». В южноафриканском городе Феринихинг, основателями которого считаются Льюис и Маркс, до сих пор действуют построенные ими предприятия.

К концу XIX в. Маркс и Льюис стали одними из самых богатых людей в Южной Африке. Их фирма даже предоставила правительству ЮАР кредит на огромную по тем временам сумму – 100 000 фунтов стерлингов[24]. Сэмми Маркс был другом и советником президента Трансвааля Поля Крюгера и сыграл большую роль в подготовке договора между Великобританией, Трансваалем и Оранжевым Свободным Государством, положившего конец англо-бурской войне 1899–1902 годов. После образования Южно-Африканского Союза в 1910 г. Сэмми Маркс был избран в парламент этого нового британского доминиона и стал сенатором.

Детство, проведенное в России, на всю жизнь привило Марксу ненависть к царизму. Когда Россия понесла поражение от японцев при Порт-Артуре, Сэмми Маркс заявил: «Я не минуты об этом не сожалею»[25]. Он с энтузиазмом предсказывал революционные события, которые последовали за этим поражением. Тем не менее, он не забывал о своей малой родине и отправлял своему отцу в Литву деньги на благотворительные цели. Льюис и Маркс финансировали строительство школы для бедных и сирот во Владиславове и выделили около 1000 фунтов на реставрацию местной синагоги, что для литовского городка было громадной суммой.

Успех Маркса и Льюиса стал наглядным примером для тысяч русских евреев, которые вслед за предприимчивыми партнерами устремлялись за пределы России в поисках счастья и больших возможностей. В результате только в 1884 г. из Владиславова, родного города Маркса и Льюиса, эмигрировало 200 человек, большинство – в Африку[26].

Литовские евреи расписывали прелести жизни в Южной Африке в прессе и частной переписке. В России эти статьи и письма обсуждались всей общиной. Многие эмигранты «имели не только кусок хлеба для себя, но еще посылали деньги домой, на далекую родину, чтобы поддержать существование жены и детей, помочь бедным родителям, пристроить сестру, брата, родственника, – отмечал современник. – Особенно хорошо зарабатывали ремесленники»[27]. Были такие, кто, заработав денег, возвращался в Россию со сбережениями, которые местечковым евреям казались сказочными. К тому же, вплоть до начала англо-бурской войны 1899–1902 гг. на всей территории Южной Африки не действовало никаких ограничений на иммиграцию европейцев, кроме краткого периода в 1897 году[28]. Российское Еврейское колонизационное общество даже вы-

пустило в начале XX века подробный справочник для эмигрантов, собиравшихся отправиться в Южную Африку[29].

Поэтому к началу XX века в Литве, особенно в Ковенской губернии, разговоры об эмиграции на юг Африки стали довольно популярны. Для литовских евреев Южная Африка как страна эмиграции занимала второе место по популярности после США[30]. В 1881–1910 гг. в Южную Африку выехало около 40 000 евреев из Восточной Европы, в подавляющем большинстве – российские подданные.

Но не только предпринимателям Марксу и Льюису удалось добиться успеха в Южной Африке. Например, до Первой мировой войны практически единственным ученым-химиком в Йоханнесбурге был выпускник Московского университета Александр Хейманн (1867–1922)[31]. Крупным издателем и журналистом в Натале, основателем одной из первых бурских газет и пропагандистом языка африкаанс был Джошуа Ретински Гершензон (1834–1912), уроженец Екатеринослава.

Сюда тянулась бессемейная молодежь, мужчины, а значит, еврейская иммиграция в этом регионе была, как правило, индивидуальной[32]. В 1904 г. процентное соотношение количества евреев и евреек в Южной Африке составляло два к одному[33]. Молодые люди планировали заработать денег, а затем вернуться домой в Россию, но, в конце концов, большинство из них оставались жить в Южной Африке – слишком благоприятными были здесь социально-экономические условия и отношение местного населения, особенно по сравнению с положением в черте оседлости. Обосновавшись на новом месте, найдя жилье и работу, мужчина выписывал себе из России жену и детей, а нередко и невесту. Иногда браки заключались в первый же день по прибытии невесты в Южную Африку.

Важной особенностью иммиграции в Южную Африку было отсутствие потребности в дешевой белой рабочей силе. Иммигранты из Европы не могли устроиться подсобными рабочими или помощниками в хозяйстве, как, например, в Америке. Белые южноафриканцы считали эти занятия ниже своего достоинства, и такая работа была уделом черных, цветных или индийцев[34].

Многие евреи из России в Южной Африке становились коробейниками в отдаленных сельских районах страны (так называемые «шмусы»), подобно бродячим торговцам в литовских местечках. Другие открывали лавки в городах и поселках. Эти магазинчики устраивались по местечковому образцу и поначалу были непривычны местным жителям. Но самое главное – русские евреи выступали в роли посредников между англоязычным городом и бурской деревней. Это было очень важно для тогдашней южноафриканской экономики, поскольку такое звено практически отсутствовало до начала массовой еврейской иммиграции.

«Голландские поселенцы, – писала в то время одна из русских еврейских газет, – принимают еврея-разносчика самым дружелюбным обра-

зом. Благодаря ему фермеру не приходится ездить в город за всем нужным и напрасно терять драгоценное время. Еврей тоже доволен: за свои товары он получает овец, кожу, земледельческие продукты, которые продает потом в городе. Фермы эти отстоят на большом расстоянии одна от другой, и таскаться на лошадях по целым дням под палящими лучами африканского солнца – дело далеко не легкое, но наш русский еврей ко всему привыкает и готов все делать, лишь бы честно заработать кусок хлеба»[35]. Профессор Ричард Мендельсон из Кейптаунского университета отмечает, что еврейские торговцы в конце XIX века сыграли важнейшую роль в коммерциализации южноафриканской деревни[36].

Южноафриканская писательница Сара Гертруд Миллин, родившаяся в Литве и в детском возрасте привезенная в Трансвааль, писала, что когда первые евреи из России в 1880-е годы приезжали к бурам, те принимали их очень гостеприимно. «Буры считали евреев старшими братьями», – отмечала Миллин[37]. Африканеры глубоко чтили Ветхий Завет и уважали «богоизбранный народ».

Дело в том, что бурская национальная мифология формировалась под влиянием Ветхого Завета. Исход евреев из Египта и обретение Земли обетованной африканерские идеологи сравнивали с Великим треком, исходом буров из Капской колонии в 1830-е годы, и обретением новой родины в Трансваале и Оранжевом Свободном Государстве. Переход евреев через Красное море был аналогом переправы африканеров через реку Вааль в поисках обетованной земли. Евреи боролись с язычеством в стране дикарей, и африканеры несли свет христианства в земли, населенные «черными варварами».

К началу XX века в Южной Африке российские евреи по численности превзошли евреев из других стран. Выросшие в жалких местечках и еще не отошедшие от ужасов погромов, в Южной Африке они обретали невиданную прежде свободу. Они писали домой о широких возможностях, открывавшихся в этом далеком краю, и родственники следовали за ними. Многие евреи из России селились по соседству с бурами, покупали землю, занимались торговлей и сельским хозяйством. Они довольно легко овладевали языком африкаанс, поскольку он близок идишу. Случались даже браки между русскими евреями и бурами.

Одновременно в Южную Африку начали стекаться и евреи из Западной Европы, особенно из Великобритании, Германии и Австрии. Западноевропейские евреи считали естественными те свободы, которые предоставляли им правительства бурских республик, и поддерживали требование об ускорении предоставления гражданства уйтландерам. Они селились в крупных городах, преимущественно в Йоханнесбурге, занимались биржевыми спекуляциями, добычей золота и алмазов, крупной торговлей.

А евреи из экономически более отсталой России тянулись к бурам с их полуфеодальным хозяйством и, в общем, интересовались не полити-

кой, а своими личными бытовыми проблемами. Они протестовали, да и то в умеренной форме, только когда власти вмешивались в собственно еврейские дела. По сравнению с дискриминационными порядками, царившими тогда в России, русским евреям казалось превосходным их положение в бурских республиках. Соответственно, эмигранты из Российской Империи были, по большей части, лояльны по отношению к властям Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства.

Однако уже во время англо-бурской войны многие преуспевающие евреи из России считали британскую политико-экономическую систему более прогрессивной и сочувствовали британской армии. Об этом же свидетельствует подпоручик Е.Ф. Августус, добровольцем отправившийся в Трансвааль и воевавший на стороне буров: «Благодаря щедрости правительства симпатии евреев были всецело на стороне буров, хотя, например, почтенный Абрамович, у которого Ганецкий [командир отряда русских добровольцев] заказал русский национальный флаг и такие же трехцветные кокарды к шляпам, втихомолку уже выкраивал английский „Union Jack“, предвидя занятие Претории в недалеком будущем английскими войсками… Евреям, все больше выходцам из России, вообще жилось недурно в Трансваале»[38]. Августус сообщает, что многие из них поставляли трансваальскому правительству военное обмундирование и снаряжение. Впрочем, многие русские евреи в бурских республиках не симпатизировали ни одной из сторон в вооруженном конфликте и пытались уклониться от участия в боевых действиях, ссылаясь на свое российское подданство[39].

На стороне бурских республик в 1899–1902 гг. сражалось, по некоторым данным, 198 русских евреев, многие из которых были ранены или погибли[40]. В книге А.Б. Давидсона и И.И. Филатовой «Русские и англобурская война»[41] приводятся имена некоторых из них – например, Германа (Хаима Давида) Юделовича, легендарного бурского солдата по прозвищу «Русский Мятежник». В бурской армии прославились разведчики Шакал и Волк, литовские евреи Йозеф Сигал и Вольф Якобсон, воевавшие под началом генералов Дж. Герцога и К. де Вета[42].

На стороне буров сражался и дед нынешнего министра правительства ЮАР Ронни Касрилса, Натан Касрилс, ярый противник британского империализма и Сесила Родса. У Касрилса-старшего после войны хранилось удостоверение «снайпера и разведчика», выданное ему бурским генералом К. де ла Реем[43]. Внук Натана, Ронни Касрилс, в некотором смысле, продолжает дело своего деда, поскольку в настоящее время занимает должность начальника южноафриканских спецслужб.

Русские евреи, жившие в Южной Африке, хорошо отнеслись к российским добровольцам. Евреев не принимали в Русский отряд, организованный в Трансваале в 1900 г., но либавскому гимназисту Грюнштейну все же удалось к нему присоединиться, и он сражался бок о бок с русскими добровольцами[44]. А русскому санитарному отряду в Трансваале

помогал Бенсион Аарон (1867–1912), директор компаний и друг президента Крюгера[45]. Во время англо-бурской войны Аарон организовал Еврейскую бригаду скорой помощи из более 60 врачей и санитаров, которая спасла жизни десятков раненых. По словам работников русского санитарного отряда, Аарон по отношению к ним был «воплощением доброты». На свои собственные средства он приобретал медикаменты и оборудование. После захвата Претории, по просьбе британских властей, Аарон продолжил работу бригады.

И все же на стороне англичан воевало больше евреев, чем на стороне буров. В составе бурских армий в ту войну находилось около несколько сот евреев, а в рядах британской – более двух тысяч. Правда, неизвестно, какую часть из них составляли евреи из России – жители Южной Африки. Однако, о том, что среди британских солдат были и российские евреи, свидетельствуют воспоминания Марии З., приехавшей в Трансвааль, чтобы отыскать своего мужа – русского добровольца. Ей удалось бежать из английского плена, подкупив конвоира: «…Оказалось, что он русский еврей и сражается в [британской] армии как доброволец»[46].

Основная часть русских евреев в Южной Африке не принимала участия в военных действиях. Около десяти тысяч евреев из России перебрались в более безопасные уголки Южной Африки, подальше от боев. Многие русские евреи, в основном те, кто оставил на родине семьи, в 1899–1902 гг. пытались уехать в Россию, предвидя затяжной характер войны. В те годы из Южной Африки на родину вернулось около трех тысяч русских евреев[47].

Благодаря сведениям о евреях из России, высланных британскими властями во время англо-бурской войны как нежелательные лица, можно составить представление о роде занятий и доходах русских евреев на юге Африки в конце XIX века. Большинство из этих эмигрантов приехали в Южную Африку в 1895–1898 гг., жили поденным заработком, работали извозчиками, приказчиками, сапожниками, портными, каменщиками, кузнецами. Некоторые трудились на золотых приисках или на фабриках. Были и более состоятельные люди: владельцы лавок, закусочных, питейных заведений[48].

По окончании англо-бурской войны в Южную Африку вновь устремился поток иммигрантов. Те, кто покинул Южную Африку во время войны, стремились вернуться назад. Другие, скопив денег на билет, отправлялись в европейские порты, чтобы там сесть на корабль и пуститься в плавание к южноафриканским берегам. Для тех российских эмигрантов, кто в первые годы после англо-бурской войны оказался в Великобритании, существенным аргументом в пользу переезда в Южную Африку, вероятно, стала кампания по стимулированию иммиграции европейцев, организованная лордом Альфредом Мильнером, губернатором Трансвааля.

Даже несмотря на то, что в 1906–1910 годах иммиграция в Южную Африку резко сократилась из-за экономического спада и засухи, к 1911 году выходцы из России составляли около 9% белого населения страны[49]. Правительство образованного в 1910 году Южно-Африканского Союза, в который вошли Капская провинция, Наталь, Трансвааль и Оранжевое Свободное Государство, в принципе подтвердило свою заинтересованность в европейской иммиграции не только для развития экономики страны, но и для сокращения количественного разрыва между черными и белыми жителями Южной Африки[50]. И хотя новое правительство уже не вело целенаправленной кампании по привлечению иммигрантов, тем не менее, официально оно не возводило никаких преград на пути законопослушных белых, желавших поселиться в ЮАС.

Большинство русских иммигрантов по-прежнему проживало в Йоханнесбурге. Французский генеральный консул в Йоханнесбурге, заведовавший в то время делами российского вице-консульства, считал, что 90% россиян в Южной Африке были евреями[51].

Южноафриканские социолингвисты Л. Лэнем и К. Макдональд отмечали, что в Южной Африке начале XX века евреям из Восточной Европы мешали достичь успеха их низкий статус среди белого населения, особенно англичан, и отсутствие «социокультурной компетентности», необходимой для занятия желаемого места в обществе. Большинство восточноевропейских иммигрантов на первых порах не владели английским и африкаанс и казались англоязычным южноафриканцам настолько чуждыми, что заслужили уничижительное прозвище «перуанцы»[52]. В его основе – название еврейского клуба «Peruvian», существовавшего в Кимберли в первые годы алмазной лихорадки.

Тем не менее, в эти годы некоторым российским евреям удалось достичь важных успехов в легкой, пищевой и мебельной промышленности, торговле и сельском хозяйстве Южной Африки. В этих сферах русские евреи могли применить навыки, приобретенные на родине, и начать свое дело без значительного стартового капитала и высококвалифицированного персонала. Именно поэтому никто из первого поколения российских евреев Южной Африки, за исключением Маркса и Льюиса – пионеров сталелитейной индустрии, не преуспел в более ресурсоемких отраслях, таких, как тяжелая и горная промышленность.

Глава 4. Россияне в Южной Африке в 1920–30-е гг.: последствия интеграции

Послереволюционная волна русской эмиграции была вызвана, прежде всего, социально-политическими и идеологическими, а не экономическими, причинами. Эхо этой волны докатилось до Южной Африки толь-

ко в конце 1920-х – начале 1930-х гг. В первые годы после революции и Гражданской войны русские эмигранты селились в странах, расположенных в непосредственной близости от границ бывшей Российской Империи.

К концу 1920-х гг. стало ясно, что власть большевиков укрепилась, а иностранные правительства начали сотрудничество с Советским Союзом. Русские эмигранты послереволюционной волны начали терять надежду на скорое возвращение на родину. Они уезжали еще дальше от российских границ и даже на другие континенты – в США, Канаду, страны Южной Америки. Основной причиной этой повторной эмиграции были экономические соображения: поиск лучших условий труда, возможности работы по специальности, стремление к более высоким заработкам.

До Южно-Африканского Союза добирались очень немногие из этих эмигрантов. В двадцатые годы, когда в Южной Африке не существовало ограничений на иммиграцию из стран Восточной Европы, русские эмигранты продолжали верить в недолговечность большевистской власти на родине и не решались отправиться в далекие страны. В то же время в 1930-е гг., когда началась активная реэмиграция русских из Европы, южноафриканское правительство значительно ужесточило иммиграционное законодательство.

Власти ЮАС стремились ограничить поток прибалтийских и германских евреев, но их действия не могли не сказаться на других иммигрантах из Восточной Европы, в том числе и на русских. Например, есть сведения, что, по крайней мере, с 1935 года южноафриканское посольство в Париже отказывало в разрешении на постоянное жительство в ЮАС владельцам нансеновских паспортов. Представительства Южной Африки в Берлине, Риме и Гааге тоже придерживались этой практики[53]. Десятки тысяч русских эмигрантов в Европе не могли или не хотели отказываться от российского подданства, и поэтому основным удостоверением личности для них были именно нансеновские паспорта.

В эти годы в ЮАС поселились лишь очень немногие русские, в основном, те, у кого было гражданство стран Западной Европы. Южная Африка оставалась далеко на периферии русской эмиграции. В то же время, в 1920-е и начале 1930-х гг. сюда активно иммигрировали другие выходцы из бывшей Российской Империи – прибалтийские евреи, поляки и финны.

Среди российских эмигрантов на юге Африки были и такие, кто желал не просто обрести приют или попытать счастья, но и коренным образом изменить принявшее их общество. Конечно, социалисты из России приезжали в Южную Африку еще до 1917 года. А.Б. Давидсон отмечал, что в ЮАС среди наших соотечественников «был особенно высок процент „нежелательных иммигрантов“; 15% всех иммигрантов, объявленных „нежелательными“ в 1913 г., прибыли из России… Выходцы из

России привозили социалистические идеи, опыт первой русской революции, да и просто рассказами о своей далекой стране вызывали интерес к тому, что в ней происходило… Во время революции 1905–1907 гг. в городах Южной Африки проходили митинги солидарности, а газеты были полны сообщениями о событиях в царской империи»[54]. Но после Октябрьской революции деятельность социалистов в Южной Африке активизировалась. Те недавние эмигранты из России, которые разделяли убеждения местных коммунистов, могли рассчитывать на их радушный прием и поддержку.

Одним из деятельных пропагандистов социализма стал Михаил Яковлевич Вольберг (Вельмонт; 1891–?), который приехал в Южную Африку в начале Первой мировой войны. Он успешно занимался предпринимательством и к октябрю 1917 г. уже возглавлял акционерное общество в Йоханнесбурге. Но, как выяснилось, бизнес для Вольберга был всего лишь ширмой, и он тайно участвовал в деятельности левых организаций. Воспользовавшись приездом двух советских граждан, М.Я. Вольберг принес в жертву свое общественное положение и устроил мощную пропагандистскую акцию в поддержку южноафриканской Интернациональной социалистической лиги.

В марте 1919 г. ему удалось добиться предоставления главного зала Городского совета Йоханнесбурга якобы для проведения лекции об ужасах большевизма «под высоким покровительством мэра города мистера [Т.Ф.] Аллена, императорского российского консула [Ф.Дж. Мура]». На самом деле, ораторы из России поведали шеститысячной аудитории о преимуществах социалистического строя и о неизбежности краха капитализма. Собрание закончилось пением «Интернационала» и спровоцировало многочисленные забастовки в стране[55].

Вольбергу и его советским друзьям пришлось покинуть Южную Африку. После долгих скитаний он вернулся в Россию и в начале 1920 г. представил Коминтерну доклад о своей деятельности на юге Африки. Дальнейшая судьба Вольберга неизвестна.

Сильный резонанс получила деятельность «Еврейской группы», входившей в прокоммунистическую южноафриканскую Интернациональную социалистическую лигу. Группа, состоявшая преимущественно из русских евреев, проводила собрания, митинги и демонстрации[56]. Ее главным соперником была группа «Поалей Сион», появившаяся в 1919 году. Члены этой организации отстаивали традиционные ценности российских евреев (острое этническое самосознание, поддержка сионизма как стремления основать еврейское государство в Израиле), но в отличие от южноафриканских сионистов, «Поалей Сион» выступал против расовой дискриминации. В поисках компромисса между еврейским национализмом и социалистическим универсализмом эта группа пыталась сотрудничать как с Интернациональной социалистической лигой, так и с южноафриканской Сионистской федерацией. К 1921 г. группа «Поалей Си-

он» перестала существовать, а ее самые радикальные члены вступили в южноафриканскую компартию.

В 1929 г. зародилась еще одна политическая организация русских евреев – «Идишер Арбетер Клуб» (Еврейский рабочий клуб), который поддерживал тесные связи с компартией ЮАС. «Идишер Арбетер Клуб» выступал в защиту борьбы черного пролетариата ЮАС и против сионизма. Члены Клуба полагали, что сионисты «мертвой хваткой» держат южноафриканское еврейство и не дают еврею осознать себя частью рабочего класса. По их мнению, сионизм – это разновидность буржуазного шовинизма, с которым надо было вести непримиримую борьбу. «Идишер Арбетер Клуб» распался к 1948 году.

Создание Еврейской автономной области в Советском Союзе нашло отклик и среди русских евреев в Южной Африке. В 1932 г. здесь было образовано общество содействия расселению еврейских рабочих на землях СССР – «Африканер Гесерд». Оно ставило своей целью оказание материальной и моральной поддержки еврейскому социалистическому строительству в Биробиджане[57]. «Африканер Гесерд» издавало газету «Гесердворт», которая пропагандировала советский образ жизни и эмиграцию в Еврейскую автономию. При «Африканер Гесерд» было организовано молодежное движение «Югенд Гесерд», единственное антисионистское молодежное движение в Южной Африке. Но оно оказалось малоэффективным и к середине 1930-х было распущено.

Многие организации русских евреев в Южной Африке имели социалистическую или прокоммунистическую направленность. Но, хотя среди южноафриканского еврейства выходцы с территории бывшей Российской Империи составляли большинство, эти объединения не смогли конкурировать с крупными еврейскими организациями страны, созданными сионистами. Во-первых, распространению социалистических, пролетарских по своей сути, идей мешал рост «вертикальной мобильности» и благосостояния южноафриканского еврейства. Во-вторых, дети русских евреев в Южной Африке по тем же социально-экономическим причинам не видели необходимости в особых организациях выходцев из России и считали их пережитками эмигрантского прошлого. К тому же, после окончания Второй мировой войны в ЮАС активизировалась деятельность сионистских молодежных движений, апеллировавших ко всем евреям страны, включая детей русских евреев. Заключение пакта Молотова–Риббентропа, вызвавшее волну негодования в еврейских кругах страны, углубило кризис левой идеологии в ЮАС. Новую жизнь она получила только с ростом просоветских симпатий в годы Второй мировой войны.

С начала 1920-х годов в ЮАС наблюдался резкий рост иммиграции уроженцев России, Литвы, Латвии и Польши. К тому времени на территории всех прибалтийских республик закончилась гражданская война. Завершился и советско-польский вооруженный конфликт. Впервые с на-

чала Первой мировой войны жители этого региона, желавшие эмигрировать в Южную Африку, получили такую возможность. Из шести дореволюционных губерний, которые являлись главными источниками российской иммиграции в ЮАС, Ковенская оказалась в составе независимой Литвы, а Виленская и Гродненская – в составе Польши. Что касается Витебской, Могилевской и Минской губерний, то их территории вошли в Белорусскую ССР, поэтому эмиграция оттуда практически прекратилась. Между тем, послевоенная разруха в Прибалтике и приход к власти в Литве и Латвии откровенно профашистских лидеров привели тому, что сотни жителей этих стран, прежде всего, евреи, устремлялись за рубеж. Южная Африка оставалась для них одним из самых популярных направлений эмиграции. В 1924 г. в ЮАС российские евреи составили около 90% еврейских иммигрантов из Восточной Европы[58].

Хотя вопрос об ограничении еврейской иммиграции впервые рассматривался в парламенте Капской колонии еще в 1894 г., правительства Капской колонии, Наталя, бурских республик, а позднее и ЮАС официально не предпринимали попыток поставить барьер на пути иммигрантов-евреев. Неофициальные распоряжения и инструкции министерства иностранных дел, призванные сократить поток русских евреев, появились уже в 1920 г., но не принесли ожидаемого эффекта[59].

Коренной перелом в иммиграционной политике южноафриканских властей пришелся на конец 1920-х годов. Принятие «Закона об иммиграционных квотах» в 1930 году было вызвано не только ростом социальной напряженности и безработицы в стране, но и обращением правящих кругов страны к евгенике. Во всем мире пик популярности этой «науки о человеческой наследственности» пришелся как раз на 1920–30-е годы. В этот период евгеника оказала значительное влияние на иммиграционное законодательство Великобритании, Канады, Австралии, США, Бразилии, Аргентины и Мексики.

Евгенисты утверждали, что представители некоторых народов – например, евреи, – могут «испортить кровь и плоть» коренных европейских этносов Южной Африки[60]. Страна нуждалась далеко не во всех белых иммигрантах, а только в евгенически чистых. Сторонники закона о квотах считали, что евреи не способны ассимилироваться в среде южноафриканских белых[61] и только усложняют и без того непростые отношения между англичанами и африканерами. Все это, по их мнению, наносило вред престижу белых южноафриканцев среди черного населения страны. Кроме того, они придерживались мнения, что евреи, особенно прибалтийские, не способствуют росту производства в стране и «паразитируют» на коренных южноафриканцах.

Закон 1930 года вводил квоты на въезд иммигрантов из «нежелательных» стран, прежде всего, восточноевропейских государств. Были введены более строгие требования к документам, удостоверяющим личность иммигранта. Эти меры привели в начале 1930-х годов к резкому

сокращению иммиграции из Восточной Европы, в том числе с территории бывшей Российской Империи. Если в 1929 году сюда приехало 1379 литовских евреев, то в 1933-м – 237, а в 1938-м – 91. Квоты по Литве и Латвии исчерпывались уже к концу января каждого года[62].

Тем временем экономическое благосостояние и влияние южноафриканской еврейской общины значительно выросли. В 1921–1945 гг. она занимала второе место в мире после американской по финансированию сионистского движения в Палестине[63]. Это значит, что индивидуальные взносы южноафриканских евреев в этот период были больше, чем во всех прочих крупных еврейских общинах мира. Лишь после Второй мировой войны еврейство Южной Африки уступило по этим показателям общинам Великобритании, Канады и Латинской Америки. В 1946–66 гг. взносы южноафриканских евреев составили $38 757 000, а американских – $764 572 000, но при этом еврейская диаспора в США численно превосходила южноафриканскую в 50 раз[64].

В 1936 г. 43% южноафриканских евреев проживало в Йоханнесбурге[65]. Еще в 1921 г. каждый седьмой житель этого крупнейшего города страны был евреем[66]. Знаменитая южноафриканская романистка С.Г. Миллин писала: «В общем и целом, в Йоханнесбурге евреям живется лучше, чем в любом другом уголке мира».[67] Крупнейшие газеты Южной Африки на первых страницах публиковали поздравления с еврейскими праздниками, а торги на бирже в эти дни не проводились.

После Первой мировой войны многие российские евреи, приехавшие в Южную Африку во второй половине XIX–начале XX в., достигли больших успехов в сфере экономики, науки и культуры. Например, первым предпринимателем, занявшимся торговлей национальным южноафриканским напитком, целебным травяным чаем ройбос, стал Бенджамин Гинзберг (Вениамин Гюнзберг) из Динабурга, нынешнего Даугавпилса[68]. Сегодня этот чай не только продается по всей ЮАР, но и экспортируется в Европу, США и Японию.

Другим российским иммигрантом, разбогатевшим в Южной Африке, был Исайя Гиршон, основатель компании «Америкен Суис Уоч Компани», которая и по сей день является одной из крупнейших розничных фирм по торговле ювелирными изделиями в этой стране.

Первую табачную фабрику в Южной Африке основали уроженцы Ковно – двоюродные братья Натан Канард (1855–1941) и Рафаэль Германн (1855–1922)[69].

Российский иммигрант, друг Т.А. Эдисона, Германн Поляк (1888–1950) одним из первых в Южной Африке организовал продажу граммофонов. В 1920–30-е гг. фирма Г. Поляка, имевшая несколько тысяч дилеров по всей стране, одной из первых в ЮАС занялась продажей радиоприемников, холодильников и посудомоечных машин, а также представляла интересы важнейших звукозаписывающих компаний мира[70].

«Королем кукурузы» в Южной Африке называли выходца из Ковенской губернии Эзраеля Лазаруса (1880–1946)[71]. В первые десятилетия XX века от был крупнейшим в стране производителем кукурузы и зерновых. Перед Первой мировой войной Лазарусу принадлежало более 20 000 акров сельхозугодий и 10 000 голов скота. На его фермах ежегодно выращивали 10 500 тонн кукурузы, а также картофель, пшеницу, тыкву.

Другого российского эмигранта, Макса Роуза (1864–1951), в Южной Африке называли «королем страусовых перьев». Он владел 30 000 птиц и являлся самым крупным в стране поставщиком страусового мяса и перьев[72].

Одна из самых легендарных личностей в истории российской эмиграции в Южную Африку – Исаак Охберг (1879–1938), уроженец Киева[73]. В 1921 г. этот преуспевающий торговец древесиной из Капской провинции привез в ЮАС более 200 еврейских детей, оставшихся без родителей из-за погромов и Гражданской войны. Для этой цели пожертвовали средства Южноафриканский фонд помощи евреям-жертвам войны и упоминавшийся выше магнат Исаак Льюис. Сироты из России были направлены в еврейские детские дома Кейптауна и Йоханнесбурга.

Среди русских евреев в Южной Африке было несколько известных в стране геологов. Соломон Рабинович (1880–1947) открыл алмазные месторождения в Намакваленде, на северо-западе страны. Вульф Карлис (1851–1937) в 1920-е годы участвовал в открытии и разработке аллювиальных месторождений алмазов в Западном Трансваале и Танганьике. После англо-бурской войны он основал одно из первых поселений для белой бедноты на берегах реки Моой в Натале, где проживало около трехсот бурских семей[74].

Первый южноафриканский психоаналитик, ученик И.П. Павлова, Вульф Сакс (1893–1949) родился в Литве. Предвидя распространение антисемитизма в Европе, Сакс поселился в ЮАС. Самый известный труд этого ученого – монографии «Черный Гамлет» (1937) и «Черный гнев» (1947), первый в истории психологии отчет о применении методов психоанализа к африканцу. Сакс бросил вызов расистским догмам, утверждая, что внутренний мир черного южноафриканца гораздо сложнее, чем это представляется европейскому обывателю. Он заявлял, что психика представителей разных рас принципиально не отличается[75]. Материалы для этого исследования В. Сакс собрал во время работы в психиатрической больнице Претории.

Несмотря на рост антисемитизма в стране, особенно перед Второй мировой войной, русским евреям удалось добиться успеха и в политике. Макс Льюис Маркус, приехавший в ЮАС из Литвы, в 1931 г. стал мэром Питерсбурга, крупнейшего города на северо-востоке страны[76]. Моррис Кентридж (Канторович; 1881–1958) был членом парламента ЮАС в 1914–1920 и 1924–1957 гг., выступал против дискриминации евреев и за принятие законов о социальной защите населения, а с 1917

г. занимал один из руководящих постов в Южноафриканской сионистской федерации[77]. Другой российский эмигрант, депутат парламента Хаймен Давыдов, боролся за равную оплату труда вне зависимости от цвета кожи[78].

Русские евреи внесли вклад и в южноафриканское искусство. В 20–30-е гг. одними из самых знаменитых художников ЮАС считались Герберт Владимир Мейерович, скульптор, основатель Школы прикладного искусства Кейптаунского университета; Липпи Липшиц, скульптор, ученик Антуана Бурделя; и живописец Вольф Кибел. Крупнейшая южноафриканская романистка этого периода – Сара Гертруд Миллин (1899–1968), внучка литовского еврея Исайи Либзона.

Несмотря на то, что среди иммигрантов с территории бывшей Российской Империи в Южной Африке русские составляли меньшинство, даже в этой сравнительно небольшой группе были люди, которым удалось добиться значительного успеха в этой стране. Например, в ЮАС жили два крупных русских геолога – П.Е. Ковалев и П.С. Назаров.

Первый из них, статский советник Павел Евлампиевич Ковалев (1878–1950), уроженец Ярославля, вплоть до 1917 года занимал в России должность советника министра торговли и промышленности и начальника отделения Горного департамента[79]. В Южную Африку ученый приехал в 1921 году из Великобритании, вероятно, по контракту с горнодобывающей компанией[80]. В ЮАС Павел Евлампиевич считался авторитетным специалистом по металлам платиновой группы, опубликовал ряд научных трудов.

Писатель А. Конан Дойл встречался с Ковалевым во время своего путешествия по Южной Африке в 1928 году. В последние годы жизни великий англичанин увлекался спиритуализмом и даже написал несколько книг по этой теме. Ковалев оказался его единомышленником, «который четко представляет себе этот предмет, что встречается редко, и согласен со мной в том, что [спиритуализму] суждено произвести переворот в человеческом мышлении и разрушить материализм, который был и остается причиной всех наших бед и истребит нас, если только мы не найдем ему противоядие»[81].

Очевидно, Ковалев придерживался антиматериалистических убеждений, глубоко чуждых идеологии, которая в те годы господствовала у него на родине. Тем не менее, он выступал за установление тесного экономического сотрудничества между ЮАС и СССР и даже направил московским коллегам конкретные предложения по этому вопросу[82]. Вероятно, отношения с советскими представителями Ковалев впервые установил в 1929 г. на Международном геологическом конгрессе в Претории. Там Павел Евлампиевич встретился с директором Института прикладной геофизики Д.И. Мушкетовым и директором Всесоюзного НИИ минерального сырья Н.М. Федоровским. При содействии последнего два года спустя в СССР вышла монография Ковалева об истории и совре-

менном состоянии разработки медных месторождений Катанги и Северной Родезии[83].

Южноафриканский коллега П.Е. Ковалева и, вероятно, его политический оппонент, Павел Степанович Назаров (?–1941) был членом Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества, Императорского географического общества и Общества натуралистов[84]. В годы Первой мировой войны П.С. Назаров сделал ряд важных геологических открытий, среди которых месторождения меди, серебра, угля и нефти. Кроме того, он был признанным авторитетом в области садоводства. Одна из главных заслуг Назарова – разведение лучших сортов европейских и азиатских цветов и фруктов, в том числе арахиса в Туркестане. За это он был удостоен медалей министерств сельского хозяйства и финансов России.

После прихода к власти большевиков в Туркестане Назаров тайно сотрудничал с Белым движением, в частности, с полковником П.Г. Корниловым, братом знаменитого генерала, и атаманом А.И. Дутовым. В июле 1920 г. Павел Степанович бежал в Китай, добрался до Кашгара, где прожил четыре года, а затем через Западный Тибет, Гималаи, Пенджаб и Кашмир отправился в Европу. Во второй половине 1920-х гг. Павел Степанович трудился в Северной Родезии и Анголе и проводил геологические изыскания в самых отдаленных уголках этих колоний.[85] Назаров работал на такие крупные горнодобывающие компании, как «Англо-Америкен» и «Танганьика Консешнз». В 1929 г. он вместе с П.Е. Ковалевым принимал участие в Международном геологическом конгрессе, проводившемся в Претории.

В 1930 г. Павел Степанович получил южноафриканское гражданство и поселился в Йоханнесбурге. Здесь он написал труды по геологии, а также два тома воспоминаний. Его мемуары о скитаниях по Средней Азии и Тибету показались британскому критику такими увлекательными и необычными, что он охарактеризовал их, как «нечто среднее между записками Марко Поло и сказками Шахерезады»[86]. А в 1940 г. один из первых летописцев Русского Зарубежья В.А. Абданк-Коссовский сообщал, что «…в глуши Южной Африки, некий Н.С. [sic!] Назаров пишет историю скифов, а университет в Иоганнесбурге издает его труд на английском языке»[87].

С Южной Африкой связана судьба внучки А.С. Пушкина – Елены Александровны фон дер Розенмайер (1889–1943), у которой хранились неизданные пушкинские рукописи, гербовая печать и даже, как полагают некоторые исследователи, до сих пор не обнаруженный дневник поэта. После Октябрьской революции Елена Александровна с мужем и дочерью жила в Константинополе, а в середине 1920-х объявила, что переезжает в Южную Африку. По словам фон дер Розенмайер, её двоюродная племянница Анастасия Михайловна де Торби (1892–1977), невестка южноафриканского магната сэра Джулиуса Уэрнера, предложила ее мужу хорошо оплачиваемую службу в своем имении в Мизенбурге, курортном городке

близ Кейптауна. Однако до сих пор неизвестно, куда семья Е.А. фон дер Розенмайер уехала из Турции. Дело в том, что после 1903 г. ни Джулиус Уэрнер, ни члены его семьи в Южной Африке не бывали[88]. Тем не менее, знаменитый балетмейстер и пушкинист Сергей Лифарь писал о встрече с Е.А. фон дер Розенмайер в середине 1930-х гг. в Ницце, куда «она приехала по возвращении из Африки»[89].

Хотя ЮАС находился за тысячи километров от основных центров российской эмиграции, связь между ними и русскими эмигрантами в Южной Африке все же поддерживалась. Например, русские в этой стране могли подписаться на эмигрантские издания, хотя они приходили в ЮАС с опозданием. О такой возможности свидетельствует газета «Последние новости», издававшаяся в Париже в 1920–30-е годы: «Ежедневно в редакцию приходит груда читательских писем. О чем только не спрашивают, в каких только советах не нуждаются русские эмигранты!.. Иногда приходят такие запросы, что только руками разводишь… Человек, заброшенный в Южную Африку, спрашивает совета: жениться ему на негритянке или нет?»[90]. На другой странице помещена карта, на которой указаны города и страны, где распространялись «Последние новости», в числе которых – Кейптаун[91]. Письмо русского из ЮАС интересно также потому, что межрасовые браки в южноафриканском обществе считались совершенно неприемлемыми, хотя еще не были запрещены.

По свидетельству южноафриканского художника Виктора Иванова, перед Второй мировой войной в Йоханнесбурге проживало 19 русских: «В[ладыки]ны, доктор К[овал]ев, профессор К–в из Эстонии, Б–новы из Риги, Н[азар]ов из Ташкента, С[виридо]вы из Самары. У последних русская колония собирается два раза в неделю. Поют, читают русских классиков и газеты, беседуют о Родине, ударяясь в воспоминания»[92]. Уже после Второй мировой войны Владыкины, Свиридовы и сам Виктор Иванов станут основателями южноафриканского Общества русских эмигрантов.

Вплоть до конца 1980-х гг. единственными учеными из СССР, официально посетившими Южную Африку, оставались геологи Н.М. Федоровский и Д.И. Мушкетов, которые в 1929 году приняли участие в упоминавшемся Международном конгрессе в Претории[93]. Профессор Федоровский, директор Всесоюзного НИИ минерального сырья, опубликовал в 1934 г. воспоминания о своей поездке, где, между прочим, пишет: «На третьем месте по количеству населения [в ЮАС] к изумлению нас, делегатов СССР, стояла Россия с 25000 русских переселенцев. Действительно, в Иоганнесбурге существует специальный русский клуб, и повсюду с нами заговаривали по-русски и даже приезжали специально знакомиться в гостиницу, где мы остановились.… Каким-то непонятным образом… волна еврейских переселенцев осела в Южной Африке, и огромное количество их занимается торговлей, служит в различных учреждениях. Часть из них занимает довольно большие инженерские должности, в

университетах. Есть научные работники из русских. В этой группе населения особенно велик интерес к Советской России»[94].

Очевидно, Н.М. Федоровский не проводил четкого различия между российскими евреями и собственно русскими. В этом отрывке речь идет, прежде всего, о евреях, многие из которых занимали важное положение в южноафриканском обществе. Несмотря на перенесенные тяготы, многие из них не теряли интереса к событиям в России и даже симпатизировали советскому государству.

Что касается русских эмигрантов, то в 1920–30-е гг. их роль в жизни южноафриканского общества была невелика и пропорциональна их численности. Такие яркие личности, как П.Е. Ковалев и П.С. Назаров являлись, скорее, исключением. Наряду с ними можно назвать горного инженера Дмитрия Колясникова, бизнесмена Константина Владыкина, гражданского инженера Михаила Свиридова, карикатуриста Виктора Иванова и оперную приму Ксению Бельмас, приехавших в Южную Африку в конце 1920-х и в 1930-е гг.

Русские евреи в 1920–30-е гг., напротив, усилили свое влияние в южноафриканском обществе. Невзирая на рост антисемитизма, они активно участвовали в политике, избирались в парламент Южной Африки, что свидетельствует о продвинутой интеграции иммигрантов. Число видных южноафриканских деятелей науки, культуры, бизнеса еврейского происхождения, родившихся в России, только возросло.

И это несмотря на значительные препятствия, возведенные на пути восточноевропейских евреев Законом о квотах 1930 года. Если в 1880–1910 гг. (30 лет), в период пика еврейской иммиграции в Южную Африку, сюда приехали на постоянное жительство около 40000 евреев, то в 1910–1948 (38 лет) – менее 30000[95]. Антиеврейские настроения в обществе способствовали сплочению еврейских общин, и в том числе выходцев из России. Кроме того, выросло значение второго поколения иммигрантов, русских евреев, родившихся в Южной Африке или привезенных туда в малолетнем возрасте. Растущая социальная мобильность русских евреев привела, с одной стороны, к тесной интеграции этих иммигрантов в принимающее общество, а с другой, – к ослаблению специфических объединений евреев из России и укреплению их связей с крупными местными еврейскими общинами, которые к тому времени уже находились под контролем иммигрантов из России.

Глава 5. Вторая мировая война: период симпатий к Советскому Союзу

Симпатии к России, о которых писал Н.М. Федоровский, ярче всего проявились во время Второй мировой войны, когда российские эмигран-

ты в Южной Африке активно поддерживали борьбу Советского Союза против немецко-фашистских захватчиков и участвовали в деятельности обществ дружбы с СССР.

В годы войны в ЮАС существовало несколько подобных обществ, имевших отделения во многих городах страны. Старейшая организация «Друзья Советского Союза» была создана в Кейптауне и Йоханнесбурге еще в 1931–1932 гг. по инициативе Коммунистической партии Южной Африки. К середине 1940-х гг. она пользовалась поддержкой даже крупных бизнесменов и правящей элиты страны. Из русских эмигрантов в ЮАС самое деятельное участие в жизни общества «Друзья Советского Союза» в годы Второй мировой войны принимали супруги Рунич.

Осип Ильич Рунич (1890–1947), звезда дореволюционного российского кино, родился в еврейской семье. Его усыновил серб и дал пасынку свою фамилию, что позволило Осипу выбраться из черты оседлости[96]. Популярность Рунича в дореволюционном кинематографе была огромной. Он числился в ряду звезд первой величины, таких, как И. Мозжухин, И. Худолеев, В. Полонский, В. Максимов. На экране он часто выступал в роли партнера Веры Холодной, причем в последние годы ее жизни их имена в сознании публики стали неразрывны.

Оказавшись за границей в начале 1919 г., Осип Ильич много снимался в Италии и Германии, был избран председателем «Союза русских сценических деятелей в Германии», участвовал в русских благотворительных вечерах в Берлине. С середины 1920-х гг. Рунич служил в рижском Театре русской драмы, главном театре Русского Зарубежья, исполняя ведущие роли во многих спектаклях, в том числе – в «Днях Турбиных» М.А. Булгакова. В 1935 г. Рунич вошел в труппу Таллиннского русского театра и гастролировал по Прибалтике[97].

В 1939 г. вместе с Ниной Павлищевой (1896–1979), балериной Варшавского театра, Осип Ильич отправился на гастроли в Южную Африку. Там его застала война. Обручившись с Павлищевой, Рунич поселился в Йоханнесбурге. В ЮАС он стал одним из основателей профессионального театра на африкаанс и идиш, а также ставил спектакли для преторийской оперы[98]. Один из учеников Рунича, африканер Гидеон Роос, впоследствии долгие годы был генеральным директором Южноафриканской вещательной корпорации[99]. Супруга Осипа Ильича открыла в Йоханнесбурге школу русского балета, которая просуществовала до конца 1970-х.

Во время Второй мировой войны Осип и Нина Руничи были активистами южноафриканского общества «Друзья Советского Союза». Они организовали оркестр русских народных инструментов, ставили пьесы и балеты на русские темы. Например, Осип Ильич поставил пьесу Константина Симонова «Русские люди», переведенную на английский южноафриканским психоаналитиком российского происхождения Вульфом Саксом[100], и оперу Н.А. Римского-Корсакова «Снегурочка», с участием бывшей солистки Берлинского оперного театра Ксении Бельмас[101].

Руничи сотрудничали и с «Южноафриканским обществом культурных связей с СССР», непартийной и неполитической организацией. Она была основана в 1931 г. по просьбе Всесоюзного общества культурной связи с заграницей бизнесменом Израилем Купером (1887–1960), иммигрантом из Литвы и будущем основателем Федерации синагог Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства. Общество организовывало лекции, благотворительные концерты, спектакли и приемы в поддержку Советского Союза и Красной Армии. К середине 1940-х гг. «Южноафриканское общество культурных связей с СССР» добилось такого влияния, что его почетным президентом стал мэр Йоханнесбурга.

Очевидно, что симпатии Осипа Рунича к Советскому Союзу не ограничивались поддержкой борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и распространялись на советскую идеологию и образ жизни. Показательно, что именно он в 1943 году впервые в ЮАС поставил пьесу советского драматурга на русском языке. Этот спектакль по пьесе М. Тренова[102] «Советская жена» был выдержан в духе социалистического реализма.

Рунич хотел вернуться в Россию, но ему было в этом отказано. По воспоминаниям бывших работников советского консульства в ЮАС, Рунич в последние годы жизни отказывался изъясняться по-английски и даже научил своего попугая говорить «Сталин – ура!»[103]. Осип Ильич Рунич скончался 6 апреля 1947 года в Йоханнесбурге при трагических обстоятельствах[104].

Х.М. Шнайер, основатель и секретарь южноафриканского общества «Медицинская помощь для России», тесно связанного с «Друзьями Советского Союза», был сыном иммигранта из России. Еще до Первой мировой войны его отец добрался до Южной Африки в трюме парохода. Общество, основанное Шнайером в сентябре 1941 года, собирало средства и приобретало лекарства и медицинское оборудование для Красной Армии, одежду и продовольствие для советского населения. По свидетельству бывших сотрудников консульства СССР, наиболее ценным вкладом этой организации стало предоставление вакцины против заражения крови[105].

Южноафриканское «Общество друзей Биробиджана» (первоначально, «Еврейский военный призыв») было учреждено русскими евреями. Члены этого общества направляли в СССР посылки с продовольствием для своих родственников, прежде всего тех, которые были эвакуированы из Прибалтики в Сибирь и Среднюю Азию. Руководила «Обществом друзей Биробиджана» Дора Александрович (1909–1998), родная сестра южноафриканского профсоюзного лидера Рэй Саймонс (Рахили Александрович) и двоюродная сестра популярного советского певца Михаила Александровича.

Во время войны российские эмигранты посещали советское генеральное консульство в Претории и консульское агентство в Кейптауне. Эти

представительства были открыты после установления дипломатических отношений между СССР и ЮАС. Как вспоминал бывший консул в ЮАС Василий Дождалев, «много работы нам задавали бывшие советские граждане, преимущественно еврейского происхождения, больше всего из Прибалтики. Некоторые попали сюда до Второй мировой войны, потеряли родственников, теперь хотели найти своих близких или вернуться на родину. Приходилось заниматься их имущественными проблемами, делами о наследстве и т.д.»[106].

«К нам поступают запросы от разных лиц, проживающих в Южно-Африканском Союзе, о том, что Советским Правительством объявлена амнистия всем русским эмигрантам», – писал в январе 1943 г. советский вице-консул в Претории[107]. В 1942–43 гг. в советское консульство по вопросу получения гражданства СССР обратились 72 человека, в 1944 г. – 61 человек, в 1945 г. – 80 человек, в 1949 г. – 5 человек, в 1950 г. – 3 человека[108]. Большинство этих ходатайств не было удовлетворено.

Участие в деятельности южноафриканских обществ дружбы с СССР и контакты с советским консульством помогли эмигрантам из России почувствовать себя нужными своей далекой родине и оказать ей реальную помощь. Собранные этими обществами в ЮАС денежные средства, медикаменты, одежда и даже донорская кровь отправлялись в Советский Союз и спасали жизнь многим людям. Покровительство, оказываемое этим организациям правительством, включая премьер-министра Яна Смэтса, членами парламента, деловыми кругами и деятелями культуры, поднимало престиж обществ дружбы с СССР, а значит, и деятельности на благо этих обществ.

Разумеется, далеко не все российские эмигранты в Южной Африке сотрудничали с обществами дружбы. Во всем мире Вторая мировая война расколола русскую эмиграцию на сторонников оказания помощи Советскому Союзу и приверженцев нейтралитета или даже сотрудничества с оккупантами «во имя освобождения России». Были и просто равнодушные, порвавшие связи со своей родиной и ассимилировавшиеся в южноафриканском обществе. Но несомненно, что, благодаря столь мощным и влиятельным организациям, как «Друзья Советского Союза» и «Медицинская помощь для России», у русских в ЮАС впервые появилась возможность сообща оказать реальную помощь родине.

В 1940-е гг., несмотря на ксенофобию Национальной партии и прогерманские настроения среди большой части населения ЮАС, евреям из России удалось стать мэрами крупных городов, попасть в правительство (министр здравоохранения Гарри Глюкман) и продолжить успешную деятельность в деловой, культурной и общественной жизни страны.

* * *

В первой половине XX века российская эмиграция на юге Африки распадалась на два потока – русский и еврейский, а также на несколько

«ручейков» – польский, финский, литовский и другие. Выходцы из России, не принадлежащие к первым двум потокам, по прибытии в Южную Африку довольно скоро ассимилировались в принимающем обществе, прежде всего, в среде англоязычных жителей страны, так и не образовав сколько-нибудь заметных организаций или обществ.

Русские евреи либо создавали собственные, сравнительно недолговечные организации, либо вписывались в уже существующие, как правило, образованные евреями из Западной Европы, организации и общины. Постепенно они начали играть в них решающую роль. Русские евреи старались не терять связи с родиной и во время Второй мировой войны участвовали в деятельности местных обществ помощи СССР, но это не мешало им ощущать себя частью южноафриканского еврейства. Таким образом, русские евреи не выделились в отдельную группу и интегрировались в местные еврейские общины, созданные выходцами из Западной и Восточной Европы.

Что касается русских в Южной Африке, то в первой половине XX века они так и не создали свою общину. Объясняется это, прежде всего, их малочисленностью в этой стране и дисперсностью расселения. Перед русскими в Южной Африке стояла дилемма: поддаться ассимиляции или сопротивляться ей в индивидуальном порядке. Большинство, очевидно, склонялись к первому варианту, заключая межэтнические браки, следствием которых была почти полная оторванность их детей от русского мира. Второму варианту отдавали предпочтение немногие эмигранты, которые заключали браки только с русскими и стремились привить любовь к русскому языку и культуре своим детям. Но сильное влияние среды, благоприятные условия проживания русских эмигрантов в Южной Африке, их гармоничная интеграция в принимающее общество мешали сохранению русской идентичности. Поэтому практически всегда дети русских эмигрантов, даже тех, кто сознательно противостоял ассимиляции, становились южноафриканцами и забывали русский язык, усвоенный в детстве. Даже если русским эмигрантам в ЮАС удавалось сознательно избежать ассимиляции, эту установку они не смогли передать своим детям.

---

[1] *Davidson A.* Russia and South Africa: Centuries of Contact // Russia in the Contemporary World. The First Symposium in South Africa at the Centre for Russian Studies. Cape Town: University of Cape Town, 1995. P. 95.

[2] *Picard H.* Masters of the Castle. Cape Town: C Struik (Pty) Ltd, 1972. P. 140.

[3] *Блок Г.К.* Два года из жизни русского моряка. Библиотека путешествий. Т. 4. СПб, 1854. С. 66.

[4] *Головнин В.М.* Путешествие на шлюпе «Диана». М.: Государственное издательство географической литературы, 1961. С. 139.

[5] *Гончаров И.А.* Фрегат «Паллада». М.: Советская Россия, 1976. С. 103.

[6] *Герцен А.И.* Избр. философ. произв. в 2-х тт. Т. 2. М., 1948. С. 10.

[7] *Еременко Л.И.* Русская эмиграция как социально-культурный феномен. Диссертация на соискание степени канд. филос. наук. М., 1993. С. 20.

[8] *Давидсон А.Б.* Едут, едут по Капстаду наши казаки… // Родина. 1996. № 9. С. 51.

[9] Из департамента внешних сношений – в департамент Личного состава и Хозяйственных дел // Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в.– 1960 г. Т. I. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 71.

[10] Из переписки управляющего министерством иностранных дел М.Н. Муравьева с министром финансов С.Ю. Витте об установлении дипломатических отношений с Трансваалем. 1897 г. // Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в.–1960 г. Т. I. С. 73.

[11] *Рауш-Гернет Э.М.* О роде фон Гернетов // Дворянский календарь. Тетрадь 5. СПб: Санкт-Петербургское дворянское собрание, 1998. С. 30.

[12] Информация любезно предоставлена Э.М. Рауш-Гернетом, исследователем генеалогии рода фон Гернетов.

[13] Цит. по: Англо-бурская война 1899–1902 гг. По архивным материалам и воспоминаниям очевидцев. Сост. Н.Г. Воропаева, Р.Р. Вяткина и Г.В. Шубин. М.: Восточная литература, 2001. С. 492.

[14] *Рауш-Гернет Э.М.*. О роде фон Гернетов. С. 30.

[15] Сообщение российского консульства в Лондоне о желательности назначения русского консула в г. Йоханнесбург // Англо-бурская война 1899–1902 гг. По архивным материалам и воспоминаниям очевидцев. С. 286.

[16] *Davidson A., Filatova I.* The Russians and the Anglo-Boer War. Cape Town, Pretoria, Johannesburg: Human & Rousseau, 1998. P. 45, 50.

[17] *Шубин Г.В., Воропаева Н.Г., Вяткина Р.Р., Хритинин В.Ю.* Англо-бурская война 1899–1902 гг. глазами российских подданных. Готовится к публикации.

[18] Следует заметить, что и в настоящее время среди представителей этой профессии в ЮАР довольно много россиянок. См., например, *Ngobeni Wa Ka.* Local Hookers Claim the Street // Mail & Guardian. 1999. 12 February; Brothels Get Heat // Mail & Guardian. 2000. 7 February. Подробнее речь об этом пойдет в третьей части этой книги.

[19] *Шубин Г.В., Воропаева Н.Г., Вяткина Р.Р., Хритинин В.Ю.* Англо-бурская война 1899–1902 гг. глазами российских подданных. Готовится к публикации.

[20] Там же.

[21] Переписка департаментов министерства иностранных дел по поводу установления русского консульства в Трансваале. 1902–1903 г. // Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в.–1960 г. Т. I. С. 82–83.

[22] *Пулик М.* Евреи в Южной Африке // Еврейский мир. Сборник 1944 года. Репринтное издание. Минск: МЕТ, 2001. С. 461. Британский историк Джемс Байс, посетивший Йоханнесбург в 1895 г., назвал этот город «англо-семитским». См. *Scholtz J.J.J.* Johannesburg se Jode is effens ‘anders’ // Die Burger. 1991. 9 Julie. Bl. 7.

[23] *Shimoni G.* Jews and Zionism: The South African Experience. Cape Town: Oxford University Press, 1980. P. 10.

[24] Death of Mr Isaac Lewis. Romantic Business Career // Cape Times. 1927. 30 March. P. 1.

[25] *Mendelsohn R.* Sammy Marks: The Uncrowned King of the Transvaal. Cape Town: David Philip, 1991. P. 5.

[26] *Shimoni G.* Jews and Zionism. P. 7.

[27] *J.* Евреи в Южной Африке. Пережитое и увиденное // Научно-литературный сборник «Будущности». СПб, 1900. Т. 1. С. 276.

[28] *Shimoni G.* Jews and Zionism. P. 86.

[29] См. Справочная книга по вопросам эмиграции. Под ред. С. Я. Яновского и А.И. Кастелянского. СПб, 1913. С. 235.

[30] The Jews in South Africa. A History. Ed. by Gustav Saron and Louis Hotz. Cape Town: Geoffrey Cumberledge, 1955. P. 61.

[31] *Rosenthal E.* Southern African Dictionary of National Biography. L.: Frederick Warne & Co, 1966. P. 167–68.

[32] *Пулик М.* Евреи в Южной Африке. С. 463.

[33] The Jews in South Africa. A History. P. 75.

[34] В основном, такое положение сохраняется в ЮАР и сегодня, несмотря на отмену расистских законов.

[35] Цит. по: *Кадель Ф.* Очерки времен и событий. Из истории российских евреев. Ч. 3: 1882–1920-е годы. Иерусалим: Ассоциация «Тарбут», 1994. С. 78.

[36] *Mendelsohn R.* Russian Jews in the Anglo-Boer War, 1899–1902: Recent Archival Discoveries. P. 4. Текст предоставлен автором.

[37] *Millin S.G.* The South Africans. L.: Constable & Co Ltd, 1928. P. 175.

[38] *Августус Е.* Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал. 1902. № 1. С. 24 // Цит. по: Англо-бурская война 1899–1902 гг. С. 347.

[39] *Mendelsohn R.* Russian Jews in the Anglo-Boer War, 1899–1902: Recent Archival Discoveries. P. 5.

[40] *Pottinger B.* The Foreign Volunteers. They Fought for the Boers (1899–1902). Melville: Scripta Africana, 1986. P. 286

[41] *Davidson A., Filatova I.* The Russians and the Anglo-Boer War. Cape Town, Pretoria, Johannesburg: Human & Rousseau, 1998. P. 40.

[42] The Jews in South Africa. A History. P. 334.

[43] *Saks D.Y.* Jews on Commando: www.jewishgen.org/Safrica/comman-do.htm

[44] *Davidson A., Filatova I.* The Russians and the Anglo-Boer War. P. 40.

[45] *Rosenthal E.* Southern African Dictionary of National Biography. P. 1.

[46] *Мария З.* Как я была добровольцем в Трансваале // Англо-бурская война 1899–1902 гг. С. 384.

[47] *Davidson A., Filatova I.* The Russians and the Anglo-Boer War. P. 50.

[48] О занятиях в Трансваале евреев – российских подданных, насильственно высланных за пределы Южной Африки // Англо-бурская война 1899–1902 гг. По архивным материалам и воспоминаниям очевидцев. Сост. Н.Г. Воропаева, Р.Р. Вяткина и Г.В. Шубин. М.: Восточная литература, 2001. С. 275.

[49] The Oxford History of South Africa. Edited by M. Wilson and L. Thomson. Vol II. Oxf.: The Clarendon Press, 1971. P. 133.

[50] *Peberdy S.A.* Selecting Immigrants: Nationalism and National Identity in South Africa's Immigration Policies, 1910 to 1998. A thesis… for the degree of Doctor of Philosophy. Queen's University, Kingston, Ontario, Canada, 1999. P. 123.

[51] Депеша российского генерального консула в Лондоне барона А.А. Гейкинга директору II Департамента МИД А.К. Бентковскому. 1909 г // Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в.–1960 г. Том I. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 84.

[52] *Lanham L.W., Macdonald C.A.* The Standard in South African English and Its Social History. 2nd edition. Heidelberg: Julius Groos Verlag, 1985. P. 77.

[53] *Peberdy S.A.* Selecting Immigrants: Nationalism and National Identity in South Africa's Immigration Policies, 1910 to 1998. P. 162.

[54] *Давидсон А.Б.* Южная Африка. Становление сил протеста. 1870–1924 гг. М.: Главная редакция восточной литературы, 1972. С. 278.

[55] Из доклада М. Вольберга-Вельмонта Коминтерну о деятельности социалистов в Южной Африке, 15 апреля 1920 г // Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в.–1960 г. Том II. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 67–68.

[56] *Shimoni G.* Jews and Zionism: The South African Experience. Cape Town: Oxford University Press, 1980. P. 54

[57] Ibid. P. 57.

[58] Ibid. P. 6.

[59] *Peberdy S.A.* Selecting Immigrants: Nationalism and National Identity in South Africa's Immigration Policies, 1910 to 1998. P. 151.

[60] Ibid. P. 149.

[61] Это обвинение типично. «Диаспоры часто подозреваются в „двойной лояльности", что может делать их членов „чужими" в глазах как властей региона исхода, так и региона поселения», – отмечает В.Д. Попков в своей монографии «Феномен этнических диаспор» (М.: ИС РАН, 2003. С. 6). После Второй мировой войны упреки в «двойной лояльности» посыпались уже на англичан, проживавших в Южной Африке, и тогда правительство ЮАС попыталось возвести барьеры на пути их иммиграции.

[62] Ibid. P. 156, 160–61.

[63] *Соколов Б.В.* Иммигрантское население Южно-Африканской Республики // Советская этнография, 1984. № 6. С. 47.

[64] *Shimoni G.* Jews and Zionism: The South African Experience. P. 238.

[65] *Пулик М.* Евреи в Южной Африке // Еврейский мир. Сборник 1944 года. Минск: МЕТ, 2001. С. 460.

[66] *Peberdy S.A.* Selecting Immigrants: Nationalism and National Identity in South Africa's Immigration Policies, 1910 to 1998. P. 177.

[67] *Millin S.G.* The South Africans. L.: Constable & Co Ltd, 1928. P. 179.

[68] Письмо Брюса Гинзберга, внука Б. Гинзберга, автору, 14.03.2005.

[69] *Rosenthal E.* Southern African Dictionary of National Biography. L.: Frederick Warne & Co. Ltd, 1966. P. 58, 165.

[70] Seventy Golden Years. 1886-1956. Ed. and publ. by Felix Stark. Johannesburg: Municipal Relations Bureau, 1956. P. 284.

[71] *Rosenthal E.* Southern African Dictionary of National Biography. P. 211.

[72] Ibid. P. 322.

[73] Ibid. P. 274.

[74] Ibid. P. 59.

[75] *Sitze A.* Treating Life Literally: www2.law.columbia.edu/law_culture/LHWorkshop2005/final%20selectee%20papers/TreatingLifeLiterallySummary.pdf

[76] South African Who's Who. 1944. Johannesburg: Ken. Donaldson, 1944. P. 319.

[77] Ibid. P. 271.

[78] *Shimoni G.* Jews and Zionism: The South African Experience. P. 157.

[79] Список членов Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества. СПб, 1912. С. 226; 1915. С. 197.

[80] TAB, Source: MHG, Ref No: 5181/50. Rosenthal E. Southern African Dictionary of National Biography. P. 202.

[81] *Doyle A.C.* Our African Winter. L.: John Murray, 1929. P. 113.

[82] РГАЭ, ф. 413, оп. 13, д. 132, л. 41–44.

[83] *Федоровский Н.М.* В стране алмазов и золота. Путешествие по Южной Африке. М.–Л.: Главная редакция геологоразведочной и геодезической литературы, 1934. С. 66. *Ковалев П.Е.* Месторождения медных руд Катанги и Северной Родезии. М.: Институт прикладной минералогии, 1931.

[84] Список членов Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества. СПб, 1890. С. 210.

[85] SAB , Source: PM, Vol: 1/2/312, Ref: PM 86/53

[86] *Nazaroff P.S.* Moved on! From Kashgar to Kashmir. L.: George Allen & Unwin Ltd, 1935. P. 12.

[87] *Абданк-Коссовский В.* Зарубежная Русь // Новое слово. Берлин, 1940. № 41 (317). С. 6.

[88] *Русаков В.М.* Рассказы о потомках А.С. Пушкина. М., 1999. С. 472.

[89] *Лифарь С.* Моя зарубежная пушкиниана. Париж: Editions Beresniak, 1966. С. 177.

[90] *Седых А.* На службе у эмиграции // Юбилейный сборник газеты «Последние новости». 1920–1930 гг. Париж, 1930. С. 53.

[91] La propagation des "Dernieres Nouvelles" // Юбилейный сборник газеты «Последние новости». 1920–1930 гг. Париж, 1930. С. 65.

[92] *Боссе К.* Встреча с русским из Иоганнесбурга // Сегодня. Рига, 1938. № 67. С. 3.

[93] *Давидсон А.Б.* Южная Африка. Становление сил протеста. 1870–1924 гг. М.: Главная редакция восточной литературы, 1972. С. 7.

[94] *Федоровский Н.М.* В стране алмазов и золота. Путешествие по Южной Африке. М.–Л.: Главная редакция геологоразведочной и геодезической литературы, 1934. С. 56.

[95] *Shimoni G.* Jews and Zionism: The South African Experience. P. 5.

[96] Данные предоставлены российским историком кино Р.М. Янгировым.

[97] Русское национальное меньшинство в Эстонской республике (1918–1940). Под ред. проф. С.Г. Исакова. Тарту: Крипта, 2000. С. 333.

[98] South African Music Encyclopaedia. Ed. by Dr Jacques P Malan. Vol IV. Cape Town: Oxford University Press, 1986. P. 201.

[99] *Roos G.* Ossip Runitsch // Die Brandwag. Johannesburg, 1947. 18 April. Bl. 7.

[100] *Simonov K.* The Russian People. Translated by Wulf Sachs. Johannesburg: Medical Aid for Russia, 1943.

[101] *Давидсон А., Филатова И.* Опыт консульских отношений // Азия и Африка сегодня. 1998. № 1. С. 34.

[102] Так указано в программке спектакля. Возможно, имелся в виду Константин Андреевич Тренев, известный советский драматург, автор пьесы «Любовь Яровая».

[103] *Давидсон А., Филатова И.* Опыт консульских отношений. С. 34.

[104] TAB, Source: MHG, Vol: 0, Ref: 4247/47.

[105] *Давидсон А., Филатова И.* Опыт консульских отношений. С. 34.

[106] *Дождалев В.* «Южная Африка мало интересовала КГБ…» // New Bridge. 1992. № 2. С. 15.

[107] АВП РФ, ф. 282, оп. 2, п. 1, д. 5, л. 1.

[108] *Давидсон А., Филатова И.* Опыт консульских отношений. С. 34–35.

ЧАСТЬ 2. РОССИЙСКИЕ ЭМИГРАНТЫ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ В ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» И АПАРТЕИДА

Глава 1. Русские эмигранты в ЮАС в послевоенные годы: их характеристика, численность и способы адаптации

До конца 1930-х гг. под российской иммиграцией в Южную Африку понималась, в основном, иммиграция еврейская. Однако в последующие годы ситуация переменилась. Во время Второй мировой войны подавляющее большинство евреев, проживавших в Литве и Латвии, погибли в гетто и концлагерях, устроенных немецкими оккупантами. Поток еврейских иммигрантов из этих республик прекратился, и, начиная с первых послевоенных лет, российская иммиграция в ЮАР стала преимущественно русской.

Еще во второй половине 1930-х европейские «столицы» Русского Зарубежья начали постепенно сдавать позиции. Париж и Берлин по-прежнему оставались центрами российской эмиграции, но возникали новые, перспективные очаги рассеяния на других континентах – в Австралии, Аргентине, Бразилии, США. Реэмиграция русских из Европы оказала влияние и на небольшую русскую диаспору Южной Африки. В самом конце 1930-х и в первые послевоенные годы русская иммиграция в ЮАС усилилась.

До войны иммиграционные власти страны не ограничивали въезд жителей Восточной Европы. Русским иммигрантам приходилось сталкиваться с подозрительностью консульских чиновников, многие из которых отказывались выдавать визы в ЮАС обладателям нансеновских паспортов. Поэтому в 1930-е сюда ехали, в основном, те русские, которые уже были гражданами западноевропейских стран.

Вторая мировая война привела к существенному росту промышленности в Южной Африке. Еще в предвоенные годы экономика ЮАС базировалась на сельском хозяйстве и добыче полезных ископаемых. Но в годы войны в стране началась индустриализация. В 1938–1946 количество южноафриканцев, занятых в производстве, выросло на 60%. За тот же период ВНП ЮАС увеличился почти на 70%, опередив по темпам роста Великобританию и США. Южная Африка вошла в десятку богатейших стран мира[1].

Продолжение этого бурного развития требовало притока квалифицированных кадров из-за рубежа, знакомых с новейшими промышленными технологиями и методами хозяйствования. Властям также требовалось поддерживать баланс между белым и черным населением Южной Африки для проведения своей расовой политики и сохранения господства выходцев из Европы. Поэтому послевоенное правительство Объединенной партии Яна Смэтса начало кампанию по привлечению белых иммигрантов в ЮАС. Смэтс намеревался стимулировать, в первую очередь, иммиграцию из Великобритании, но льготами, предоставляемыми по государственной иммиграционной программе, смогли воспользоваться и жители других европейских стран.

Правительство упростило рассмотрение заявлений потенциальных иммигрантов, учредило отборочные комитеты в Лондоне, Гааге и Риме, а также заключило соглашение с судоходной компанией «Юнион Касл» о выделении трех кораблей для перевозки иммигрантов в ЮАС по льготным ценам. В Йоханнесбурге, Кейптауне и Дурбане были организованы транзитные лагеря для временного размещения прибывавших в страну иммигрантов и специальные комитеты для помощи в трудоустройстве[2].

«Иммиграция – это требование времени, – говорил Смэтс в 1946 году. – Нам нужны люди. Нам нужно, чтобы наше население росло гигантскими темпами. Давайте же снова распахнем двери – будем ковать железо, пока горячо… Нам нужны тысячи, сотни тысяч, миллионы иммигрантов»[3].

Русская эмиграция не могла предоставить Смэтсу не только миллионы, но даже тысячи желающих переехать в Южную Африку. Однако очень многие русские эмигранты стремились вырваться из послевоенной Европы с ее безработицей, подорванной экономикой, нехваткой продовольствия, политической нестабильностью, новыми коммунистическими правительствами и угрозой дальнейшего распространения советского влияния на континенте. Перебраться на постоянное жительство в ЮАС к началу 1950-х удалось менее сотни из них – в основном, эмигрантам послереволюционной волны.

Даже после начала государственной кампании по стимулированию иммиграции на пути русских, желавших переселиться в Южную Африку, оставалось немало препятствий. В принципе, с теми же сложностями сталкивались все иммигранты, кроме британских подданных. Для получения вида на жительство в ЮАС необходимо было заранее получить приглашение от южноафриканского работодателя. В противном случае, потенциальный иммигрант должен был доказать, что он владеет английским, голландским, африкаанс или фламандским, является квалифицированным специалистом или обладает значительными средствами, которые он готов перевести в Южную Африку. Кроме того, иммигранту надо было представить доказательства своей политической благонадежности и отсутствия симпатий к коммунизму. Граждане Германии, в том числе русские, в первые послевоенные годы не могли получить право на постоянное жительство в ЮАС, потому что до 1948 г. они считались «жителями враждебного государства»[4].

Русские ехали в Южную Африку не только из Европы, но и из африканских колоний – Бельгийского Конго, Мозамбика, Северной и Южной Родезии. Уставшие от работы в тяжелых и непривычных условиях, в Южной Африке эти люди видели «почти европейскую» страну, где им как представителям господствующей расы были гарантированы привилегированное положение и достойная работа. Этим русским эмигрантам ЮАС представлялся чем-то вроде Европы в Африке, где высокий уро-

вень жизни белых сочетался с большими возможностями для карьерного роста и деловых начинаний.

Россияне из соседних колоний могли убедиться в привлекательности этой страны, когда проводили в Южной Африке отпуск. Отдых в ЮАС был для них сравнительно недорогой и безопасной альтернативой далекому плаванию к европейским берегам. А во время Второй мировой войны отдых в Южной Африке стал для белых жителей Бельгийского Конго, Северной и Южной Родезии и других колоний этого региона единственной возможностью «цивилизованно» провести отпуск – ведь путь в Европу для них был закрыт из-за боевых действий.

Несколько русских приехали из Харбина и Шанхая, после того, как в Китае была установлена коммунистическая власть. Одним из этих эмигрантов был архитектор Петр Сергеевич Свиридов (1889–1971), автор комплекса зданий Харбинского политехнического института, переселившийся в Йоханнесбург в 1954 году[5]. А бухгалтер Леонид Иванович Панов (1906–?), сын крупного чаеторговца из Ханькоу, еще в конце 1940-х покинул Китай и проживал в Великобритании, когда в 1951 г. кейптаунская фирма предложила ему работу по специальности в Южной Африке[6].

Среди русских эмигрантов первых послевоенных лет было крайне мало так называемых «перемещенных лиц». Хотя их, в принципе, могла заинтересовать южноафриканская иммиграционная программа, консульства и иммиграционные комитеты ЮАС в конце 1940-х отказывали перемещенным лицам в подаче документов на постоянное жительство[7]. В то же время в Северной Африке, например в Тунисе и Марокко, в первые послевоенные годы русские общины пополнились за счет нескольких сотен эмигрантов, относящихся именно к этой категории[8].

Запрет на иммиграцию русских перемещенных лиц в ЮАС представляется неоправданным с политической точки зрения, учитывая антисоветскую позицию тогдашнего южноафриканского правительства. Пример русских общин в Рабате и Касабланке показывает, что очень многие перемещенные лица разделяли убеждения властей Южной Африки. Русский священник, служивший в Марокко в 1950-е годы, вспоминал, что «во время войны из Германии приехала большая группа новой эмиграции с двумя священниками и хорошим хором. Эти эмигранты и священнослужители в своем большинстве были враждебно настроены по отношению к Московской Патриархии». Настоятель общины, организованной перемещенными лицами в этой стране, прот. Митрофан Зноско-Боровский писал, что «советский паспорт в руках эмигранта – это билет от самого сатаны, а обладатель этого билета, добровольно отказывающийся от дара свободы, сознательно или несознательно становится, несомненно, слугою сатаны»[9].

Тем не менее, по данным советских органов репатриации, на 1 марта 1953 г. в ЮАС проживало 37 человек, подлежавших репатриации: 23 ук-

раинца, 7 латышей и 7 литовцев[10]. Пока не установлено, были ли они возвращены в Советский Союз. Отсутствие русских в этом списке может объясняться тем, что бывшие советские граждане для избежания насильственной репатриации выдавали себя за жителей территорий, не входивших в СССР до 1939 г.[11]. С другой стороны, не понятно, как советские органы установили в ЮАС численность перемещенных лиц, подлежащих возвращению в СССР.

Данные по разным странам мира, собранные советскими органами репатриации к 1952 г., не содержали информации о перемещенных лицах – советских гражданах, вступивших в брак с иностранцами и имевших от этого брака детей[12]. Среди таких эмигрантов была Клара ван Хуртум (Клавдия Дмитриевна Якушá), проживающая ныне в Блумфонтейне[13]. В 1943 году ее, пятнадцатилетнюю девушку, немцы увезли из родного Таганрога в Германию, работать на местном военном заводе. Там Клавдия познакомилась со своим будущим мужем, бельгийцем Франсом. После войны супруги жили в Бельгии, а в середине 1950-х перебрались в Южную Африку.

В Блумфонтейне Франс устроился электросварщиком в энергетическую компанию «Эском», потом открыл собственный магазин. Клавдия Дмитриевна стала активисткой местного отделения Национальной партии[14]. В Южной Африке у нее большая семья – дети, внуки, правнуки. Клавдия Дмитриевна свободно владеет африкаанс, английским, немецким, фламандским и русским языками. Но ее дети по-русски не говорят.

Отсутствие тесных контактов между эмигрантами послереволюционной волны и бывшими советскими гражданами, оказавшимися в ЮАС после Второй мировой войны, привело к тому, что до нас дошло слишком мало информации о «перемещенных лицах» в этой стране и об их численности. Русские «перемещенные лица», оказавшиеся в Южной Африке, как правило, довольно быстро ассимилировались. Как и в других частях света, они испытывали тоску по родине, но не рассматривали свою эмиграцию как миссию, как послание, в отличие от эмигрантов послереволюционной волны. Они не ассоциировали себя с идеалами «старой» эмиграции, а значит, не ощущали себя причастными к ее судьбе.

Воспитанные в атмосфере воинствующего атеизма, они не рассматривали православие как символ русского духа и России, не связывали с ним свои надежды, не проецировали на него свою ностальгию. Поэтому практически не сохранилось свидетельств о посещении бывшими «перемещенными лицами» русской церкви в Йоханнесбурге. «Дипийцам» (так называли в русской эмигрантской печати перемещенных лиц) было проще ассимилироваться в южноафриканском обществе, чем эмигрантам послереволюционной волны, стремившимся сохранить в себе русское начало и, в большинстве своем, более образованным и культурным.

Есть сведения, что после войны в Юго-Западной Африке, «пятой провинции» ЮАС, поселилось несколько русских эмигрантов, добро-

вольно сотрудничавших с немецким оккупационным режимом и даже принимавших участие в войне на стороне Германии. О встрече с одним из них рассказал писатель и журналист Александр Семенович Иванченко (1936–2003).

Прежде чем мы обратимся к этим воспоминаниям, необходимо оговориться, что вряд ли стоит полностью доверять опубликованным в годы «холодной войны» статьям и книгам советских журналистов о посещении ЮАР. Наши страны были врагами, пусть даже война между ними шла, в основном, пропагандистская. Но именно журналисты и публицисты, как в Советском Союзе, так и в Южной Африке, на этой войне находились на передовой, выполняя политический заказ властей. Когда пресса становится орудием пропаганды, говорить об объективности и непредвзятости не приходится.

О стиле подобных путевых заметок можно судить хотя бы по такому характерному для советских журналистов описанию центра Йоханнесбурга: «Бесилась неоновая реклама, поднятая над небоскребами. А у подножия этих творений из алюминия и стекла билась людская река большого города: размалеванные девицы с прическами героинь из фильма „Война амазонок“ танцующей походкой проходили по улицам, задевая прохожих; у газетных ларьков развернули торговлю поставщики порнографической литературы; в небольших залах с десятками самых разных игральных автоматов искали счастья молодые парни и опустившиеся „белые господа“; у кинотеатров стояли парочки, раздумывая, идти ли им на фильм с убийствами или на картину о привидениях; белый нищий протягивал руку за подаянием»[15].

В этих воспоминаниях сложно отделить правду от намеренного сгущения красок. Но поскольку во времена «холодной войны» ЮАР посетило чрезвычайно мало советских журналистов, мы не можем пройти мимо их путевых заметок. Ведь эти статьи и книги позволяют понять, какой увидели российскую эмиграцию те, кто, по выражению Джона Ле Карре, «пришел с холода», с той стороны «железного занавеса». Вот, например, что пишет А.С. Иванченко о русских эмигрантах в Южной Африке:

«Почти полвека они прожили, словно в наглухо заколоченной бочке. Кругом все чужое. Стена! И, даже разбогатев, что случается крайне редко, никто из этих людей не становится счастливым. Как звери в зоопарке: и еды много, а в глазах – тягучая тоска по воле»[16].

Мы приводим фрагменты, касающиеся эмигрантов, из книг советских авторов, отдавая себе отчет в том, что это, прежде всего, документы своего времени, далеко не всегда объективно отражавшие реальные события.

Итак, вернемся к воспоминаниям А.С. Иванченко. По заданию журнала «Вокруг света» он устроился на международное спасательное судно. Эта командировка позволила ему в 1963 г. посетить Уолфиш-Бей и Ораньемунд:

«[В Уолфиш-Бее] меня заинтересовал переводчик. Холеный, важный, в массивных роговых очках. Лет пятидесяти. Спрашиваю, откуда он так хорошо знает русский язык.

– Я эстонец, жил под Россией.

– А-а, понятно. Эмигрировали сюда?

Ответил неожиданно развязно:

– Судьба, морячок, играет человеком. Бежал в сорок пятом из матушки Эстонии.

– От кого же убегали?

– От вас, конечно! Вы бы меня, голубчики, на первой веточке вздернули»[17].

В Юго-Западной Африке, бывшей немецкой колонии, прогерманские настроения были сильны еще с середины 1930-х годов, когда там действовали нацистские ячейки и молодежные организации. Местные жители снимали южноафриканские флаги и водружали на их место германские. Властям ЮАС удалось подавить нацистские выступления, но симпатии к Третьему Рейху сохранились в ЮЗА и после войны. Иванченко сообщает, что в начале 1960-х годов в Уолфиш-Бее проживало около 500 человек, воевавших на стороне Гитлера[18]. Как мы уже знаем, среди них были и российские эмигранты.

Была, впрочем, еще одна, крайне малочисленная категория российских эмигрантов в Южной Африке. Это моряки, бежавшие с советских кораблей, останавливавшихся в портах этой страны.

Такую ситуацию описывает И. Ивашко, участник дальнего плавания на советском торговом судне в 1967 году. Во время перехода вокруг Африки вышла из строя машина и получил серьезные ранения старший механик корабля. Пришлось делать остановку в Кейптауне. При выходе на берег потерялся новичок-радист. На другой день власти города сообщили капитану, что моряк попросил политического убежища.

Он отказался от встречи с капитаном, но когда последний все-таки пришел к нему, радист «сидел молча, не двигаясь, как манекен». Капитан был уверен, что моряка подвергли воздействию сильных наркотиков. Однако в медицинском обследовании власти отказали. Решение радиста шокировало команду корабля, потому что он «был на фронте, где получил ранение, награжден орденом Красного Знамени за подвиг Кенигсберга»[19].

Ивашко повествует о бегстве радиста с множеством драматических и маловероятных подробностей, которые в нашем пересказе опущены. Если эта история произошла на самом деле, трудно сказать, по какой причине радист попросил убежища в ЮАР. Была ли это провокация властей или добровольное решение моряка? Так или иначе, случаи добровольного бегства с советских кораблей имели место, хотя сведения о них не разглашались[20].

Сколько русских проживало в Южной Африке в послевоенные годы? Южноафриканская статистика не даст нам ответа на этот вопрос. Известно, что с 1924 по 1949 гг. в ЮАС приехало 1257 уроженцев России, 1987 – Латвии и 9433 – Литвы[21]. Но эти данные нам ничего не говорят о количестве этнических русских, переселившихся в эти годы в ЮАС.

Во-первых, обнародованные южноафриканской статистической службой отчеты не содержали информации о национальности (этнической принадлежности) российских иммигрантов. Как мы знаем, подавляющее большинство выходцев из Прибалтики, поселившихся в Южной Африке были евреями. Соответственно, данные по Латвии и Литве отражают именно еврейскую, а не русскую иммиграцию. Во-вторых, понятие «Россия» в южноафриканской иммиграционной практике не имело четкого определения. Это могла быть и бывшая Российская Империя, и Советская Россия, и Советский Союз и даже прибалтийские республики. Поэтому не исключено, что бо́льшую часть из указанных 1257 «российских» иммигрантов составляли евреи из Прибалтики.

В отсутствии официальных статистических данных придется обратиться к воспоминаниям самих русских эмигрантов. По их оценкам, в 1950–1960-е гг. в Йоханнесбурге и Претории проживало около 50 русских, Кейптауне – около 20, в Дурбане – 10–15, а в целом по стране – около 100. Учитывая, что далеко не все южноафриканские русские посещали богослужения русских священников или жили в трех крупнейших городах, можно оценить численность русских в послевоенной Южной Африке в 150–200 человек.

Глава 2. Причины появления русской общины в Южной Африке

Очень немногим эмигрантам удается полностью порвать со своей национальной идентичностью, культурой, усвоенным с детства образом жизни в прежней социальной среде. Даже Владимир Набоков, чье вживание в англоязычный социум произошло легче, чем у других (возможно, из-за того, что его воспитывала английская гувернантка), признавался в непрекращающейся дихотомии своей натуры. Замещение одних этических норм и ценностей другими, общепринятыми в новой для иммигранта стране, требует изменения психологии, причем не только индивидуальных особенностей, но и тех, которые были усвоены в прежнем обществе. Происходит сравнение старых и новых ценностей, и далеко не всегда первые оказываются менее предпочтительными. Отказ от них представляется нецелесообразным и даже недостойным, но для их сохранения эмигранту требуется сообщество выросших на той же культурной почве.

Еще в 1921 г. литератор и журналист З.Г. Ашкинази писал о русских эмигрантах, покинувших родину после революции и Гражданской войны, как и все основатели южноафриканского русского Общества: «Духовные запросы русской эмиграции огромны и свидетельствуют об исключительно высоком культурном уровне беженцев. Эмигранты 1793 года ничем не заявили себя в культурной области; культурные интересы лондонской и швейцарской эмиграции 48-го года вполне удовлетворялись десятком–другим тощих памфлетов и герценским „Колоколом“. В нынешней же эмиграции наблюдается совсем другое. Любая случайная кучка людей, заброшенных в чужую обстановку, нищих и голодных, сейчас же выделяет из себя более культурные элементы – и через месяц–другой где-нибудь в Софии, в Ревеле, в Зее Амурской, в Буэнос-Айресе появляется русская газета»[22].

Почему же в Буэнос-Айресе русские эмигранты уже к началу 1920-х гг. не только осознали необходимость объединения, но даже начали выпускать газету, а в Южной Африке, куда наши соотечественники устремились еще в конце XIX в., ничего подобного не произошло вплоть до 1952 года, когда в Йоханнесбурге возникло «Общество русских эмигрантов».

Дело в том, что до Второй мировой войны российская иммиграция в Южную Африку была преимущественно еврейской. Русские евреи в ЮАС, несмотря на ностальгию и интерес к российским делам, были сравнительно быстро поглощены уже существовавшей еврейской общиной. Ведь в этой стране их было во много раз больше, чем собственно русских. Кроме того, надо учитывать неприятие евреев частью русской общины Южной Африки, видевшей в них виновников революции. Послереволюционная волна российской эмиграции докатилась до ЮАС только к концу 1930-х гг. Но все равно вплоть до начала 1950-х гг. численности русских было, по-видимому, недостаточно для формирования общины.

Другой важной причиной, тормозящей формирование общины, был довольно высокий уровень благосостояния русских эмигрантов в Южной Африке. Подобная ситуация, по сведениям В.И. Рябовой, наблюдалась в предвоенном Марокко: «У марокканской [русской] общины не оказалось серьезных проблем, которые бы ее сплачивали, поскольку основная масса [эмигрантов] после долгих мытарств оказалась в сытом и благополучном положении. Забота о преумножении достигнутого состояния, наоборот, вела к разобщению»[23].

Поэтому в Йоханнесбурге русская община образовалась как средство культурной, а не материальной взаимопомощи. «Мы решили, что нам необходим небольшой русский центр и, особенно, русская церковь, – вспоминал один из основателей «Общества русских эмигрантов» в Йоханнесбурге В.А. Иванов. – Такое место, где наша община могла бы собираться. И мы хотели сохранить наш националь-

ный культурный облик. Поэтому мы решили создать в Южной Африке русскую ассоциацию»[24].

Пик деятельности «Общества русских эмигрантов» пришелся на 1950–1960-е годы. Йоханнесбургская община заняла главенствующее место среди русских объединений в Африке южнее экватора. Именно сюда из Найроби перенес свою резиденцию единственный на всем пространстве от Сахары до мыса Доброй Надежды русский священник. Из Южной Африки он впоследствии совершал поездки по Африканскому континенту, окормляя верующих не только в Бельгийском Конго, Мозамбике, Северной и Южной Родезии, но даже в Эфиопии и Египте. Таким образом, в эти десятилетия Йоханнесбург стал одним из важнейших центров русской эмиграции в Африке.

Первым председателем Общества стал предприниматель Михаил Сергеевич Свиридов (1894–1970), выпускник Петроградского института путей сообщения. В Южную Африку он приехал из Шанхая еще в 1925 году[25]. Свиридовы оказались в Кейптауне случайно, по пути в Канаду, где планировали поселиться. Но из-за проблем с канадской визой они остались в Южной Африке[26]. Михаил Сергеевич основал крупную инженерную компанию, которая занималась разработкой систем водоснабжения по всей стране, а также спроектировала нефтепровод из Дурбана в Йоханнесбург. В начале 1950-х из Китая в ЮАС эмигрировал и архитектор Петр Сергеевич Свиридов (1889–1971), автор комплекса зданий Харбинского политехнического института и родной брат Михаила Сергеевича.

Для большинства тех, кто стоял у основания йоханнесбургской общины, родина была чем-то вроде сказочной, идеальной страны детства, ведь многие из них попали за границу в очень юном возрасте, а некоторые родились уже за рубежом. Если их родители жили в состоянии «психологической раздвоенности», не желая расставаться с прошлым и отвергая обывательскую, духовно, а нередко и материально обездоленную жизнь в эмиграции, то сами южноафриканские русские, выросшие уже за границей, гораздо тверже стояли на земле. Они лучше были адаптированы к условиям зарубежья, поскольку сформировались как личности именно в эмиграции. Они получили образование в Европе, свободно владели иностранными языками и, как правило, имели специальность, востребованную в Южной Африке.

Почти все члены «Общества русских эмигрантов» жили в достойных бытовых и материальных условиях, не испытывая отторжения окружавшей их социальной среды. С белыми южноафриканцами их роднили цвет кожи и ненависть к коммунизму. Они были готовы воспринимать другие культуры, изучали не только английский, но и африкаанс – второй государственный язык ЮАС. Например, Виктор Иванов, председатель Общества, был одним из самых популярных бурских карикатуристов, сотрудничал с самыми влиятельными газетами на африкаанс и в совершенстве владел этим языком.

Тем не менее, русские эмигранты стремились избежать ассимиляции. Хотя их дети выросли стопроцентными южноафриканцами, не владеющими русским языком и далекими от русской культуры, сами эмигранты 30–50-х годов XX века до конца жизни гордились своим происхождением, соблюдали национальные традиции и не забывали родной язык. Полумифическая родина, образ которой сформировался в их сознании по рассказам родителей и их окружения, всегда влекла русских южноафриканцев первого поколения[27].

Удаленность Южной Африки от центров Русского Зарубежья создавала дополнительные трудности. Здесь можно было выписывать русские эмигрантские периодические издания, но они доходили с опозданием из-за больших расстояний[28]. Было трудно достать русские книги, не говоря уж о советских, и стоили они дорого. В ЮАР не долетали позывные русскоязычных радиостанций.

Пожалуй, единственной отдушиной были гастроли музыкантов и танцовщиков, эмигрировавших из России или СССР. В 1962 г. Игорь Стравинский дирижировал в ЮАР исполнением своей «Симфонии псалмов» оркестром Южноафриканской вещательной корпорации. После Второй мировой войны в Южной Африке выступали балерины Александра Данилова (1956), Тамара Туманова (1958), Светлана Березова (1960), Галина Самцова (1964–1975) и Наталия Макарова (1972–1976). Балетмейстер Николай Березов ставил в ЮАР «Лебединое озеро» (1969) и «Ромео и Джульетту» (1970)[29]. В Южной Африке неоднократно и с огромным успехом выступал исполнитель русских народных песен Иван Ребров. Однако к середине 1970-х, после объявления ООН бойкота ЮАР в области культуры, такие гастроли почти прекратились[30].

Об остром желании русских южноафриканцев услышать живую родную речь свидетельствует уже упоминавшийся А.С. Иванченко:

«Никогда не забуду двух русских старичков. Им было лет по восемьдесят, эмигрировали из России в Октябрьскую революцию. И вот, узнав из газет, что в Уолфиш-Бей прибыл советский корабль, они примчались сюда из Дурбана, с противоположного берега Африки. Просили у нашего капитана разрешения посидеть у нас на палубе, чтобы послушать русский разговор.

– Мы тихонечко, господин капитан, – шамкала беззубым ртом старушка.

Было невыносимо жалко и жутко»[31].

Сходная ситуация описана в книге Н.М. Макарова, участника советской антарктической экспедиции, возвращавшейся на родину через Дурбан:

«Вечером к пирсу, где стоит наш теплоход, на большой скорости подъезжает запыленная машина. В ней – седой джентльмен, за рулем – девушка. Джентльмен представляется:

– Леонид Федорович Карасев из Иоганнесбурга.

Этот город находится на расстоянии свыше пятисот километров от Дурбана. Леонид Федорович узнал из газет о прибытии нашего корабля, взял у знакомых автомобиль и, воспользовавшись своим выходным днем, приехал к нам… По-русски он говорит плохо: еще в 1905 году Леонид Федорович под Порт-Артуром попал в плен к японцам. Оттуда он был завербован на работу в Африку, здесь женился и остался навсегда»[32].

Психологическое напряжение эмигрантов, вызванное чувством «географической, информационной и эмоциональной удаленности от России»[33] при отсутствии реальной возможности вернуться на родину обычно разрешалось двумя путями: через ассимиляцию или через объединение. Члены русского Общества в Йоханнесбурге выбрали второй вариант.

Глава 3. Русская община и политика правительства Южной Африки по «подавлению коммунизма»

В середине 1940-х гг. в южноафриканском обществе, в том числе среди правящей элиты страны, авторитет Советского Союза был довольно высок. Но с началом «холодной войны» отношение к СССР в Южной Африке претерпело изменения. Приход к власти в 1948 г. правительства Национальной партии привел к запрещению Коммунистической партии Южной Африки (КПЮА) и значительному сокращению деятельности общества «Друзья Советского Союза» и аналогичных организаций. «Закон о подавлении коммунизма» 1950 г. позволял приостанавливать и запрещать деятельность частных и юридических лиц, сочувствовавших советскому строю.

Во время войны даже члены правительства ЮАС считали престижным делать пожертвования на медицинскую помощь нашей стране и покровительствовать обществу «Друзья Советского Союза». Но в конце 1940-х СССР уже рассматривался как противник Запада и Южной Африки. Это сказалось на взглядах белых южноафриканцев.

Однако на Советский Союз возложила надежды самая обездоленная часть населения страны – черные, видевшие в СССР государство расовой гармонии и равноправия. Вновь, как и в 1930-е гг., общество «Друзья Советского Союза» активно сотрудничало с антирасистскими организациями, такими, как Африканский национальный конгресс, профсоюзы и вскоре ставшая нелегальной компартия. Много лет спустя, в интервью Южноафриканскому институту межрасовых отношений бывший председатель Общества Дуглас Томпсон подтвердил, что все белые, участвовавшие в 1950-е годы в деятельности его организации, придерживались коммунистических убеждений[34].

Зная о связях общества «Друзья Советского Союза» с подпольной компартией южноафриканские власти начали проводить обыски в его

штаб-квартире и преследовать его членов. Общество прекратило существование после того, как в декабре 1956 г. его руководство было арестовано по обвинению в государственной измене.

Об отношении русских эмигрантов к деятельности просоветских организаций свидетельствует недовольство настоятеля йоханнесбургского прихода Симеона Старикова, когда в мае 1954 г. в вестибюле Витватерсрандского университета он увидел выставку фотографий СССР, устроенную обществом «Друзья Советского Союза»[35]. Отцу Симеону вторил его преемник, о. Алексей Чернай, утверждавший, что в Южной Африке была масса советских агентов, сеявших смуту среди черного пролетариата, обещая ему «всю землю и золотые горы». «Не раз иные, узнав, что я русский, и не зная разницу между русским и советским, говорили мне конфиденциальным тоном: „Мы так ждем избавления от наших притеснителей здесь, с приходом русских спасителей из России. Когда они возьмут власть в свои руки – для нас начнется чудная, свободная жизнь!“»[36].

Члены южноафриканской русской общины были лояльны по отношению к власти и идеологии, господствовавшим в этой стране. По сообщению газеты «Ди Фадерланд», русский приход в Йоханнесбурге стал первой религиозной общиной страны, проведшей панихиду по премьер-министру ЮАР, «архитектору апартеида» Хендрику Фервурду после его убийства в сентябре 1966 года[37].

Правящие круги Южной Африки, очевидно, ценили эту лояльность. В годы наиболее последовательного проведения в жизнь политики апартеида и все усиливавшейся антисоветской пропаганды супруга Х. Фервурда принимала у себя дома русских эмигрантов. Когда в 1964 г. у русского православного прихода в Йоханнесбурге возникли финансовые проблемы, его члены обратилось к правительству с просьбой о помощи. В связи с этой просьбой, Элизабет Фервурд встретилась с о. Алексеем и секретарем приходского совета Е.Г. Кандыбой-Фокскрофт. «Она приняла нас очень приветливо, – писала об этом визите Елизавета Григорьевна, – и с большим участием расспрашивала о положении и нуждах нашей церкви… Милая хозяйка приняла все сказанное к сердцу, и видно было, что она рада бы помочь, но у правительства нет фондов для такой цели. Несколько подумав, она сказала, что в летний сезон она попробует помочь нашей церкви устроить концерт, чтобы наша церковь получила хотя бы половину бенефиса. Прием прошел в исключительно радушной атмосфере, и беседа затянулась на лишние полчаса»[38].

Е.Г. Кандыба-Фокскрофт поддерживала теплые отношения с вдовой Фервурда до последних лет своей жизни. Об этом свидетельствует их переписка, сохранившаяся в архиве Университета Южной Африки, где Кандыба-Фокскрофт возглавляла русскую кафедру. Например, в 1975 г. Елизавета Григорьевна прислала Элизабет Фервурд экземпляр отчета о своей поездке в Советский Союз, который та прочла с большим интересом[39].

Настоятель русского прихода в Йоханнесбурге разделял политические симпатии Е.Г. Кандыбы-Фокскрофт и одобрял политику правительства Национальной партии: «Людям, которые только критикуют происходящее в Южной Африке издалека, никогда там не побывав, следует поехать и пожить некоторое время в этой стране, а потом уже составлять собственное мнение, отдав должное реформам в сфере прав человека и межрасовых отношений, которые здесь проводятся. Возможно, они проводятся не так быстро, но прежде чем бегать, надо сначала научиться ходить»[40]. Следует иметь в виду, что к концу 1970-х годов, когда о. Алексей написал эти строки, в ЮАР еще не было проведено никаких серьезных реформ по искоренению апартеида[41].

Южноафриканские власти использовали русских эмигрантов в своих целях. Правительство ЮАР видело в них противников коммунизма, а значит – своих союзников. Например, Леонид Всеволодович Мансырев (1922–1985), активно трудившийся на благо антибольшевистского движения в Германии, по приезде в Южную Африку стал работать переводчиком и консультантом по русскому языку и международной политике в Министерстве обороны страны и редактировал местный проправительственный журнал[42].

Антикоммунизм русских южноафриканцев соответствовал настроениям, господствовавшим и в других странах среди эмигрантов послереволюционной волны, вывезенных из России в детском возрасте или родившихся за границей. Именно эта группа составляла большинство в русской общине ЮАР 1950–1970-х годов. Одна из причин их антикоммунизма – тяжелая психологическая травма, нанесенная революцией и Гражданской войной.

В этом отношении показательны сочинения учеников крупнейшей школы Русского Зарубежья, гимназии в Моравской Тржебове, на тему «Мои воспоминания с 1917 г. до поступления в гимназию». Анализ этих сочинений, написанных еще в 1923 году, демонстрирует, что «почти у всех детей с революцией и Гражданской войной связаны страдания, душевный перелом. Почти всегда вину за случившееся дети возлагают на большевиков. Подавляющее большинство юных эмигрантов – непримиримые и убежденные враги Советской власти; их ненависть по-детски безгранична»[43].

Также нельзя не согласиться с объяснением лояльного отношения русской общины к апартеиду, предложенным о. Хризостомом Франком, настоятелем прихода Миссии св. Николая Японского в Йоханнесбурге и заведующим кафедрой церковной истории в Университете Южной Африки: «[Православные эмигрантские общины в ЮАР] обычно консервативны или аполитичны и, не желая наживать себе проблемы в стране, которая их приняла, они изо всех сил стараются сделать приемлемым свое пребывание в новом социально-политическом окружении. Позиция сохранения политического и экономического „статус кво“, которой при-

держиваются православные этнические общины, означает, что они в основном поддерживают правительство и закрывают глаза на то зло, которое творится в обществе. Епископы и духовенство, насколько мне известно, никогда в своих посланиях пастве не касаются этических аспектов апартеида или любых других социальных проблем. Причиной этого является их желание оставаться „нейтральными“, не дать вовлечь себя в обсуждение „политических дел“»[44].

Глава 4. Русский православный приход в Йоханнесбурге: успешная попытка объединения общины

Как и в других странах, для эмигрантов послереволюционной волны в ЮАС православие было непременным атрибутом русской идентичности. «Прежние общественные и политические идеалы утратили свое значение, – писал о русских эмигрантах послереволюционной волны о. Ростислав Колупаев, автор монографии о наших соотечественниках в Северной Африке. – Привычные ценности общественного строя, казавшиеся незыблемыми, были не просто поколеблены, но подчас и низринуты со своих пьедесталов… В таких условиях, церковь, из всех привычных общественных институтов, оставалась едва ли не единственным образованием, способным утешить, вдохновить, наполнить внутренним содержанием и силой, помочь преодолеть последствия утрат и душевной пустоты»[45]. «Вокруг церквей объединялись русские, и в центре их общественной и культурной работы почти всегда стоял храм», – отмечал один из первых историков Русского Зарубежья П.Е. Ковалевский[46].

Церковь стала цементирующим элементом русской общины Южной Африки. Аналогичную функцию церковь выполняла и в других русских общинах на континенте. «Во всех странах Северной Африки и в Эфиопии строились новые православные церкви, вокруг них формировались православные общины, которые объединяли эмигрантов, поддерживали их морально, наставляли, помогали адаптироваться», – пишет В.И. Рябова[47]. Правда, в Северной Африке процесс образования русских общин в основном закончился еще до Второй мировой войны.

В первый же год своего существования «Общество русских эмигрантов» пригласило в ЮАС протоиерея Симеона Старикова (1891–1974), основателя и попечителя нескольких приходов Русской православной церкви за границей (РПЦЗ) в Восточной и Центральной Африке.

«О. Симеон Стариков принадлежит к тем священникам, которые приняли сан во имя служения христианской идее, – писал журнал «Часовой». – После более 30 лет деятельности инженером о. Симеон испытал, как и многие, вторую эмиграцию и [в 1945 г.] в Регенсбурге сделался духовным пастырем, не оставляя и большой полезной общественной дея-

тельности, активно участвуя в заботах о переселении за океан своих соотечественников, преподавая в организованной беженской гимназии и непрерывно заботясь о культурных нуждах многочисленных эмигрантских групп, разбросанных по территории Баварии. Затем переезд в Бельгию, откуда он был назначен в африканские страны, – всюду о. Симеон пользовался глубоким уважением и любовью своих прихожан»[48]. Стариков также был членом Российского национального объединения и представителем эмигрантского военного журнала «Часовой» в Кении, а затем и в ЮАС.

О. Симеон прилетел в Южную Африку 1 сентября 1952 г. из своей резиденции в Найроби вместе с женой. Здесь он встретил радушный прием членов будущего прихода, проводил богослужения и лекции. Англиканский архиепископ предоставил С. Старикову для богослужения свой лучший храм, церковь св. Франциска. Русский священник пробыл в Йоханнесбурге около месяца, и за это время было созвано организационное собрание, постановившее основать в ЮАС приход РПЦЗ. Вскоре это решение было утверждено руководством Русской зарубежной церкви: в Южной Африке был создан «приход во имя Св. Равноапостольного и Великого Князя Владимира».

В октябре 1952 г. в Кении началось вооруженное восстание против британского владычества, и было введено чрезвычайное положение. Значительная часть русских, проживавших в этой колонии, эмигрировала. В связи с этим, глава РПЦЗ митрополит Анастасий принял решение о переводе резиденции о. Симеона в Йоханнесбург[49]. 28 марта 1953 г. С. Стариков с женой отбыли в ЮАС.

Благодаря сообщениям Симеона Старикова, регулярно публиковавшимся в «Православной Руси», официальном органе РПЦЗ, можно составить представление о жизни русской общины Южной Африки в 1950-е годы. По свидетельству о. Симеона его йоханнесбургский приход насчитывал около сорока русских и прибалтийских немцев, а также двести сербов, членов общины св. Саввы, у которых не было своего священника[50]. Сербы посещали богослужения вместе с эмигрантами из России и с 1954 г. стали поддерживать русский приход материально.

Число прихожан постепенно росло: например, за 1954 г. прибыло 24 взрослых и 9 детей, что для небольшой русской общины было значительным достижением[51]. У церкви имелись необходимая утварь и иконы. При этом РПЦЗ не выделяла средств на содержание прихода, так что прихожане сами оплачивали содержание священника и его миссионерские поездки, аренду помещения для богослужений, приобретали церковную утварь. Это говорит не только о благополучном финансовом положении сравнительно маленького русского прихода, но и об искреннем интересе и участии его членов. Чтобы активнее вовлечь прихожан в дела общины, о. Симеон старался соблюдать открытость в ведении финансовых дел прихода и регулярно проводил приходские собрания.

Богослужения проводились по воскресеньям и церковным праздникам, чаще всего в здании Шведской церкви. «Ее положение центрально, удобно для всех; плата арендная низкая; пути сообщения удобны, – говорилось в отчете церковного совета за 1954 г. – Но церковь не всегда может быть нам предоставлена, открытый алтарь и прочие неудобства»[52]. Богослужения велись и в англиканском Кафедральном соборе Йоханнесбурга. Православное облачение, утварь и иконы хранились на складе храма. Перед каждым богослужением их извлекали оттуда, а после ее окончания – водворяли обратно.

Уже в начале 1950-х русская община Йоханнесбурга начала собирать средства на приобретение здания, где можно было бы устроить часовню, квартиру для священника и помещения для мероприятий Общества русских эмигрантов. В 1953 г. настоятель обращался с просьбой о пожертвованиях и к читателям «Православной Руси», «дабы организовать здесь единственную для Южной, Восточной и Центральной Африки церковь русскую»[53].

Проводились благотворительные вечера, например, День русской культуры: «Устроителями были: Русское Эмигрантское Общество в Южной Африке, возглавляемое инж. пут. сообщ. М.С. Свиридовым, и Дамским Кружком во главе с И[риной] С[ергеевной] Ивановой [супругой художника и карикатуриста В.А. Иванова]. Зал был украшен национальным и Андреевским флагами и гербами Российской Империи, большими картинами – Св. Владимира, Кремля и Русской Тройки и цветами. Русские девочки в национальных русских костюмах помогали распорядительнице. После «Коль славен» и краткого обращения председателя Общества г. Свиридова М.С. на английском языке, о. Протоиерей Симеон Стариков сделал краткий, но очень содержательный доклад о Русской Культуре. После доклада состоялись различные выступления, литературные и музыкальные»[54]. Такой способ сбора средств был характерен для русских общин и в других странах Африки[55].

Из прихожан был составлен хор под руководством регента Евгения Ивановича Можаровского (1891–1977). Георгиевский кавалер, подполковник бронетанковых войск в годы Гражданской войны, Евгений Иванович в эмиграции работал шофером[56]. Перебравшись в начале 1930-х в ЮАС, Можаровский стал единственным русским таксистом в Южной Африке, вероятно, воспользовавшись опытом, приобретенным еще во Франции. Работа обеспечивала лишь скромный достаток, значительная часть которого уходила на лечение. Можаровский окончил Гражданскую войну инвалидом, а много лет спустя, уже в Южной Африке, подвергся нападению и оглох на левое ухо[57].

«Е.И. Можаров[ский], больной и плохо материально обеспеченный, все же уделяет много времени спевкам, кропотливой работе по созданию нотной библиотеки, подбору хористов», – писал о. Симеон[58]. Отец Евгения Ивановича был священником, в 20–30-е годы служил настояте-

лем храма св. Симеона Дивногорца в Дрездене. Поэтому еще с детства Можаровский хорошо знал церковную музыку. Да и сам он несколько лет проучился в духовной семинарии. Вместе со вторым регентом, баронессой Софьей Александровной фон Раден (1906–2000) Евгений Иванович перевел в нотную запись множество песнопений, которые они оба помнили наизусть. В результате, получился сборник, который с тех пор русский хор использовал во время богослужений. Тексты были записаны как кириллицей, так и латиницей, чтобы даже те дети прихожан, которые не говорили по-русски, могли участвовать в хоре[59].

Софья Александровна, дочь уездного предводителя дворянства Харьковской губернии, в 1919 г. с матерью и сестрами бежала в Германию, где жила и работала до конца Второй мировой войны[60]. В своих воспоминаниях Софья Александровна рассказывает о том, как в годы войны она посещала лагеря «остарбайтеров», старалась помочь им морально и даже материально[61]. В 1945 г. ее семья оказалась в зоне советской оккупации, и С. фон Раден работала переводчиком для офицеров Красной Армии.

Тем не менее, через несколько месяцев она была арестована по обвинению в шпионаже и сотрудничестве с врагом. Как ни странно, ее связи с «остарбайтерами» во время войны вызвали наибольшее подозрение у советских следователей. Оккупационные власти арестовали Софью Александровну, и она провела в германских тюрьмах и лагерях восемь лет. В апреле 1954 года Софье Александровне и ее матери Алисе Юльевне удалось выехать в Западный Берлин, воспользовавшись железнодорожной линией «С–Бан», которая по-прежнему связывала обе части города. По приглашению сестры, Нины Александровны фон Раден, и ее мужа Владимира Александровича Швецова, они летом того же года эмигрировали в Южную Африку. Там Софья Александровна устроилась работать секретарем в представительство германской фирмы, а ее мать давала уроки русского языка.

«Звездой» хора часовни св. Владимира по праву считался один из основателей «Общества русских эмигрантов» Виктор Архипович Иванов (1909–1990), один из лучших южноафриканских карикатуристов[62].

На протяжении 33 лет карикатуры Иванова ежедневно публиковались во влиятельной африканерской газете «Ди Фадерланд». Близость этого издания к националистическим кругам страны позволила Виктору Архиповичу установить доверительные отношения с лидерами партии апартеида, пришедшей к власти в 1948 году. Иванов был лично знаком с Б.Й. Форстером, который в 1966–1978 гг. занимал должность премьер-министра ЮАР.

«Устроившись на работу в „Ди Фадерланд“,… я получил задание отправиться в Кейптаун и сделать около 50 карикатур в парламенте, – вспоминал он. – Мне тогда очень помог Пит Гроблер, министр по делам туземного населения, который приходился племянником Полю Крюгеру. Он мне сказал: „Садись рядом и говори, кого ты хочешь нарисовать. Я его по-

зову“. Депутаты подходили и здоровались: „Добрый день, дядюшка Пит“, а он им: „Поди-ка сюда, сынок“. А я в это время делал наброски»[63].

В Южную Африку Иванов приехал в 1936 г. в составе Хора донских казаков им. атамана Платова. «Должен сказать, что мы были очень взволнованы [предстоящими гастролями], – рассказывал Виктор Архипович, выступавший с хором в качестве певца и танцора. – В детстве мы читали Луи Буссенара, Майн Рида, книги о бурах, о генерале Де Вете, о Поле Крюгере… И я решил остаться в этой стране»[64]. Виктор Архипович не скрывал своих симпатий к африканерам, находя в них много общего с русскими: «Та же любовь к свободе, к необъятным степям, к верховой езде, та же широта натуры, храбрость, то же гостеприимство и… некоторая безалаберность»[65].

Сын генерал-майора Донской Армии[66], Виктор Архипович окончил Донской императора Александра III кадетский корпус в Югославии. Его первым учителем рисования стал генерал-лейтенант Николай Петрович Карпов. «Израненный, кавалер многих орденов, личный друг П.Н. Краснова. А ко всему этому еще и прекрасный рисовальщик, – вспоминал однокашник Иванова. – Преподавал спокойно, не нажимая, не гоняя, но к тем, кто проявлял интерес, – был требователен. И это подгоняло и давало результаты положительные»[67]. «Я ему очень благодарен, – говорил Виктор Архипович об Н.П. Карпове много лет спустя. – Теперь кормлюсь тем, что он вложил в меня»[68].

После генерала Карпова рисование Иванову преподавал портретист Михаил Михайлович Хрисогонов, «настоящий, законченный художник. Работать под его руководством было приятно и интересно»[69]. «Михаил Михайлович Хрисогонов горит на его, любимых нами, уроках рисования, – вспоминал Б.Е. Плотников, руководитель объединения Русских кадет Венесуэлы. – Два часа в классе священнодействует муза»[70]. Виктор Иванов уже тогда рисовал программки для кадетских балов и спектаклей, причем некоторые из них, по признанию его однокашников, были «настоящими произведениями искусства»[71].

Виктор Архипович активно занялся живописью по приезде в Южную Африку, а после войны ездил учиться к европейским мастерам. В 1950 г. первую выставку картин Иванова открывал министр образования, культуры и науки ЮАС. «Мне нравится писать бегущих коней, – рассказывал Виктор Архипович. – Я ведь донской казак… Когда мне было три года я упал с лошади и заплакал. Отец выглянул в окно и крикнул своему ординарцу: „Выпори его! Казаки не плачут!“»[72]. Картины и карикатуры Иванова находятся в собраниях йоханнесбургского музея «Африкана», преторийского Национального историко-культурного музея, Кейптаунского университета, Университета Оранжевого Свободного Государства, городского музея Почефструма[73].

Даже став известным художником, Виктор Архипович продолжал певческую деятельность и брал в Йоханнесбурге уроки у Ольги Рысс, выпу-

скницы Петербургской консерватории и бывшей солистки Берлинского оперного театра[74]. В 1944–1956 гг. Иванов исполнял партии баритона в Йоханнесбургском городском оперном театре. Вместе с основателем южноафриканской Национальной оперной ассоциации Алессандро Рота он с успехом гастролировал по стране и записал пластинку цыганских, казацких и русских народных песен «От донского казака с любовью». А по воскресеньям в ресторане «Зу Лейк» Иванов проводил традиционные вечера русской песни[75].

В течение многих лет В.А. Иванов занимал должность председателя «Общества русских эмигрантов в Южной Африке». Он создал иконы для домовой церкви святого Владимира и для часовни в «Русском доме», созданном в Йоханнесбурге в конце 1960-х. «…Будучи одновременно певцом и художником, благодаря своему веселому нраву, [Иванов] был душой русских собраний, на которых всегда пел русские песни, аккомпанируя себе на гитаре», – вспоминал о. Алексей Чернай[76].

Об отношении В.А. Иванова к Советской России можно судить по сборнику «Вторая мировая война в карикатурах», куда вошли его рисунки, появившиеся на страницах «Ди Фадерланд» в 1939–1945 гг.[77]. Иванов не видел существенной разницы между Сталиным и Гитлером, обвинял СССР в агрессии против Польши и прибалтийских республик, а на исходе войны горько сожалел о доминировании Советского Союза в Восточной Европе. Он призывал Великобританию и США отказаться от слишком тесного сотрудничества с Россией и убеждал читателей не доверять коммунистам. Ни в одной из приведенных в сборнике карикатур не прослеживается ни малейшей симпатии к Советской России или Красной Армии. На иллюстрации, посвященной самому тяжелому периоду Сталинградской битвы, художник изобразил Россию в виде огромного, грозного медведя, отбивающегося от германского орла. Очевидно, по мысли художника, ни та, ни другая сторона не должна была вызывать сочувствие у читателя газеты.

Третьим солистом хора русской церкви в Йоханнесбурге был Николай Львович Краснокутский, владевший в этом городе магазином антиквариата и ювелирных изделий. Его отец, нотариус Лев Николаевич Краснокутский (1875–?) был женат на внучатой племяннице Л.Н. Толстого Елизавете Николаевне Нагорновой (1875–?)[78]. Николай Львович, бывший студент медицины в Московском университете[79], после революции провел несколько лет в Эстонии, потом жил в Германии, откуда в 1951 году вместе с семьей переселился в Южную Африку.

Обязанности чтеца во время богослужений выполнял доктор биологических наук Борис Иванович Балинский (1905–1997) – один крупнейших эмбриологов мира, основоположник электронной микроскопии на Африканском континенте. Бывший заместитель директора Зоологического института Академии наук Украинской ССР, автор ряда монографий[80], Балинский покинул Советский Союз в годы Великой Отечествен-

ной войны вместе с отступавшими немецкими частями[81]. В Южную Африку он с семьей переехал в 1949 г. из Великобритании[82].

Борис Иванович первым из южноафриканских биологов использовал в своих исследованиях электронный микроскоп. Профессор Балинский написал более сотни научных работ и несколько монографий по экспериментальной эмбриологии и энтомологии. Его учебник «Введение в эмбриологию», увидевший свет в 1960 г., стал самым популярным в мире учебником по этой отрасли биологии и выдержал семь изданий на английском, два – на японском и на итальянском и одно – на испанском языках.

В 1954–1973 гг. Борис Иванович заведовал кафедрой зоологии в Витватерсрандском университете, одном из лучших в стране[83]. В 1965–67 гг. он также занимал должность декана факультета естественных наук этого университета. Сын Бориса Ивановича, Иван Борисович Балинский (1934–1986), выпускник Витватерсрандского университета, продолжил дело отца. С середины 1970-х он заведовал кафедрой зоологии в Университете штата Айова.

Секретарем церковного совета в 1950-е гг. был горный инженер Владимир Александрович Швецов (1903–1973), один из первых русских эмигрантов послереволюционной волны, получивших южноафриканское гражданство[84]. Его родители еще до революции поселились в Харбине. В начале 1920-х Владимир Александрович поехал учиться во Фрайбергскую горную академию. Здесь, в Германии, он познакомился со своей будущей женой, баронессой Ниной Александровной фон Раден (1912–?), родной сестрой Софьи Александровны[85].

Владимиру Александровичу была предложена работа на золотоносном месторождении в Южной Африке, и в 1935 году Швецовы переехали в эту страну. Через несколько лет семья перебралась в Йоханнесбург, где Владимир Александрович занялся частной инженерной практикой. Его жена Нина Александровна начала деловую карьеру. В 50–60-х годах она работала директором нескольких южноафриканских компаний[86].

Среди прихожан о. Симеона были известный в Йоханнесбурге гомеопат Татьяна Ивановна Харди (Соколова; 1895–1961); издатель экономического журнала Борис Гаврилович Кошелев (1903–1977)[87], выпускник Русского кадетского корпуса в Сараево, эмигрировавший в ЮАС из Бельгии; владелец оружейного магазина Николай Львович Яле (род. в 1922 г.), приехавший в Южную Африку из Испании в начале 1950-х; топограф Александр Феофанович Столяренко (1893–1977), капитан Генштаба Российской императорской армии[88].

Самыми пожилыми членами прихода были баронесса Евгения Николаевна Кандыба-Каульбарс (1879–1963)[89], дочь составителя первых российских карт Австралии, Южной Америки, Африки, Аравии[90], удостоенная Николаем II золотой медали за самоотверженную работу в качестве

сестры милосердия во время русско-японской и Первой мировой войны; баронесса Ксения Романовна Фредерикс (1882–1963), чей сын Всеволод Михайлович (1915–1988) возглавлял корпункт агентства «Франс Пресс» в Южной Африке[91]; и Елизавета Леонидовна Миллер (1884–1970), сестра переводчика «Божественной комедии» Михаила Лозинского и жена юриста Владимира Анатольевича Миллера (1885–1958), многолетнего председателя Союза русских адвокатов во Франции[92].

При русском приходе было организовано церковное сестричество, которое вело благотворительную работу, устраивало вечера, лотереи, помогало малообеспеченным членам прихода, собирало средства для помощи православным монастырям в зарубежье[93]. В деятельности церковного сестричества участвовала жена настоятеля, Маргарита Павловна (1894–1974), удостоенная за свои труды в Южной Африке благословенной грамоты от главы РПЦЗ – митрополита Анастáсия.

Летом 1953 г. при церкви св. Владимира открылась воскресная школа, которая к концу десятилетия «охватила почти всех [русских] детей и подростков»[94]. С. Стариков преподавал Закон Божий, а его жена – русский язык. «Трудность на первых порах заключается в том, – писал настоятель, – что часть детей не говорят даже по-русски, и приходится поначалу давать объяснения по-английски»[95]. Община также планировала создать в Йоханнесбурге собственный дом для престарелых и приобрела для этих целей участок земли.

По церковным праздникам русская церковь проводила торжественные богослужения в англиканском кафедральном соборе Йоханнесбурга. Вот как описывает С. Стариков рождественское богослужение в Южной Африке:

«Непривычно встречать Великий Праздник среди чужой природы! Закроешь глаза, и невольно картины встают зимнего пейзажа, „настоящей“ елки… А тут еще неполадки: вследствие распространившейся болезни (полио[миелит]) запрещены скопления детей и школьные елки… Все-таки постарались сделать так, чтобы русского человека вернуть хотя бы в воспоминаниях к прекрасному прошлому… Великое Повечерие, на котором умело и прекрасно читал наш чтец, проф. местного университета Б.И. Балинский, перешло в литургию и торжественную утреню. По окончании службы сестричество роздало для всех русских детей рождественские пакеты-подарки с прекрасно выполненными большими пряниками-Дедами Морозами, затем сербы и гости-русские перешли в соседнее с церковью зало, где начался древний сербский ритуал рождественского дуба»[96].

Таким образом, христианские праздники, устраиваемые приходом, были «русско-сербскими», включавшими в себя ритуалы и обычаи, характерные для обоих народов. Тесная связь этих общин сохранилась вплоть до середины 1990-х годов.

«Прекрасное прошлое» для русской общины Южной Африки ассоциировалось, помимо прочего, с монархией, что соответствовало на-

строениям, господствовавшим в Русской зарубежной церкви. Ежегодно 17 июля приход отмечал День скорби по царской семье. «Все было облачено в черный цвет, среди которого ярко выделялись белые южноафриканские цветы, – писал настоятель об одном из таких богослужений. – По окончании божественной литургии прот. С. Стариковым было сказано слово, посвященное священной памяти убиенного Императора Николая II Александровича и Его Августейшей семьи, и была совершена панихида. Было умилительно видеть, как в далекой от родного Урала стране стоит коленопреклоненный народ… В единодушной молитве прошла панихида, и долго еще народ не расходился из храма»[97].

Настоятель русского православного прихода время от времени совершал поездки по стране, по нескольку недель проводил в Кейптауне и Дурбане, где устраивал богослужения для местных русских эмигрантов. Иногда о. Симеон посещал русских, живших в странах Южной, Восточной и Центральной Африки. Например, осенью 1956 года о. Симеон совершил миссионерскую поездку по Бельгийскому Конго, Южной и Северной Родезии[98].

Невозможность регулярных поездок по стране и региону объяснялась скудостью средств и немногочисленностью русской общины ЮАС. «Невозможно посещать одиночек и живущих на далеких расстояниях друг от друга русских, недоступно по материальным условиям, – говорилось в отчете С. Старикова о приходском собрании 1955 года. – …Общение часто ограничивается перепиской по духовным вопросам, посылкой литературы, иконок, получением помянников для молитв и принесения Бескровной жертвы за живых и мертвых, и т.д… Но большие скопления посещаются… Из близких городов (Претория) и пригородов люди сами приезжают для молитв и треб»[99].

Работа протоиерея С. Старикова была высоко оценена синодом Русской православной церкви за границей, который в 1955 г. наградил настоятеля «за его ревностную и самоотверженную деятельность вдали от духовных центров и в тяжелых условиях Африки»[100].

Из-за болезни сердца С. Стариков был вынужден покинуть ЮАС во второй половине 1958 года. По прибытии в США он был назначен настоятелем прихода Воскресения Христова в Санта-Барбаре[101]. Здесь он провел успешную кампанию по сбору средств на строительство первого в этом городе русского храма. О. Симеон скончался в сентябре 1974 г., но церковь в Санта-Барбаре была возведена еще при его жизни[102].

Глава 5. Второй этап истории русского православного прихода в Йоханнесбурге: кризис и несбывшиеся надежды

Новым главой всех приходов Русской православной церкви за границей в Южной, Центральной и Восточной Африке стал архимандрит

Алексей (Александр Николаевич) Чернай (1899–1981). О. Алексей служил настоятелем русских приходов в Литве, после Второй мировой войны выехал в Германию, откуда в 1948 г. перебрался в США. До того, как А. Чернай был направлен в ЮАС, он служил настоятелем в храме города Хьюстона в штате Техас.

«…В конце октября [1958 года], если не ошибаюсь, – вспоминал о. Алексей, – я получил Указ от Владыки Анастасия о моем новом назначении Администратором всех русских православных общин в Южной Африке… Владыка Анастасий говорил мне, что в Южной Африке существуют большие возможности для развития православия и что очень важно иметь там подходящего человека и что в Синоде шли в то время обсуждения по этому вопросу»[103]. Вероятно, руководство РПЦЗ считало, что в результате деколонизации на Африканском континенте все большее количество русских будет перебираться в ЮАС. Поэтому оно направило в эту страну священника такого высокого сана – архимандрита.

25 января 1959 года о. Алексей прибыл в Йоханнесбург. По дороге из аэропорта Евгений Иванович Можаровский, который вызвался отвезти священника на квартиру в своем такси, сообщил ему следующее: «Среди нас только русские и сербы. Русские, за малым исключением, принадлежат к первой волне эмиграции. Сербы приехали после Второй мировой войны. В Южной Африке их гораздо больше, чем нас… Черные наши службы не посещают. Они здесь, в основном, используются в качестве прислуги. Они медленно развиваются»[104]. Проведя несколько лет в ЮАР, священник записал: «Увы! За некоторыми исключениями, большинство черных еще во многом, как дети, и далеко не готовы к политическому равенству»[105].

О. Алексей тогда, конечно, не подозревал, что вскоре ему представится возможность начать миссионерскую деятельность среди черных африканцев. Дело в том, что в 1962 г. представители Африканской ортодоксальной церкви (АОЦ) изъявляли желание объединиться с русским православным приходом в Йоханнесбурге. АОЦ была одной из немногих независимых африканских церквей, признанных южноафриканским правительством. Ее глава, Д.У. Александер, был произведен в сан епископа Дж.А. МакГуайром, основателем АОЦ в США и активистом Пан-Африканского движения. Как раз в начале 1960-х в южноафриканской АОЦ наметился конфликт с американской патриархией. Александер признавал за американцами лишь духовное лидерство и протестовал против вмешательства патриарха в дела приходов АОЦ на юге Африки.

Предвидя назревающий раскол, прихожане Африканской ортодоксальной церкви из Лесото обратились к о. Алексею с просьбой принять их под свое начало. В Йоханнесбург несколько раз приезжал священник АОЦ и убеждал русского настоятеля посетить Лесото. О. Алексей все же отклонил это предложение, ссылаясь на недостаточное владение англий-

ским языком. Однако более существенной причиной было, по-видимому, его нежелание вступать в конфликт с властями из-за контактов с черными[106]. Аналогичные просьбы о. Алексей получал и от африканских священников из Дурбана и Кейптауна, которые хотели перейти в лоно русской православной церкви. Всем им было отказано[107].

О. Алексей в своих мемуарах объяснял, что со стороны южноафриканских властей ему «был сделан намек, что в случае ослушания правительственной линии – возможно, отнимут право на жительство. Ввиду интенсивной и все увеличивающейся советской пропаганды[108], среди белых и гл. обр., черных, могли бы произойти осложнения, так как наивные черные верили, что русские явятся их освободить и возможно решили, что наша церковь – представительница советской церкви в СССР и будет первым шагом в этом направлении!»[109]. В очерке для юбилейного издания «Русская православная церковь за границей» суть дела изложена еще откровеннее: «Правительство, как сказали архимандриту Алексею в некоторых правительственных учреждениях, оказалось категорически против того, чтобы черные имели какую-то ни было связь или были окормляемы Русской Церковью. Черные не имеют права входить в церковь и молиться вместе с белыми, в особенности с русскими. Правительство опасалось какой-то мерещившейся ему коммунистической пропаганды»[110].

Но Хризостом Франк считает, что главной причиной отказа о. Алексея принять в свой приход представителей африканской церкви была не просто боязнь неприятностей со стороны властей: «Православие появилось здесь одновременно с прибытием этнических общин, с их программой служения, а не как миссия, направленная на евангелизацию страны. Это означает, что по своему характеру православие в Южной Африке – диаспора… Православные здесь, как и повсюду, зачастую чувствуют себя перемещенными лицами, лишь временно пребывающими в той стране, где они теперь живут, а на самом деле принадлежащими иной стране, даже, может быть, мифической; даже если они никогда и не бывали на своей „настоящей родине“… Мышление в категориях „диаспоры“ означает, что многие люди, как православные, так и не православные, чаще всего понимают православие в Южной Африке как исключительно этническое явление»[111].

Конечно, слова о. Хризостома более справедливы в отношении греческой православной общины, нежели русской и сербской. Ведь русские и сербы в Йоханнесбурге проводили совместные богослужения и считались членами одного прихода. Но необходимо учитывать, что сербы воспринимались русскими как «братья», в силу исторических условий и отношений между нашими народами. Немаловажно и то, что РПЦЗ, которую представлял о. Алексей, зародилась в Сербии, в Сремских Карловцах, и с первых же лет своего существования поддерживала теплые отношения с сербским патриархом Варнавой. Тем не менее, как только у

сербской общины появился шанс образовать приход, независимый от русского, они им воспользовались.

«Когда возможность евангелизации местных жителей, – продолжает о. Франк, – была просто преподнесена русскому православному священнику на блюдечке, он отказался от этой миссии… Нет сомнения, что „не связываться“ посоветовали ему активисты прихода. В результате возможность осуществить эту важнейшую миссию была утрачена»[112].

Впрочем, такая же установка была характерна не только для русской, но и для греческой православной общины. Когда о. Хризостом спросил местного греческого священника о том, как лучше организовать миссионерскую работу среди черных, тот ответил, что такая деятельность невозможна во избежание потенциальных осложнений в отношениях с правительством. Власти получили заверения в том, что греческое духовенство будет работать только с греческими общинами.

Что касается АОЦ, то в 1963 году она откололась от американского патриархата, и Дж.У. Александер переименовал ее в Африканскую ортодоксальную церковь Южной Африки. Однако через много лет слияние АОЦ и православной церкви все же произошло. В 1993 г. часть епископов и священнослужителей АОЦ перешли под начало Коптского Патриархата в Александрии. Еще одна группа священников Африканской ортодоксальной церкви в 1997 г. обратилась к Александрийскому Патриархату с просьбой о вхождении в его южноафриканскую епархию[113].

Но вернемся к русскому приходу в Йоханнесбурге. Важным новшеством, введенным о. Алексеем с первых месяцев его пребывания в Йоханнесбурге, было издание православного миссионерского бюллетеня. Эти тонкие брошюры, набранные на печатной машинке, а затем размноженные, стали, вероятно, первым периодическим изданием русской диаспоры Южной Африки.

По словам о. Алексея, он начал выпускать свой бюллетень еще в Литве в 1925 г. во время своего первого священнического служения и издавал его во всех своих приходах – в Германии, США, Мексике и, наконец, в ЮАС. Первые страницы бюллетеня занимали статьи о предстоящих церковных праздниках и постах и о вопросах православной веры. Затем шли сообщения из жизни прихода, некрологи и, наконец, расписание богослужений[114]. Экземпляры бюллетеня не только распространялись среди йоханнесбургских прихожан, но и отправлялись в другие города страны.

Миссионерский бюллетень выходил вплоть до 1974 г., когда о. Алексей покинул Южную Африку. Сначала это издание выходило ежемесячно, но, по словам священника, бюллетень «к сожалению, как-то не прививался, мало имел отклика… И последнее время [в 1970-е гг. – *Б.Г.*] стал выпускаться с большими перебоями; отчасти по немощам моим и отчасти, что не имел интереса, да и некоторыми он и не раскрывался…»[115].

В своих воспоминаниях А. Чернай писал, что, за редким исключением, среди его южноафриканской паствы не было религиозного пыла. «Мы встречались только либо в часовне англиканского собора, либо дома у кого-нибудь из прихожан. Многие из них знали, что, поскольку я – монах, меня нельзя приглашать в гости вместе с другими людьми, а только одного, и что разговор наш не должен касаться мирских дел, которые представляли для моих прихожан основной интерес. Поэтому мои собеседники чувствовали себя довольно скованно и неестественно»[116].

Для большинства русских эмигрантов религия занимала далеко не главное место в жизни. Православие было для них важно постольку, поскольку оно позволяло им ощутить свою причастность к огромному русскому этносу и к далекой России. Такое отношение к церкви проявилось еще в годы Гражданской войны. По свидетельству главы военного духовенства Русской Армии, епископа Вениамина Федченкова, «церковь, архиереи, попы, службы, молебны – все это для белых было лишь частью прошлой истории России и прошлого старого быта, неизжитой традиции и знаком антибольшевизма, протестом против безбожного интернационализма»[117]. Поэтому во всем мире эмигранты послереволюционной волны, стремясь к поддержанию русских традиций за рубежом, отказывались от некоторых строгих старых обычаев и искали новые формы организации церковной жизни[118]. Аналогичная тенденция проявилась и в Южной Африке, особенно со второй половины 1960-х.

В 1960 году настоятель англиканского собора, ввиду резкого увеличения своей паствы за счет чернокожих прихожан, попросил о. Алексея поискать другое помещение для православных богослужений. Греческий митрополит Никодим ничем не смог помочь русскому приходу. Тогда общине св. Владимира пришлось снова перебраться в шведскую церковь. Проводить православные богослужения в протестантском храме было неудобно, и поэтому с новой остротой встал вопрос об аренде специального здания. Члены русской и сербской общин собрали для этого необходимую сумму.

Вскоре подходящее помещение было найдено. Дом из пяти комнат, принадлежавший литовскому эмигранту Мильнеру, находился в самом центре города, по адресу Кох-Стрит, 41. О. Алексей вспоминает, что его прихожане предполагали, что новая церковь «будет оплотом не только для нас, в Иоганнесбурге, но для всех православных русских и сербов от мыса Доброй Надежды до Кении и до Каира»[119]. Наконец, в декабре 1960 года, через восемь лет после создания русского прихода, в этом здании была освящена часовня св. Владимира[120]. В том же доме поселился и сам священник.

«Дом оказался как раз тем, что мы искали, – писал о. Алексей. – Он был расположен на тихой улице, но близко от центра, с садиком и в двух кварталах от одного из главных парков в городе… В доме было пять

комнат, ванная, кухня и задний двор с помещением для двух черных. Комнаты были большие, с высокими потолками и с верандой спереди во всю ширину дома»[121].

Поскольку русский приход находился на канонической территории Александрийского Патриархата, для русской общины очень важно было поддерживать добрые отношения с его представителями в Южной Африке. «Неоднократно совершал в нашей церкви литургию греческий экзарх Никодим, а после его кончины – заменивший его митрополит Павел, который благоволил ко мне и приезжал не только служить у нас, а иногда просто заезжал на чашку кофе», – писал о. Алексей[122].

О степени взаимопонимания между греческой церковью и небольшим русским приходом в Йоханнесбурге говорит и то обстоятельство, что александрийский патриарх во время своего визита в ЮАР провел богослужение в часовне св. Владимира. «Высокий, представительный патриарх Николай VI был величав в своем роскошном облачении, так контрастирующим с нашей скромной, маленькой, но убранной, как невеста, – ради него, церковью!»[123].

Хотя о. Алексей плохо говорил по-английски, он, кажется, не испытывал трудностей в повседневном общении. «В городе было много магазинов, где я всегда мог найти кого-нибудь, кто говорил на моем родном языке, – вспоминал он. – Поскольку я всегда, и дома и на улице, носил традиционное облачение русского священника и большой крест, меня часто останавливали русские евреи, и мы с ними находили много общего… Я познакомился с несколькими еврейскими семьями и особенно подружился с Абрамовичами, Веллерами, Резниками, Бергерами и др. Восьмидесятилетний Илья Абрамович стал моим близким другом… Иногда он посещал наши богослужения, потому что они напоминали ему о детстве в России…»[124].

В Претории, столице ЮАР, расположенной недалеко от Йоханнесбурга, в 50–60-е годы проживало не более десяти русских эмигрантов, которые не всегда имели возможность посещать часовню св. Владимира. Поэтому о. Алексей время от времени приезжал в столицу и проводил для них богослужения в местной католической часовне или в пресвитерианской церкви св. Андрея, а иногда принимал участие в богослужениях в греческом храме.

В эти годы в Претории жил один из крупнейших энтомологов страны Юрий Стефанович ван Зон (1898–1967), автор четырехтомного справочника «Бабочки Южной Африки», который до сих пор остается самым авторитетным научным трудом по этой теме[125]. Сын графини Н.Е. Комаровской и голландского генерала С. ван Зона[126], Юрий Стефанович покинул Россию во время Гражданской войны и поселился в Нидерландах, где был принят на работу в Лейденский музей. Когда в 1923 г. Ю.С. ван Зону была предложена должность в Трансваальском музее в Претории, он сразу же согласился и в том же году отправился в Южную Африку[127].

В Трансваальском музее Юрий Стефанович до последних лет жизни возглавлял отдел энтомологии.

Среди прихожан о. Алексея в Претории был и Леонид Всеволодович Мансырев (1922–1985), консультант Министерства обороны ЮАР[128]. Еще до переезда в Южную Африку Леонид Всеволодович активно участвовал в антикоммунистическом движении[129]. В ЮАР он приехал в 1972 г. по приглашению сенатора Молла и получил должность редактора журнала «Ту де Пойнт». Таким образом, Мансырев продолжил семейную традицию: его отец, Всеволод Серафимович (1898–1944), еще в начале 1930-х издавал в Риге газету «Наше время», а дед, член Государственной Думы Серафим Петрович Мансырев (1866–1928), во время Гражданской войны редактировал в Ревеле газету «Новая Россия»[130].

В редакции южноафриканского журнала, проводившего линию правительства Национальной партии, Мансырев проработал несколько лет. Затем Леонид Всеволодович перешел в Министерство обороны, где стал консультантом по иностранным языкам и международной политике[131]. В начале 1970-х Мансырев был избран старостой прихода св. Владимира.

Продолжая традицию, заложенную о. Симеоном, о. Алексей совершал миссионерские поездки – особенно в первые годы своего пребывания в Южной Африке, до начала процесса деколонизации в регионе. Поскольку у общины не было возможности покрывать дорожные расходы священника, он посещал русских эмигрантов в других частях страны и континента по пути в США или по дороге обратно. Поездки в Америку оплачивали его дети, и настоятель имел возможность взять обратный билет до Кейптауна и Дурбана или других африканских городов.

В конце 1950-х–начале 1960-х А. Чернай посетил русских эмигрантов и проводил службы в Египте, Юго-Западной Африке, Бельгийском Конго, Южной Родезии, Мозамбике и Кении. За «усердную пастырскую и самоотверженную миссионерскую деятельность» Архиерейский Синод РПЦЗ в 1963 г. наградил архимандрита Алексея Благословенной грамотой[132].

Обретение независимости колониями на территории Африки стало возможным благодаря росту национального самосознания и усилению борьбы африканского населения за свои права. В 50–60-е гг. эта тенденция наблюдалась и в Южной Африке. Протесты черного населения против дискриминационной политики правительства Национальной партии жестоко подавлялись властями, как это произошло в 1960 г. в Шарпевилле, когда полиция открыла огонь по демонстрации африканцев, в результате чего 68 человек погибли и более 200 были ранены.

В стране было введено чрезвычайное положение, проведены массовые аресты и запрещены АНК и ПАК. Уйдя в подполье, эти организации начали вооруженную борьбу на территории Южной Африки. В декабре 1961 г. «Умконто ве сизве», вооруженное крыло АНК, осуществило пер-

вые диверсионные операции в пригородах Йоханнесбурга и Порт-Элизабета. За последующие три года на территории ЮАР было проведено не менее 300 диверсий. «Мы полагали, – объяснял Н. Мандела, – что планомерное разрушение электростанций, нарушение работы железных дорог и телефонной связи отпугнет из страны вкладчиков капиталов, затруднит своевременную доставку товаров из промышленных районов в морские порты и в долгосрочной перспективе создаст большие трудности для экономической жизни страны, что побудит избирателей страны пересмотреть свою позицию»[133].

Эти события беспокоили русскую общину, которая боялась лишиться лишь недавно обретенных стабильности и безопасности. Русские эмигранты связывали африканское освободительное движение с коммунистами, с теми, от кого много лет назад пострадали их семьи и они сами. «…Здесь было много коммунистических агентов, – утверждал о. Алексей, – советы тайно вооружали черных. Страна имеет много бесконечных просторов, и невозможно уследить, где могут спускаться советские аэропланы и сбрасывать оружие»[134].

Русским в Южной Африке не давала покоя мысль о том, что даже в далеком краю, за тысячи километров от Советской России и социалистических стран Восточной Европы, им так и не удалось уберечь себя и своих близких от угрозы революции. В 1961 г., через год после событий в Шарпевилле, секретарь приходского совета Е.Г. Кандыба-Фокскрофт сообщала читателям «Православной Руси»: «Положение… здесь становится все серьезней. Мы, горсточка русских, испытали одну революцию и отдаем себе отчет в том, что нас ожидает, возможно, еще худшая участь… Еще сколько раз будет нам дано встретиться и вместе праздновать день распространения света христианства – до тех пор, когда мрак наступающего язычества охватит и эту, приютившую нас, страну?!»[135].

Ко второй половине 1960-х южноафриканским властям удалось подавить забастовочное движение, расправиться с активистами-подпольщиками и крайне затруднить деятельность АНК и ПАК на территории страны. Но тревога за будущее не оставляла русских эмигрантов. «Внешне все здесь как бы спокойно, – писал о. Алексей в эти годы, – но озлобление черных растет, и пропаганда очень сильна. Все живут под страхом, не зная, когда может вспыхнуть то же, что и в Конго. Когда прорвется эта плотина ненависти и зла и зальет кровью новых жертв?.. Не знаем ни дня, ни часа. Поэтому многие стараются покинуть страну. Положение русской православной миссии здесь очень трудное; материальное – очень тяжело. В общинах стало мало людей»[136].

Русские эмигранты, переселявшиеся в ЮАР из бывших африканских колоний, были немногочисленны и почти не влияли на размеры йоханнесбургской общины. Они не способствовали росту оптимизма среди прихожан о. Алексея, особенно когда делились с ними такими историями:

«Один из наших попался в пленение, и на его глазах происходили ужасы пыток и медленной смерти в мучениях: черные отрезали постепенно части тела, уши, носы, отсекали руки и подпаливали огнем, а затем рубили тело на части и употребляли в пищу»[137].

Из бывшего Бельгийского Конго в Южную Африку переехал Федор Михайлович Михайлов (1899–1993), который до этого работал в Леопольдвиле начальником отдела текстильного предприятия[138]. Убежденный противник большевиков, Федор Михайлович присоединился к Белому Движению уже в ноябре 1917 г., вступив в Добровольческую армию. Закончил войну в звании поручика, и в рядах врангелевской Русской Армии эвакуировался в Галлиполи, а затем в Болгарию и, наконец, в Бельгию[139]. На Африканском континенте Михайлов поселился, по-видимому, еще до Второй мировой войны. В конце 1960-х в Йоханнесбурге Федор Михайлович был избран старостой, а его жена Елена Алексеевна – старшей сестрой русского прихода св. Владимира.

Тем временем церковь покинули несколько ее активных членов. В 1963 году скончалась Евгения Николаевна Кандыба. Через несколько лет умерли и Ксения Романовна Фредерикс и Елизавета Леонидовна Миллер.

Перестал посещать богослужения и один из основателей «Общества русских эмигрантов» предприниматель Константин Константинович Владыкин (1910–1969)[140]. У него дома русские жители Йоханнесбурга собирались еще в конце 1930-х. Семья Владыкиных больше не ходила в церковь св. Владимира с тех пор, как их единственный сын попал в автокатастрофу и умер, несмотря на усилия врачей и молитвы о. Алексея.

Настоятель прихода писал, что среди русских в ЮАР Константин Константинович «считался большим тузом»[141]. Владыкины были совладельцами крупной компании по огранке алмазов в Йоханнесбурге[142], а впоследствии Константин Константинович основал собственную фирму.

По воспоминаниям дочери Константина Константиновича, ее отец, в отличие от многих других южноафриканских русских, отличался терпимостью в вопросах политики. Он принимал у себя в один и тот же вечер Хелен Сузман, депутата от либеральной Прогрессивной партии, судью Петруса Весселса, члена Верховного Суда ЮАР, и даже адвоката Брэма Фишера, члена компартии, защищавшего Нельсона Манделу на Ривонийском процессе[143]. При этом сам Владыкин голосовал за умеренную Объединенную партию.

После смерти сына К.К. Владыкин отошел от дел и переехал в провинцию Наталь. Недалеко от Дурбана он построил для своей семьи дом, который назвал «Теремок». Сейчас в этом здании находится дорогой отель, где останавливаются такие «звезды», как кинорежиссер Режис Варнье, актеры Дэнни Гловер и Уэсли Снайпс[144].

В конце 1960-х должность казначея русского прихода в Йоханнесбурге заняла пенсионерка Ольга Леонардовна Байкова. Она приехала в Южную Африку из Франции в первые годы после Второй мировой войны вместе с мужем, кавалерийским офицером, лейб-драгуном Георгием Евгеньевичем Байковым (1895–1953). В ЮАС Георгий Евгеньевич работал торговым представителем[145].

Руководителем церковного хора стала Гертруда Тамм, которой удавалось поддерживать исполнительский уровень на достойном уровне. Пение хора русской часовни св. Владимира было записано для южноафриканского радио и прозвучало в эфире.

Муж Гертруды, Николай Николаевич Тамм (1904–1974), перешел в православие после того, как в Йоханнесбург прибыл первый русский священник – раньше он был лютеранином[146]. Н.Н. Тамм принадлежал к семье потомственных архитекторов из города Ревеля. Его дед, Николай Тамм-старший, был одним из первых эстонских зодчих[147]. Однако Николай Николаевич не продолжил дело своего отца и деда и стал горным инженером. В ЮАС Тамм эмигрировал из Германии в 1948 году и имел частную инженерную практику в Йоханнесбурге[148].

К середине 1960-х гг. для общины св. Владимира настали непростые времена. Ее основу составляли прихожане, которым было уже за пятьдесят, и пенсионеры, а второе поколение русских эмигрантов не интересовалось церковными делами. Среди некоторых членов общины росло недовольство настоятелем, особенно тем, как велись финансовые дела прихода. Стало трудно содержать священника, платить за аренду помещения и собирать достаточное количество прихожан на богослужения.

Пытаясь поправить положение, руководство общины обратилось к правительству ЮАР с просьбой о помощи. Тогда и состоялась упомянутая встреча о. Алексея с супругой премьер-министра ЮАР Элизабет Фервурд. Члены общины проводили благотворительные вечера в пользу русской церкви, в которых принимали участие не только прихожане церкви св. Владимира, но и профессиональные южноафриканские музыканты, певцы, танцовщики[149].

Однако средств по-прежнему не хватало. «Цены росли, – вспоминал А. Чернай. – Число прихожан сокращалось. Некоторые из них покидали страну. Других не интересовала церковь. Те, кто остался, не могли платить мне больше, чем в предыдущие годы. Не желая быть обузой для церкви, я решил искать работу»[150].

В 1964 г. священник устроился в трансваальское отделение Библейского общества. Эта международная организация распространяла Священное Писание на многих языках мира, в том числе и на русском. О. Алексею было поручено заведовать книжным складом, где хранились библии, предназначенные для рассылки по всей Африке. В подчинении у него были индийцы и черные. «Я обращался с нашими рабочими, как

отец, и они относились ко мне, как к отцу, – писал священник. – Мы начинали рабочий день с молитвы (мое нововведение), и мои черные говорили мне, что никогда лично мне не причинят вреда, в случае революции и переворота, потому что я обращался с ними, „как с белыми“»[151].

Глава 6. Возникновение «Русского дома» и расформирование прихода св. Владимира

Численность прихода св. Владимира поддерживалась, в основном, за счет сербов. Однако вскоре количество прихожан о. Алексея резко сократилось: в Йоханнесбург приехал сербский священник, и в Йоханнесбурге был основан «Сербский дом»[152]. Теперь службы о. Алексея посещали только русские – всего тридцать восемь человек[153].

Здоровье настоятеля значительно ухудшилось. В 1969 г., когда ему исполнилось семьдесят, о. Алексей оставил работу в Библейском обществе. Он ослеп на один глаз, страдал от артрита, часто лежал в больнице. Регулярные контакты с русскими в других городах страны прервались. Также прекратилась связь йоханнесбургского прихода с русскими, проживавшими в получивших независимость Северной Родезии и Бельгийском Конго.

Цены росли, а большинство членов русской православной общины уже вышли на пенсию. Они не только не могли больше финансировать поездки о. Алексея за пределы Йоханнесбурга – им стало трудно даже содержать его самого. «Раньше, – писал настоятель, – воззвания к другим, главным образом бурским, церквам, организованные нашим секретарем, Елизаветой Григорьевной, приносили хорошие результаты, теперь же все принуждены были экономить»[154].

Богослужения в церкви св. Владимира в начале 1970-х продолжались, как и прежде, но часовня заполнялась лишь на одну треть. Хор потерял своих лучших певцов, и его руководителю Гертруде Тамм уже не удавалось сохранять прежний, высокий стандарт церковного пения.

В 1973 г. секретарь прихода Елизавета Григорьевна Кандыба-Фокскрофт в статье для Южноафриканской энциклопедии отмечала: «Русская колония в Южной Африке является одной из самых малочисленных. В стране в настоящее время проживают примерно 60 человек, родившихся в России, говорящих по-русски и являющихся прихожанами Русской православной церкви. Эти данные не включают потомков русских, родившихся в Южной Африке… Поскольку приток русских в Южную Африку прекратился, наша колония вымирает. Молодое поколение либо не знает русского, либо перестало на нем говорить»[155].

«Мы собирались, как и раньше, каждое воскресенье, – писал о. Алексей, – и вместо того, чтобы думать о будущем, вспоминали прошлое. Казначею

было все труднее свести концы с концами. Пропорционально все увеличивавшейся инфляции возросла стоимость аренды помещения, телефонных и коммунальных услуг, продуктов… Доктора… никогда не брали с меня ни гроша как со священника, даже евреи, а мне все чаще приходилось посещать их и лечиться у них. Их совет был – уезжать, пока не поздно. Понемногу мои духовные чада и я сам начали приходить к тому же заключению. Были бы перспективы в будущем – все было бы иначе, но, оценивая положение реалистично, становилось все ясней, что их, увы, не было, а жить прошлым, питая иллюзии о настоящем, граничило бы с самообманом»[156].

«Итак, я решил покинуть Южную Африку, – продолжал о. Алексей. – Нигде я не окормлял паству так долго, как там – целых шестнадцать лет… Я полюбил Южную Африку – ее просторы, напоминающие мне Россию, природу и жителей, не только моих духовных чад, но других, ставших моими друзьями, от которых за все те годы я не видел ничего, кроме понимания и добра…»[157].

В сентябре 1974 г. архимандрит Алексей Чернай уехал в США, где был назначен настоятелем прихода св. Иоанна Кронштадтского в Сан-Диего. О. Алексей скончался в декабре 1981 г., южноафриканский приход Русской православной церкви за границей был упразднен во второй половине семидесятых годов, а здание на Кох-стрит, где прежде располагалась часовня св. Владимира, было снесено.

Так завершилась история йоханнесбургского прихода св. Владимира. Причины его упразднения, названные о. Алексеем и Е.Г. Кандыбой, в общем, справедливы: естественное вымирание общины, отсутствие притока новых русских эмигрантов, отделение сербской общины, нехватка средств на аренду здания и содержание священника, недостаточная религиозность основной массы русских эмигрантов в ЮАР.

Выше говорилось о том, что после Второй мировой войны южноафриканское правительство начало активную кампанию по привлечению европейских иммигрантов. И, тем не менее, в 60–70-е гг. в ЮАР неизбежно сокращалась численность русских, не подвергшихся ассимиляции. Почему же в те годы русская община Южной Африки почти не пополнялась? Для ответа на этот вопрос рассмотрим те изменения, которые произошли в отношении властей страны к иммиграции в первые послевоенные десятилетия.

Либеральная иммиграционная политика правительства Смэтса середины 1940-х гг. вызывала недовольство в рядах оппозиционной Национальной партии, которая заявляла, что иммигранты усугубляют жилищный кризис и безработицу в стране, монополизируют самые высокооплачиваемые должности и составляют слишком большую конкуренцию местным кадрам[158]. Но, самое главное, оппозиция видела в действиях правительства Объединенной партии стремление увеличить, прежде всего, английское население ЮАС и тем самым сократить численный разрыв между британцами и африканерами.

Националисты в то время считали, что только африканеры являются подлинными южноафриканцами. Национальная партия утверждала, что южноафриканцы британского происхождения – носители двойной лояльности, стоящие одной ногой в Африке, а другой – в Европе. Иностранец мог стать частью африканерской нации – то есть, настоящим южноафриканцем – только если он «признавал своей Родиной Южную Африку, выучил африкаанс, воспринял традиционные воззрения белого населения страны и исповедовал протестантизм»[159].

Всем этим требованиям удовлетворяли лишь немногие из тех иммигрантов, которые приехали по программе Смэтса. Поэтому, как только в 1948 году националисты пришли к власти, они занялись пересмотром иммиграционной политики ЮАС. Если в 1930-е годы они успешно препятствовали притоку в Южную Африку прибалтийских и германских евреев, то в 1950-е годы их усилия были направлены против англичан – «двурушников» и «проводников империалистической идеи», которые в перспективе могли осложнить для африканерских националистов достижение их республиканского идеала.

Ограничения, введенные новым правительством, повлияли не только на потенциальных иммигрантов из Великобритании, но и из других стран Европы. Отборочные комитеты были расформированы, а соглашение с судоходной компанией о предоставлении льготных билетов для иммигрантов – расторгнуто. Процедура рассмотрения заявления теперь включала обязательное медицинское обследование, и требования к квалификации и политической благонадежности потенциального иммигранта ужесточились[160]. В результате, в 1949 году иммиграция в Южную Африку, по сравнению с предыдущим годом, сократилась более чем вдвое.

Это сокращение коснулось и наших соотечественников. Если в 1948 г. в ЮАС иммигрировало 69 человек, родившихся на территории России, то в 1949 г. – уже 41 человек[161]. По нашим оценкам, численность русских иммигрантов, поселившихся в Южной Африке в последующее десятилетие, сократилась вдвое, по сравнению с 1946–49 гг. Показательно, что в 1950-е Россия и СССР уже не фигурировали в отчетах об иммиграции, ежегодно публикуемых южноафриканской статистической службой. Разумеется, это не значит, что в то десятилетие наши соотечественники вообще не иммигрировали в Южную Африку, но отсутствие данных о них косвенно свидетельствует о том, что в эти годы в ЮАС переселялось чрезвычайно мало россиян.

К 1955 году бурно развивавшаяся южноафриканская экономика нуждалась в 90 000 квалифицированных специалистах, которых невозможно было найти внутри страны[162]. Под давлением деловых кругов ЮАС власти страны организовали несколько «рекрутинговых экспедиций» в Нидерланды, Бельгию, Германию и даже Великобританию, а также открыли иммиграционное представительство в Гааге. Но эти полумеры не принесли существенных результатов.

Новый поворот в иммиграционной политике южноафриканского правительства, произошел в первой половине 1960-х с началом полномасштабной кампании по привлечению европейских иммигрантов. Руководство Национальной партии оправдывало смену курса не только экономическими соображениями, но и тем, что после обретения страной в мае 1961 года формальной независимости от Великобритании и провозглашения республики исчезла проблема «двойной лояльности» южноафриканцев английского происхождения. Все больше англичан голосовало за националистов, и поэтому идеологи партии решили, что лозунг борьбы с «британским империализмом» более не актуален. На первый план выходила «черная угроза», против которой должны были объединиться все белые южноафриканцы. Поэтому приток европейских иммигрантов теперь стал необходим и по социально-политическим причинам.

Иммиграционная программа, проводимая властями ЮАР с 1961 года и вплоть до конца 1980-х, включала финансовую поддержку иммигрантов (частичная оплата билетов до Южной Африки и временного жилья, беспроцентный заем на обустройство в Южной Африке), помощь в трудоустройстве и поиске жилья и таможенные льготы. По прибытии иммигрантов в ЮАР специалисты вновь учрежденного Министерства иммиграции организовывали их встречу, проезд до места назначения внутри страны, оказывали содействие в поиске работы и общей адаптации. Центры по отбору потенциальных иммигрантов были организованы в Афинах, Берне, Брюсселе, Кельне, Глазго, Гамбурге, Лиссабоне, Лондоне, Милане, Мюнхене, Париже, Риме и Вене. Процедуры рассмотрения заявлений были значительно упрощены[163].

Воспоминания настоятеля русского прихода в Йоханнесбурге о. Алексея Черная свидетельствуют, что в этот период стало более благоприятным и отношение южноафриканских властей к перемещенным лицам. Священник пишет, что в годы его служения «был момент..., когда южноафриканское правительство было готово принять партию из русских Ди-Пи откуда-то из Италии. Их было около 1500 человек, и они были в ведении Объединенных Наций»[164].

Это намерение не было реализовано. В Южной Африке русская община не была настолько влиятельной, чтобы лоббировать свои интересы, как это происходило, например, в Аргентине, куда устремлялись тысячи русских эмигрантов послевоенной волны. По сообщению газеты «Русская мысль», настоятель православной церкви в Буэнос-Айресе о. Константин Изразцов в 1947 году испросил у президента этой страны 25000 виз для перемещенных лиц из СССР. «Надо отметить, что этот почтенный пастырь пользуется у аргентинских властей большим почетом и доверием. Списки, присланные им, проходят беспрепятственно в дирекции иммиграции»[165].

Несмотря на то, что правительство Национальной партии рассматривало эмигрантов из социалистических стран Восточной Европы как

своих союзников в борьбе против коммунизма и поощряло их иммиграцию в страну[166], на численности русской диаспоры 1960–70-х это практически не сказалось. В Южную Африку ехали поляки, венгры, чехи, словаки, югославы и даже советские евреи из Израиля – но не русские.

Итак, почему в те годы, когда существовали жесткие ограничения, как, например, в конце 1930-х, русские эмигранты в большем количестве переезжали в Южную Африку? Почему в 60–70-х русских не привлекали ни льготы на проезд, ни щедрые подъемные, ни помощь в трудоустройстве и поиске жилья, ни масштабная рекламная кампания?

Что касается тех русских эмигрантов, которые покинули Россию после революции и Гражданской войны, будучи совершеннолетними, и проживали за пределами Африканского континента, то к 1960-м годам они достигли того возраста, когда человек уже «тяжел на подъем» и, как правило, не готов отправиться жить в далекую и незнакомую страну. Дети эмигрантов, а также те, кто уехал из послереволюционной России в юном возрасте, выросли, получили образование и адаптировались к жизни в тех странах, где поселились их родители. Кризис послевоенных лет уже миновал, и не было острой необходимости покидать обжитые страны Запада, Северной и Южной Америки. Также вероятно, что некоторые эмигранты второго или третьего поколения, приезжавшие жить и работать в ЮАР в 60–80-е гг., ассимилировались и не поддерживали связи с местными русскими общинами.

В то же время, у коренных жителей Западной Европы, прежде всего, у британцев, которые в эти годы активно эмигрировали в ЮАР, существовали многолетние связи, в том числе родственные, с Южной Африкой. Эта страна никогда не была центром притяжения русской эмиграции. О ней в Русском Зарубежье было известно очень мало, в отличие от других стран, стимулировавших иммиграцию, – таких, как Канада и Австралия, где уже существовали крупные русские общины. Эти общины составляли приглашения, «вызовы» для своих соотечественников. Нередко они брали на себя ответственность за обустройство иммигрантов на новом месте, и эти поручительства повышали шансы получения вида на жительство. В Южной Африке таких возможностей не было из-за крайней малочисленности и ограниченности финансовых возможностей местной русской общины.

Что касается русских эмигрантов, проживавших в Родезии, Бельгийском Конго и Мозамбике, то они, предвидя неотвратимость деколонизации на континенте, в основном, стремились вернуться в метрополию или уехать в другие западные государства, а не остаться в Африке. На принятие решения об эмиграции в ЮАР влияла и нестабильная политическая ситуация в этой стране, особенно после расстрела в Шарпевилле (1960 г.) и восстания в Соуэто (1976 г.), и растущая международная изоляция режима апартеида.

Бывшие «перемещенные лица», которым в послевоенные годы было запрещено иммигрировать в Южную Африку, к 1960-м уже прочно обосновались в других странах или были возвращены в Советский Союз. А советская эмиграция 60–70-х, в основном, состояла из представителей национальных меньшинств, которые выезжали в Израиль, Германию, Грецию. «Пятидесятники», в массовом порядке покидавшие СССР, будучи сектантами, не приветствовались иммиграционными властями ЮАР. Советские диссиденты предпочитали селиться в традиционных центрах российской эмиграции, к которым Южная Африка не принадлежала.

К сожалению, мы пока мало знаем об отношении южноафриканских властей 60–70-х к русским иммигрантам, но, возможно, в эти годы еще сохранялись предубеждения – например, опасение, что в страну таким путем могут проникнуть советские агенты. Об этом свидетельствует и замечание о. Алексея в его очерке для юбилейного издания РПЦЗ, вышедшего в 1968 году: «…правительство охотно всех принимает, за исключением, к сожалению, русских»[167].

Южноафриканская русская молодежь, которой было чуждо эмигрантское самосознание, была далека от православия как от религии, несмотря на то, что для их родителей церковь являлась символом непрерывающейся связи с Россией. Второе поколение русских эмигрантов ощущало себя южноафриканцами. Ностальгии по России они не испытывали. Русские эмигранты второго поколения без труда вливались в ряды своих сограждан, разделенных, главным образом, по расовому признаку. Белый цвет кожи и сочувствие или, по крайней мере, нейтральное отношение к расовой политике правительства обеспечивали им равноправие с другими «европейцами» в Южной Африке.

О. Хризостом Франк, говоря о греческой православной общине страны, вспоминал еще об одном важном моменте, характерном и для русской церкви в ЮАР: «Когда я служил в храме Пантанассы в Йоханнесбурге, родители часто приводили ко мне своих детей-подростков с тем, чтобы я их „определил“. Чаще всего эти подростки – не по своей вине – очень слабо представляли себе православие и, когда их иной раз брали в церковь, тяготились долгими службами, языка которых они не понимали, предпочитая ходить к евангелистам или уж в чисто сектантские общины. Печальная действительность состояла в том, что их родители приехали в Южную Африку в поисках лучшей жизни для себя и своих детей, большую часть времени и энергии отдавали этим поискам, а между тем просто оказались неспособны передать детям веру».[168]

Одна из главных тем дискуссий о судьбе прихода св. Владимира касалась места религии в русской общине. По-видимому, часть прихожан, включая Е.Г. Кандыбу-Фокскрофт, считала, что церковь должна играть ведущую, самую важную роль в общине: «Русский дух, способный на героизм, не находит творческого поприща здесь и довольствуется рассу-

ждениями о политике, погоде, взвешивает качества, или чаще недостатки подобных себе и плотно приземляется, отдавая должную честь бесподобной русской кухне…»[169]. Такое «приземление», по мнению единомышленников Елизаветы Григорьевны, вело к потере духовности и, соответственно, самобытности.

В то же время, большинству южноафриканских русских священник был нужен, прежде всего, как проповедник, а не как руководитель общины. Для них православие представляло собой противоположность безбожной вере коммунистов, как объединяющее начало, но не как смысл существования русской общины. Эти противоречия имели драматические последствия для маленького русского прихода в Йоханнесбурге.

Глава 7. Русская община Йоханнесбурга в 1968 – первой половине 1980-х: «Русский дом» как общинный центр

Важной причиной упразднения йоханнесбургского прихода, о которой о. Алексей лишь косвенно упоминает в своих воспоминаниях, стал раскол в самой общине, приведший к образованию «Русского дома» с собственной часовней. «Много трудностей было у меня и у моих верных духовных чад, когда против нашей церкви восставали и старались погубить ее темные силы, – писал священник. – Были даже анонимные письма с угрозой убить меня. Мы боролись… В первый раз в моей миссионерской деятельности пришлось мне столкнуться там с завистью, даже ненавистью и клеветой…»[170].

Раскол, о котором идет речь, был вызван недовольством большинства членов «Общества русских эмигрантов» тем, как велось управление самим приходом и его финансовыми средствами. Часть прихожан, включая основателей «Общества русских эмигрантов» М.С. Свиридова, В.А. Швецова, В.А. Иванова, А.Ф. Столяренко, перестали ходить в часовню св. Владимира. Их поддержали многие другие члены Общества.

Значительная часть общины бойкотировала своего настоятеля. Неприятие о. Алексея «диссидентами» было настолько острым, что они решили основать альтернативную общинную организацию. Учредители «Русского дома», напомним, были теми самыми людьми, которые пригласили священника РПЦЗ в Южную Африку. Вероятно, решение об основании новой, отдельной от прихода св. Владимира организации стало для них крайней мерой.

Можно предположить, что, будучи не в состоянии разрешить противоречия с о. Алексеем, будущие создатели «Русского дома» обратились к руководству Русской зарубежной церкви, но не получили поддержки. В то же время, и сербские прихожане о. Алексея не могли быть довольны сложившейся ситуацией. Чем меньше русских оставалось в приходе

св. Владимира, тем большая часть затрат по содержанию священника и часовни ложилась на плечи сербов. В результате, члены общины св. Саввы организовали «Сербский дом» и пригласили в Южную Африку постоянного сербского священника. Учредители «Русского дома» воспользовались этой ситуацией. Сербский настоятель начал проводить богослужения и в их часовне.

О. Алексей жаловался на нехватку денег и малочисленность прихожан. Но в то же время у «Общества русских эмигрантов» было, по–видимому, достаточно средств, чтобы приобрести и содержать здание «Русского дома». Причем, службы, собрания и встречи проводились там не только в 60-70-е, но и вплоть до конца 1990-х годов.

«Русский дом» был открыт 31 мая 1968 г.[171], в седьмую годовщину провозглашения Южно-Африканской Республики. Он расположился в одноэтажном здании, приобретенном «Обществом русских эмигрантов» в престижном йоханнесбургском районе Йоувилл. С конца 1960-х «Русский дом» стал центром притяжения русских эмигрантов в ЮАР при неуклонном снижении влияния прихода св. Владимира.

Незадолго до отъезда из Южной Африки о. Алексей в последнем выпуске своего бюллетеня обратился к членам «Русского дома» с призывом к объединению и примирению. В некрологе Н.Н. Тамма настоятель, отмечая миролюбие и доброжелательность покойного, писал: «И хочется верить, что ради светлой памяти незабвенного и светлого Николая Николаевича, на радость ему, теперь, в том мире, все сотворим мир; сольемся в единую русскую семью; и не будет больше никого разделять пагубный раскол, а в мире, братолюбии, смирении и всепрощении, подражая примеру покойного, будете в единении строить свою и общественную русскую православную жизнь, помогая друг другу»[172].

Это обращение о. Алексея не было услышано членами «Русского дома» – хотя бы потому, что они не читали бюллетень общины св. Владимира. Впрочем, священник не ограничился лишь этим воззванием. Он направил В.А. Иванову, председателю «Общества русских эмигрантов», письмо, в котором делился своей тревогой за будущее расколотой «русской колонии», и без того малочисленной. О. Алексей призвал «всех сотворить мир, сплотиться в единую русскую православную семью, и да не будет больше никого разделять пагубный раскол… Я ничего не ищу теперь здесь, только одного мира среди вас; и с миром в душе отправиться в дальний путь на место своего служения, унося в сердце радость»[173].

В.А. Иванов поблагодарил священника за проявление доброй воли. Он уточнил, что «Русский дом» всегда выступал за объединение, но лишь на своей территории. «В ответ только могу повторить, – писал Виктор Архипович, – что наш Русский Дом и наша Церковь имени Св. Николая всегда открыты для всех русских и их друзей… Искренне надеемся, что вскоре наше объединение будет полным, и с радостью будем

приветствовать всех тех, которые нас до сих пор не посещали»[174]. Копии обеих этих писем вместе с приглашением присоединиться к членам «Русского дома» Общество разослало прихожанам о. Алексея, обратив призыв настоятеля себе на пользу.

В своем письме В.А. Иванов сообщал, что богослужения в «Русском доме» проводил серб, о. Савва, который «был рукоположен в священники в Сергиевском Подворье в Париже». Намек ясен: Сергиевское подворье находилось в ведении Парижского экзархата, основанного противником РПЦЗ, митрополитом Евлогием. Экзархат придерживался более либерального подхода к православию и советскому государству и обвинялся иерархами Зарубежной церкви в симпатии к обновленчеству, тяге к экуменизму и даже в сотрудничестве с Московской Патриархией. При Сергиевском подворье в середине 1920-х годов был образован Богословский институт, в котором преподавал прот. Сергей Булгаков, прот. Георгий Флоровский, проф. А.В. Карташев и другие богословы, чьи взгляды осуждались РПЦЗ. Вероятно, конфликт с отцом Алексеем привел основателей «Русского дома» к отходу от более консервативной Зарубежной церкви.

Чтобы собрать средства на создание «Русского дома», члены «Общества русских эмигрантов» устраивали благотворительные концерты, базары, обеды, аукционы картин В.А. Иванова и репродукций полотен В.Г. Третчикова, очень популярного в те годы южноафриканского художника. Среди основателей «Русского дома» были В.А. Швецов (его первый председатель), В.А. Иванов (ставший председателем в начале 1970-х), Н.Л. Краснокутский (ставший председателем в 1980-е) и Е.П. Ладыженская (первый хранитель).

В настоящее время сведения о деятельности «Русского дома» можно почерпнуть только из бесед с его бывшими членами. Значительная часть приводимой ниже информации предоставлена Верой Борисовной Беляковой, исследователем русского дворянства в ЮАР и членом «Русского дома» с конца 1970-х. На протяжении многих лет она брала интервью у других членов этой организации и собрала уникальный архив документов по истории российской эмиграции в Южной Африке.

«Русский дом» был задуман, прежде всего, как общинный, а не религиозный центр. В этом было его основное отличие от общины св. Владимира. Тем не менее, православные обряды занимали важное место в деятельности «Русского дома». Говоря о роли церкви, исследователь Русского Зарубежья М. Назаров отмечал, что «в „бесплотном“ эмигрантском состоянии, в отрыве от родной земли, очень остро чувствуется потребность в материальных ее символах… Кто-то писал, что бывает странно выходить из русского храма и видеть иностранную улицу»[175].

«Для „Общества русских эмигрантов“ самой важной задачей было создание собственной церкви, – вспоминал В.А. Иванов. – Русская православная церковь всегда играла важнейшую роль в истории России.

Для нас здесь было важно воспитать наших детей, соблюдая православные традиции»[176].

В «Русском доме» была создана часовня св. Николая Чудотворца, для которой Виктор Архипович Иванов написал иконы. Службы в 1970-е годы проводились каждую неделю, по воскресеньям, а впоследствии – в первое воскресенье месяца. Первым настоятелем в «Русском доме» был сербский священник о. Савва, в совершенстве владевший русским. Сербские священники вели богослужения в «Русском доме» вплоть до конца 1990-х. О. Савва читал молитвы на русском, другие священники – на церковнославянском. После богослужений традиционно устраивалось чаепитие и началось неформальное общение – то, ради чего и был создан «Русский дом».

Первым хранителем в «Русском доме» была Евгения Петровна Ладыженская (1893–1982), дочь уездного предводителя дворянства Саратовской губернии[177]. В 1920–30-е гг. она, подобно многим эмигранткам из благородных семей, занялась пошивом модной одежды и даже владела в Ницце бутиком, обслуживавшим американских туристов. Во Франции Евгения Петровна познакомилась с Сомерсетом Моэмом, Сергеем Дягилевым, Иваном Буниным.

«Десять лет спустя, – вспоминала Евгения Петровна, – друзья, с которыми я познакомилась на Ривьере, уговорили меня приехать в Англию. Там я в течение года занималась пошивом модной одежды, но в стране началась депрессия, и мне не удалось продать те 175 платьев, которые я привезла из Франции»[178]. Ладыженская решила покинуть Европу и в конце 1930-х гг., по приглашению супруги Патрика Данкэна, генерал-губернатора ЮАС, переехала в Южную Африку.

Поселившись в Йоханнесбурге, Евгения Петровна вновь занялась изготовлением модной одежды, быстро овладела африкаанс и завела знакомства в среде тогдашней политической элиты, включая премьер-министра ЮАС, генерала Яна Смэтса[179]. В 1941 г., желая воплотить в жизнь мечту о собственном имении, Ладыженская приобрела ферму в Восточном Трансваале.

В конце 1960-х Ладыженская вернулась в Йоханнесбург. Она вела курсы русского языка для научных работников на геологическом факультете Витватерсрандского университета и в преторийском Техническом колледже. Евгении Петровне было уже за семьдесят, и преподавание русского было для нее единственным источником дохода. Возвращение Ладыженской в Йоханнесбург совпало с открытием «Русского дома». Ладыженская стала его хранителем. Здесь она принимала учеников, была хозяйкой и центром всеобщего внимания. В начале 1970-х Ладыженская переехала в Кейптаун, где давала уроки русского языка сотрудникам и студентам местного университета и работала присяжным переводчиком.

Первым казначеем и секретарем «Русского дома» был капитан российского Генерального штаба Александр Феофанович Столяренко

(1893–1977). На исходе Гражданской войны он эвакуировался с частями Русской армии в лагерь близ города Салоники[180]. В Греции он познакомился со своей будущей женой, вместе с которой они в 1948 году переехали в Южную Африку. В Йоханнесбурге Александр Феофанович работал топографом, а его супруга владела магазином модной дамской одежды[181].

Во второй половине 1970-х казначеем и секретарем «Русского дома» стала Антонина Афанасьевна Джорджевич (урожд. Музаки), работавшая у Н.Л. Краснокутского в магазине антиквариата и ювелирных изделий[182]. Антонина Афанасьевна покинула СССР после Второй мировой войны. Ее семью репрессировали в 1937 году. Отца и сестру расстреляли. Антонине Афанасьевне повезло: еще в начале 1930-х отец устроил ее в Посольство Греции, воспользовавшись тем, что у нее был греческий паспорт. В Москве Антонина узнала о трагической судьбе своей семьи и о том, что ее младшая сестра Ольга жива и отбывает срок в Устьвымлаге на лесозаготовках.

На одном из приемов Антонина Афанасьевна познакомилась со своим будущим мужем Божидаром Джорджевичем (1910–1969), вторым секретарем Посольства Королевства Югославии[183]. Божидар хотел, чтобы Антонина уехала вместе с ним из СССР, но она решила, что не сделает этого до тех пор, пока Ольга не выйдет на свободу. Благодаря усилиям греческого посла Ольге сократили срок, и в 1944 г. сестры, наконец, встретились в столице.

В феврале 1945 г. Антонина Афанасьевна покинула Москву и на борту самолета, арендованного греческим посольством, отправилась в Тегеран, а оттуда вылетела в Каир, где в то время работал Божидар. Ее муж не мог вернуться в Югославию, где к власти пришли коммунисты, поэтому супруги Джороджевич собирались эмигрировать в США, ЮАС, Аргентину или Бразилию. Южноафриканскую визу оказалось получить проще всего, и весной 1946 г. Антонина Афанасьевна и Божидар поселились в Йоханнесбурге. Бывший дипломат работал продавцом, контролером на макаронной фабрике и винном заводе, содержал мясную и бакалейную лавку. В середине 1960-х по рекомендации М.С. Свиридова Божидар устроился в международный отдел южноафриканской корпорации «Атлас Эркрафт», занимавшейся производством военных самолетов.

В 1980-е годы секретарем «Русского дома» была Тамара Николаевна Тэйлор (1911–1991). Ее отец Николай Львович Марков (1882–1957) служил адъютантом командующего русским экспедиционным корпусом в Персии генерала Н.Н. Баратова, а в 1920 г. был назначен начальником штаба Гилянских экспедиционных сил Персидской Казачьей Его Величества Шаха дивизии[184]. Выпускник петербургской Академии художеств, Николай Львович стал в Персии придворным архитектором шаха. По проектам Маркова в Тегеране построены здания Министерства финансов, Военного министерства, Министерства юстиции, Медицинской

школы при Тегеранском университете, русский православный храм св. Николая[185].

Во время Второй мировой войны его дочь, Тамара Николаевна, участвовала в движении «Свободная Франция»[186]. В конце 1940-х она эмигрировала в Южную Африку с мужем, британским офицером Джорджем Тэйлором, который устроился работать в табачную компанию в Дурбане, а позднее – в Йоханнесбурге. Вместе в А.А. Джорджевич и Эвелин Ивановой (второй женой В.А. Иванова) Тамара Николаевна регулярно организовывала благотворительные мероприятия со сбором средств на нужды русской общины.

Среди членов «Русского дома» был Дмитрий Георгиевич Попов (1913–1998), сын последнего русского консула в Харбине, востоковеда Георгия Константиновича Попова (1879–1929).[187] Дмитрий Георгиевич эмигрировал в Южную Африку в 1950-е годы из Бразилии[188]. Он работал инженером-электриком в муниципалитете Йоханнесбурга и был очень популярен в местной русской общине.

В 1960-80-е гг. в Йоханнесбурге жил еще один русский гражданский инженер – архитектор Кирилл Алексеевич Сараев (1928–1995). По заказу Южноафриканской вещательной корпорации он проектировал телевизионные и радиоцентры по всей стране, включая Кейптаун, Йоханнесбург и Дурбан. Заказчики особенно ценили его стремление к максимальной экономии при составлении строительных смет[189]. Первым в Южной Африке он применил в строительстве использованные контейнеры.

Возможно, Сараева научили экономии преподаватели Софийского университета, который он окончил в 1955 году. Дефицит необходимых материалов в социалистической Болгарии вынуждал искать неординарные решения. А после того как в 1963 г. Кирилл Алексеевич нелегально эмигрировал в Южную Африку, он использовал накопленный опыт в новых условиях. Тем более что Сараев пользовался таким доверием заказчиков, что даже был привлечен к строительству завода по обогащению урана «Валиндаба», продукция которого использовалась для создания южноафриканского ядерного оружия[190].

«Русский дом» часто посещали сестры Тумановы, успешные производители косметики. Евгения (1913–2000) и Александра (1916–2002) Тумановы приехали в Южную Африку из Италии в 1951 г. вместе со своей матерью Ольгой (1882–1957)[191]. Они прибыли в страну с довольно скромными средствами, но вскоре Александра и Евгения начали изготавливать на дому косметические кремы по «секретной» французской рецептуре. Их продукция оказалась настолько популярной, что даже составила конкуренцию товарам зарубежных марок. На баночках крема красовалась надпись «Александра де Туманофф» и российская императорская корона.

Многие десятилетия Тумановы величали себя княжнами, и лишь в конце жизни одна из сестер, Александра, рассказала В.Б. Беляковой

настоящую историю своей семьи. Ее отец, офицер Баграт Туманянц, погиб во время Гражданской войны[192]. Жена и дети бежали в Турцию, а оттуда – в Европу. Чтобы заработать на жизнь, Ольга Павловна занялась шитьем, а дочери танцевали в кинотеатрах перед сеансами, в мюзик-холле. Потом в составе различных трупп они гастролировали по Северной Африке и Ближнему Востоку. Александра даже утверждала, что однажды они с Евгенией выступали перед эфиопским императором Хайле Селассие.

Разумеется, южноафриканские «Тумановы» не имели отношения к древней армянской княжеской семье, но легенда о благородном происхождении помогла им выжить в годы нужды и лишений и придала респектабельность их южноафриканскому бизнесу. Впрочем, в Южной Африке они были не одиноки: несколько других русских эмигрантов в этой стране приняли на себя дворянские титулы, на которые не имели никакого права. В годы «холодной войны» проверить подобные заявления было непросто.

В «Русском доме» бывала Тамара Ивановна Лешиц-Семевская, режиссер программ о культуре на южноафриканском телевидении, в прошлом балерина лондонского Королевского балета, выпускница Королевской академии танца. Непременным участником встреч в «Русском доме» был художник Герхард Каннберг, сын иммигрантов из Риги[193]. В 1970–80-е годы Каннберг преподавал в Школе изящных искусств Майклиса в Кейптаунском университете. Около двадцати лет Герхард Каннберг работал управляющим Картинной галереи Линды Гудман, крупнейшего центра современного искусства в Южной Африке.

После провозглашения независимой республики в Мозамбике из этой бывшей португальской колонии в ЮАР переехало несколько наших соотечественников. Среди них была Антонина Ивановна Одинцова (1924–2007), переселившаяся в Йоханнесбург из Лоренсу-Маркиша, где в 1950–60-е гг. проживало около десяти русских[194].

Путь Антонины Ивановны в Южную Африку был долгим. Она родилась в Приморье, в семье офицера. Ее отец, Иван Михайлович, в конце 1920-х был арестован местными властями – по-видимому, в связи с участием в Белом движении в Приморье. Ему удалось бежать из заключения и добраться до Харбина. Семья Ивана Михайловича последовала за ним, тайно перейдя советско-китайскую границу. Затем Одинцовы эмигрировали в Японию. В Иокогаме отец Антонины Ивановны открыл магазин и даже небольшое косметическое производство, приобрел дом для своей семьи. Но в годы войны их благосостояние резко ухудшилось. После американской оккупации Одинцовы решили покинуть Японию.

Выбор пал на Мозамбик: Иван Михайлович считал, что португальский колониальный режим стабилен и обеспечит долгие годы мира. Его расчет не оправдался, потому что уже в середине 1960-х в Мозамбике активизировалась вооруженная освободительная борьба. В Лоренсу-

Маркише Антонина Ивановна работала машинисткой на местной радиостанции. Во время посещений Мозамбика русским священником богослужения проводились дома «у бедной, благочестивой семьи Одинцовых»[195].

В начале 1970-х родители Антонины Ивановны умерли, а ее сестра Елизавета вышла замуж и уехала со своим супругом в Кейптаун. В 1975 г. Мозамбик обрел независимость. Белые жители страны начали уезжать. Антонина Ивановна подала документы на южноафриканскую визу. Но ждать разрешения на переезд в ЮАР пришлось целых два года. Южноафриканским властям казалось подозрительным то, что она родилась в Советском Союзе. Сестра Антонины Ивановны и члены «Русского дома» помогли ей раздобыть рекомендации, подтверждавшие ее политическую благонадежность, и виза была выдана[196].

В Йоханнесбурге А.И. Одинцова работала секретарем, затем кассиром в супермаркете. Поскольку пенсия, на которую она могла рассчитывать в ЮАР, была невелика, члены «Русского дома» помогли ей получить жилье и поддерживали ее материально[197]. В последние годы Антонине Ивановне помогал русский православный приход преп. Сергия Радонежского в Мидранде[198].

В 1978 г. членом «Русского дома» стала журналист и специалист по связям с общественностью Вера Борисовна Белякова. Активный деятель русской общины и исследователь генеалогии русского дворянства в ЮАР, Белякова родилась в Берлине, в семье русских эмигрантов. Ее отчим, кавалерийский офицер, участник Белого движения, настаивал на том, чтобы дома Вера всегда говорила по-русски и каждый день читала русскую классику. По словам Веры Борисовны, именно благодаря отчиму она осталась русской и не ассимилировалась, подобно большинству эмигрантов второго поколения.

По окончании университета в Великобритании, она приехала в отпуск в ЮАР. Ей так понравились природа и условия жизни в этой стране, что она решила там остаться. В 1960–80-е годы Белякова работала журналистом и редактором рубрик в популярных южноафриканских газетах «Кейп Аргус», «Санди Таймс» и «Ситизен», став одним из самых заметных в стране журналистов, пишущих о новостях светской жизни. Она вела и редактировала рубрики для женщин, публиковала статьи о туризме, кулинарии, ресторанах, бизнесе, выступала на радио.

С присущим ей энтузиазмом и энергией Вера Борисовна участвовала и в социальных проектах. Она была награждена золотой медалью за активное участие в сборе средств на восстановление районов Венеции, пострадавших от наводнения. Когда в Южную Африку устремились сотни эмигрантов из «перестроечного» Советского Союза, Вера Борисовна вместе с руководителем армянской общины ЮАР Роландом Каракасяном помогла многим из них устроиться в этой стране, найти работу и жилье. «Мы считали этих людей беженцами и были уверены, что наша

обязанность – помочь им, – вспоминает Белякова. – Ведь нашим родителям, когда они оказались за пределами России, тоже нужна была помощь»[199].

В начале 1990-х российские предприниматели начали проявлять интерес к южноафриканскому рынку, и Вера Борисовна открыла в ЮАР «Российский бизнес-центр». Центр занимается поиском деловых партнеров в России для южноафриканских компаний, консультированием, переводами, преподаванием русского языка[200].

В свободное время Вера Борисовна исследует генеалогию русских дворянских родов и их потомков в Южной Африке. Также она участвует в благотворительной деятельности общества «Друзья поволжских архивов», которое собирает пожертвования на реставрацию документов по истории немцев Поволжья в архивах Саратова и Энгельса.

Одним из самых уважаемых представителей йоханнесбургской общины являлся Михаил Дмитриевич Бибиков (1919–2006), старейшина русского дворянства страны. До приезда в Южную Африку Михаил Дмитриевич работал в первой школе поводырей в Великобритании, созданной при участии его тестя, гвардейского офицера Николая Дмитриевича Ляхова. Для южноафриканки Глэдис Эванс Бибиков выдрессировал собаку Шину, которой суждено было стать первой собакой-поводырем в ЮАС[201]. По возвращении на родину Эванс основала Южноафриканскую ассоциацию собак-поводырей, которая в 1955 г. заключила контракт с Михаилом Дмитриевичем. Таким образом, М.Д. Бибиков стал первым дрессировщиком собак-поводырей в Южной Африке[202].

Михаилу Дмитриевичу понравился уровень жизни белых, природа и климат ЮАС, и он решил остаться в этой стране[203]. С начала 1960-х Бибиков работал в южноафриканском подразделении корпорации «Ай-Би-Эм». Около двадцати лет он занимал там должность заведующего отделом по связям с общественностью. Михаил Дмитриевич был одним из немногих русских эмигрантов, сведения о которых вошли в справочник «Кто есть кто в Южной Африке»[204].

Хотя русская община ЮАР практически не взаимодействовала с местными еврейскими общинами, некоторые российские евреи, эмигрировавшие в Южную Африку еще до Второй мировой войны, жертвовали деньги на «Русский дом», который стал для них связующим звеном с их далеким прошлым[205]. Район Йоувилл, где расположен «Русский дом», был традиционным местом проживания евреев из Восточной Европы. Проводимые там концерты и вечеринки, русская речь и праздники напоминали им о родине. При этом отношение самих русских эмигрантов к евреям было неоднозначным. С одной стороны, российские евреи тоже были беженцами, а значит, вызывали сочувствие и симпатию. С другой стороны, многие русские южноафриканцы считали, что именно евреи несли ответственность за революцию и гражданскую войну в России.

Политическая нестабильность в ЮАР второй половины 1970-х сопровождалась экономическим кризисом, связанным с оттоком иностранных инвестиций, отказом крупных банков в предоставлении кредитов южноафриканскому правительству, падением производительности труда и острой нехваткой квалифицированных кадров. Рост освободительного движения после волнений 1976 г. в Соуэто привел к массовым беспорядкам, бойкотам и диверсиям против военных, государственных и промышленных объектов, которые вызвали социальную и политическую напряженность в стране. Росло забастовочное движение: если в 1979 г. африканские профсоюзы провели 101 забастовку, то в 1986 г. – 793, в которых участвовали 424 000 человек[206]. Политико-экономическая и культурная изоляция Южной Африки становилась все ощутимее из-за ужесточения международных санкций.

В эти годы в ЮАР переселилось лишь несколько русских эмигрантов послереволюционной волны или их дети. Приток русских из бывших африканских колоний был настолько мал, что не мог остановить стремительное сокращение численности йоханнесбургской общины – единственной русской общины, сохранившейся в те годы на юге Африки. Ее жизнь постепенно затухала. Виной тому был недостаток свежих сил, молодежи. Костяк «Русского дома» составляли теперь люди преклонного возраста, пенсионеры, которым уже не хватало ни средств, ни энергии, чтобы проводить мероприятия и встречи.

Глава 8. Русские общины Кейптауна и Дурбана: жизнь на периферии

Когда в Йоханнесбурге в 1952 г. был создан приход св. Владимира, в Кейптауне, втором по величине городе страны, русской церкви не существовало. Тем не менее, в предшествующие десятилетия в этом городе, возможно, была небольшая, впоследствии распавшаяся русская религиозная община: «…На городской карте Кейптауна имеется участок, обозначенный, как место русского православного богослужения, хотя сейчас на этом месте нет ни здания, ни каких-либо других следов существования этой общины», – писал в 1980-е гг. о. Хризостом Франк[207]. Однако достоверные сведения о возникновении в Кейптауне русской общины относятся лишь к началу 1950-х годов.

Поскольку русская церковь открылась лишь в Йоханнесбурге, русские верующие в Кейптауне посещали православные (греческие или сербские) храмы или становились прихожанами церквей других конфессий. По наблюдениям о. Хризостома, многие русские ходили в англиканские церкви. Англиканские обряды казались им близкими к православию, и, что немаловажно, богослужения в этих храмах проводились

на английском языке, которым владело большинство южноафриканских русских.

Русские православные жители Кейптауна посещали греческую церковь в районе Пайнлэндс, хотя она так и не стала для них общинным центром. Этноцентричность, свойственная православным общинам Южной Африки, была характерна и для кейптаунской греческой церкви. Несмотря на хорошие отношения между русскими и греческими православными, вопрос о членстве русских в греческом приходе Кейптауна оказался крайне сложным.

О. Хризостом Франк рассказывает о двух женщинах русско-бельгийского происхождения, регулярно посещавших греческую церковь в Пайнлэндс и пожелавших стать членами прихода. «Поскольку ни одна из них не была замужем за греком и не имела ни капли греческой крови, то в связи с их просьбой возникла дилемма. В конце концов, одну из них сделали „почетной гречанкой“ (что сильно напоминает мне то, как южноафриканское правительство удостаивает японцев звания „почетных белых“). Другая женщина такое предложение отклонила. Что касается „почетной гречанки“ русско-бельгийского происхождения, то ей, в конце концов, было заявлено, что поскольку она фактически не является гречанкой, то и не обладает правом выступать или голосовать по вопросам, касающимся церковных или иных дел при их обсуждении на собраниях общины. Впоследствии она прекратила уплату взносов в эллинскую общину, после чего ее известили, что в случае ее смерти церковь откажет ей в погребении, если все пропущенные взносы не будут уплачены!»[208].

Разумеется, в таких условиях русским верующим очень не хватало своей собственной православной общины, своего священника. Но поскольку в Кейптауне проживало довольно мало русских, им приходилось либо мириться с ролью чужаков в греческой православной общине, либо посещать церкви других конфессий, где этнический фактор не был так важен.

Но все же в Кейптауне был русский священник – правда, он исповедовал католичество. До приезда в Южную Африку о. Валентин Танаев (1914–1992) вел миссионерскую работу среди русских эмигрантов в Аргентине, где был образован греко-католический приход. С годами количество прихожан сократилось, поэтому в 1979 г. о. Валентин, по приглашению архиепископа Кейптауна кардинала О. МакКэнна, переехал в Южную Африку.

Выпускник колледжа «Руссикум» и Григорианского университета в Риме, о. Валентин владел китайским, польским, испанским и английским языками. Эти знания пригодились ему на новой должности: о. Валентин был назначен капелланом кейптаунского порта[209]. Священник не забывал русский язык и общался со своими соотечественниками. Когда в Кейптаун по пути из Антарктиды заходили советские корабли, он возил полярников и моряков на экскурсию по окрестностям[210].

Конечно, о. Валентин не мог удовлетворить духовные нужды православных. Сразу же после открытия йоханнесбургского прихода св. Владимира, между русскими эмигрантами Йоханнесбурга, Кейптауна и Дурбана установились контакты. Настоятель русского православного прихода о. Симеон Стариков совершал поездки по стране, посещая Кейптаун и Дурбан, где оставался по нескольку недель и проводил богослужения для русских эмигрантов.

В Кейптауне у о. Симеона сложились хорошие отношения с греческим архимандритом и англиканским епископом. Для богослужений использовались греческая и старокатолическая церкви. В 1960-е годы о. Алексей Чернай проводил службы в англиканской церкви при приюте для мальчиков[211]. Местные русские основали «Общину св. жен-мироносиц». Русские священники из Йоханнесбурга совершали требы и посещали дома прихожан – русских и сербов. По воспоминаниям о. Алексея, большинство из примерно 30 его кейптаунских прихожан были уже пожилыми. Их дети плохо владели русским, многие состояли в браке с иностранцами.

Приезд русского священника в Кейптаун был значительным событием. По этому случаю в местных периодических изданиях выходили специальные материалы. «В газетах появилась статья с моим фото, что привело на божественные службы всех, не только из города и окрестностей, но и из дальних мест, – писал настоятель об одном из своих визитов в Кейптаун. – Нашлись чтецы и певцы… Сделал небольшой доклад на тему: „Близок час освобождения Родины, но надо быть достойным, чтобы вступить на эту священную землю“. Беседа объединила людей, даже не знающих друг о друге»[212].

Среди кейптаунских прихожан о. Симеона заметную роль играла Ольга Петровна Кочубей-Ван Рейсвейк (1910–1981), которая возглавила местную русскую общину. «В 8 милях от [Сомерсет-Уэста] в небольшом леске проживает семейство, где отец бельгиец, а мать русская (старой русской семьи из Малороссии), – вспоминал о. Симеон свое посещение семьи Ван Рейсвейк. – Детей девять – все воспитываются в православной вере (хотя отец римо-католического вероисповедания)... Простой, самими сделанный дом; простые столы (на козлах) и скамьи; вечерами горят керосиновые лампы; каждый вечер и мать и отец занимаются с детьми… Я был поражен их знаниями Закона Божия, понимания; не шелохнувшись, стояли божественную службу, молились и внимали чтению и пению… А когда мы пошли в лесок за домом, то я увидел там наш восьмиконечный крест на небольшом холмике… Это могилка няни, которую они похоронили 4 года тому назад. Мы служили панихиду (погребение совершал англиканский священник)»[213].

Ольга Петровна, дочь уездного предводителя дворянства Полтавской губернии и фрейлины двора, после Октябрьской революции эмигрировала в Бельгию и вышла замуж за доктора права и философии Виллема Ван Рейсвейка[214]. В начале 1930-х супруги жили в Бельгийском Конго,

где Виллем получил должность территориального администратора. Проведя в Конго три года, Ольга Петровна и ее муж вернулись в Бельгию.

После Второй мировой войны, в 1949 г. они вместе с детьми и их русской няней переехали из Бельгии в ЮАС[215]. По словам дочери Ольги Петровны, Ольги Гостиной, ее мать воспитывала своих детей как южноафриканцев и не видела смысла в том, чтобы поощрять их стремление к своим русским корням, «за исключением того, что касалось ее твердой приверженности русскому православию и благоговейного соблюдения его обрядов и ритуалов».

«Мама полностью приняла Африку как свою родину, так же, как когда-то, еще девочкой она вошла в новую страну и стала бельгийкой. И хотя мы и жили очень бедно – без воды, без электричества…, мама и папа были очень благодарны Африке за то, что там, наконец, никто им не мешал и они смогли воспитать нас, как хотели. Они были благодарны именно Южной Африке – не России, где убили маминого отца, и не Бельгии, где они пережили войну.

У папы были две докторские степени, но его юридическое образование никак не помогло в Африке, потому что в Бельгии было другое законодательство. В университете в Кейптауне ему сказали, что он слишком образован для них, там не было места для ученого его уровня. И он пять лет преподавал латинский и греческий языки в католической школе. А потом освободилось место в университете, и он возглавил философское отделение в Йоханнесбурге».

«О России мы в детстве не спрашивали, – продолжает дочь Ольги Петровны, – мы были в Африке – новая земля, все новое, у нас был французский, надо было осваивать английский, африкаанс. Что нам учить русский?!.. Но вот молитвы были по-русски… И к моему стыду, когда мне было 12 лет, я вдруг высказалась после молитвы: „Для чего нам говорить наизусть эти молитвы, которые мы не понимаем и которые ничего не значат. Я не понимаю ни слова из того, что говорю“. Мама слова не сказала и прекратила эти вечерние молитвы. Но все-таки „Отче наш“ утром продолжали говорить, все вместе перед иконами. Но это было все»[216].

Тем не менее, дети Ольги Петровны остались верны православию, а одна из ее многочисленных внучек даже приняла постриг в греческом монастыре[217].

В Сомерсет-Уэсте также проживали Дуглас Янг, бывший сотрудник британских консульств в Севастополе и Архангельске (1909–1918) и его жена Нина Сергеевна (Гриневич; 1899–?), дочь депутата IV Государственной Думы[218]. «[Их] дом – целый музей, – писал о. Симеон Стариков. – Русские книги, картины. Дивный образ Казанской Божией Матери и сребротканый образ Георгия Победоносца. Другие иконы, портреты Государя, масса интересных антикварных вещей…»[219].

В Капской провинции о. Симеон посещал также бывшего капитана лейб-гвардии Семеновского полка Анатолия Владимировича Иванова-

Дивова (1887–1970), который в годы Первой мировой войны был непосредственным начальником будущего советского маршала М.Н. Тухачевского[220]. Во время Гражданской войны Анатолий Владимирович сражался в рядах Вооруженных сил юга России, был эвакуирован, затем возвратился в Россию, в осажденный Крым и вступил в Русскую Армию. После падения Крыма Иванов-Дивов, его дети и жена, племянница адмирала Н.О. Эссена, вместе с врангелевскими войсками были вывезены в Турцию, а затем в Болгарию[221]. Оттуда семья перебралась в Египет, где Анатолий Владимирович считался одним из видных художников местной русской общины[222].

В начале 1950-х супруги Ивановы-Дивовы переехали в Южную Африку к сыну Владимиру, сотруднику нефтеперерабатывающей компании[223]. Близ города Найсна этой семье принадлежал дом на берегу океана и большой участок земли. В последние годы жизни А.И. Иванов-Дивов сотрудничал с лондонским журналом «Военная быль».

Недалеко от дома Ивановых-Дивовых находилась «Курляндия», имение барона Ульриха Александровича Бэра (1895–1975). В 1919–1920 гг. барон Бэр сражался против Красной Армии в рядах немецкой Прибалтийской народной дружины (Baltische Landeswehr). Приехав в Южную Африку, У.А. Бэр в 1936 г. участвовал в открытии немецким геологом Гансом Меренским крупных аллювиальных алмазных месторождений на территории современной Намибии[224].

На праздники в капское имение Бэра «Курляндия» приезжали члены «Общества русских эмигрантов» из Йоханнесбурга и Кейптауна и вместе с радушным хозяином встречали Рождество и Пасху. А чуть дальше, если ехать в сторону Кейптауна, располагалась винодельческая ферма «Лифляндия», принадлежавшая прибалтийской баронессе Х. фон Штернгельм, которая эмигрировала в Южную Африку из Германии с дочерьми в середине 1930-х гг.[225].

В конце 1970-х годов, в период обострения вооруженной борьбы против режима Яна Смита в Родезии, в Южную Африку переехала семья Нарышкиных и поселилась в капском городке Бэрридейл. О. Симеон, посетивший их в Родезии в 1956 г. и крестивший их детей, писал о главе семейства, фермере Александре Юрьевиче Нарышкине (1914–2006): «Наш русский помещик сеет ячмень. Простой, еще недостроенный дом стоит среди полей с примитивными устройствами, небольшой огород, скотоводческое хозяйство. И все дело ведут двое, муж и жена, трудятся в поте лиц своих. Сейчас им государство дало воду, так как наш помещик отбывал в свое время воинскую повинность, и теперь настоящий родезианец. Раньше у них не было воды из проходящего ныне земляного арыка, и ждали только дождя»[226].

Во время Гражданской войны Александр Юрьевич, сын земского начальника Орловской губернии, потерял родителей и с бабушкой и сестрой оказался в беженском лагере на Кипре[227]. По окончании Левенского

университета в Бельгии, Нарышкин в 1939 г. решил покинуть Европу и по приглашению родственника отправился в Родезию работать на скотоводческой ферме. После войны, вернувшись в Африку, Александр Юрьевич приобрел фермы, на которых выращивал ячмень, кукурузу и хлопок, а также разводил скот.

«Я был очень доволен жизнью в Родезии, – вспоминал Александр Юрьевич. – После тесной Европы попасть на просторы Африки! Ближайший город находился в ста милях от нашей фермы… Я бы ни за что не хотел вернуться в Европу… В России мы были помещиками, а в Европе свободной земли не было. В Родезии я жил, как русский помещик. Образцом для меня был Костанжогло из „Мертвых душ“»[228].

О. Алексей, сменивший о. Симеона в качестве настоятеля русского прихода и посещавший Кейптаун, отмечал, что одной из самых активных его прихожан была Наталья Михайловна Третчикова, супруга известного кейптаунского художника В.Г. Третчикова (1913–2006). Сам Владимир Григорьевич принимал мало участия в жизни русской общины. Тем не менее, он дарил приходу репродукции своих полотен с автографом, которые ценились очень высоко. Средства, вырученные от их продажи, шли в пользу церкви св. Владимира, а позднее и «Русского дома».

По оценке влиятельного делового журнала «Лидершип», В.Г. Третчков являлся самым знаменитым южноафриканским художником в мире[229]. Пик его популярности пришелся на 1950–1970-е гг., когда выставки Владимира Третчикова побили все рекорды по сборам и посещаемости, а его полотна уходили за баснословные суммы. В 1952 г. передвижную выставку Третчикова в Кейптауне, Йоханнесбурге и Дурбане посетило более 100 000 человек. В 1953–54 гг. состоялся его «Национальный выставочный тур» по США, в 1955 и 1965 гг. – по Канаде[230]. Он устраивал выставки не в галереях, как другие художники, а в универмагах, потому что туда ходит больше народу. «Большинство моих картин символично, причем я стараюсь дать эту символику как можно проще и доступнее для понимания широкой публики, – рассказывал художник корреспонденту эмигрантской «Русской жизни». – Мне не раз говорили, что „голову над Третчиковым искусством ломать не надо“. Может быть, этим и объясняется, почему публика идет тысячами на мои выставки»[231].

Художник занимался изготовлением высококачественных репродукций своих полотен, и этот бизнес приносил значительный доход. К 1962 г. в Великобритании было продано более 100 000 репродукций его самой знаменитой картины «Китаянка»[232]. В Кейптауне репродукции произведений Владимира Григорьевича продавались во всех книжных и художественных магазинах[233]. В 1974 г. в интервью телеканалу «Би-Би-Си» авторитетный британский критик Уильям Фивер утверждал, что «Китаянка» Третчикова, растиражированная по всему миру, была самой популярной репродукцией в истории искусства[234].

«Его репродукции вешают у себя дома жители Гонконга и Манилы, Нью-Йорка и Буэнос-Айреса, – писал южноафриканский романист Стюарт Клуте. – Я встречал их по всей Европе и Америке. Их видели даже на овцеводческих фермах в Австралии. Везде, где есть люди, будет и Третчиков»[235]. Произведения Третчикова можно увидеть и в американских и британских кинофильмах того времени, например, в комедии «Альфи» Льюиса Гилберта (1966) и триллере «Безумие» Альфреда Хичкока (1972).

Владимир Григорьевич отмечал, что он не получил никакого формального художественного образования. Учился всему по ходу дела, когда в 11 лет он остался сиротой, и пришлось самому зарабатывать на кусок хлеба, помогая украшать витрины в универсаме или смешивая краски для театральных художников в харбинской Русской опере[236]. Позднее он говорил, что ни один художник не оказал влияния на его творчество[237].

Это не совсем верно. «Первым серьезным учителем В. Третчикова был известный на Д. Востоке художник М.А. Кичигин, – сообщал в 1934 г. харбинский журнал «Рубеж». – [В Шанхае] он учился у художника В. Засыпкина, передавшего ему традиции хорошей школы и развивавшего в нем артистический вкус художника»[238]. Кичигин и Засыпкин были выпускниками Строгановского училища и считались лучшими портретистами в русском Китае[239].

В прекрасно изданной иллюстрированной автобиографии Третчикова подробно описан его драматичный путь к славе. Чтобы не пересказывать содержание этой книги, ограничимся лишь объяснением того, почему Владимир Григорьевич, в конечном счете, оказался в Южной Африке.

Проявивший незаурядные художественные способности в довольно раннем возрасте, 17-летний Третчиков переехал из Харбина в Шанхай, где был принят на работу карикатуристом в местную англоязычную газету. В 1933 г. в шанхайском русском художественном объединении ХЛАМ состоялась его первая персональная выставка. Как отмечал рецензент «Рубежа», Третчиков «блестяще продемонстрировал многогранность своего таланта... Те результаты, к которым он пришел в возрасте 20 лет, заставляют думать, что перед молодым художником лежит путь необыкновенных возможностей»[240].

В середине 1930-х Владимир Григорьевич поселился в Сингапуре вместе с женой Натальей и дочерью Ириной, заключив контракт с рекламным агентством. Параллельно с работой в агентстве Третчиков давал уроки живописи и рисовал карикатуры для местной газеты «Стрейт Таймс». В 1939 г. его картина «Последний ныряльщик» представляла Британскую Малайю на экспозиции «Современное искусство из 79 стран» в рамках Всемирной выставки в Нью-Йорке и удостоилась медали.

В Сингапуре Владимира Григорьевича застала война. В декабре 1941 г. после начала японских бомбардировок жена и дочь Третчикова отправились в эвакуацию. Судно, на котором несколько дней спустя он

покинул Сингапур вместе с коллегами из британского министерства пропаганды, было затоплено японцами в открытом море. В спасательной шлюпке художник добрался до Явы, которая к тому времени была уже оккупирована Японией, и попал в тюрьму по обвинению в шпионаже. Когда Третчиков заявил, что он русский, его выпустили, потому что Советский Союз в то время не воевал с Японией. Владимиру было разрешено работать в Джакарте. Годы пребывания на Яве оказали сильное влияние на творчество художника. В его работах появились ярко выраженные восточные мотивы, которые через несколько лет произвели сенсацию на выставках во всем мире.

После войны Третчиков узнал, что его жена и ребенок находятся не в Индии, как он думал все эти годы, а в Южной Африке. Они перебрались туда еще в апреле 1942 г. по приглашению сестры Натальи Михайловны, вышедшей замуж за британского офицера[241]. Поскольку Владимир Григорьевич не имел никакого гражданства, ему было непросто получить документы, чтобы отправиться в ЮАС. Наконец, в сентябре 1946 г. он прибыл в Кейптаун и воссоединился со своей семьей. Через два года в этом городе состоялась первая выставка картин Владимира Григорьевича. Впервые в истории Южной Африки сотни людей стояли в очереди, чтобы попасть на персональную выставку еще вчера никому не известного художника.

Критики величали Третчикова «королем китча» и считали, что его картины ждет скорое забвение.[242] Волну негодования в 1958 г. вызвало его полотно «Черное и белое», на котором изображено лицо мальчика, состоящее из двух идеально сочетающихся половинок – негроидной и европеоидной. В обществе апартеида идея расовой гармонии и равноправия казалась провокационной. К тому же, было замечено, что художник гораздо чаще писал черных, цветных и малайцев, чем белых. Ни один государственный музей изобразительного искусства в ЮАР не имеет в своем собрании полотен Третчикова. Впрочем, возможно, его картины просто не по карману южноафриканским музеям[243].

Среди современных искусствоведов есть и приверженцы Третчикова. Уэйн Хемингуэй, автор книги «Прямо над камином: шедевры искусства для масс», считает, что именно этот живописец, а не Энди Уорхол, наиболее последовательно реализовал в своем творчестве принципы поп-арта. Третчиков, утверждает он, «добился всего того, что Уорхол лишь декларировал, но так и не смог достичь из-за своей элитарности»[244]. При этом сам Владимир Григорьевич в начале 1970-х писал: «Если бы [критики] стали меня хвалить, я бы очень расстроился… Когда это произойдет и все эти патлатые неряхи наперебой заговорят о том, какой я замечательный художник, – тогда я пойму, что уже ни на что не способен»[245].

Третчикова немногое связывало с Россией. Тем не менее, как художник он начал формироваться в среде русских эмигрантов Харбина и Шанхая: от кубизма его ранних работ[246] к сентиментальному реализму его зре-

лых полотен. Уже в Южной Африке он написал портрет всемирно известной русской балерины Тамары Тумановой, гастролировавшей в этой стране в 1958 году. Для картины «Умирающий лебедь» ему позировала Алисия Маркова, бывшая солистка дягилевского Русского балета и партнерша Антона Долина. В начале 1990-х в интервью российско-южноафриканской газете «Нью Бридж» художник отмечал, что моделью для его картин чаще всего была русская женщина – его жена Наталья. «Я очень хочу написать картину, которая бы пахла Россией, – сказал он. – Для этого надо хотя бы немного пожить на земле Достоевского, Репина и Кандинского, на земле предков. Но когда вам за 80, это не простое решение»[247].

Владимир Григорьевич так и не побывал на родине, и его полотна до сих пор не экспонировались в нашей стране. Художник скончался в Кейптауне в августе 2006 года.

В Дурбане, третьем по величине городе Южной Африки, численность русских эмигрантов была в 50–70-е годы еще меньше, чем в Кейптауне. Богослужения, проводимые о. Симеоном и о. Алексеем в местной греческой церкви св. Троицы, посещали всего 10–12 человек[248]. Во время литургии пела Ксения Александровна Бельмас (1890–1981), бывшая примадонна парижской Гранд-Опера и Берлинской государственной оперы. Мадам Бельмас, как называли ее ученики, поселилась в Южной Африке еще в конце 1930-х гг.

Об удивительной судьбе этой певицы рассказала в своей статье доктор исторических наук Ирина Ивановна Филатова[249]. Дочь обрусевшего французского дворянина, Ксения Александровна поступила в Киевскую консерваторию, стажировалась в Большом театре, выступала с оперными труппами Харькова и Одессы, исполняя партии сопрано[250]. В 1921 г. вместе с подругами перешла польскую границу. В Италии Бельмас окончила курс оперного пения и решила попробовать свои силы в Париже.

«Со сменой белья в чемодане, с мелочью в одном кармане и рекомендательным письмом в другом, – пишет И.И. Филатова, – она отправилась покорять культурную столицу мира – и Париж пал. За три месяца Бельмас дала 16 концертов, она пела с восемью ведущими оркестрами Франции. На Парижской выставке 1926 года она дала 17 концертов в Гран-Пале. На одном из них присутствовал президент, и ее представили. После ошеломительного успеха на выставке ее пригласили петь в Гранд-Опера. Просили петь в «Фаусте», но она захотела «Аиду» – и пела «Аиду». Это был взлет невероятной карьеры, которая увела мадам на гастроли в Германию (там было записано большинство ее пластинок), Польшу, Скандинавию, снова Францию, Австралию и, наконец, в Южную Африку»[251].

Впервые певица приехала на гастроли в ЮАС в 1934 г., и публика встретила ее очень тепло. Через несколько лет Ксения Александровна получила вид на жительство в Южной Африке. Ей не удалось устроиться препо-

давать в Натальский университет и пришлось зарабатывать на жизнь уроками пения. В последние десятилетия жизни мадам Бельмас помогал ее поклонник, Карл фон Лилиенштейн, морской инженер из Эстонии, который купил для нее дом и поддерживал материально.

Ксения Александровна «жила так, словно быт для нее не существовал, и ругала Южную Африку за отсутствие духовности, – отмечала И.И. Филатова. – Про Россию она не рассказывала никогда. Вообще не любила говорить о политике, считая ее делом недостойным и безвкусным, но предрекала Южной Африке революцию – расплату за отношение белых к черным согражданам»[252].

В годы войны мадам Бельмас участвовала в благотворительных концертах в пользу Советской Армии, пела в опере Н.А. Римского-Корсакова «Снегурочка», поставленной в Йоханнесбурге по инициативе общества «Медицинская помощь России». В этом спектакле использовались сценические костюмы, которые Ксения Бельмас привезла в Южную Африку из Европы[253].

К.А. Бельмас сильно нуждалась, но, несмотря на это, активно участвовала в жизни русской общины Дурбана, став уполномоченной церкви св. Владимира в Натале. В ее доме останавливались русские священники из Йоханнесбурга, посещавшие Наталь. «Будучи очень религиозной, [Ксения Александровна] была искренне рада меня видеть и услышать мои рассказы о нашей церкви, которую она надеялась когда-нибудь посетить, – рассказывал отец Алексей о своей первой поездке в Дурбан. – [Во время богослужения] не было хора, но пела Ксения Александровна, которая за все эти годы не потеряла голос и продолжала давать уроки, и меня тронула мелодичная красота ее голоса… После богослужения все русские отправились на обед к Ксении Александровне, который прошел в приятной беседе»[254]. Н.А. Джорджевич вспоминает, что Ксения Александровна считалась самой гостеприимной хозяйкой в Дурбане и пекла самые вкусные пирожки.

После открытия йоханнесбургского «Русского дома» мадам Бельмас стала одним из его членов, исправно платя взносы из своих крайне скудных доходов. Во второй половине семидесятых члены «Русского дома» начали оказывать Ксении Александровне материальную помощь[255].

Мадам Бельмас желала быть похороненной на родине, и Карл фон Лилиенштейн, незадолго до своей смерти, в 1998 г. передал И.И. Филатовой урну с прахом Ксении Александровны. Ирине Ивановне удалось, при содействии советника посольства Украины в ЮАР А.Г. Цветкова, организовать захоронение праха певицы на лучшем кладбище Киева. Торжественная церемония состоялась 3 сентября 2000 г. в присутствии представителей украинского министерства культуры и музыкальной общественности страны. Надпись на памятнике на могиле Ксении Александровны гласит: «Певучему голосу Украины – Ксении Бельмас. 1890–1981. Чернигов–Дурбан».

Среди прихожан о. Симеона и о. Алексея в Дурбане были офицер Черноморского флота Борис Александрович Игнатьев (1892–?), ставший в эмиграции музыкантом, и его супруга, танцовщица Мария Сергеевна (Арсеньева; 1912–?)[256]. «Голодал в Царьграде, был шофером в Каннах, песни пел в Белграде с хором в ресторанах!..» Это строки из автобиографической песни, сочиненной Борисом Игнатьевым в 1950 г. в Кейптауне[257]. В Южной Африке Игнатьевы выступали в гостиницах, ресторанах и на концертных площадках Йоханнесбурга, Кейптауна, Ист-Лондона, Дурбана. Жили они бедно, поэтому после смерти Бориса Александровича заботу о его вдове взяли на себя члены йоханнесбургского «Русского дома»[258].

Русские богослужения в Дурбане посещал и князь Михаил Сергеевич Кантакузен, граф Сперанский (1913–1999), директор целлюлозного завода «Саиккор» в Натале. Детство Михаила Сергеевича, потомка византийского императора Иоанна VI, господарей Молдавии и Валахии и российского реформатора М.М. Сперанского[259], прошло в Африке. По окончании Гражданской войны его отец, царский дипломат и участник Белого Движения на Украине, поселился в Мозамбике[260]. В Мозамбике Кантакузены приобрели лесопилку, надеясь обеспечить себе более достойное существование, чем в переполненной русскими эмигрантами Европе. Их расчет не оправдался: дело принесло одни убытки, и семье пришлось вернуться в Европу.

Но любовь к Африке не оставляла Михаила Сергеевича. Уже после Второй мировой войны, будучи сотрудником британской текстильной компании «Курто», он получил предложение вновь отправиться на этот континент – теперь уже в ЮАС. В 1952 г. Кантакузен был назначен директором целлюлозного комбината в городе Умкомаас, строительством которого занимались итальянская корпорация «Сниа Виско-за» (наладившая первое в СССР производство болоньевой ткани), «Курто» и южноафриканская государственная «Корпорация по развитию промышленности».

Михаил Сергеевич руководил не только строительством и запуском целлюлозного комбината, но и обустройством быта нескольких сотен итальянских специалистов, трудившихся на этом предприятии. Не забывал он и о местных рабочих-зулусах. Когда в середине 1960-х М.С. Кантакузен оставил пост директора, чернокожие подчиненные посвятили его в почетные вожди клана Лутули[261]. Михаил Сергеевич очень гордился этим званием.

«В Дурбане не было русской православной церкви, поэтому время от времени я посещал богослужения в греческой церкви, – вспоминал М.С. Кантакузен. – Когда отец Алексей, русский настоятель из Йоханнесбурга, узнал об этом, он разгневался и запретил мне ходить в греческий храм, аргументируя это тем, что греки незадолго до этого признали советскую Московскую Патриархию. Еще со времен революции 1917 г. зарубежная православная церковь переживала раздоры и расколы из-за по-

литических, а не догматических разногласий. Есть поговорка: „Два француза – три политических партии; два русских – три православных церкви“. Так или иначе, когда у меня возникала потребность, я по-прежнему посещал греческий храм»[262].

В 1960-е годы в Дурбане проживал бывший военный советник эфиопского императора Хайле Селассие I, полковник Федор Евгеньевич Коновалов (1888–1970)[263]. Один из первых российских военных летчиков, георгиевский кавалер, во время Гражданской войны Федор Евгеньевич командовал авиационным дивизионом Вооруженных сил юга России[264]. После эвакуации 1920 г. оказался в Турции, потом в Египте и к середине 1920-х – в Эфиопии, куда в то время приехало несколько десятков русских офицеров[265]. Он принял активное участие в проходившей в то время модернизации эфиопской армии, работал топографом, инструктором в Министерстве общественных работ, советником военного руководства страны[266].

О трудностях и непонимании, с которыми сталкивался Федор Евгеньевич, можно судить по его воспоминаниям. Когда в августе 1935 г. в преддверии войны с Италией император командировал Коновалова в Адуа, местные власти категорически отказались строить оборонительные укрепления, заявив ему: «Мы всегда сражаемся в открытом поле. Что это за война, когда прячутся за камнями?»[267]. Другой эфиопский военачальник уверял Коновалова: «Пушки, самолеты – все это дребедень. Только в самом конце битвы, когда наступающие силы входят в непосредственный контакт с противником, становится ясно, кто сильней»[268]. Недальновидность местных властей привела к многочисленным жертвам, когда уже в самом начале войны Адуа подверглась жестокой бомбардировке итальянской авиации.

Полковник Коновалов прошел с императором Хайле Селассие всю войну. В марте 1936 г., когда поражение Эфиопии было уже очевидно, все европейские советники покинули императора. Только Коновалов остался с ним и присутствовал при последней крупной битве эфиопской армии – сражении при Май-Чоу[269]. Все исследователи итало-эфиопской войны при рассмотрении этой битвы опираются на ее описание, принадлежащее перу Ф.Е. Коновалова и вошедшее в его книгу воспоминаний «В армии негуса»[270].

После победы итальянцев Федору Евгеньевичу пришлось покинуть Эфиопию. В чине полковника он вступил в армию Франко и воевал против республиканцев в Испании[271]. Затем вернулся в Эфиопию, где прожил до 1952 г.[272] Скончался Ф.Е. Коновалов в 1970 году в Южной Африке, в городе Дурбан.

Впрочем, русские эмигранты селились не только в Дурбане, но и в других частях провинции Наталь. В городке Хауик недалеко от Питермарицбурга проживает Светлана Всеволодовна Шульц, приехавшая в Южную Африку в декабре 1950 г. вместе с мужем-чехом, бывшим представителем «Шкоды» в Афганистане[273]. После войны Шульцы отказа-

лись стать гражданами социалистической Чехословакии, поэтому при подаче заявления на южноафриканскую визу они воспользовались нансеновскими паспортами, выданными афганскими властями. Хотя ни Светлана Всеволодовна, ни ее муж не имели опыта работы в сельском хозяйстве, они изъявили желание стать фермерами и приобрели в Натале землю, на которой выращивали кукурузу и разводили скот. С.В. Шульц составила первый исторический очерк района, где была расположена их ферма – «Летопись Севен Оукс»[274].

В Хауике поселилась подруга Светланы Всеволодовны – Мария Васильевна Фан-дер-Флит (1903–1993), дочь русского дипломата, камергера Василия Яковлевича Фан-дер-Флита[275]. Она переехала в Южную Африку из Кении, несколько лет жила у друзей на ферме, а потом в Хауике работала секретарем на местной фабрике[276].

Возвращаясь к русским общинам Кейптауна и Дурбана, необходимо сказать, что их организационные структуры оказались недолговечными. После раскола в йоханнесбургской общине и ослабления прихода св. Владимира о. Алексей больше не посещал эти города из-за нехватки средств на такие поездки. Поэтому, по мере сокращения численности и без того небольших общин Кейптауна и Дурбана, слабели и связи с самой крупной в стране, йоханнесбургской русской общиной. К середине 1970-х гг. зародившиеся в этих городах общинные формирования распались.

Глава 9. Роль наших соотечественников в формировании представлений южноафриканцев о России и о русской культуре

Несмотря на то, что в годы «холодной войны» южноафриканские власти культивировали образ России как врага западной цивилизации и самой ЮАР, отношение жителей страны к СССР нельзя было назвать однозначно негативным.

Значительная часть черного населения Южной Африки связывала с Советским Союзом надежды на свержение апартеида, зная о поддержке, которую наша страна оказывала Африканскому национальному конгрессу и компартии ЮАР. Что касается белых южноафриканцев, многие из них считали, что русский народ не хочет конфронтации с Западом и что проблемы в отношениях Советского Союза с капиталистическим миром порождены неуемными амбициями правящих кругов СССР[277].

Эта позиция отражена в кинокомедии, пожалуй, самого известного южноафриканского режиссера Ями Эйса[278] «Только после вас, товарищ» (1967), в которой советский и американский делегаты международной конференции благополучно разрешают разногласия, несмотря на козни своих политиков. Советский делегат оказывается душевным парнем, ничуть не менее симпатичным, чем его противник-американец[279].

Конечно, фильм Эйса – это скорее исключение, чем типичный пример южноафриканской кинопродукции времен «холодной войны». Фильмы русской тематики, снятые кинокомпаниями ЮАР самостоятельно или в сотрудничестве с американскими партнерами, представляли собой, как правило, боевики и шпионские триллеры о попытках советских спецслужб устроить переворот в Южной Африке, Родезии или Юго-Западной Африке[280]. Именно такие картины формировали представление южноафриканского зрителя об СССР. Но эти фильмы были посвящены, прежде всего, политическим устремлениям советского государства, а не созданию образа рядового советского человека.

Кроме того, жители ЮАР могли узнать о «настоящей» России и ее народе из произведений таких классиков южноафриканской литературы, как Уильям Плумер, Лоренс фан дер Пост и Гай Батлер, а также из произведений И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, В.П. Катаева, В. В. Набокова, издававшихся в этой стране на английском и африкаанс, из многочисленных постановок чеховских пьес[281]. Большой популярностью пользовались гастроли русских артистов оперы и балета, а также всемирно известного исполнителя русских народных песен Ивана Реброва, выпустившего в Южной Африке две пластинки с песнями на африкаанс.

Южноафриканцы были осведомлены о разнице между «красными» и «белыми» русскими[282] и считали, что «белые» эмигранты не представляют угрозы для ЮАР. Одним из самых первых южноафриканских телевизионных документальных фильмов стала лента Эдриана Херринга «Белые русские Южной Африки» (1975), в съемках которой приняли участие самые видные представители йоханнесбургской русской общины[283]. Рассказ о «Русском доме» и интервью с его членами предварялись кратким и довольно объективным экскурсом в историю российских революций и Гражданской войны.

«Хотя [русская община ЮАР] мала, имеется ряд веских причин для создания фильма о ней, – писал Э. Херринг в обосновании своего проекта, представленном руководству Южноафриканской вещательной корпорации, – нельзя переоценить историческое и архивное значение такого фильма; необходимо отметить весомый вклад, который вносит такая небольшая группа в жизнь южноафриканского общества; это один из элементов этнического многообразия Южной Африки, а значит вопросы, которые затрагиваются в фильме, вызовут отклик у многочисленного иммигрантского населения нашей страны»[284]. Фильм «Белые русские Южной Африки», вышедший в эфир в 1976 г., спустя всего пару недель после начала телевещания в ЮАР, пользовался популярностью у зрителей и через год был показан повторно.

В фильме шла речь не только о «Русском доме» и эмигрантских судьбах, но и о первой в стране кафедре русистики. Она была основана в 1962 г. по инициативе Елизаветы Григорьевны Кандыбы-Фокскрофт в заочном Университете Южной Африки, находящемся в Претории.

Выпускница Оксфорда, Е.Г. Кандыба-Фокскрофт (1912–1989) переехала в Южную Африку из Великобритании в 1947 году. По инициативе Елизаветы Григорьевны в 1961 г. в Университете Южной Африки студентам был впервые предложен курс русского языка. Кандыба-Фокскрофт самостоятельно разработала учебные материалы для этого курса, включая оригинальные тексты, краткий справочник по русской грамматике, а также аудиозаписи носителей языка.

В первый же год на новый курс записалось 14 студентов[285], но Елизавета Григорьевна не остановилась на достигнутом. Чтобы освоить самые эффективные методики преподавания русского языка, она отправилась в шестимесячную командировку в Сорбонну, Оксфорд, Гарвард и другие престижные университеты мира.

В 1962 г., сразу же после открытия кафедры русского языка в Университете Южной Африки, Елизавета Григорьевна посетила Москву. В 60–70-е годы она шесть раз совершала научные командировки в Советский Союз. Такие частые поездки в период обоюдной враждебности между нашими странами, были уникальны и, несомненно, требовали специального разрешения южноафриканских властей. После каждого посещения СССР Кандыба-Фокскрофт готовила подробный отчет об увиденном и пережитом в виде путевых записок, которые составлялись так тщательно и добросовестно, что, возможно, их читателями были не только ее студенты и коллеги. Известно, например, что с отчетами Елизаветы Григорьевны знакомилась Элизабет Фервурд, вдова премьер-министра ЮАР.

Русская кафедра Университета Южной Африки предлагала курсы по русскому языку, истории и культуре, на которые ежегодно записывалось более тридцати студентов[286]. Библиотека кафедры насчитывала более 6000 единиц хранения, являясь самым крупным собранием книг на русском языке в ЮАР[287]. Елизавета Григорьевна установила связи с МГУ, Русским музеем, Библиотекой им. Ленина.

У себя на кафедре Е.Г. Кандыба-Фокскрофт регулярно организовывала вечера русской литературы и музыки. Иногда на них она устраивала показы советских документальных и художественных фильмов. Гости слушали пластинки и смотрели диафильмы, приобретенные Елизаветой Григорьевной в Советском Союзе. В те годы для южноафриканцев это была редкая возможность непосредственного знакомства с русской культурой и традициями.

Эти мероприятия помогали организовывать не только студенты Е.Г. Кандыбы-Фокскрофт, но и представители русской общины Йоханнесбурга. Например, на вечере 6 сентября 1962 г. после лекции Елизаветы Григорьевны о поездке в Советский Союз выступал хор церкви св. Владимира. В 1968 г. на кафедре был устроен вечер русской народной песни, в котором принимала участие Галина Михайлова, одна из самых активных прихожан русской православной церкви. С кафедрой сотруд-

ничала основатель йоханнесбургской Школы русского балета Нина Рунич (1896–1979), вдова знаменитого актера дореволюционного кино Осипа Рунича. На вечерах, проводившихся на кафедре, ее ученики исполняли русские и украинские народные танцы[288].

Иногда Елизавете Григорьевне удавалось привлечь к участию в этих мероприятиях профессиональных артистов – эмигрантов из Советского Союза, гастролировавших в ЮАР. На вечерах русской кафедры выступали пианист Борис Львов, теноры Михаил Райцин и Михаил Магид.

Почти все годы, вплоть до выхода на пенсию в декабре 1977 г., Елена Григорьевна оставалась единственным сотрудником кафедры русского языка Университета Южной Африки. Поэтому на сессиях в качестве младших экзаменаторов она привлекала Ю.С. ван Зона, Л.В. Мансырева, Н.Н. Тамма и других русских эмигрантов.

В 1981 г. Е.Г. Кандыба-Фокскрофт была удостоена звания «Преториец года» за монографию «Россия и англо-бурская война», материалы для которой она собрала во время командировок в СССР.[289] Она сотрудничала с крупными изданиями Русского Зарубежья, такими как «Новый журнал», «Православная Русь», «Вестник Русского Христианского Движения» и вплоть до отъезда о. Алексея Черная из ЮАР занимала должность секретаря приходского совета церкви св. Владимира в Йоханнесбурге. Последний раз Елизавета Григорьевна побывала на родине в 1983 г., за шесть лет до своей кончины.

Вторая кафедра русистики в Южной Африке начала работу в йоханнесбургском Витватерсрандском университете в 1974 году. Ее руководителем стал британский филолог Кристофер Муди, автор многочисленных публикаций по истории русской культуры и литературы. В начале 1960-х он проходил практику в Московском и Ленинградском университетах и путешествовал по Советскому Союзу[290]. До перехода в Витватерсрандский университет Муди преподавал русский язык на кафедре у Е.Г. Кандыбы-Фокскрофт.

В подчинении у К. Муди находился лишь один сотрудник – преподаватель русского языка и литературы XIX века Елена Иосифовна Новак, выпускница Варшавского университета, приехавшая в ЮАР со своей семьей из Франции в 1970 году. На кафедре Витватерсрандского университета Елена Иосифовна проработала до конца 1979 г., после чего перешла в Университет Южной Африки на должность старшего преподавателя и защитила магистерскую диссертацию по теме «Восприятие южноафриканской литературы в Советском Союзе». В 1990-е гг. Елена Иосифовна ушла из университета. Она преподает русский язык широкому кругу представителей южноафриканского общества – от школьников до бизнесменов и дипломатов.

Место Е.И. Новак на кафедре в Витватерсрандском университете заняла Ирина Мейсинг-Делич, специалист по русской литературе России XIX–XX вв. и частый гость йоханнесбургского «Русского дома». В

1970 г. И. Мейсинг-Делич, будучи студенткой Стокгольмского университета, посетила Советский Союз и проходила практику в МГУ. После защиты докторской диссертации, она была приглашена работать на русскую кафедру Витватерсрандского университета и в 1983 г. сменила К. Муди на должности заведующего.

После переезда в ЮАР Ирина Мейсинг-Делич опубликовала множество научных статей и в самой Южной Африке, и за рубежом, выступала на международных конгрессах русистов в США, Израиле и других странах. Она была постоянным автором, а затем и редактором американского научного журнала «The Russian Review». В 1982 и 1984 гг. И. Мейсинг-Делич организовала на русской кафедре Витватерсрандского университета первые в Южной Африке конференции русистов и славистов – «Славянские симпозиумы»[291].

В восьмидесятые годы на кафедре работало три преподавателя, и все они были носителями русского языка – И. Мейсинг-Делич; выпускница Казанского университета и магистр Витватерсрандского университета Далия Елкунович, а также выпускница Рижского университета Генриетта Мондри. В 1987 году И. Мейсинг-Делич перешла на работу в Университет штата Огайо, где занимала должность заведующей кафедрой славянских и восточноевропейских языков и литератур и директора Центра славянских и восточноевропейских исследований.

Студенты русских кафедр в ЮАР изучали русский, главным образом, для того, чтобы стать переводчиками или чтобы читать специализированную литературу. Это была англоязычная молодежь, изучавшая русский в комбинации с другими языками. Некоторые выпускники получили работу в Министерстве иностранных дел Южной Африки[292].

Одним из студентов русской кафедры в Университете Южной Африки был Филип Нел, отставной офицер южноафриканских спецслужб и будущий директор Института изучения марксизма при Стелленбошском университете. В течение года Нел изучал русский язык под руководством Е.И. Новак[293]. Институт, который с апреля 1982 г. возглавлял Нел, был создан при поддержке властей страны для изучения идеологии потенциального противника ЮАР. По мысли основателя этого научного центра, профессора Дирка Коце, чтобы эффективно бороться с коммунизмом, требовались «глубокие знания коммунистической теории и тактики»[294].

Институт изучения марксизма, в 1986 г. переименованный в Институт по изучению Советского Союза, снабжал правительство и государственные учреждения ЮАР аналитическими отчетами о политико-экономическом положении СССР и других социалистических стран, планах влияния социалистического блока на ситуацию в южноафриканском регионе и о просоветских движениях и партиях на Юге Африки; издавал журнал «Совьет Ревью»; исследовал историю и причины возникновения социалистических и коммунистических организаций страны, а также возможности установления контактов между ЮАР и СССР.

Библиотека Института состояла из более трех тысяч справочников, монографий, брошюр, периодических изданий и микрофильмов[295]. Из Государственной библиотеки ЮАР в ее фонд были переданы все издания, сохранившиеся после ликвидации кейптаунской библиотеки Коммунистической партии Южной Африки. По количеству единиц хранения библиотека Института уступала только собранию книг русской кафедры Университета Южной Африки.

В конце 1980-х, накануне преобразования института в 1990 г. в Отдел по изучению Советского Союза при Центре международной и сравнительной политологии факультета политологии Филип Нел оставил пост директора Института. С 2003 г. Ф. Нел занимает должность профессора на факультете политологии новозеландского Университета Отаго.

Хотя Институт по изучению марксизма задумывался как опора господствующей в стране идеологии, он вскоре перестал быть винтиком южноафриканской пропагандистской машины. Еще в 1984 году Филип Нел, руководитель Института, заявлял, что видные деятели политики и культуры ЮАР скрывают от общественности реальные причины и характер советского влияния на обстановку на Юге Африки. Он утверждал, что концепция «советского наступления», которой придерживаются власти, является не более чем удобным инструментом для объяснения естественных внутренних противоречий в ЮАР и создает опасную иллюзию того, что социально-политические проблемы страны являются прямым следствием деятельности Советского Союза. Нел утверждал, что южноафриканская «одержимость советской угрозой» не подкреплена действительным знанием советской истории, политики и глобальных приоритетов[296].

Во второй половине 1980-х Филип Нел считался в Южной Африке главным экспертом по СССР, и его мнение могло оказывать непосредственное влияние на политику этой страны по отношению к Советскому Союзу. Например, в начале 1989 года Нел высказался за то, чтобы привлечь АНК к переговорам о будущем ЮАР. Это, по его мнению, позволило бы усилить влияние группы «умеренных» в советском МИДе и вывести Южную Африку из международной изоляции[297]. Южноафриканская дипломатия пошла именно таким путем, и в результате, возникли трудности в отношениях между АНК и правительством Советского Союза, хотя это и не помогло Национальной партии остаться у власти.

Вопрос об участии русских эмигрантов в деятельности Института по изучению Советского Союза и государственных учреждений, формировавших политику ЮАР по отношению к СССР, еще требует исследования. Уже упоминалось о том, что Л.В. Мансырев консультировал южноафриканское Министерство обороны. Возможно также, что государственные органы страны использовали в своей работе подробнейшие отчеты о поездках в Советский Союз, которые готовила Е.Г. Кандыба-Фок-

скрофт, более чем лояльно относившаяся к тогдашнему правительству ЮАР. Конечно, лишь немногие из русских эмигрантов в Южной Африке обладали информацией о положении дел в СССР из первых рук, но их могли привлекать для преподавания русского языка местным специалистам по Советскому Союзу, как в случае с Филипом Нелом[298].

Глава 10. Русские евреи в ЮАР в послевоенные годы: потеря связей с родиной и ассимиляция в южноафриканском обществе

В 1948 г. еврейскую общину Южной Африки поверг в шок приход к власти Национальной партии во главе с Д.Ф. Маланом, инициатором принятия законов, ограничивающих еврейскую иммиграцию в ЮАС, и автором антисемитских статей и заявлений. Однако и сам Малан, и его преемники на посту премьер-министра утверждали, что вся антисемитская риторика осталась в прошлом. Д.Ф. Малан заявил, что евреи продемонстрировали способность «идентифицироваться со страной и с народом, среди которого им приходится жить… Соответственно, они могут стать (и часто становятся) не только хорошими евреями, но и хорошими гражданами»[299].

Теперь Национальная партия давала евреям право участвовать в строительстве нового южноафриканского общества, основанного на безусловном господстве белой расы. Такая перемена объясняется, прежде всего, тем, что партия стремилась завоевать еще больше голосов и начала обращаться не только к африканерам, но и к англоязычным южноафриканцам, важную и влиятельную часть которых составляли евреи.

Официальные лица Южной Африки больше не позволяли себе антисемитских высказываний. Конечно, националисты старой школы не могли так легко отказаться от своих убеждений. Национальная партия по-прежнему сочувственно относилась к крайне правым движениям в Европе и даже принимала в Претории их руководителей, среди которых был лидер британских фашистов Освальд Мосли. Но подобные контакты практически не сказывались на положении южноафриканских евреев.

После Второй мировой войны иммиграция с территории бывшей Российской Империи почти не влияла на численность еврейской общины страны. Законы, принятые в 1920–1930-е гг., стали почти непреодолимым барьером на пути иммигрантов из Восточной Европы, включая прибалтийские республики, которые в 1940 г. были присоединены к Советскому Союзу. Что касается СССР, то он был отгорожен от Запада «железным занавесом», лишь укрепившимся за счет появления в Европе социалистических стран. Советское законодательство, в общем, продолжало дореволюционную традицию «неразрывности подданни-

ческой связи» и не признавало права граждан на эмиграцию. Серьезные изменения произошли лишь к началу 1970-х, когда советские евреи получили возможность воссоединиться с близкими родственниками в Израиле.

Поток еврейских иммигрантов из Восточной Европы в Южную Африку практически прекратился, что привело сокращению доли евреев среди белого населения: с 4,5% в 1936 г. до 4,2% в 1951 г., хотя численность южноафриканских евреев за тот же период возросла с 90 645 до 108 496 человек[300]. Прирост, по-видимому, обеспечивался за счет детей, родившихся уже на территории ЮАС. Однако уже к началу 1950-х гг. стало ясно, что рост южноафриканской еврейской общины скоро прекратится из-за низкой рождаемости и численного преобладания лиц пенсионного возраста над молодежью.

Изменился и сам характер местной еврейской общины. Если в первой половине XX века она была преимущественно иммигрантской, то теперь все большую роль в ней играли евреи, родившиеся в Южной Африке. К концу Второй мировой войны последние составляли уже более половины еврейского населения страны. Массовый переезд евреев из сельской местности в крупные города[301], в основном завершившийся к 1940-м гг., и быстрая интеграция (а нередко и ассимиляция) восточноевропейских евреев в южноафриканской среде способствовали улучшению материального положения членов общины. Многие русские евреи заняли важное место в экономической жизни страны и способствовали становлению местной промышленности.

К 1950-м гг. большинство благотворительных обществ, специализировавшихся на помощи вновь прибывшим евреям из Восточной Европы, либо были упразднены, либо сменили направление своей деятельности. Практически все землячества были распущены. Это стало результатом размывания различий между иммигрантами из Восточной и Западной Европы. Идиш, родной язык большинства русских евреев начала века и важный инструмент их самоидентификации, почти не использовался молодежью, хотя печатные издания на нем по-прежнему выходили. Идеологические и организационные разногласия, волновавшие общину в предыдущие десятилетия, были, в основном, разрешены.

В 1955 г., отмечая вклад русских евреев в формирование еврейской общины ЮАС, редакторы книги «Евреи Южной Африки» писали: «Будучи, по большей части, потомками литовского еврейства, южноафриканские евреи представляют собой довольно однородную группу, в отличие от своих собратьев в Соединенных Штатах Америки. Они унаследовали некоторые качества «литваков»: их добросердечие и щедрость, их практичность, сильное стремление к еврейской солидарности, а также любовь к учебе в сочетании с несколько критическим подходом к религиозным традициям... Среди них, больше чем среди любой другой западной еврейской общины, пользуется поддержкой сионистское движение»[302].

Тесная связь евреев (прежде всего, выходцев из России и Восточной Европы) с африканерами ослабла. Этому способствовали отток еврейского населения в города, где господствовала английская культура, активное овладение английским языком и рост антисемитизма среди буров, видевших в евреях уже не полезных посредников, а опасных конкурентов[303]. В середине XX века завершился процесс быстрой урбанизации еврейского населения ЮАС и его переориентации на британскую модель развития, восприятие британских ценностей в противоположность африканерским. «Местечковое», провинциальное сознание русского еврея адаптировалось к новому, капиталистическому миру Йоханнесбурга, Кейптауна, Дурбана. К тому же, второе поколение иммигрантов уже плохо владело языком идиш, знание которого облегчало их родителям освоение африкаанс.

В послевоенные годы выходцы из России по-прежнему играли видную роль в жизни южноафриканского общества. Среди них Меер Кац – мэр Рандфонтейна в 1952–53 гг.[304], Лайонел Явно – мэр Кимберли, одного из центров горнодобывающей промышленности страны, в 1959–60 гг.[305], Джек Минсер – мэр Йоханнесбурга, крупнейшего мегаполиса Южной Африки, в 1949–50 гг.[306]. Депутат парламента Берта Соломон (Шварц; 1892–1969) из Минска возглавила кампанию за предоставление южноафриканским женщинам права на участие в выборах. Единственным министром–евреем за всю историю Южно-Африканского Союза был выходец из Литвы Гарри Глюкман. В середине 1940-х гг. он занимал пост министра здравоохранения[307].

Примечательно, что в 1950–70-е гг. крупнейшие южноафриканские компании (кроме горнодобывающих), принадлежащие евреям, занимались торговлей древесиной, изготовлением мебели и продуктов питания, а также розничной торговлей[308]. Именно в этих областях специализировались многие литовские евреи, приехавшие в Южную Африку на рубеже XIX–XX веков. Так передавалась эстафета поколений.

В культурной жизни ЮАС послевоенного периода важную роль играл музыкант Джерри Идельсон, уроженец Латвии, основатель и председатель Общества южноафриканских композиторов. В 1935–1955 гг. в Йоханнесбурге преподавала и ставила оперы выпускница Петербургской консерватории, бывшая солистка Берлинского оперного театра Ольга Гутман-Рысс (1893–1980)[309]. Среди ее учеников – знаменитые южноафриканские певцы Дави Кузейн и Ханли фан Никерк[310]. В 1960-е гг. уроженец Эстонии Пинкус Снайдман занимал пост президента Национальной оперной ассоциации и директора театра «Сивик», одного из лучших в стране[311].

Одним из лидеров южноафриканского еврейства послевоенных лет был Леон Фельдберг, уроженец Литвы, директор издательского концерна «Кэкстон Лтд», редактор газеты «Саут-Эфрикан Джуиш Таймс» и Южноафриканского еврейского ежегодника.

Среди 14 тысяч южноафриканских евреев, эмигрировавших в Израиль из ЮАР в 1948–1985 гг.[312], немало выходцев из России. Один из них – рабби Израиль Абрахамс, уроженец Вильно, главный раввин Капской провинции, Юго-Западной Африки и Солсбери. Наибольших успехов в политической жизни Израиля достиг Яков Гери, в 1950–53 гг. занимавший пост министра торговли в правительстве Бен-Гуриона[313].

Доля эмигрантов с территории бывшей Российской Империи в послевоенные десятилетия неуклонно сокращалась: согласно опросу, проведенному еврейской общиной в ЮАР в 1974 г., уроженцы Литвы составляли около 7% еврейского населения страны[314]. В 1980 г. лишь 3,5% южноафриканских евреев указали, что родились в Литве и Латвии, а 2,4% – в России[315].

Поэтому в сфере политики, культуры, экономики, науки Южной Африки все большую роль играли дети и внуки русских евреев. Среди них лауреат Нобелевской премии по литературе Надин Гордимер (род. в 1923 г.); поэтесса Ольга Кирш (1924–1997); романист Лайонел Абрахамс (1928–2004); мультимиллионер и создатель легендарного города развлечений Сан-Сити Сол Керзнер (род. в 1935 г.); сталепромышленник и председатель Исполнительного совета Всемирного еврейского конгресса Мендель Каплан (род. в 1936 г.); член Политбюро Южноафриканской коммунистической партии и активист Африканского национального конгресса в годы подполья, а ныне министр разведывательных служб ЮАР Ронни Касрилс (род. в 1938 г.); один из основателей Прогрессивной партии Южной Африки и видный либеральный политик времен апартеида Хелен Сузман (род. в 1917 г.).

В 1966 г. бывший председатель Южноафриканской сионистской федерации, сын выходцев из Прибалтики Льюис Пинкус (1912–1973) стал председателем Всемирной сионистской организации. А в 1982 г. Аарон Клуг (род. в 1926 г.), сын эмигрантов из Литвы в Южной Африке, удостоился Нобелевской премии как один из основоположников электронной микроскопии[316].

Тем временем в Советском Союзе произошли важные изменения, позволившие некоторым гражданам этой страны эмигрировать легально. В 1968 г. СССР подписал «Международный пакт о гражданских и политических правах» ООН. Поскольку 12-я статья пакта гласила: «Каждый человек имеет право покинуть любую страну, включая свою собственную»[317], Советский Союз вынужден был разрешить выезд своих граждан для воссоединения с живущими за границей близкими родственниками[318].

СССР не признавал двойного гражданства, а выход из советского гражданства был возможен только с разрешения Президиума Верховного Совета страны[319]. Это значительно осложняло получение разрешения на выезд из страны на постоянное жительство. Также оставались в силе положения закона 1958 г. «Об уголовной ответственности за госу-

дарственные преступления», приравнивающие «невозвращенцев» к изменникам и государственным преступникам. И все же, несмотря на то, что власти активно пользовались этими ограничениями, тысячам советских евреев удалось эмигрировать из СССР. Только в 1980 г. из Советского Союза на постоянное жительство выехало около 33657 взрослых – в основном, в Израиль, ФРГ и США[320].

С середины 1970-х в ЮАР стали перебираться советские евреи из Израиля. Они составляли лишь небольшую долю израильских иммигрантов в этой стране: вероятно, до начала «перестройки» сюда приехало лишь несколько десятков советских евреев[321]. Пик иммиграции из Израиля приходится на середину 1970-х (после Войны Судного дня 1973 г.), а также на 1980–82 гг., когда казалось, что социально-политическая ситуация в ЮАР пришла в норму после потрясений, связанных с восстанием в Соуэто 1976 году. Большую помощь, в том числе финансовую, советским евреям оказывали Майя Абрамович, бывшая узница гетто в Даугавпилсе и основатель йоханнесбургской Ассоциации узников концлагерей, а также предприниматель Роланд Каракасян, председатель южноафриканского Армянского общества[322].

Марк Шуан, один из эмигрантов той волны, прибыл в ЮАР с советским дипломом горного инженера, но в Южной Африке ему пришлось переучиваться и заново получать высшее образование. Зато к началу 1990-х Шуан уже владел крупной компанией по производству и экспорту дорожно-строительных машин и сотрудничал с фирмами из Европы и Юго-Восточной Азии, а также с российскими предприятиями. Тогда же Марк Шуан владел рестораном русской кухни в Йоханнесбурге.

Другой пример – инженер Ноах Перлов, который «бежал не от Родины, а от рутины, когда человек не может делать то, что хочет и может»[323]. В 1980-е гг. он работал главным механиком крупнейшего на Африканском континенте металлургического концерна «Искор» в ЮАР.

Глава 11. Эмигранты из России в борьбе против расового неравенства в Южной Африке

Выше говорилось о том, что представители русской диаспоры ЮАР были настроены лояльно по отношению к политике Национальной партии. Это вполне понятно и объяснимо. Русским эмигрантам была симпатична антикоммунистическая позиция южноафриканских националистов. Им в той же степени, что и большинству белых жителей Южной Африки, были свойственны предрассудки в отношении черных. Они так же, как и остальные белые, дорожили теми привилегиями, которые давал апартеид. Горстка чужаков в принявшей их стране, они опасались вступать в конфликт с властями – ведь меньшинство всегда уязвимо.

«Я знаю, что южноафриканцев критиковали за их патернализм по отношению к слугам, но в те годы это было оправдано, – считал князь М.С. Кантакузен, директор целлюлозного комбината в Натале в 1950–1960-е гг., посвященный своими рабочими-зулусами в почетные вожди. – Уверен, что такие же отношения существовали между моими родителями и их крестьянами в России; эти отношения поддерживались до тех пор, пока к власти не пришли коммунисты и все переменилось. Я задаюсь вопросом: действительно ли те кардинальные перемены, которые произошли сначала в России, а потом и в Африке, подняли общий уровень жизни народа?»[324].

Большинство русских эмигрантов испытывали глубокую благодарность Южной Африке за то, что именно в этой стране они, наконец, перестали чувствовать себя беженцами и смогли встать на один социальный уровень с местным белым населением. Именно об этом, а не о политических вопросах, думали русские эмигранты, переселяясь в далекую Южную Африку. По воспоминаниям Ольги Гостиной, ее мать О.П. Кочубей Ван-Рейсвейк, однажды сказала ей: «Когда ты переживешь то, что мы пережили и в России, и в Бельгии, ты на коленях будешь благодарить такую страну, как Южная Африка, которая дала тебе такие возможности»[325].

В этом контексте объяснимо, почему карикатурист Виктор Иванов несколько десятилетий работал в газете «Ди Фадерланд», которая была рупором африканерского национализма, а в 1970-е сотрудничал с газетой «Ситизен», тайно финансировавшейся южноафриканским правительством и созданной в противовес либеральной англоязычной прессе; почему автор популярного учебника по эмбриологии, профессор Витватерсрандского университета в Йоханнесбурге Борис Иванович Балинский в 1976 году подготовил к публикации роман, в котором «подвергается серьезной критике позиция ООН по отношению к Южной Африке, а также левые тенденции в послевоенном мире, и отстаивается точка зрения Южной Африки»[326]; почему в 1960–1980-е годы, в разгар «холодной войны» между нашими странами, Елизавете Григорьевне Кандыбе-Фокскрофт, заведующей русской кафедрой Университета Южной Африки, удалось установить доверительные отношения с супругой премьер-министра Х. Фервурда, «архитектора апартеида», и получать разрешение на поездки в Советский Союз; и, наконец, почему в конце 1970-х, Елизавета Григорьевна предложила свои услуги министерству иностранных дел ЮАР[327].

Что касается южноафриканского еврейства, которое, как мы помним, состояло, в основном, из русских евреев или их потомков, ситуация была, в общем, аналогичной. В рамках общины принцип лояльности правительству соблюдался неукоснительно. Судьба небелого населения страны мало беспокоила еврейские общины. Более того, большинство южноафриканских евреев стремились подчеркнуть дистанцию между собой и

небелыми гражданами, опасаясь за свои привилегии представителей белой расы и не желая вызывать вспышки антисемитизма.

Была и другая причина. «Евреи как община решили не занимать никакой позиции по туземному вопросу, потому что они связаны с проблемой солидарности с еврейством в других странах, – говорил в 1953 г. основоположник прогрессивного иудаизма в ЮАС раввин Мозес Вайлер. – Южноафриканская еврейская община делала больше, чтобы помочь Израилю, чем любая другая община. Община не могла выступать в оппозиции к правительству и в то же время просить его разрешения переводить деньги в Израиль»[328].

Борцы за расовое равноправие воспринимались как возмутители спокойствия. Считалось, что каждый член общины имеет право действовать в соответствии со своими политическими убеждениями, которые могут не отражать мнения общины в целом. Последняя держалась в стороне от политики и не желала нести ответственность за действия своих отдельных членов, избегая крайностей как левого, так и правого толка[329]. Консерватизм еврейской общины и боязнь вызвать всплеск антисемитизма делали ее в 1960–1970-е гг. надежным оплотом правящей Национальной партии. Южноафриканская еврейская община в целом и ее представительские организации – Еврейский совет депутатов и Сионистская федерация – вплоть до второй половины 1970-х гг. стремились всячески отмежеваться от своих соплеменников, которые выступали против политики правительства.

Только в 1978 г. южноафриканский Еврейский совет депутатов принял резолюцию, призывающую евреев бороться за искоренение любой несправедливой дискриминации человека вне зависимости от расы, вероисповедания и цвета кожи. В то же время начались попытки установить диалог с лидерами небелого населения ЮАР. Евреи Южной Африки с удивлением обнаружили, что, согласно опросам, они были для чернокожих южноафриканцев самой ненавистной группой белого населения после африканеров[330].

Тем удивительнее, что среди белых борцов за равные права для всех южноафриканцев большинство составляли именно евреи.

Еще в начале XX в. Германн Калленбах, уроженец Литвы, получивший архитектурное образование в Германии, стал другом и последователем Махатмы Ганди. В 1910 г. он даже приобрел ферму для Ганди и участников кампании ненасильственного сопротивления властям. Калленбах назвал ее в честь Льва Толстого, которого Махатма считал своим учителем и с которым вел переписку. Секретарем Ганди в Южной Африке была эмигрантка из Литвы Соня Шлезин. Много лет спустя, Ганди вспоминал, что в Южной Африке его «окружали евреи»[331].

В Южной Африке евреи из России были, в основном, радикальнее, чем их собратья, приехавшие из Западной Европы. Некоторые из них прониклись симпатией к коммунистическому и профсоюзному движе-

нию еще на родине. Когда они столкнулись с южноафриканской политической системой, изначально построенной на расовой дискриминации, увиденное укрепило их веру в необходимость установления социальной справедливости.

Возможно, при этом сыграли роль и их собственные, еще свежие воспоминания о преследованиях, которым подвергались евреи в дореволюционной России и Прибалтике. Например, Рэй Саймонс, латвийская еврейка, ветеран компартии и профсоюзного движения Южной Африки, еще в начале 1930-х писала, что расовая дискриминация – это то же самое, что антисемитизм[332]. Такого же мнения придерживался ее первый муж, южноафриканский профсоюзный деятель Эли Вайнберг. Он заявлял, что его самого затронули действия расистов, когда его родственники погибли в концлагерях во время Второй мировой войны, а поэтому он протестовал против любых проявлений расизма и в Южной Африке[333]. Русские евреи вступали в южноафриканскую компартию, становились ее активистами и даже руководителями, как Лазарь Бах, Молли Уолтон-Зеликович, Рэй Саймонс и Эли Вайнберг.

Против расового угнетения выступали не только коммунисты, но и члены организаций русских евреев в Южной Африке – «Еврейской группы», «Идише Арбетер Бунд», «Идише Арбетер Клуб», «Поалей Цион» и «Африканер Гесерд». В 1950-е гг. бывшие члены «Идише Арбетер Клуб» и «Африканер Гесерд» под руководством Майкла Шура основали либеральную «Еврейскую демократическую ассоциацию»[334]. Она распалась к 1962 г., а сам Шур эмигрировал в Англию.

На Процессе о государственной измене, устроенном правящей Национальной партией в 1956 г., чтобы разделаться с левой оппозицией, 23 из 156 обвиняемых были евреями. Среди них были эмигранты из России первого и второго поколений, которым предстояло сыграть значительную роль в антирасистском сопротивлении – Джо Слово, Рут Ферст и Бен Турок.

В течение нескольких десятилетий Джо (Йосель Машель) Слово (1926–1995) оставался одним из главных белых лидеров борьбы против апартеида. Будущий генеральный секретарь Южноафриканской коммунистической партии, Слово родился в литовском местечке Обяляй. Его семья эмигрировала в Южную Африку, когда Джо исполнилось восемь лет.

В 1942 г. он вступил в Южноафриканскую коммунистическую партию. Под впечатлением от героизма Красной армии Слово записался добровольцем и отправился на фронт. По возвращении с войны Джо окончил юридический факультет Витватерсрандского университета в Йоханнесбурге и женился на журналистке Рут Ферст (1925–1982), дочери казначея ЮАКП Джулиуса Ферста, еврейского эмигранта из Латвии. После арестов и тюремного заключения в связи с их активным участием в деятельности компартии, супруги покинули Южную Африку.

В эмиграции Джо Слово был в 1983 г. назначен начальником штаба «Умконто ве Сизве», вооруженного крыла АНК. В 1984 г. он стал генеральным секретарем ЮАКП. Слово считался главным теоретиком южноафриканской компартии и оказал влияние на идеологию Африканского национального конгресса. Он был единственным белым, избранным в 1985 г. в Национальный исполнительный комитет АНК.

Вернувшись в ЮАР в 1990 г., Слово в составе делегации АНК участвовал в «переговорах о переговорах» с правительством страны. Его здоровье ухудшилось, и он отказался вновь выдвинуть свою кандидатуру на пост генерального секретаря ЮАКП. Тем не менее, в декабре 1991 г. Слово был избран председателем южноафриканской компартии. После прихода АНК к власти в 1994 г. Джо Слово стал министром жилищного строительства.

Рут Ферст в эмиграции вела активную пропагандистскую кампанию за введение санкций против государства апартеида. Ее перу принадлежат книги, разоблачающие политику ЮАР в Намибии и в южноафриканском регионе. Ферст написала откровенные воспоминания о своем аресте и заточении в южноафриканской тюрьме, опубликовав их под названием «117 дней». В 1977 г. она получила должность профессора в Центре африканских исследований Университета имени Э. Мондлане в столице Мозамбика и занялась изучением жизни рабочих-мигрантов, трудившихся на золотых месторождениях ЮАР.

Ее жизнь прервалась в 1982 году. В бандероли, которую получила Рут Ферст, сработало взрывное устройство. Позднее было установлено, что убийство этой смелой журналистки и политического деятеля – дело рук южноафриканских спецслужб.

Среди обвиняемых на Процессе о государственной измене 1956 года фигурировал Бен Турок (род. в 1927 г.), родившийся в Латвии и в семилетнем возрасте вывезенный родителями в Южную Африку. Турок был одним из организаторов южноафриканского Конгресса демократов и активистом профсоюзного движения. В 1957 г. он был избран в Совет Капской провинции в качестве представителя чернокожих жителей Западного Кейпа.

За сотрудничество с нелегальными организациями Бен Турок в 1962 г. был приговорен к трем годам лишения свободы. Выйдя из тюрьмы, он бежал из ЮАР. Он поселился в Великобритании, где стал редактором журнала «Сечаба», официального издания Африканского национального конгресса, и основал Институт африканских альтернатив в Лондоне. По возвращении в Южную Африку после легализации АНК Турок был избран в парламент страны.

В латвийском местечке Вараклан родилась Рэй Саймонс (в девичестве Рахиль Александрович; 1914–2004), активист Южноафриканской коммунистической партии, ветеран антифашистского, профсоюзного и

женского движения страны, двоюродная сестра популярного советского певца Михаила Александровича[335].

Еще в Латвии она сотрудничала с местными коммунистами. А когда пятнадцатилетняя Рахиль прибыла в ЮАС, то уже через пять дней вступила в Коммунистическую партию Южной Африки. Десять лет спустя, в 1939 г., она стала членом политбюро КПЮА. Одновременно с работой на благо компартии, Рэй Саймонс возглавила нерасовый Профсоюз рабочих пищевой и консервной промышленности и участвовала в создании Федерации южноафриканских женщин. После принятия Закона о подавлении коммунизма Саймонс вошла в ЦК воссозданной в 1953 г. в подполье Южноафриканской коммунистической партии.

Рэй Саймонс и ее муж Джек покинули Южную Африку в 1965 году. Все годы, проведенные в изгнании, они трудились в зарубежных структурах АНК и поддерживали связь с подпольщиками в самой ЮАР. В 1970-е гг. они вошли в ЦК южноафриканской компартии. Рэй и Джек были первыми белыми, которые стали полноправными членами АНК за границей. А в феврале 1990 г. они первыми из членов Африканского национального конгресса официально вернулись в Южную Африку после легализации этой партии.

Среди российских евреев – ветеранов антирасистского сопротивления в Южной Африке – необходимо упомянуть Эли Вайнберга (1908–1981). Уроженец Либавы, он эмигрировал в ЮАС в 1929 г. и активно участвовал в профсоюзном движении страны. В 1943–1953 гг. Вайнберг занимал должность генерального секретаря Профсоюза коммивояжеров Южной Африки. Будучи членом ЦК нелегальной Южноафриканской коммунистической партии, Вайнберг был арестован и провел в застенках пять лет. После освобождения он находился под строгим наблюдением полиции и смог покинуть ЮАР лишь в 1976 году.

На территории Российской Империи, в литовском местечке родилась Рэй Хармел (Таубе Адлер) (1905–1998), профсоюзный лидер и член компартии Южной Африки с конца 1920-х. В 1963 г. Хармел была вынуждена покинуть ЮАР и в изгнании продолжила непримиримую борьбу против апартеида. Она работала в лондонском представительстве Африканского национального конгресса.

Среди второго поколения еврейских эмигрантов из России в ЮАР одной из самых ярких фигур антирасистского движения является Ронни Касрилс (род. в 1938 г.), который в настоящее время возглавляет южноафриканские спецслужбы. Его предки переселились в Южную Африку из Литвы в конце XIX века.

Вступив в запрещенную властями компартию в 1961 г., Ронни Касрилс неоднократно подвергался арестам, находился под следствием. Несмотря на преследования, Касрилс участвовал в диверсионных операциях «Умконто ве Сизве», вооруженного крыла АНК. В 1963 году Касрилс бежал за границу и прошел военную подготовку в СССР[336]. С 1965 г. он

работал в представительстве АНК в Лондоне, занимаясь разработкой диверсионных операций, организацией пропагандистской сети и подготовкой активистов для переброски в ЮАР и налаживания контактов с антирасистским подпольем в этой стране.

Позднее Касрилс был назначен региональным комиссаром «Умконто» в Анголе, а затем – начальником отдела военной разведки и членом военно-политического совета АНК в Лусаке. В 1987 г. он был кооптирован, а в 1991 г. – избран в Национальный исполнительный комитет АНК.

После победы АНК на выборах 1994 г. Касрилс был назначен заместителем министра обороны, а пять лет спустя вошел в правительство в ранге министра водных ресурсов и лесного хозяйства. В 2004 г. президент Табо Мбеки назначил Ронни Касрилса министром разведывательных служб ЮАР.

Из активистов антирасистского сопротивления, принадлежащих ко второму поколению российских иммигрантов, отметим также Полин Подбрей (Подбрез) (род в 1922 г., дочь иммигрантов из Литвы) – супругу и соратницу одного из активистов южноафриканской компартии, индийского профсоюзного деятеля Х.А. Найду; и Баруха Хирсона (1921–1999, сын иммигрантов из Латвии) – основателя левацкой боевой организации «Африканское движения сопротивления», который провел девять лет жизни в южноафриканских тюрьмах и после эмиграции в Великобританию в 1973 г. стал автором исследований по новейшей политической истории ЮАР.

Дети русских евреев Лайонел (1920–2002) и Хильда Бернстайн (1915–2006) активно участвовали в деятельности южноафриканской компартии в самые тяжелые для нее годы. Архитектор Лайонел Бернстайн был одним из основателей Демократического конгресса и членом Исполкома подпольной ЮАКП.[337] Он принимал непосредственное участие в создании Хартии свободы, а в 1963 г. стал среди обвиняемых на печально знаменитом Ривонийском процессе.

Вместе с женой Хильдой, писателем и публицистом, одним из учредителей первой нерасовой женской организации страны (Федерации южноафриканских женщин) и Южноафриканского совета мира, Лайонел Бернстайн тайно покинул ЮАР. Супруги поселились в Великобритании и продолжали активно выступать в защиту АНК и освободительного движения в Южной Африке. Х. Бернстайн заслужила международное признание как автор статей и монографий в поддержку борьбы против апартеида.

Сопротивление режиму оказывали не только члены АНК, ЮАКП и других радикальных организаций. Среди противников расовой политики южноафриканского правительства были даже священнослужители.

Например, упоминавшийся Израиль Абрахамс (1903–1973) принадлежал к числу тех немногих раввинов, которые позволяли себе выступать с критикой апартеида. Он поддерживал петиции против расовой

сегрегации в университетах, выселения небелого населения с земель, выделенных властями для европейцев, и положения, по которому полиция имела право задерживать любого гражданина страны на 90 суток без предъявления обвинения[338]. Абрахамс подчеркивал несовместимость принципов иудаизма и расового угнетения, но не мог вести активную борьбу, поскольку был связан обязательствами перед общиной и не хотел навредить ей.

Рабби Израиль Абрахамс покинул Южную Африку в 1968 году. К тому времени практически все белые активисты, осмеливавшиеся открыто критиковать апартеид, либо находились в заключении, либо уже эмигрировали из ЮАР. Возможно, единственным политическим деятелем, выражавшим в те годы резко оппозиционные взгляды, оставалась депутат Хелен Сузман (род. в 1917 г.), дочь литовского еврея Самуила Гавронского. В течение тринадцати лет, с 1961 по 1974 гг., ей одной удавалось сохранять за либеральной Прогрессивной партией представительство в парламенте страны.

Сузман принадлежит особая роль в защите интересов черных южноафриканцев. По словам ее товарища по партии, бывшего члена парламента Бориса Уилсона[339], Хелен Сузман «использовала любую возможность, чтобы выступить против законов апартеида, демонстрируя южноафриканцам и остальному миру, что в парламенте по-прежнему мерцал огонек прогрессивной оппозиции. Хелен надеялась, что ей удастся поддерживать этот огонек до тех пор, пока в недалеком будущем члены Прогрессивной партии вновь не получат места в парламенте»[340].

В самые тяжелые годы апартеида, когда были запрещены не только национально-освободительные, но и многие либеральные организации, а печать подвергалась цензуре, Сузман использовала парламентскую трибуну, одну из немногих возможностей открытой и легальной критики самых одиозных сторон расистской политики правительства. Поскольку ее выступления публиковались в официальной стенограмме парламентских дебатов, их могли цитировать средства массовой информации страны. Ее заявления и парламентские запросы были настолько ярки, полемичны и остроумны, что на них с удовольствием ссылались издания, поддерживавшие оппозицию, а иногда даже националистические газеты и журналы. Сузман была практически единственным депутатом южноафриканского парламента, которая в 1960-е – начале 1970-х гг. посещала политических заключенных и старалась облегчить их участь.

Х. Сузман подвергалась нападкам, как справа, так и слева. Правящая Национальная партия обвиняла ее в коммунистической пропаганде, а национально-освободительные организации критиковали Сузман за излишнюю умеренность и неприятие революционных методов[341].

Действительно, Хелен Сузман протестовала против введения международных санкций в отношении Южной Африки, считая, что они дадут обратный эффект. Она выступала в Великобритании и США, по-

следовательно убеждая власти и общественное мнение этих стран отказаться от санкций против Претории. Этим она разочаровала и настроила против себя многих либералов и лидеров черных африканцев, как в ЮАР, так и за ее пределами[342]. Ведь именно действие всеобъемлющих санкций со стороны ведущих стран мира, одновременно с резким ростом самосознания и политической активности черного населения Южной Африки, привели к отмене законов апартеида правительством Национальной партии. Впрочем, такая позиция Сузман вполне соответствовала тогдашней линии Прогрессивной партии, и во второй половине 1970-х ее поддержали другие прогрессисты, избранные в парламент.

Сузман осуждала и методы вооруженной борьбы, которых с начала 1960-х годов придерживались национально-освободительные движения Южной Африки, включая Африканский национальный конгресс. Когда во время ее посещения тюрьмы на острове Роббен Нельсон Мандела сообщил ей, что он и его соратники требуют досрочного освобождения, как это произошло с африканерами, восставшими против властей в 1914 г., Х. Сузман спросила: «Готовы ли вы заявить, что прекратите насилие и вооруженную борьбу?.. Да, повстанцы 1914 г. были освобождены,… но их борьба потерпела поражение, а ваша сейчас продолжается. Это ослабляет ваше дело, и я не могу требовать вашего освобождения»[343].

Но не будем забывать, что в обстановке политической паранойи, характерной для ЮАР времен апартеида, когда деятельность любой либеральной организации можно было в любой момент запретить, а ее лидеров подвергнуть преследованию в соответствии с Законом о борьбе с коммунизмом, и когда само слово «либерал» в южноафриканских правящих кругах считалось ругательным, политику было чрезвычайно трудно придерживаться либеральных идеалов. Вообще, для тогдашней Южной Африки было аномальным существование такой резко оппозиционной партии, как Прогрессивная. Несомненной заслугой Хелен Сузман является уже то, что никто из южноафриканских политиков, остававшихся в стране, не осуждал в те годы законодательство апартеида и политику Национальной партии столь откровенно, как она.

* * *

После Второй мировой войны в Южной Африке возникла первая русская община. В предыдущие десятилетия здесь жили лишь отдельные русские эмигранты. Некоторые из них достигали успеха и заслужили уважение в новой для себя стране, но это были одиночки, не связанные друг с другом организационно и не объединенные необходимостью сохранить русское самосознание на юге Африки. К началу 1950-х русских в ЮАС стало гораздо больше, чем в предыдущие годы, и появилась возможность организации, возникло желание поделиться бедами и радостями с земляками в Южной Африке. Создались условия для появления

общины как инструмента противодействия ассимиляции, и южноафриканские русские воспользовались этой возможностью.

В первые предвоенные годы в ЮАС приехали русские из таких важных центров российской эмиграции послереволюционной волны, как Франция, Германия, Югославия. Некоторые из них активно участвовали в деятельности эмигрантских организаций в Европе. Поселившись в Южной Африке, они стремились даже там, в далекой провинции Русского Зарубежья, сохранить русское самосознание, воспитать своих детей в православии и избежать ассимиляции. Эти «подготовленные кадры» и основали впоследствии «Общество русских эмигрантов» в ЮАС.

Основатели этой организации получили европейское образование, выросли в условиях религиозной терпимости и усвоили многие ценности западного общества. Православие укрепляло общину, помогало следующему поколению усвоить русское самосознание, напоминало о потерянной Родине. Но русская община, по мнению большинства ее членов, должна была стать организацией преимущественно светской. Стремление настоятеля играть ведущую роль в делах общины привело к тому, что прихожане отошли от него и создали альтернативный общинный центр – «Русский дом». Продолжительность богослужений была сведена к минимуму, а основное время уделялось светским мероприятиям.

Общество появилось в непростое время для послереволюционной русской эмиграции – в период дальнейшего расселения по миру. Российские беженцы уезжали из послевоенной Европы на другие континенты в поисках заработка и более достойной жизни. В этот период возрастает роль детей эмигрантов, родившихся уже в изгнании, никогда России не видевших и знавших о ней только по рассказам родителей. Как правило, это поколение было последним, которое стремилось сохранить русскую культуру и веру в изгнании. Их дети обычно ассимилировались в обществе принявшей их страны, считая своей родиной именно ее, а не далекую и полумифическую Россию.

Судьба южноафриканского «Общества русских эмигрантов» сложилась аналогично. Большинство его основателей принадлежало ко второму поколению российских эмигрантов, и пока они были активны и энергичны (1950–1970-е гг.), йоханнесбургская русская община преуспевала. Но они не смогли передать эстафету своим детям.

Третье поколение считало себя не русскими, а южноафриканцами русского происхождения. Русский язык, культура, православие – все это для них было лишь воспоминаниями из детства и юности. Во взрослом возрасте большинство из них расставались с элементами русского самосознания без особого сожаления. «Русский дом» был им не нужен.

Русская иммиграция в страну была минимальной, а дети членов «Общества русских эмигрантов» не ощущали себя причастными к России и русскому самосознанию. Такая ситуация была тупиковой, и русская община Южной Африки была обречена на исчезновение, если бы не новая,

«перестроечная» волна иммигрантов из Советского Союза, начавшаяся в конце 1980-х.

Что касается российских евреев, то в послевоенные годы завершилась их интеграция в южноафриканское еврейство и, шире, в южноафриканское общество. В отличие от русских эмигрантов, их связывали с Россией только детские воспоминания, почти забытый русский язык и родные, оставшиеся на родине. Впрочем, далеко не для всех русских евреев детские воспоминания были светлыми. От русского языка в их памяти осталось лишь несколько слов и фраз, а родственники, оставленные в Прибалтике, Белоруссии, на Украине, погибли в гетто и концлагерях во время немецкой оккупации.

Большинство русских евреев Южной Африки не стремилось вернуться в Россию даже в отделенном будущем. Приехав на юг Африки, они оказались в привычной для себя общинной среде, которую формировали евреи из Литвы, Белоруссии, Латвии и Украины. Социально-экономическая интеграция русских евреев в южноафриканское общество завершилась еще до Второй мировой войны. Они хорошо владели английским и африкаанс, знали местные традиции и обычаи, владели востребованными профессиями и открывали собственное дело. Среди русских евреев были успешные политики, мэры крупных городов и даже министр. С Южной Африкой их связывало настоящее и будущее – их семья и дети, а с Россией – только прошлое.

В руководстве южноафриканских еврейских организаций и религиозных общин большинство составляли русские евреи или их потомки. Землячества, созданные в первой половине XX в., теперь стали чем-то вроде закрытых клубов и уже не выполняли функции обществ взаимопомощи. Последние объединения русских евреев в Южной Африке прекратили существование еще в 1930-е гг. Небольшое число советских евреев, эмигрировавших в ЮАР через Израиль, стремилось поскорее интегрироваться в южноафриканское общество. Евреям из России больше не было необходимости выделять себя как группу из среды местного еврейства. Их интересы полностью соответствовали интересам большинства евреев Южной Африки.

Несмотря на подчеркнутое «невмешательство» еврейской общины страны в политику правительства, именно из среды русских евреев и их потомков вышло большинство белых борцов против апартеида. Возможно, воспоминания о притеснениях, которым подвергались их родители и они сами в Российской Империи, привили русским евреям Южной Африки неприятие расовой дискриминации, даже если она и не касалась еврейских общин напрямую. В послевоенные десятилетия именно в сфере борьбы против апартеида русские евреи выделялись из среды южноафриканского еврейства.

[1] *Peberdy S.A.* Selecting Immigrants: Nationalism and National Identity in South Africa's Immigration Policies, 1910 to 1998. A thesis… for the degree of Doctor of Philosophy. Queen's University, Kingston, Ontario, Canada, 1999. P. 195.

[2] Ibid. P. 198–199.

[3] Ibid. P. 192.

[4] Ibid. P. 200–201.

[5] *Левошко С.С.* Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX–первая половина XX века. Хабаровск: Частная коллекция, 2003. С. 167.

[6] KAB, Source: PIO, Vol: 1144, Ref No: 49698E. Дополнительные сведения предоставлены Ириной Чудновой (Пекин).

[7] *Peberdy S.A.* Selecting Immigrants: Nationalism and National Identity… P. 201.

[8] *Колупаев В.Е.* Русские в Северной Африке. Обнинск, 2004. Интернет-версия: www.teolog.ru/lib/t2.php?pid=83

[9] Там же. www.teolog.ru/lib/t2.php?pid=86

[10] *Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М. В., Окороков А.В.* Эмиграция и репатриация в России. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. С. 80.

[11] Там же.

[12] *Земсков В. Н.* Рождение «Второй эмиграции» (1944–1952) // Социологические исследования. М., 1991. № 4. С. 21.

[13] Беседа с К. Д. ван Хуртум. Блумфонтейн, май 2004 г.; *Herbert A.* Vrou na 56 j weer in Russiese tuisdorp // Volksblad. Bloemfontein, 1998. 29 Junie. Bl. 11.

[14] В следующих главах мы расскажем, почему многие российские эмигранты в Южной Африке поддерживали партию апартеида.

[15] *Домогацких М.* Пылающее копье. М.: Детская литература, 1966. С. 75.

[16] *Иванченко А.* Оскорбленные звезды. Рассказы очевидца. М.: Молодая гвардия, 1964. С. 102.

[17] Там же. С. 87.

[18] Там же. С. 88.

[19] Там же. С. 97.

[20] Советские моряки бежали с кораблей и в других частях Африки. См. *В.И. Рябова*. Российская эмиграция в Африке в 1920–1945 гг. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 12. В Южной Африке «невозвращенчество» наших моряков имеет долгую историю. Например, в начале 1900 г. несколько матросов бежали с российского корабля «Фения», стоявшего в кейптаунском порту. (NAB, Source: CSO, Vol 1642, Ref No: 1900/1647).

[21] *Peberdy S.A.* Selecting Immigrants: Nationalism and National Identity… P. 372–384.

[22] *Ашкинази З.Г.* Русская эмиграция и русская культура // Голос эмигранта. Берлин, 1921. № 2. С. 7.

[23] *Рябова В.И.* Российская эмиграция в Африке в 1920–1945 гг. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 114.

[24] Интервью В.А. Иванова из южноафриканского телевизионного документального фильма «The White Russians of South Africa» (режиссер Эдриан Херринг, SABC, 1975).

[25] TAB, Source: MHG, Vol: 0, Ref: 642/47; Source: MHG, Vol: 0, Ref: 12495/70.

[26] Письмо О.М. Свиридовой автору, 12.05.2006.

[27] До конца 1980-х годов в СССР удалось побывать только одному члену «Общества русских эмигрантов» – Елизавете Григорьевне Кандыбе-Фокскрофт, заведующей русской кафедрой Университета Южной Африки.

[28] Например, В.А. Швецов в Йоханнесбурге и А. Ю. Нарышкин в Родезии выписывали монархическую газету «Наша страна», которую им высылали по почте прямо из Аргентины. В.А. Швецов, по воспоминаниям его дочери Марины, получал не только русские эмигрантские газеты, но также журналы и книги. Б.Ф. Ильченко из Йоханнесбурга был читателем парижской «Русской мысли». Еще в 1930-е гг. русские южноафриканцы выписывали парижскую кадетскую газету «Последние новости».

[29] В Южной Африке интерес к русскому балету зародился еще в 1920-е годы, когда там гастролировала Анна Павлова. Сведения предоставлены Мариной Грут, автором книги «The History of Ballet in South Africa» (Cape Town, Johannesburg, Pretoria: Human & Rousseau, 1981) и ее мужем, Микаэлем Грутом.

[30] В 1968 г. Генеральная Ассамблея предложила государствам и организациям приостановить обмены в области культуры, образования и спорта с расистскими организациями или институтами Южной Африки, которые следовали практике апартеида. Отдельной резолюцией Генеральная Ассамблея в 1980 г. ввела еще более строгий бойкот ЮАР в области культуры, науки и спорта. См. *Бутрос-Гали Б.* Организация Объединенных Наций и апартеид. М.: Информационный центр ООН в Москве, 1996. С. 97–98.

[31] *Иванченко А.* Оскорбленные звезды. Рассказы очевидца. М.: Молодая гвардия, 1964. С. 102.

[32] *Макаров Н.М.* В стране алмазов и нищеты. М.: Просвещение, 1965. С.35.

[33] *Хрусталева Н.* Адаптация выходцев из бывшего СССР. Взгляд психолога // Диаспоры, 1999. № 2-3.

[34] *Burns C.* An Historical Study of the Friends of the Soviet Union and the South African Peace Council. Dissertation submitted in partial fulfillment of the degree of BA Honours in History at the University of the Witwatersrand. Johannesburg, 1987. P. 83.

[35] Выступление о. С. Старикова в Иоганнесбурге // Православная Русь. Holy Trinity Monastery, Jordanville, 1954. № 12. С. 16.

[36] Жизненный путь русского священника. Из воспоминаний архимандрита Алексея. Сан-Диего, 1980. С. 229.

[37] Russe hou ook roudiens // Die Vaderland. Johannesburg, 1966. 9 September.

[38] *Фокскрофт Е.* Вести из Южной Африки // Православная Русь. 1964. № 22. С. 12.

[39] Письмо Э. Фервурд от 28.06.1975. Фонд Е.Г. Кандыбы-Фокскрофт, архив Университета Южной Африки, Претория.

[40] *Chernay A.* Russian Odyssey: The Life-Path of an Exile. Roodepoort: CUM Books, 1981. P. 207.

[41] Закон об отмене дискриминационного законодательства о пользовании общественными удобствами вступил в силу лишь в октябре 1990 г. Главные зако-

ны апартеида (Закон о регистрации населения, Закон о расселении по расовым группам и часть земельного законодательства) отменены еще позже – в июне 1991 г.

[42] Письмо С.Л. Мансырева автору, 28.08.2003.

[43] Дети русской эмиграции. Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники. Сост. Л.И. Петрушева. М.: Терра, 1997. С. 7.

[44] *Франк Х.* Православие в Южной Африке – упущенная возможность?: ao.orthodoxy.ru/arch/005/005-sour.htm

[45] *Колупаев В.Е.* Русские в Северной Африке. Обнинск, 2004. Интернет-версия: www.teolog.ru/lib/t2.php?pid=80

[46] *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия и культурно-просветельская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). P.: Librairie des cinq continents, 1971. С. 200.

[47] *Рябова В.И.* Российская эмиграция в Африке в 1920–1945 гг. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 186.

[48] Трогательный юбилей // Часовой. Брюссель, 1970. № 532 (10). С. 18.

[49] *Стариков С.* Письмо из Южной Африки // Православная Русь. 1953. № 10. С. 13.

[50] Церковное торжество на Юге Африки // Православная Русь. 1952. № 18. С. 16.

[51] Годовое обще-приходское собрание в городе Иоганнесбурге (Южная Африка) // Православная Русь. 1955. № 12. С. 15.

[52] Там же. С. 16.

[53] *Стариков С.* Обращение о. Настоятеля Свято-Владимирского прихода Южной Африки (г. Иоганнесбург) // Православная Русь. 1953. № 16. С. 14.

[54] Дни Всероссийского траура и русской культуры в Иоганнесбурге (Южная Африка) // Православная Русь. 1953. № 15. С. 16.

[55] Например, основатели Воскресенской церкви в марокканском Рабате устраивали «русские вечера с театральной программой, на которые шли охотно французы и оставляли деньги… Дамы заранее готовились, пекли пироги и потом, когда начались танцы, можно было в буфете купить русской водки с пирогами». *Колупаев В.Е.* Русские в Северной Африке. Обнинск, 2004. Интернет-версия: www.teolog.ru/lib/t2.php?pid=84

[56] ГАРФ, ф. 6792, д. «Картотека М», л. 3984; РГВИА, ф. 409, оп. 1, п/с 334–463; Незабытые могилы // Часовой, 1977. № 608. С. 19.

[57] TAB, Source: WLD, Vol: 0, Ref: 834/41.

[58] *Стариков С.* Обращение о. Настоятеля Свято-Владимирского прихода Южной Африки (г. Иоганнесбург) // Православная Русь. 1953. № 16. С. 14.

[59] По сообщению А. Кессель, дочери Н.Н. Тамма, члена прихода св. Владимира.

[60] KAB, Source: PIO, Vol: 263, Ref No: 14624E. Genealogisches Handbuch des Adels. Bd 51. Limburg: a.d. Lahn, 1971. S. 240.

[61] *Von Rahden SA.* Memoirs. Translated from Russian by NA Schwezova. 1966–1982. P. 3. Эта неопубликованная рукопись предоставлена племянницей С. А. фон Раден, Мариной Владимировной Швецовой.

[62] *Schoonraad E., Schoonraad M.* Suid-Afrikaanse spot- en strookprentkunstenaars. Roodepoort: CUM-boeke, 1983. Bl.108.

[63] Интервью В.А. Иванова из южноафриканского телевизионного документального фильма «The White Russians of South Africa» (режиссер Эдриан Херринг, SABC, 1975).

[64] Там же.

[65] *Боссе К.* Встреча с русским из Иоганнесбурга // Сегодня. Рига, 1938. № 67. С. 3.

[66] ГАРФ, ф. 5768, д. 33, л. 97.

[67] Цит. по: Кадеты и юнкера в Белой борьбе и на чужбине./ Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д. ист. наук С.В. Волкова. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2003. С. 686.

[68] *Боссе К.* Встреча с русским из Иоганнесбурга. С. 3.

[69] Цит. по: Кадеты и юнкера в Белой борьбе и на чужбине. С. 686.

[70] *Плотников Б.* В далекой Горажде // Электронный бюллетень «Вестник венесуэльских кадет», июнь 2004 г.: www.cadetcorps.ru/kurilka/vestniki/ven0604.aspx

[71] Воспоминания кадет Донского корпуса под редакцией М. К. Буругаева. Издание кадет Донского Императора Александра III Кадетского Корпуса. Мадрид, 1973. С. 289.

[72] Интервью В.А. Иванова из южноафриканского телевизионного документального фильма «The White Russians of South Africa» (режиссер Эдриан Херринг, SABC, 1975).

[73] *Ogilvie G., Graff C.* The Dictionary of South African Painters and Sculptors. Including Namibia. Rosebank: Everard Read, 1988. P.309.

[74] Письмо Д. Кузейна автору, 12.12.2005.

[75] *Schoonraad E., Schoonraad M.* Suid-Afrikaanse spot- en strookprentkunstenaars. Bl.111.

[76] Жизненный путь русского священника. Из воспоминаний архимандрита Алексея. Сан-Диего, 1980. С. 208.

[77] *Ivanoff I.* Die Tweede Wereld-oorlog in spotprente. Johannesburg: Afrikaanse Pers Boekhandel, 1946.

[78] *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 90. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 296.

[79] ГАРФ, ф. 5837, оп. 1, д. 40, л. 80.

[80] См., например, *Балинский Б.И.* Развитие зародыша. Проблема детерминации в эмбриональном развитии. М.–Л.: Биомедгиз, 1939.

[81] Boris I Balinsky Memoir. Архив Университета штата Иллинойс, США, Record Series 15/35/57. P. 243.

[82] KAB, Source: PIO, Vol: 957, Ref: 41282E.

[83] Press Release from the Public Relations Officer, University of the Witwatersrand, Johannesburg. 1954. Архив Витватерсрандского университета, Йоханнесбург, AU8 BAL (Фонд Б.И. Балинского).

[84] Интервью Н.А. Швецовой из южноафриканского телевизионного документального фильма «The White Russians of South Africa» (режиссер Эдриан Херринг, SABC, 1975).

[85] TAB, Source: MHG, Ref No: 5025/73.

[86] Who's Who of Southern Africa. 1965. 49th edition. Johannesburg: Combined Publishers (Pty) Ltd, 1965. P. 721.

[87] ГАРФ, ф. 6792, д. «Картотека „К“», л. 6341. Письмо П.Л. Кошелева автору, 13.03.2006.

[88] ГАРФ, ф. 6711, оп. 3, д. 32, л. 28/об.

[89] KAB, Source: PIO, Vol: 836, Ref: 36102E.

[90] Энциклопедический словарь. Том XVIa. СПб: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1895. С. 769.

[91] По свидетельству М.Д. Бибикова

[92] Минувшее: Исторический альманах. 18. М.–СПб: Atheneum; Феникс, 1995. С. 437; Скорбный листок // Русская мысль. 1970. 6 августа. С. 11.

[93] *Стариков С.* Церковная жизнь в Южной Африке // Православная Русь. 1958. № 9. С. 16.

[94] Там же.

[95] *Стариков С.* Обращение о. Настоятеля Свято-Владимирского прихода Южной Африки (г. Иоганнесбург) // Православная Русь. 1953. № 16. С. 14.

[96] *Стариков С.* Рождество Христово в Южной Африке (Иоганнесбург) // Православная Русь. 1955. № 2. С. 14.

[97] День русской скорби в Южной Африке // Православная Русь. 1955. № 16. С. 15–16.

[98] *Стариков С.* Миссионерская поездка вглубь Африки // Православная Русь. 1956. № 24. С. 15–16.

[99] Годовое обще-приходское собрание в городе Иоганнесбурге (Южная Африка) // Православная Русь. 1955. № 12. С. 15–16.

[100] Там же.

[101] Обращение Воскресенского зарубежного прихода в Санта-Барбара, Калифорния, ко всем русским православным людям в рассеянии сущим // Православная Русь. 1962. № 18. С. 10.

[102] Незабытые могилы // Часовой. Брюссель. 1975. № 583 (1). С. 23.

[103] Жизненный путь русского священника. Из воспоминаний архимандрита Алексея. Сан-Диего, 1980. С. 202.

[104] *Chernay A.* Russian Odyssey: The Life-Path of an Exile. Roodepoort: CUM Books, 1981. P. 183.

[105] Жизненный путь русского священника. С. 223.

[106] Ibid. P.196. См. также письмо из Бюро по делам церквей банту от 28.08.1962 в фонде Е.Г. Кандыбы-Фокскрофт, хранящемся в архиве Университета Южной Африки в Претории.

[107] Русская православная церковь заграницей. 1918–1968. Том II. Русская духовная миссия РПЦЗ в Иерусалиме, 1968. Стлб. 1314.

[108] Вернее, пропаганды со стороны южноафриканских организаций, которые вели борьбу с апартеидом. В те годы СССР не вел прямую пропаганду на Южную Африку, хотя и поддерживал антирасистские силы внутри ЮАР.

[109] Жизненный путь русского священника. С. 218.

[110] Русская православная церковь заграницей. 1918–1968. Том II. Стлб. 1314.

[111] *Франк Х.* Православие в Южной Африке – упущенная возможность?: ao.orthodoxy.ru/arch/005/005-sour.htm

[112] Там же.

[113] *Hayes S.* Orthodox Mission in Tropical Africa. Originally published in Missionalia, the journal of the Southern African Missiological Society: www.geocities.com/Athens/7734/orthmiss.htm

[114] См, например, Православный миссионерский бюллетень Русско-Сербской православной церкви в Иоганнесбурге. Апрель–май 1963 г., хранящийся в фонде Е.Г. Кандыбы-Фокскрофт в архиве Университета Южной Африки.

[115] Православный миссионерский бюллетень Св. Владимирской Русской Православной Церкви. Последний выпуск. Йоханнесбург, 1974. Июль–сентябрь. С. 4.

[116] *Chernay A.* Russian Odyssey: The Life-Path of an Exile. P. 185.

[117] Цит. по: *Колупаев В.Е.* Русские в Северной Африке. Обнинск, 2004. Интернет-версия: www.teolog.ru/lib/t2.php?pid=80

[118] *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. Пер. с англ. М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 153.

[119] Жизненный путь русского священника. Из воспоминаний архимандрита Алексея. Сан-Диего, 1980. С. 213.

[120] *Прихожанин.* Освящение церкви в Иоганнесбурге // Православная Русь. 1960. № 24. С. 15.

[121] Жизненный путь русского священника. С. 212.

[122] Там же. С. 213.

[123] Там же. С. 214.

[124] *Chernay A.* Russian Odyssey: The Life-Path of an Exile. Roodepoort: CUM Books, 1981. P. 188.

[125] *Van Son G.* The Butterflies of Southern Africa. Pretoria: The Transvaal Museum, 1967–79.

[126] *Мазаракий Н.Н.* Дворяне и графы Комаровские // Новик. N.Y., 1952. Отд. II. С. 22; Dr Georges van Son. An appreciation by Dr V Fitzsimmons // South African Museums Association Bulletin. Pretoria, 1967. June. Vol 8, No 13. P. 426; Staatsmuseum 100. Ed. by N.J. Dippenaar. Pretoria, 1992. P.31. Дополнительные данные любезно предоставлены М.Ю. Катиным-Ярцевым и сотрудником архива Трансваальского музея Б. Домбровски.

[127] Переписка между Ю.С. Ван Зоном и администрацией Трансваальского музея. Июнь–октябрь 1923 г. Архив Трансваальского музея, Претория.

[128] Жизненный путь русского священника. Из воспоминаний архимандрита Алексея. С. 232.

[129] Genealogisches Handbuch des Adels. Fürstliche Häuser. Band III. (8). Glücksberg/Ostsee: Verlag von C. A. Starke, 1955. S. 399.

[130] *Абызов Ю.* Русское печатное слово в Латвии. 1917–1944 гг. Биобиблиографический справочник. Ч. IV. Ро–Я. Stanford, 1991. С. 418; *Постников С. П.* Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции. 1918–1945. Библиография. Из каталога библиотеки РЗИ Архива. Т. II. N.Y.: Norman Ross Publishing Inc, 1993. С. 350; Незабытые могилы. Сост. В.Н. Чуваков. Т. 4. М.: Пашков дом, 2003. С. 376.

[131] Письмо С.Л. Мансырева автору, 28.08.2003.

[132] Награда настоятеля церковной общины в г. Иоганнесбурге, архимандрита Алексея // Православная Русь. 1963. № 20. С. 11.

[133] Цит. по: *Бутрос-Гали Б.* Организация Объединенных Наций и апартеид. М.: Информационный центр ООН в Москве, 1996. С. 23–24.

[134] Русская православная церковь заграницей. 1918–1968. Т. II. Русская духовная миссия РПЦЗ в Иерусалиме, 1968. Стлб. 1315.

[135] *Фокскрофт Е.* Отголоски из Южной Африки // Православная Русь. 1961. № 17. С. 16.

[136] Русская православная церковь заграницей. Стлб. 1316.

[137] Там же. Стлб. 1312.

[138] По сообщению В.К. Ронина, исследователя истории русской эмиграции в Бельгийском Конго.

[139] ГАРФ, ф. 5843, д. 5, л. 85. Первый кубанский («Ледяной») поход. Сост., науч. ред., предисловие и комментарий д. и. н. С.В. Волкова. М.: Центрополиграф, 2001. С. 937.

[140] NAB, Source: MSCE, Vol: 0, Ref: 2635/1970.

[141] Жизненный путь русского священника. Из воспоминаний архимандрита Алексея. Сан-Диего, 1980. С. 209.

[142] Who’s Who of Southern Africa. 1965. 49th edition. Johannesburg: Combined Publishers (Pty) Ltd, 1965. P. 836.

[143] Письмо Н.К. Владыкиной автору, 22.10.2005.

[144] Сайт отеля «Теремок»: www.teremok.co.za/accomplishments.asp

[145] РГВИА, ф. 409, оп. 2, д. 28658. *Schakhovskoy D.* Societe et Noblesse Russe. T. 3. Rennes, 1981. P. 171.

[146] *Стариков С.* Письмо из Африки // Православная Русь. 1952. № 20. С. 13.

[147] *Лившиц Л.* Георг Штуде и другие // Молодежь Эстонии. Таллинн, 2002. 23 апреля.

[148] KAB, Source: PIO, Vol: 860, Ref: 37049E. В Южной Африке также поселился племянник Николая Николаевича, Эрик Тамм, карикатурист африканерской националистической газеты «Ди Трансваалер».

[149] См., например, программку концертного вечера «Казачок», который русская община провела 8 июня 1963 года в помещении йоханнесбургского «Немецкого клуба». Фонд Е.Г. Кандыбы-Фокскрофт в архиве Университета Южной Африки, Претория.

[150] Жизненный путь русского священника. Из воспоминаний архимандрита Алексея. Сан-Диего, 1980. С. 233.

[151] *Chernay A.* Russian Odyssey: The Life-Path of an Exile. Roodepoort: CUM Books, 1981. P. 207

[152] Впоследствии здесь был образован приход под юрисдикцией Сербской православной епархии Австралии, Новой Зеландии и Южной Африки. В 1978 г. в Саннингхилл-Парке, пригороде Йоханнесбурга, члены «Сербского дома» построили церковь св. Фомы, где служили сербские священники.

[153] Русская православная церковь заграницей. 1918–1968. Т. II. Русская духовная миссия РПЦЗ в Иерусалиме, 1968. Стлб.1308.

[154] Жизненный путь русского священника. Из воспоминаний архимандрита Алексея. С. 236.

[155] Standard Encyclopaedia of Southern Africa. Vol 9. Cape Town: Nasou Ltd, 1973. P. 437.

[156] *Chernay A.* Russian Odyssey: The Life-Path of an Exile. P. 210. Жизненный путь русского священника. Из воспоминаний архимандрита Алексея. С. 236.

[157] Там же. С. 237.

[158] *Peberdy S.A.* Selecting Immigrants: Nationalism and National Identity in South Africa's Immigration Policies, 1910 to 1998. A thesis… for the degree of Doctor of Philosophy. Queen's University, Kingston, Ontario, Canada, 1999. P. 210.

[159] Ibid. P. 207.

[160] Ibid. P. 216-217.

[161] Ibid. P. 384.

[162] Ibid. P. 221.

[163] Ibid. P. 246–248.

[164] См. Жизненный путь русского священника. Из воспоминаний архимандрита Алексея. С. 235.

[165] Цит. по: *Колупаев Р., о*. Католические общины византийского обряда и русская диаспора: zarubezhje.narod.ru/texts/frrostislav311.htm

[166] В Венгрию, Чехословакию и Польшу направлялись «рекрутинговые экспедиции». *Peberdy S.A.* Selecting Immigrants: Nationalism and National Identity... P. 251, 254.

[167] Русская православная церковь заграницей. 1918–1968. Т. II. Русская духовная миссия РПЦЗ в Иерусалиме, 1968. Стлб.1315.

[168] *Франк Х.* Православие в Южной Африке – упущенная возможность?: ao.orthodoxy.ru/arch/005/005-sour.htm

[169] *Фокскрофт Е.* Отголоски из Южной Африки // Православная Русь. 1961. № 17. С. 16.

[170] Жизненный путь русского священника. Из воспоминаний архимандрита Алексея. Сан-Диего, 1980. С. 235.

[171] По сообщению В.Б. Беляковой.

[172] Православный миссионерский бюллетень Св. Владимирской Русской Православной Церкви. Последний выпуск. Йоханнесбург. 1974. Июль–сентябрь. С. 3.

[173] Архив Витватерсрандского университета, Йоханнесбург, AU8 BAL (Фонд Б.И. Балинского).

[174] Там же.

[175] *Назаров М.* Миссия русской эмиграции. 2-е изд., испр. Т. 1. М.: Родник, 1994. С. 36.

[176] Интервью В.А. Иванова из южноафриканского телевизионного документального фильма «The White Russians of South Africa» (режиссер Эдриан Херринг, SABC, 1975).

[177] Памятная книжка Саратовской губернии на 1910 г. Саратов, 1910. С. 217. NdR. La Noblesse de Russie. Deuxième edition. Publiès par Nicolas Ikonnikov. T. H2. P., 1959. P. 597.

[178] *Beljakova V.* Aristocrat who Fled the Bolsheviks Now Teaches at UCT // Woman's Argus. Cape Town, 1971. 26 August. P. 5.

[179] Ibidem.

[180] ГАРФ, ф. 5982, оп. 1, д. 160, л. 14.

[181] TAB, Source: WLD, Ref No: 491/1959.

[182] Беседа с Н.А. Джорджевич. Йоханнесбург, апрель 2004 г.

[183] TAB, Source: MHG, Ref No: 3240/69.

[184] *Генис В.* Красная Персия. Большевики в Гиляне 1920–21. Документальная хроника. М.: МНПИ, 2000. С. 522.

[185] *Марков А. Н.* Архитектор Марков – строитель Тегерана. Предисловие А.В. Кобака // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Том II. М–СПб: Atheneum/Феникс, 1995. С. 454.

[186] По сообщению В.Б. Беляковой.

[187] Кончина Г.К. Попова // Русское слово. Харбин, 1929. № 999. С. 4; *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. Библиогр. словарь. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2000. С. 247.

[188] По сообщению В.Б. Беляковой.

[189] Письмо Э. Сараевой автору, 02.08.2005.

[190] *Ferreira E.* Hermanus man (67) vermoor gekry in sy tuin // Die Burger. 1995. 29 Augustus. Bl. 2.

[191] Russiese prinses kom haar in Suid-Afrika vestig // Die Vaderland. 1951. 28 November.

[192] TAB, Source: MHG, Ref No: 4173/57.

[193] По сведениям В.Б. Беляковой.

[194] Жизненный путь русского священника. Из воспоминаний архимандрита Алексея. Сан-Диего, 1980. С. 225.

[195] Там же. С. 225.

[196] Беседа с А.И. Одинцовой. Йоханнесбург, апрель 2004 г.

[197] По сообщению В.Б. Беляковой.

[198] История Антонины Ивановны Одинцовой: ru.www.st-sergius.info/index.html?did=105.

[199] Беседа с В.Б. Беляковой, апрель 2004 г.

[200] В.Б. Белякова давала уроки русского военному атташе Посольства ЮАР в Москве, полковнику Саймону Сигуду.

[201] *Eames E., Eames T.* Partners in Independence // Braillorette. Crown Mines, South Africa, 1998. 1 May.

[202] Интервью М.Д. Бибикова из документального фильма «The White Russians of South Africa» (режиссер Эдриан Херринг). SABC, 1975.

[203] Беседа с М.Д. Бибиковым. Йоханнесбург, апрель 2004 г.

[204] Who's Who of Southern Africa. 1983. Johannesburg: The Argus Printing & Publishing Co Ltd, 1983. P. 107.

[205] По сообщению В.Б. Беляковой.

[206] Южно-Африканская Республика: Справочник. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. С. 63.

[207] *Франк Х.* Православие в Южной Африке – упущенная возможность?: //ao.orthodoxy.ru/arch/005/005-sour.htm

[208] Там же.

[209] Сведения предоставлены сотрудниками архива Кейптаунской католической епархии.

[210] *Greshnev D.* Russe ken nie die 'Russiese' wors // Die Burger. 1992. 7 April. Bl. 6.

[211] Русская православная церковь заграницей. 1918–1968. Т. II. Русская духовная миссия РПЦЗ в Иерусалиме, 1968. Стлб.1310.

[212] *Стариков С.* Из Иоганнесбурга к мысу «Добрая Надежда» // Православная Русь. 1955. № 6. С.12.

[213] *Стариков С.* Миссионерская поездка по берегам Индийского и Атлантического океанов // Православная Русь. 1956. № 10. С.12.

[214] *Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. Т. 2. Киев: Товарищество Г.Л. Фронцкевич и Ко., 1910. С. 551; *Ferrand J.* Histoire et genealogie des nobles et comtes Moussine-Pouchkine. P., 1994. P. 159. Дополнительные данные предоставлены исследователем русской эмиграции в Бельгийском Конго В.К. Рониным.

[215] KAB, Source: PIO, Vol: 882, Ref: 37969E.

[216] *Говор. Е.* Ольга Гостина из рода Кочубеев, австралийский этнограф // Австралиада. Сидней, 2000. № 24. С. 21−24.

[217] Письмо О.В. Гостиной автору, 15.03.2005.

[218] *Вернадский В.И.* Дневники 1917−1921. Январь 1920−март 1921. Киев: Наукова думка, 1997. С. 147.

[219] *Стариков С.* Миссионерская поездка по берегам Индийского и Атлантического океанов. С. 12.

[220] *Иванов-Дивов 2-й.* 7-ая рота лейб-гвардии Семеновского полка в Галиции // Военная быль. Париж, 1968. № 91. С. 1−9.

[221] *Чистяков А.Б.* Воспоминания // Фамилия Эссен в Петербурге. Материалы научного семинара 23–24 ноября 1999 г. СПб, 1999. С. 49.

[222] *Горячкин Г.В., Гриценко Т.В., Фомин О.И.* Русская эмиграция в Египте и Тунисе (1920–1939 гг.). М.: ИСАА при МГУ им. Ломоносова, 2000. С. 35.

[223] Сведения предоставлены В.Б. Беляковой и генеалогом М.Ю. Катиным-Ярцевым.

[224] Письмо К. Бэр автору, 23.04.2005.

[225] См. Colliander C. Baronessan och hennes dotter. Otalampi: Sahlgrens, 2005. Дополнительная информация предоставлена М. Грутом.

[226] *Стариков С.* Миссионерская поездка вглубь Африки // Православная Русь. 1956. № 24. С. 15.

[227] ГАРФ, ф. 5982, оп. 1, д. 146, л. 73; NdR. La Noblesse de Russie. Deuxième edition. Publiès par Nicolas Ikonnikov. T. K1. P., 1960. P. 248.

[228] Письмо А.Ю. Нарышкина автору, 21.04.2005.

[229] Vladimir Tretchikoff: Master of Kitsch // Leadership. Johannesburg, 2000. March.

[230] Who's Who of Southern Africa. 1983. 66th edition. Johannesburg: The Argus Printing & Publishing Co Ltd, 1983. P. 636.

[231] *Ростовцев М.* Художник Владимир Третчиков // Русская жизнь. Сан-Франциско, 1953. 19 сентября. С. 3. (Из собрания Гуверовского института, Стэнфордский университет, США).

[232] *Tretchikoff V., Hocking A.* Pigeon's Luck. St James Place, L.: William Collins & Sons Ltd, 1973. P. 255.

[233] *Мосолов Н.* Русский художник в Южной Африке // Русская мысль. 1975. № 3047. 17 апреля. С. 12.

[234] Документальный фильм «The Green Lady» из серии «Success Story» (режиссер Алан Йентоб, BBC, 1974 г.)

[235] *Timmins H.* Tretchikoff. With a forward by Stuart Cloete. L.: George Harrap & Company Ltd, 1969.

[236] *Tretchikoff V., Hocking A.* Pigeon's Luck. P. 57.

[237] *Crouse R.* Tretchi: Trash or Treasure? // Sunday Times Lifestyle. 1998. 23 August.

[238] На той же странице воспроизведен портрет В.А. Засыпкина работы Третчикова. *Св–ов Н.* Первые шаги на пути к славе. Необычайные успехи молодого художника // Рубеж. Харбин, 1934. № 35. С. 8. (Из собрания Гуверовского института, Стэнфордский университет, США).

[239] *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. Биографический словарь. Владивосток: Дальневосточный университет, 2000. С. 129, 154.

[240] *Св–ов Н.* Первые шаги на пути к славе. С. 8–9.

[241] KAB, Source: PIO, Vol: 528, Ref: 23217E.

[242] Последняя крупная выставка произведений Третчикова состоялась в 1978 г.

[243] См., например, интервью Мэрлин Мартин, директора Южноафриканской национальной галереи газете «Ди Бюргер»: *Van Zyl V.* Marilyn Martin: die kunste se kefferbrak // Die Burger. 2002. 26 April. Bl. 13.

[244] См. *Hemingway W.* Just above the Mantelpiece: Mass-Market Masterpieces. L.: Booth-Clibborn, 2000.

[245] *Tretchikoff V., Hocking A.* Pigeon's Luck. P. 244.

[246] См., например, созданную Третчиковым обложку книги *Лейт. Льдовский.* Записки военного летчика. Шанхай: Книгоиздательство А.П. Малык и В.П. Камкина, 1934.

[247] «Богатый, как Пикассо…» // New Bridge. М., 1994. № 9. С. 15.

[248] Русская православная церковь заграницей. 1918–1968. Т. II. Русская духовная миссия РПЦЗ в Иерусалиме, 1968. Стлб.1312.

[249] *Филатова И.* Мадам Бельмас. Вернется ли прах великой певицы на Родину? // Родина. 2000. № 7. С. 61–65

[250] РГАЛИ, ф. 641, оп. 1, ед. хр. 877, л. 64.

[251] *Филатова И.* Мадам Бельмас. С. 61.

[252] Там же. С. 62.

[253] *Давидсон А., Филатова И.* Опыт консульских отношений // Азия и Африка сегодня. 1998. № 1. С. 34.

[254] *Chernay A.* Russian Odyssey: The Life-Path of an Exile. Roodepoort: CUM Books, 1981. P. 197–198.

[255] Письмо В.Б. Беляковой автору, 16.12.2001.

[256] ГАРФ, ф. 6792, д. «Картотека „И“», л. 883-885; Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. Teil: Kurland. Band I. Görlitz: C. A. Starke, 193[?]. Bl. 501.

[257] Из личного архива В.Б. Беляковой.

[258] По сообщению В.Б. Беляковой.

[259] См. *Кантакузин-Сперанский М.С.* Пер. с англ. М.: Росс. фонд культуры; Рос. архив, 2004.

[260] *Волков С.В.* Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2002. С. 218.

[261] Trials and Tribulations of a Tumbleweed. The Memoirs of Prince Michel Cantacuzène, Count Spéransky. 1920–1998. P. 222. Текст воспоминаний М.С. Кантакузена из архива ассоциации «Прими ди Торвискоза» (Италия) предоставлен ее президентом Энеа Бальдасси.

[262] Ibid. P. 190.

[263] NAB, Source: MSCE, Vol: 0, Ref: 2690/1970.

[264] РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 74114; *Бастунов В.И.* Списки награжденных орденом Св. Георгия и георгиевским оружием. Часть вторая. С. 40 // Документальный фонд Центрального музея Вооруженных сил (Москва). Фонд «Архив общества „Родина“, (г. Лейквуд, Нью-Джерси)», д. 4/48739/4. *Волков С.В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб: Издательский дом «Нева», 2003. С. 259.

[265] *Хренков А.В.* Российская диаспора в Эфиопии // Российская диаспора в Африке. 20–50-е годы. Сборник статей. М.: Восточная литература, 2001. С. 98, 101.

[266] Hoover Institution Archives, Collection title: B. Nicolaevsky, Box number: 639, Folder ID: 25.

[267] Цит. по: *Thomas M. Coffey.* Lion by the Tail: The Story of the Italian-Ethiopian War. N.Y.: The Viking Press, 1974. P. 148.

[268] Ibid, p 296.

[269] *Steer GL.* Caesar in Abyssinia. L.: Hadder and Stoughton Ltd, 1936. P. 284.

[270] *Konovaloff Th.* Con le armate del negus. Un bianco fra i neri. Bologna: Zanichelli, 1936.

[271] Русская мысль. Париж, 1970. № 2805.

[272] *Jeśman Cz.* The Russians in Ethiopia. An Essay in Futility. L.: Chatto and Williams, 1958. P. 148.

[273] *Šulc S.* An Individual with an Accent. The Life and Travels of a Russian Émigré. Howick: Brevitas CC, 2001. P. 229.

[274] Беседа с С.В. Шульц. Хауик, май 2004 г.

[275] Весь Петроград на 1916 г. Пт., 1916. С. 699.

[276] Письмо С.В. Шульц автору, 16.06.2004.

[277] Временный поверенный в делах РФ в ЮАР А.А. Макаров вспоминал, что когда в марте 1991 г. он приехал в Преторию для устройства советской секции интересов при австрийском посольстве, его поразило «доброжелательное отношение [южноафриканцев] к нам, к русским людям, желание узнать, кто мы, что из себя представляет наша страна…» Российский дипломат о работе в ЮАР // Дипломатический вестник. 1992. № 13–14. С. 71.

[278] В начале 1980-х Эйс снял комедию «Боги, должно быть, сошли с ума», которая обошла экраны всего мира и несколько лет занимала первое место по кассовым сборам среди всех картин иностранного производства в истории кинопроката США. «Только после вас, товарищ» стал первым фильмом производства ЮАР, снимавшимся за рубежом.

[279] Кстати, одну из ролей в этой картине исполнил Виктор Иванов, активист «Общества русских эмигрантов в Южной Африке».

[280] Письмо Т. Мозеса, сотрудника Национального киноархива ЮАР автору, 25.05.2005.

[281] Подробнее об этом см. *Давидсон А.Б.* Русская литература в Южной Африке // Россия–Восток–Запад / РАН, Отд. лит. и яз. М.: Наследие, 1998. С. 210–229.

[282] Впрочем, не все южноафриканцы правильно понимали, что стоит за разделением на «белых» и «красных». С.В. Шульц из натальского города Хауика вспоминала, как один африканер спросил у нее: «Есть русские белые, есть – красные, а бывают ли черные русские? Я вижу, вы – белая…» (Письмо С.В. Шульц автору, 12.09.2005).

[283] The White Russians of South Africa. SABC, 1975.

[284] White Russians of South Africa. Treatment. 1975. Документ из личного архива Э. Херринга.

[285] Russies vir graadkurs // Die Transvaler. 1961. 3 November.

[286] Standard Encyclopaedia of Southern Africa. Vol 9. Cape Town: Nasou Ltd, 1973. P. 437.

[287] Интервью Е.Г. Кандыбы-Фокскрофт из документального фильма «The White Russians of South Africa» (режиссер Эдриан Херринг). SABC, 1975.

[288] Программки этих вечеров хранятся в фонде Е.Г. Кандыбы-Фокскрофт в архиве Университета Южной Африки.

[289] *Kandyba-Foxcroft E.* Russian and the Anglo-Boer War 1899–1902. Roodeport: CUM Books, 1981.

[290] Press Release from the Public Relations Officer. University of Witwatersrand, Johhanesburg. 1971 // Фонд К. Муди. Архив Витватерсрандского университета, Йоханнесбург.

[291] См., например, Proceedings of the First Symposium on Slavic Culture, University of Witwatersrand, 23–24 September 1982. Ed. by I. Masing-Delic. Johannesburg: University of Witwatersrand, Department of Russian Studies, 1983.

[292] Письмо Г. Мондри автору, 15.06.2002.

[293] Письмо Ф. Нела автору, 21.01.2005.

[294] *Visser W.* The Production of the Literature on the ‘Red Peril’ and the ‘Total Onslaught’ in Twentieth-Century South Africa: academic.sun.ac.za/his-tory/dokumente/literature_production.pdf P. 18.

[295] Ibid. P. 21.

[296] Ibid. P. 23.

[297] South Africa Turns to the Soviet Bloc // Roca Report. A Confidential Assessment of Developments in Southern Africa. Menlo Park, 1989. No. 2. February.

[298] А.Б. Давидсон писал, что «русский язык преподавался и в системе образования офицеров-разведчиков, но собрать конкретные сведения об этих „закры-

тых" кафедрах пока не представляется возможным». *Давидсон А.Б.* Русская литература в Южной Африке // Россия–Восток–Запад / РАН, Отд. лит. и яз. М.: Наследие, 1998. С. 220

[299] Цит. по The Jews in South Africa. A History. Ed. by Gustav Saron and Louis Hotz. Cape Town: Geoffrey Cumberledge, 1955. P. 400.

[300] The Jews in South Africa. A History. P. 371.

[301] Основными причинами этого оттока являлись желание родителей дать детям хорошее образование, недоступное в сельской местности и маленьких городах, а также рост антисемитизма среди буров. В начале 1950-х гг. в крупных городах страны проживало уже 9/10 еврейского населения ЮАС.

[302] The Jews in South Africa. A History. P. XII-XIII.

[303] Африканеры, лишившиеся в годы англо-бурской войны имущества и земли, тоже в больших количествах переселялись в города. Безработица среди неквалифицированных африканеров вызвала возмущение против иммигрантов, якобы лишающих местное население возможностей трудоустройства. См. *Peberdy S.A.* Selecting Immigrants: Nationalism and National Identity in South Africa's Immigration Policies, 1910 to 1998. A thesis… for the degree of Doctor of Philosophy. Queen's University, Kingston, Ontario, Canada, 1999. P. 121.

[304] Who's Who of Southern Africa. 1965. 49th edition. Johannesburg: Combined Publishers (Pty) Ltd, 1965. P. 465.

[305] Ibid. P. 453.

[306] Ibid. P. 587.

[307] *Shimoni G.* Jews and Zionism: The South African Experience. Cape Town: Oxford University Press, 1980. P. 157.

[308] *Kaplan, M., Kaplan S., Robertson M.* From Shtetl to Steelmaking: The story of three immigrant families and a family business. Cape Town: The Kaplan-Kuschlick Foundation, 1979. P. 13.

[309] Письмо Л. МакКанн, биографа Ольги Рысс, автору, 13.10.2005.

[310] Дави Кузейн: «Я буду вечно благодарен Виктору Иванову, который привел меня, тогда еще начинающего баритона, к своему учителю в Йоханнесбурге, русской эмигрантке еврейского происхождения, мадам Ольге Рысс… Она помогла мне развить голос до такого состояния, что я решился оставить журналистику и отправился учиться в Европу, чтобы стать профессиональным оперным певцом и концертным исполнителем». Письмо Д. Кузейна автору, 12.12.2005.

[311] Краткая еврейская энциклопедия. Т. 10. Иерусалим, 2002. С. 819.

[312] По данным Еврейского агентства для Израиля: www.jewish-virtuallibrary.org/jsource/Immigration/immigration_by_country2.html

[313] *Shimoni G.* Jews and Zionism: The South African Experience. P. 259.

[314] *Buxbaum S.* The Demographic Structure of the Jewish Community of South Africa // Jewish Affairs. Cape Town, 1979. No. 34 (7). July. P. 19.

[315] *Dubb A.A.* The Jewish Population of South Africa. The 1991 Sociodemographic Survey. Cape Town: Kaplan Centre, Jewish Studies and Research, UCT, 1994. P. 95.

[316] В 2002 году Нобелевской премии в области физиологии и медицины был удостоен южноафриканец Сидни Бренер (род. в 1927 г.) Его отец был еврейским иммигрантом из Литвы, а мать – из Латвии.

[317] Цит. по *Анисимов Л.* Из эмигрантов в иммигранты // Международная жизнь, 1990. № 12. С. 141.

[318] Положение о въезде и выезде из СССР, 1970 г.

[319] Закон СССР о гражданстве СССР от 1 декабря 1978 г // Конституция и законы Союза ССР. М.: Известия Советов Народных депутатов СССР, 1983. С. 228.

[320] *Анисимов, Л.* Из эмигрантов в иммигранты. С. 143.

[321] По данным южноафриканской статистики, в 1974–85 в страну иммигрировало 4110 человек, ранее постоянно проживавших в Израиле. Из них 1556 человек не были коренными израильтянами. См. *Peberdy S.A.* Selecting Immigrants: Nationalism and National Identity in South Africa's Immigration Policies, 1910 to 1998. P. 399–405.

[322] По сообщению В.Б. Беляковой.

[323] *Решетняк Н.* В ЮАР рискуют и делают деньги // Новое время. 1991. № 41. С. 44.

[324] Trials and Tribulations of a Tumbleweed. The Memoirs of Prince Michel Cantacuzène, Count Spéransky. 1920–1998. P. 229.

[325] *Говор. Е.* Ольга Гостина из рода Кочубеев, австралийский этнограф // Австралиада. Сидней, 2000. № 24. С. 21–24. Примечательно, что сама Ольга Гостина стала этнографом и специализируется по австралийским аборигенам. Правда, еще в 1963 г. она покинула ЮАР и переехала в Австралию.

[326] Письмо Б.И. Балинского в издательство «Tafelberg Uitgewers» от 02.03.1976. Архив Витватерсрандского университета, Йоханнесбург, AU8 BAL (Фонд Б.И. Балинского).

[327] Письмо Е. Фокскрофт в министерство иностранных дел ЮАР от 23.12.1977 // Архив Университета Южной Африки, Претория, фонд Е.Г. Кандыбы-Фокскрофт.

[328] Цит. по: *Гасратян С.М.* Израиль и ЮАР: цели и формы сотрудничества. М.: Наука, 1987**.** С. 25–26. В то же время, рабби Вайлер основал в Александре, черном пригороде Йоханнесбурга, школу для африканских детей. Она существует по сей день, и в ней около тысячи учеников.

[329] The Jews in South Africa. A History. Ed. by Gustav Saron and Louis Hotz. Cape Town: Geoffrey Cumberledge, 1955. P. 400.

[330] *Shimoni G.* Jews and Zionism: The South African Experience. Cape Town: Oxford University Press, 1980. P.362.

[331] Ibid. P. 80.

[332] *Alexander Simons R.* All My Life and All My Strength. Ed. by Raymond Suttner. Johannesburg: STE Publishers, 2004. P. 81.

[333] *Shimoni G.* Jews and Zionism: The South African Experience. P. 222.

[334] Ibid. P. 289.

[335] *Alexander Simons R.* All My Life and All My Strength. P. 308.

[336] *Шубин В.Г.* Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы // М.: Институт Африки РАН, 1999. С. 75.

[337] Там же. С. 19.

[338] *Shimoni G.* Jews and Zionism: The South African Experience. P. 281.

[339] Сын еврейских эмигрантов. Его отец – из белорусского местечка Дубровны, а мать – уроженка польского города Сувалки.

[340] *Wilson B.* A Time of Innocence. Bergvlei: Murray Coombes Publisher, 1991. P. 409.

[341] Ibid.

[342] Ibid. P. 410.

[343] *Шубин В.Г.* Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. С. 247.

ЧАСТЬ 3. СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ДИАСПОРА В ЮЖНОЙ АФРИКЕ

Глава 1. Социально-политические изменения в Советском Союзе – катализатор российской иммиграции в Южную Африку

В середине 1980-х казалось, что у российской диаспоры в ЮАР нет будущего. Малочисленная русская община вымирала без притока новых иммигрантов и поддержки молодежи. Русские евреи из довоенной эмиграции прочно интегрировались (а их дети – ассимилировались) в среде южноафриканского еврейства. Несколько десятков советских евреев, поселившихся в Южной Африке с начала 1970-х, не основали самостоятельных общин.

Но на исходе десятилетия ситуация начала меняться. Если в 1986 г. в ЮАР, по данным местной статистической службы, иммигрировало 27 наших соотечественников, то в 1990 г. – уже 80[1]. С конца 1970-х по 1989 г. южноафриканский паспорт получили всего около девяти бывших советских граждан, а за 1990 год – уже шесть[2]. Эмигрантов из СССР не останавливали ни значительная удаленность ЮАР, ни трудности с получением южноафриканской визы, ни негативный образ этой страны в средствах массовой информации, ни тяжелый социально-политический кризис, охвативший Южную Африку на рубеже десятилетий. И это было только начало.

Одним из самых важных условий роста советской иммиграции в ЮАР стали изменения в законодательстве СССР. В 1986 г. некоторые ограничения на эмиграцию были отменены с принятием дополнительного раздела к «Положению о въезде и выезде из Союза ССР». Выезд советского гражданина за границу на постоянное жительство допускался по приглашению уже не только супруга, родителей или детей отъезжающего, но и его родных братьев и сестер, а также, в отдельных случаях, других родственников[3]. Был расширен список причин, по которым советским гражданам разрешалось выехать за границу на время, а такой выезд нередко использовался для эмиграции. Этими послаблениями воспользовались тысячи наших соотечественников. Если в 1985 г. из СССР эмигрировало 4163 взрослых граждан, то в 1989 г. – уже 160414, то есть почти в 39 раз больше[4].

Либерализация эмиграционного законодательства СССР была завершена 20 мая 1991 года с принятием Закона «О порядке выезда из Союза Советских Социалистических Республик и въезда в Союз Советских Социалистических Республик граждан СССР». Для выезда на постоянное жительство за границу советскому гражданину по-прежнему требовалось разрешение, но список причин, по которым оно могло быть не выдано, существенно сократился. И, наконец, «Законом о гражданстве РСФСР» от 28 ноября 1991 г. было установлено, что российский гражданин не может быть лишен своего гражданства или права изменить свое гражданство. С этого момента граждане России получали право на двойное гражданство.

Эти изменения способствовали возникновению такого неизвестного в предыдущие десятилетия явления, как трудовая эмиграция из СССР с возможностью возвращения. Отмена государственной цензуры, провозглашение свободы слова, печати, творчества, вероисповедания, национальных объединений в Советском Союзе привели к тому, что творческие, религиозные, этнические и политические причины эмиграции потеряли актуальность и на первый план вышли причины экономические.

На рост эмиграции в ЮАР повлияла и общая переоценка ценностей, характерная для советского общества времен «перестройки». Западный мир многим нашим согражданам теперь представлялся земным раем, особенно под влиянием отечественной прессы, которая, перестав огульно поносить «западный образ жизни», принялась наперебой восхвалять его. Эмиграция, прежде воспринимавшаяся советскими людьми, как дело опасное и, возможно, безрассудное, стала явлением распространенным и даже престижным.

Кардинально изменился и подход правящих кругов нашей страны к ЮАР: от непримиримой борьбы с апартеидом и почти безусловной поддержки АНК к ослаблению связей с этой партией и восстановлением в ноябре 1991 г. консульских отношений с Южной Африкой. А уже в феврале следующего года Российская Федерация установила полномасштабные дипломатические отношения с этой страной. Политика «прагматизма» и отказ от идеологического противостояния времен «холодной войны», провозглашенные советскими властями, обернулись нарушением международного бойкота в отношении ЮАР и сближением с не имеющим будущего правительством Национальной партии[5].

В такой перевернутой системе ориентиров Южная Африка стала для многих наших соотечественников самой, что ни на есть, привлекательной страной – ведь на протяжении десятилетий советская пропаганда преподносила ее как настоящий ад для черных и, соответственно, рай для белых. Если прежняя парадигма предполагала, что белые южноафриканцы, за редким исключением, являются бессовестными эксплуататорами и врагами прогресса, то новая – призывала поддержать их или даже присоединиться к ним. Южная Африка влекла советских граждан, как все ранее запретное.

Были и другие, более важные причины. Например, тот факт, что ЮАР – самая экономически развитая страна Африканского континента, где находятся богатейшие запасы полезных ископаемых, крупные промышленные предприятия и научные центры. Даже при невысоких, по западным меркам, зарплатах, в Южной Африке уровень жизни квалифицированного белого иммигранта, хорошо владевшего английским языком, был, в среднем, выше уровня жизни специалиста такого же класса в Европе.

Во второй половине 1980-х еще продолжалась официальная кампания по привлечению европейских иммигрантов в ЮАР, начатая в

1960 г.[6] Правда, теперь право на финансовую помощь от властей страны могли получить только квалифицированные специалисты, у которых уже имелись конкретные предложения от южноафриканских работодателей. Поэтому большинство потенциальных иммигрантов из СССР приезжали в Южную Африку по краткосрочным визам, а затем уже пытались найти работу и обосноваться в стране.

Правительство отчаянно нуждалось в стимулировании иммиграции, но не только для ускорения экономического роста ЮАР. Национальной партии нужны были дополнительные голоса. Она использовала потенциал новых иммигрантов в 1994 г. во время первых демократических выборов. В них смогли принять участие не только граждане Южной Африки, но и все иностранцы, имевшие разрешение на постоянное жительство в стране. К середине 1990-х такое разрешение получило большинство бывших граждан СССР, переселившихся в Южную Африку в конце «перестройки».

Целенаправленная советская эмиграция в ЮАР началась еще до открытия в Москве южноафриканского консульства. С 1990 г. в крупных городах Советского Союза подпольно продавались размноженные на ксероксе анкеты на въезд в Южную Африку. За бланками выстраивались очереди, несмотря даже на их высокую, по тем временам, цену – 200–300 рублей (6–10 долларов США).

Дискуссия об эмиграции в ЮАР выплеснулась на страницы центральных газет и журналов. В ней приняла участие и «Литературная газета», популярнейшее издание среди советской интеллигенции. В декабре 1990 г. она сообщила читателям: если Южная Африка «откроет свои двери переселенцам, продолжая уже начатый ею процесс демократизации», то за последующие десять лет эта страна «потенциально способна проглотить» полтора миллиона эмигрантов из СССР. Если же к власти придут «крайне правые силы, заявляющие о готовности заменить „своих черных“ на „привозных белых“», то в 1990-е годы ЮАР сможет принять четыре с половиной миллиона наших соотечественников.[7] Такой прогноз содержался в аналитической записке, представленной в Верховный Совет СССР Центром социально-стратегических исследований, одной из первых независимых научных организаций в «перестроечной» России. Неясно, каким образом специалисты Центра пришли именно к таким показателям. Отметим только, что в 1991–1999 гг. в Южную Африку прибыло лишь 60440 легальных иммигрантов, причем среди нелегальных подавляющее большинство составляли африканцы[8].

Сотрудник Советского комитета солидарности стран Азии и Африки Вячеслав Тетекин, побывавший в Южной Африке в 1991 г., на страницах «Комсомольской правды» предупреждал потенциальных эмигрантов, что в этой стране нужны только специалисты с хорошим знанием английского и что советские дипломы там не признаются. Он утверждал, что «ехать в ЮАР, не имея твердой договоренности с конкретным

работодателем, рискованно даже для квалифицированных специалистов»[9]. Ему возражал собкор «Известий» Борис Пиляцкин, первый советский журналист, аккредитованный в Южной Африке. Он писал, что ни один из советских эмигрантов, которых он там встречал, не голодает и что в ЮАР, «как и во всякой другой стране нормальной рыночной экономики, каждый получает за свой труд и может обеспечить себе достойное существование»[10].

Появились кооперативы и фирмы, оказывавшие содействие в эмиграции и трудоустройстве в ЮАР. Они заверяли своих клиентов, что Южная Африка известна своей экономической и политической стабильностью (и это в переломный период конца 1980-х – начала 1990-х!) и что жизненный уровень белого населения превосходит благосостояние европейцев и американцев[11]. В разных частях СССР образовывались общества и клубы, агитирующие за эмиграцию на юг Африки.

Ходили слухи о том, что южноафриканское правительство выделяет каждому иммигранту большое денежное пособие, машину и дом, то есть значительно преувеличивалась та помощь, которую иммиграционные власти Южной Африки оказывали вновь прибывшим в более благополучные для экономики этой страны годы. Возможно, этот ажиотаж подогревали и сами власти ЮАР. Они считали, что эмигранты из социалистических стран – противники коммунистов и естественные союзники Национальной партии. Поэтому не исключено, что некоторые отечественные организации, ратовавшие за отъезд в ЮАР, получали поддержку из южноафриканских источников. Тем более что с отменой самых одиозных законов апартеида правительству было все труднее ограничивать приток чернокожих иммигрантов.

В декабре 1991 г. оно было вынуждено свернуть официальную кампанию по стимулированию европейской иммиграции. В том же году был принят Закон об иностранцах, ужесточивший требования к потенциальным иммигрантам и направленный, в основном, против черных из соседних африканских стран. Чтобы не скомпрометировать себя в глазах международной общественности во время активных переговоров с оппозицией о будущем Южной Африки, правительство Национальной партии начало проводить строгую иммиграционную политику. Но при этом оно смотрело сквозь пальцы на растущее число иммигрантов из Восточной Европы, в том числе и из СССР. Закон 1991 года позволял южноафриканским властям принимать особые разрешительные постановления и инструкции в отношении определенных групп потенциальных иммигрантов[12]. Поэтому в первой половине 1990-х иммиграция в ЮАР сократилась лишь незначительно.

Противоречия в иммиграционной политике этой страны отразились в интервью Геррита Олифера, возглавлявшего секцию интересов ЮАР в СССР. Олифер предостерегал потенциальных эмигрантов относительно необходимости владения африкаанс или английским, но тут же уточнял:

«Не обязательно свободное владение». Он предупреждал наших сограждан о сложности интеграции в южноафриканском обществе, но сразу же добавлял, что экономика Южной Африки «адекватно воздает должное каждому по его способностям и умению»[13].

Большинство наших соотечественников, как и другие иммигранты из Восточной Европы, в эти годы приезжали в ЮАР по краткосрочной, – например, туристической – визе[14]. По окончании ее действия они либо находили работу и получали право на постоянное жительство, либо переходили на «нелегальное положение» и продолжали искать работу. Инженер Виктор Ильич Френкель, переехавший в Южную Африку в 1990 г., вспоминал: «Опытные люди сказали мне, что найти работу в ЮАР будет легко, а тогда дадут и официальное разрешение на работу и на временное проживание в стране. Это оказалось правдой. Я нашел работу по специальности через два месяца, с окладом, который показался мне огромным тогда – 4 200 рандов, то есть 1680 долларов по тогдашнему курсу. Я снял хорошую квартиру, вскоре стал учиться водить машину, получил права, купил первую свою машину. А мне было уже 59 лет»[15].

Этнический фактор при выборе ЮАР как страны иммиграции не играл ведущей роли. В отличие от Израиля и Германии, нашим соотечественникам в Южной Африке приходилось рассчитывать только на свои силы и минимум государственной поддержки. Старые общинные структуры русских эмигрантов к началу 1990-х прекратили существование, за исключением «Русского дома». Индивидуальные усилия «старых» эмигрантов оказать помощь «беженцам из красного ада», разумеется, не могли охватить значительную часть «новых» российских иммигрантов в ЮАР. Первая самостоятельная община наших соотечественников, приехавших в эту страну после 1985 г., возникла лишь в конце 1990-х.

Глава 2. Три «волны» современной российской иммиграции в ЮАР и иммиграционная политика этой страны

Авторы отечественных трудов по истории лишь недавно начали использовать материалы из Интернета. Одно из главных преимуществ всемирной сети для исследователя – возможность установления множества контактов, а также получения оперативной и прежде недоступной информации. Ниже приведены сообщения, которые разместили на форуме сайта «ЮАР.ру» наши соотечественники. В феврале 2006 г. завсегдатай форума, живущий в Йоханнесбурге и пишущий под псевдонимом Prosaic, разместил на нем очерк, посвященный трем потокам русскоязычной иммиграции в эту страну за последние 10–15 лет.

Тех, кто поселился в ЮАР с конца 1980-х до середины 1990-х, Prosaic называет «*отчаянными*»: «Приехали из переживающего глубокий

экономический кризис СССР/России в стагнирующую… и стоящую у порога неизвестности ЮАР. Наверное, это была самая многочисленная и пестрая иммиграционная волна (к которой, покинув еще горбачевский СССР, принадлежу и я). Большинству, приехавшему через Израиль, терять особенно было нечего и отступать – некуда: советского гражданства лишили, азиатский же Израиль с его малой территорией, обязательной воинской повинностью, жарой и хамством как-то не впечатлял. Подумать только! При отсутствии дипломатических отношений между ЮАР и СССР/Россией, целые гостиницы в Hillbrow и Berea говорили по-русски… Врач мог прекрасно сосуществовать с жуликом, жулик – с бывшим партработником, бывший партработник – с бизнесменом, а последний – с работягой…

Шок привыкших к защищенной жизни развитого социализма от знакомства с оскалом жестокого капитализма, где, при отсутствии какой-либо определенности с работой и социальной защищенности, так легко скатиться вниз; разочарование от того, что хваленый („знатоками ЮАР“, еще до переезда) высокий уровень жизни – что-то вроде миража, в реальности обернувшегося об…нными, заполненными шумной и безалаберной толпой улицами, загаженными многоэтажками, заплеванными редкими автобусами… Так или иначе, но большинство представителей этой волны, приехав без хорошего (а часто и никакого) английского, права на постоянное жительство, предложения работы и достаточного количества средств к существованию, проявили чудеса упорства и изобретательности, в довольно короткий срок сумев устроиться и легализоваться»[16].

Одна семья советских армян, попавшая в эти годы в Южную Африку, на первых порах практически бедствовала. «Она, бывшая певица национальной капеллы в Ереване, пекла торты и вязала кофточки на зулусский вкус. Он, бывший ответственный работник советских государственных органов, работал разнорабочим. Но через несколько лет они стали владельцами собственного дела»[17].

Похоже, что иммигранты из кавказских республик бывшего СССР, приезжавшие в те годы в ЮАР, были более сплоченными, чем россияне. «Я приехал в 1996 г. из Намибии, – рассказывает Олег Пантюхин, председатель южноафриканской Ассоциации российских соотечественников, – и меня впечатлила бакинская диаспора. Это был дружный, сплоченный коллектив, все приехали через Израиль. За плечами многих была аспирантура, консерватория, в общем, хорошие специалисты. Во многом, это было благодаря Джемме Мерзоевой… Она была одним из первых зарегистрированных нотариальных переводчиков и гидов. Многие потом разъехались – кто в Канаду, кто в Австралию и Новую Зеландию. Но все равно раз в месяц накрываются кавказские столы с шашлыком и пловом для тех, кто остался»[18].

Наши соотечественники, приезжавшие на постоянное жительство в ЮАР в начале 1990-х, попадали из огня да в полымя. И в России, и в Южной Африке происходили кардинальные и драматичные перемены. Для обоих этих государств поворотным стал 1985 год, когда в Советском Союзе началась «перестройка» и когда в Южно-Африканской Республике властям пришлось столкнуться с последствиями серьезных экономических санкций, введенных ее основными торговыми партнерами – США, Японией, Содружеством Наций и Европейским Сообществом[19]. Международное эмбарго на поставки нефти обошлось стране в десятки миллиардов долларов. Самый ощутимый ущерб экономике ЮАР нанесло отсутствие иностранных капиталовложений и займов. В 1985–90 гг. более 600 транснациональных корпораций изъяли свои инвестиции из Южной Африки. По некоторым данным, при отсутствии санкций, введенных ООН, уровень экономического развития ЮАР оказался бы выше на 20–35%[20].

С 1985 по 1990 гг. в ЮАР действовало чрезвычайное положение, но волны политического насилия прокатывались по стране вплоть до середины 1990-х. В обеих наших странах к власти пришли новые политические силы, коренным образом трансформировавшие политическую систему. Это привело к глубоким социально-экономическим и социо-психологическим изменениям, которые переживались тяжело и болезненно многими бывшими гражданами СССР.

«Покинув однокомнатную „хрущобу“ в городе, а то и пройдя через лагеря переселенцев или беженцев, наши соотечественники довольствуются по местным стандартам очень малым, – пишет первый корреспондент ИТАР-ТАСС в Йоханнесбурге Сергей Федорович Кулик. – Те, у кого нет никаких возможностей и гарантий под получение ипотечного кредита, выбрасывают деньги на ветер, ежемесячно выплачивая минимум 250–300 долларов за аренду весьма убогого по понятиям местного белого населения жилья. Более удачливые или кредитоспособные обретают в ЮАР с рассрочкой на 20 лет под примерно 10% годовых квартирку с 2–3 спаленками и палисадником 6×9 м в районах, покидаемых белыми. Затем реализуется „предел мечтаний“ – через 4–5 месяцев покупается „Мерседес“, но выпуска 1958 года… На него с пренебрежительной иронией смотрят даже те африканцы, которые обладают купленными 5–7 лет назад малолитражками. Иными словами, многие наши соотечественники живут в кварталах спившихся африканеров или не очень удачно воспользовавшихся обстановкой постапартеидной ЮАР образованных черных, причем довольно долго не осознают этого и черпают оптимизм бытия в благостях климата, дешевизне фруктов и входящих в официальную „корзину питания местного населения“ продуктов, новизне и экзотичности жизни»[21].

К середине 1990-х гг. ажиотаж, связанный с эмиграцией в Южную Африку, прекратился. Да и прежде с отъездом в ЮАР было связано

больше разговоров, чем реальной деятельности. По данным южноафриканской статистики, в 1989–1994 гг. в эту страну иммигрировало всего около 600 человек, родившихся на территории России (под которой, как мы помним, подразумевалась вся территория СССР)[22]. Главные причины охлаждения интереса потенциальных эмигрантов к ЮАР – это переход власти от белой Национальной партии к Африканскому национальному конгрессу, отмена привилегий белого населения, активная реализация правительственной программы предпочтительного приема на работу черных, а также частые сообщения СМИ об экономическом кризисе и росте преступности в этой стране.

Те немногие русскоязычные иммигранты, которые селились в ЮАР со второй половины девяностых, гораздо лучше, чем их предшественники осознавали те трудности, с которыми им придется столкнуться на новом месте. Эту иммигрантскую волну Prosaic называет «*осмотрительными*»: «Разница между „отчаянными“ и „осмотрительными“ заключается в отсутствии или наличии путей отхода и широте выбора, что, таким образом, меняет отношение к эмиграции на более взвешенное и обдуманное… То незначительное количество русских, приехавших сюда [во второй половине 1990-х], оказались либо „бедными родственниками“ (то есть, имеющими родственные связи в ЮАР), либо „искателями приключений“, правдами и неправдами осевшими в полюбившейся им стране»[23].

Они уезжали, не сжигая мостов. Многие сохраняли за собой на родине движимое и недвижимое имущество и не отказывались от российского гражданства. Большинство из них четко представляли себе, чем будут заниматься на новом месте жительства, заранее находили партнеров для ведения бизнеса. «Это самая активная группа соотечественников, следящая за политическими и экономическими изменениями в России, – считает председатель Ассоциации российских соотечественников в ЮАР Олег Пантюхин. – Их отличает от остальных позитивный патриотический настрой»[24].

Потенциальные эмигранты из России теперь выбирают более безопасные и экономически развитые страны (Канада, Австралия, Новая Зеландия), которые, к тому же, активно стимулируют иммиграцию опытных специалистов. А в Южной Африке с середины 1990-х иммиграционная политика ужесточилась. Отечественные специалисты все еще могут найти способ устроиться на работу в этой стране, но такое желание возникает лишь у немногих.

Хотя Закон об иностранцах 1991 г., принятый еще при правительстве Национальной партии, предъявлял строгие требования к иммигрантам, желающим получить южноафриканское гражданство или право на постоянное жительство в стране, законодатель имел в виду, прежде всего, ограничение черной иммиграции из стран к северу от ЮАР. Придя к власти в 1994 г., правительство АНК стало распространять действие это-

го закона на иммигрантов всех рас. Если в 1993 г. в Южную Африку официально иммигрировало 9800 человек, то в 1997 г. – всего 4100, то есть в 2,4 раза меньше[25].

Новое правительство ужесточило процедуру получения права на работу в ЮАР из-за чрезвычайно высокого уровня безработицы в стране и массовой нелегальной иммиграции из африканских государств к северу от Лимпопо (ДРК, Мозамбик, Зимбабве, Малави). Однако введение ограничений привело и к резкому сокращению иммиграции квалифицированных кадров, а именно к этой группе относится большинство российских иммигрантов в Южной Африке. Чтобы пригласить на работу иностранного специалиста, южноафриканскому работодателю необходимо доказать, что ему не удалось найти сотрудника с теми же квалификациями в ЮАР, а также пройти через долгую бюрократическую процедуру. Также возможно получить визу на работу в Южной Африке по квотам, которые ежегодно устанавливает Министерство внутренних дел страны.

В общем случае иммигрант может получить право на постоянное жительство в ЮАР лишь после пяти лет проживания в стране на законных основаниях. Это положение распространяется и на граждан иностранных государств, вступивших в брак с южноафриканским гражданином. Сам факт заключения брака не является достаточным основанием для предоставления разрешения на постоянное жительство в ЮАР.

Хотя в последние годы в иммиграционном законодательстве страны наметились некоторые послабления, особенно после внесения поправок в Закон об иммиграции 2002 г., независимые наблюдатели отмечают, что южноафриканское правительство до сих пор не осознает важности привлечения квалифицированных кадров в страну, особенно в связи с оттоком специалистов из ЮАР. Вероятно, на решения южноафриканских властей влияет и то, что большинство квалифицированных специалистов – потенциальных иммигрантов в Южную Африку являются белыми.

В расчет принимается мнение организаций, представляющих черное большинство. Например, 18 апреля 2002 г. главные объединения южноафриканских профсоюзов, «Косату», «Накту» и «Федуса», сделали совместное заявление относительно обсуждавшегося проекта Закона об иммиграции, принятого несколько месяцев спустя: «Мы озабочены тем влиянием на национальные программы приоритетной подготовки местных кадров, которое окажет слишком сильный упор на высокую квалификацию иммигрантов… Мы считаем, что проект закона должен подчеркивать важность той роли, которую играет иммиграционная политика в контексте ускорения социально-экономического развития региона… Отсутствие в проекте соответствующих положений, а также оказание предпочтения высококвалифицированным и опытным кадрам, косвенно приведет к дискриминации черных иммигрантов, особенно граждан стран Южноафриканского региона»[26].

Расовая подоплека этого заявления не вызывает сомнений. Очевидно, что приток преимущественно неквалифицированных иммигрантов в страну, где безработица достигла рекордного уровня, окажется менее благоприятным для экономики ЮАР, чем иммиграция европейских специалистов, которая, даже при устранении юридических препятствий, будет несопоставима по масштабам с африканской. Тем не менее, согласно исследованию, проведенному в 1999 г. Южноафриканским миграционным проектом, международной организацией изучающей миграцию в странах САДК, 25% южноафриканцев высказались за полный запрет иммиграции, а 45% – за строгое ограничение числа иммигрантов, ежегодно допускаемых в страну[27]. Снятие ограничений на иммиграцию поддержали лишь 6% опрошенных.

«Необходимо защитить экономику страны от того ущерба, который наносит ей переманивание наших ценнейших квалифицированных кадров другими странами, – отмечают специалисты Центра развития и предпринимательства, неправительственной организации, лоббирующей интересы крупных южноафриканских компаний. – Что нужно для этого предпринять? Необходимо сделать нашу страну очень привлекательной для трудоустройства и проживания квалифицированных специалистов и заняться поиском квалифицированных кадров за рубежом»[28]. По мнению Центра развития и предпринимательства, нехватка специалистов в ЮАР может замедлить экономическое развитие страны. В то же время, привлечение специалистов из-за рубежа не только не создаст конкуренции большинству трудоспособного населения ЮАР, но и поможет организовать новые рабочие места и увеличить число налогоплательщиков.

Иностранцы привнесли бы в южноафриканскую экономику свой опыт и более современные технологии. Готовить местных специалистов необходимо, но на это уйдут годы. Между тем, в краткосрочной перспективе иностранные специалисты, подготовленные на деньги зарубежных, а не местных налогоплательщиков, помогали бы обучать своих южноафриканских коллег. В результате, южноафриканский бизнес получил бы дополнительный стимул к развитию, и отставание от развитых стран Запада удалось бы сократить. К тому же, нехватку квалифицированного персонала чувствуют на себе не только частные компании, но и государственные организации ЮАР.

На наших соотечественников в Южной Африке оказывает влияние и противоположная тенденция. К середине 1990-х началась массовая эмиграция из ЮАР, – главным образом, белых жителей, которых беспокоит рост преступности и политика преимущественного трудоустройства черных, проводимая властями. Реакция южноафриканского правительства на отъезд тысяч граждан из страны далеко не однозначна. Например, во время визита в Вашингтон в сентябре 1998 года тогдашний президент Южной Африки Нельсон Мандела заявил: «Если им недостает смелости

и патриотизма оставаться на родине, – пусть уезжают. Скатертью дорога»[29].

К 2002 г., по данным исследования, проведенного Университетом Южной Африки, за пределами страны оказалось около 1,6 миллиона южноафриканских эмигрантов. Прежде всего, это квалифицированные специалисты, у которых не было опасений остаться без работы в Западной Европе, Северной Америке, Австралии или Новой Зеландии. За счет эмиграции ЮАР потеряла около 20% своих квалифицированных кадров[30].

Согласно исследованию, проведенному Южноафриканским миграционным проектом в 2000 году, среди опрошенных белых южноафриканцев, подпадающих под категорию «квалифицированные специалисты», 65% считали, что за пять лет, прошедших со дня первых демократических выборов в ЮАР, их благосостояние ухудшилось и будет только ухудшаться в дальнейшем[31]. Большинство опрошенных были недовольны правительством и сомневались, что оно защищает их интересы. Главной угрозой своему благосостоянию они считали высокий уровень преступности и предпочтительное трудоустройство небелых, у которых нередко отсутствуют необходимые навыки и опыт для выполнения возложенных на них обязанностей[32].

По нашим оценкам, с середины 1990-х гг. ЮАР покинули уже сотни наших соотечественников. Они перебрались в страны, где их, возможно, ждали высокие цены на недвижимость и более суровый климат и где, в отличие от Южной Африки, нельзя найти недорогую прислугу. Но на новом месте многие из них смогли обрести уверенность в завтрашнем дне и в безопасности своих детей.

Например, врач-гипнотерапевт Александр Брагинский, работавший в кейптаунской больнице «Хруте Схююр» и переехавший в 1998 г. в Канаду, рассказывает: «Когда кто-то говорит, что Канада – „это стоячее болото“, в котором „скучно“, мне хочется сказать: „Съездите в ЮАР, развлекитесь“»[33]. «Я не жалею, что меня сюда занесла судьба. Хотя это – тупиковый вариант, но пока здесь рай, – писал в 2002 г. микробиолог Олег Шипин, работавший в южноафриканском Университете Родса. – Рано или поздно придется уехать. Не потому, что здесь „труба“ сейчас (это будет лет через десять), а потому что пока еще возьмут в другую страну»[34]. В 2004 г. О. Шипин эмигрировал в Таиланд.

В то же время, среди недавних эмигрантов из ЮАР, есть и те, кто хотел бы вернуться назад. Они не смогли реализовать себя за границей и достичь того же уровня благосостояния, который у них был в Южной Африке. В последние годы стабилизация политико-экономической ситуации в ЮАР привела к тому, что некоторые южноафриканские эмигранты вновь поверили в свою страну и возвращаются. Определенная политико-экономическая стабилизация вызывает у многих российских иммигрантов в Южной Африке осторожный оптимизм. Вот характерные

высказывания участников форума русскоязычных южноафриканцев на сайте «ЮАР.ру»:

«Не все местные пессимистичны по поводу будущего ЮАР. Просто нужно дать черным время поиграть в белых, походить в королях…». «За 12 лет „демократии“ вполне можно было превратить Южную Африку во вторую Анголу или Зимбабве, но все происходит как раз наоборот». «Есть какие-то нытики и параноики, рассказывающие ужасы и небылицы о своей „стране исхода“, таким образом, видимо, сгущая свою жидковатую англо-канадо-австрало-новозеландскую похлебку… Кстати, часть бывших юаровцев из русских, сидя… в тех же „очень цивилизованных“ странах, ведет себя подобным же образом». «При наличии специальности хорошей, головы, языка английского, желания работать и, конечно, имея легальные документы, работу найти можно… Я не знаю ни одного человека со специальностью в ЮАР, который бы не нашел работу… Поиск работы может занять до года… А легкая эмиграция – это не ЮАР. Это на „welfare“ в Германию или еще куда пробьетесь». «Хотя я не могу сказать, что сверхоптимистичен, но на ближайшие лет 30–50 хватит». «Поживем – увидим… А то тут уже были люди, которые, поддавшись панике в 1990-х годах, бежали, сломя голову, продав все за бесценок, потом приезжали и покупали втридорога, разочаровавшись в эмиграции»[35].

Третья волна «новой» русскоязычной иммиграции в ЮАР – это, по классификации Prosaic'a, «*жены и гастрабайтеры*». В течение пяти последних лет они «приехали из вполне открытой, стабильной и процветающей (благодаря торговле полезными ископаемыми) России во вполне стабильную и процветающую ЮАР. Соответственно, и отношение к ЮАР более спокойное…

„Жен“… я бы разделил на две группы: „рыбачек“ и „охотниц“. „Рыбачки“ забрасывают удочку (помещают объявление в бюро или на сайте знакомств) и ждут. Ловля идет, понятное дело, на блесну (фотографию)… Можно понять изумление оплывшего жирком юаровца, к 40–50 годам подрастерявшего былой лоск, бросившего ставшую постылой недалекую и консервативную жену и не в состоянии найти, по причине ограниченности доходов и узости местного рынка невест, кого-то помоложе и привлекательней, от виртуальной встречей с писаной красавицей, образованной, хозяйственной и энергичной, которая, оказывается, жить без него не может!..

К „охотницам“ же относятся те, кто, приехав в ЮАР, занимается поиском добычи непосредственно в ареале его обитания. Большинство из них – проститутки и стриптизерши (последние именуют себя танцовщицами), однако находятся и авантюристки, ничего с древней профессией не имеющие. Оглядевшись и пожив в местных условиях, „охотницы“ приходят к пониманию своей ценности в сравнении с ленивыми, недалекими и менее яркими юаровками… Справедливости ради следует добавить, что образованные и более-менее зрелые жены часто не смиряются

с участью домохозяек, переучиваются и работают, прекрасно конкурируя с местными кадрами, а часто их и опережая. Двадцатилетние же дурочки – откровенные Les Miserables.

„Гастарбайтеры“ же, наверное, самая равнодушная к этой стране часть приехавших. Их задача – срубить „капусту“ и уехать, в связи с чем взгляд на окружающую действительность отличается от всех остальных групп поверхностностью и цинизмом. Впрочем, „окружающая действительность“ им платит тем же»[36].

Возможно, эта характеристика последней волны русскоязычной иммиграции в ЮАР не соответствует требованиям научной строгости и беспристрастности, но, наверное, сегодня никто лучше самих иммигрантов не знает «типажи» наших соотечественников в этой стране. Историческому исследованию необходима определенная дистанция, чтобы настоящее стало прошлым. Если говорить о российской иммиграции в ЮАР последних 10–15 лет, этот предмет целесообразнее было бы изучать с помощью методов социологии или социальной психологии. Но пока такие исследования не проведены, мы опираемся на свидетельства отдельных иммигрантов, по возможности сопоставляя и проверяя полученные данные.

Как ни странно, до сих пор не перевелись энтузиасты, агитирующие за массовую иммиграцию россиян в Южную Африку. Самый активный из них – африканер Коос Фермюллен, руководитель «Всемирного консервативного движения». В этом качестве он неоднократно посещал Россию и встречался с лидерами отечественных правых организаций. По его оценкам, через 5–10 лет большинство южноафриканских черных погибнет от пандемии СПИДа, и тогда в стране возникнет недостаток рабочей силы. Коос Фермюллен предлагает организовать массовую иммиграцию в ЮАР россиян, украинцев и белорусов. Он считает, что представители этих народов, живущие в тяжелых климатических и экономических условиях, с удовольствием переедут в Южную Африку, где их выносливость и трудолюбие будут с лихвой вознаграждены. «Всемирное консервативное движение» выступает за упрощение процедуры получения ими вида на жительство в ЮАР и намерено помочь новым иммигрантам найти работу и жилье. На территории Южной Африки планируется разместить около миллиона граждан СНГ в возрасте до 40 лет[37].

Предложение Фермюллена о замене южноафриканских черных трудолюбивыми русскими, украинцами и белорусами, несомненно, прельщает некоторых бурских националистов, как, впрочем, и не сведущих в южноафриканской истории и политике российских «правых». Для продвижения и реализации своих идей К. Фермюллен планировал открыть в Москве представительство так называемой Африканерско-российской торговой палаты. В нашей стране он установил связи с российскими организациями правого толка. Его движение в январе 2003 г. было пред-

ставлено на Первом всемирном конгрессе патриотических партий, проведенном в Москве под эгидой ЛДПР[38].

Однако ЮАР уже не привлекает россиян, как в конце 1980-х – начале 1990-х, да и эмиграция из нашей страны в последние годы существенно сократилась[39]. Если эффективное лекарство от СПИДа не будет найдено в ближайшие годы, снижение численности черного населения ЮАР от этой болезни, прогнозируемое К. Фермюлленом не подтверждается расчетами демографов. В любом случае, неквалифицированная рабочая сила будет течь в страну, в основном, из приграничных государств, как это происходит сейчас. И, наконец, правительство АНК вряд ли согласится реализовать планы «Всемирного консервативного движения» из-за их очевидной расовой подоплеки.

Идея массовой иммиграции российских граждан в Южную Африку, по-видимому, себя изжила, но индивидуальная иммиграция продолжается. Прежде всего, это профессионалы, получившие образование в ЮАР или заключившие контракт с южноафриканской компанией еще до приезда в страну. Важную группу новых иммигрантов из России составляют так называемые «русские жены»[40]. По-видимому, ежегодно в ЮАР прибывает несколько десятков российских иммигрантов.

Глава 3. Численность российской диаспоры ЮАР начала XXI века

Сколько россиян постоянно проживает сегодня в Южной Африке? Сколько в ЮАР бывших граждан Советского Союза? Мы не располагаем данными, позволяющими дать точный ответ на эти вопросы. Сведения, собранные в последние десятилетия южноафриканской статистической службой по иммиграции из бывшего СССР, труднодоступны. Поэтому в российской прессе – да и среди самих российских иммигрантов в ЮАР – бытуют самые невероятные предположения и «оценки».

Например, в 1999 г. солидный московский журнал «Профиль» сообщал, что в Южной Африке проживало и работало «около 270 тысяч россиян»[41]. Вероятно, произошла опечатка, и автор статьи имел в виду «27 тысяч», но и это число представляется значительно преувеличенным. Поэтому с недоверием приходится отнестись и к приведенным в той же статье сведениям о том, что в 1999 г. «за эмигрантскими визами обращаются в консульский отдел посольства [ЮАР] до 80 человек в месяц». Корреспондент газеты «Первое сентября» был еще смелее в оценках численности российской диаспоры Южной Африки: «Здесь самая большая колония бывших выходцев из СССР – после США и Израиля (около 40 000 человек)»[42]. А как же тогда Германия, Австралия, Канада?.. Корреспондент агентства «Франс Пресс» сообщил, что в январе 2005 г. в ЮАР проживало примерно 10 000 русскоязычных[43]. К сожалению, такие преувеличенные

данные используют и другие средства массовой информации, создавая неверное представление о российской диаспоре Южной Африки.

И все же, можно определить приблизительную численность наших соотечественников, поселившихся в этой стране с середины 1980-х. Для этого обратимся к данным южноафриканской статистики[44]. Пик иммиграции в ЮАР из СССР и России пришелся на 1991–94 гг. За этот период в Южную Африку приехало 493 человека, родившихся на территории бывшего Советского Союза[45]. Даже в самый «урожайный» для местной российской иммиграции 1993 год, когда сюда переселилось всего 156 наших соотечественников, Россия занимала лишь 8 место среди европейских стран по числу иммигрантов в ЮАР. Ее опередили такие государства Восточной Европы, как Югославия (627), Болгария (310), Румыния (182) и Польша (159). Всего с 1986 по 1994 гг. в ЮАР иммигрировало 677 наших соотечественников. Данных за 1995 год нет, но показатели за 1996 г. (всего 88 человек) свидетельствуют о сокращении численности иммигрантов, ежегодно прибывавших в Южную Африку с территории бывшего СССР.

Предположив, что в 1995 г. в ЮАР переселилось столько же наших соотечественников, что и в 1996 г., получим, что, по данным южноафриканской статистической службы, в 1985–1996 гг. в эту страну иммигрировало 850–900 человек, родившихся на территории бывшего Советского Союза. Как известно, в последующие восемь лет никакого ажиотажа вокруг иммиграции в ЮАР из России не наблюдалось, поэтому число иммигрантов пошло на убыль. К сожалению, нам не удалось получить официальные данные за эти годы. Однако если в 1997–2005 гг. в Южную Африку прибыло в два раза меньше российских иммигрантов, чем за предыдущее десятилетие, получается, что общая численность наших соотечественников, поселившихся в этой стране с середины 1980-х, не превышает двух тысяч.

Разумеется, есть вероятность, что многие иммигранты из бывшего СССР по какой-либо причине не были учтены при составлении статистических отчетов. Поэтому, в отсутствии точных данных, можно предположить, что на территории Южной Африки постоянно проживают 2000–3000 русскоязычных. Этот показатель включает бывших граждан СССР и их детей, а также русских эмигрантов послереволюционной волны. Большинство из них живут в Йоханнесбурге и Кейптауне, самых крупных и экономически развитых городах страны.

Глава 4. Взаимоотношения русских эмигрантов послереволюционной «волны» и новой российской диаспоры

Наши соотечественники, эмигрировавшие в Южную Африку из бывшего СССР с начала 1990-х, имели возможность вернуться на родину.

Реформы начала 1990-х закрепили за ними это право и даже определили порядок реэмиграции. Укрепление научных, деловых, культурных связей между Россией и ЮАР сделало наши страны ближе. Выход Советского Союза, а затем и Южной Африки, из изоляции позволил эмигрантам поддерживать тесные контакты с родными и друзьями на родине, ездить друг к другу в гости.

Сегодня наши соотечественники в Южной Африке имеют возможность смотреть российское телевидение, ходить на концерты российских гастролеров, звонить на родину, посещать российские сайты и приобретать книги, издающиеся в России. Они узнают о положении дел на родине из первых рук, и им не нужно, подобно эмигрантам послереволюционной «волны», полагаться на информацию из эмигрантских источников.

В отличие от «старых» российских эмигрантов в ЮАР, они не порвали связей с Россией, и поэтому не испытывают той же тоски по русскому языку и культуре. Эмиграция стала обычным явлением. Эмигрант теперь имеет право на сохранение российского гражданства, и его отъезд больше не рассматривается властями как предательство.

Отношение русских эмигрантов послереволюционной «волны» к новой российской диаспоре в Южной Африке типично и для других стран русского рассеяния. Первоначальное участие, желание помочь вновь прибывшим, восприятие их как беженцев, страдальцев, проведение параллелей между их собственным исходом из послереволюционной России и современной эмиграцией были характерны для конца 1980-х–начала 1990-х. «Когда я приехал в 90-м году, я попал, как на другую планету, – рассказывает Виктор Ильич Френкель из Йоханнесбурга. – Никто не говорил по-русски, русское радио не слышно в ЮАР (а также ни Би-Би-Си, ни „Голос Америки“, ничего – все вещали только на Европу и Азию), русских газет не было даже в городской библиотеке. Но именно в библиотеке мне сказали, что имеется русская церковь на углу Harrow Rd и Hunter St в Yeoville. Я туда поехал (все с приключениями, я плохо знал город, плохо понимал по-английски…). Так я попал в эту часовню… Собирались по воскресеньям: сначала служба, потом чай в другой комнате. Я прожил тогда в ЮАР уже месяца два, но только там впервые услышал русскую речь»[46].

Но вскоре ситуация изменилась. Теперь «новых» иммигрантов из России встречали в «Русском доме» настороженно. «Новые» казались «старым» невоспитанными, грубыми[47]. А «старые» казались «новым» отставшими от жизни, консервативными и чопорными. Взаимному отчуждению способствовала боязнь «красной опасности» и советских шпионов, распространенная в среде русской эмиграции, а также разница в возрасте. Большинство членов «Русского дома» были уже пенсионерами.

Иммигранты из СССР приходили в «Русский дом» за финансовой помощью или в поисках работы. Но «старые» русские не могли им помочь. Разочарование ждало и тех, кто приходил в «Русский дом», как в настоя-

щую церковь. Это был, прежде всего, клуб. Богослужение проводилось сербским священником на церковнославянском языке всего один раз в месяц. Наконец, многие «старые» эмигранты уже с трудом изъяснялись по-русски, не говоря уже об их детях, поэтому общение часто велось на английском. Некоторые члены «Русского дома» перестали его посещать, чувствуя себя некомфортно рядом с «новыми» иммигрантами.

В 1990-е гг. на ежемесячные богослужения в йоханнесбургском «Русском доме» приезжало 15–20, на Пасху – до сотни человек[48]. «Русский дом» оставался общинным центром для «старых» эмигрантов. И все же, в отсутствии альтернативы, он продолжал привлекать вновь прибывших. Домовая часовня Русской православной церкви в Мидранде, на полпути между Йоханнесбургом и Преторией, открылась только летом 1999 года.

Тем не менее, постоянных членов «Русского дома» становилось все меньше. С кончиной В.А. Иванова (1909–1990) община лишилась безусловного лидера, и эта потеря оказалась невосполнимой. «Мы делим наше общество на молодежь и стариков, – говорил Лев Николаевич Краснокутский, последний председатель «Русского дома». – Молодежь – это те, кому меньше пятидесяти»[49]. В начале 1990-х казначеем «Русского дома» был хозяин оружейного магазина Николай Львович Яле (род. в 1922 г.). На этом посту его сменил инженер-энергетик Андрей Данилович Елагин (род. в 1944 г.), внук одного из первых русских подводников, капитана 1-го ранга Михаила Аркадьевича Елагина (1873–1933). Покинув послевоенную Европу, Елагины поселились в Аргентине. А в 1983 г. Андрей Данилович приехал в ЮАР по контракту с компанией «Ниссан». Через несколько лет он перешел на работу в южноафриканскую энергетическую корпорацию «Эском», где трудится уже более 20 лет в качестве специалиста по продуктивности новых технологий[50].

В начале 1990-х по-прежнему не было возможности пригласить в Йоханнесбург русского священника. «Старым» эмигрантам, хозяевам «Русского дома», тогда не хотелось звать настоятеля из Москвы. В то же время, Русская православная церковь за границей настаивала, что прихожане сами должны оплачивать все расходы священника. Ни «старые», ни «новые» эмигранты не могли собрать такие средства. Не способствовало популярности «Русского дома» и то, что к началу 1990-х гг. в его окрестностях начала селиться беднота и беженцы, ухудшилась криминальная обстановка.

В 1987 г. в Йоханнесбурге было основано Общество св. Николая Японского. Знаменательно, что оно было названо в честь русского святого, обратившего в православие около 33000 человек не насилием, а убеждением и личным примером[51]. Задачами этого первого в ЮАР православного миссионерского общества были приобщение возможно большего числа южноафриканцев к православной вере, учитывая чрезвычай-

ное разнообразие культур народов, населяющих ЮАР, а также преподавание основ катехизации православным жителям страны.

Греческая, сербская и русская церкви в Южной Африке окормляли лишь свои общины и не проводили миссионерскую работу среди представителей других конфессий. Богослужения в этих церквях велись соответственно на греческом, сербском, церковнославянском или старославянском, и православному, не принадлежащему ни к одной из этих общин, было трудно понимать проповеди на чужом языке. А вновь учрежденное общество создало новый, в основном, англоязычный православный приход, задачей которого стала именно миссионерская деятельность и окормление верующих, не принадлежащих ни к одной из существующих в ЮАР общин. Общество св. Николая также поддерживало связь с представителями упоминавшейся Африканской ортодоксальной церкви.

В 1987–88 гг. службы проводились в англиканских храмах, а в 1989 и в начале 1990 г. – в часовне при «Русском доме». С конца октября 1990 года и по настоящее время церковь св. Николая Японского располагается в Йоханнесбурге, в районе Брикстон. К 1989 г. община состояла из 50 семей русского, греческого, ливанского, сербского, бурского и английского происхождения.

Когда в начале 1990-х гг. в Южную Африку приезжало все больше иммигрантов из бывшего СССР, Болгарии и Румынии, многие из них становились членами прихода св. Николая Японского. Общество стремилось увеличить число прихожан за счет верующих из стран Восточной Европы. В брикстонской церкви был крещен геолог Алексей Соколов, приехавший в ЮАР в 1991 г. и разрабатывавший стратегию геологоразведки компании «Голд Филдс»[52]. Приход св. Николая Японского, гораздо более многочисленный, чем «Русский дом», оказывал вновь прибывшим иммигрантам из России помощь в поиске работы. Иногда помогали деньгами[53].

В 2000 г. Общество св. Николая Японского было упразднено, но храм в Брикстоне сохранился и перешел в ведение Александрийского Патриархата. Большинство «новых» иммигрантов из России предпочитали его «Русскому дому». Но после открытия в 1999 г. часовни в Мидранде количество русских прихожан церкви св. Николая Японского быстро сокращалось. Весной 2004 г. в списке членов брикстонского прихода числился всего один прихожанин с русской фамилией. Также известно, что эту церковь посещает семья дочери О.П. Кочубей-Ван Рейсвейк[54].

Часовня в Мидранде постепенно принимала на себя функции главного русского общинного центра страны. К концу 2001 г. в «Русском доме» осталось всего пятнадцать постоянных членов, большинство – пенсионеры[55]. Они уже не могли или не хотели нести расходы по содержанию помещения. В декабре того же года руководство «Общества русских эмиг-

рантов в Южной Африке» передало здание «Русского дома» в распоряжение Московского Патриархата. Последнее богослужение в «Русском доме» было проведено о. Филаретом, настоятелем прихода в Мидранде, на Пасху 5 мая 2002 года. Присутствовало около 50 человек, в основном, эмигранты «новой» волны, пришедшие на богослужение по приглашению знакомых[56].

В декабре 2003 г. в СМИ появилось сообщение о том, что мидрандский приход открыл в помещении «Русского дома» детский сад для детей из малообеспеченных семей: «В настоящее время сюда приводят около 30 малышей, которые раньше были практически брошены на произвол судьбы, оставались голодными и раздетыми. Их родители, зачастую не имеющие постоянного заработка, не в состоянии оплачивать пребывание детей в государственных или частных детских учреждениях»[57]. Предполагалось, что часовня останется в неприкосновенности, а мидрандская церковь возьмет шефство над новым детским садом, регулярно привозя туда продукты и детские вещи, а также подарки к православным праздникам. «В планах настоятеля и русской общины, – сообщал сайт «Россия. Регионы», – начать катехизические беседы с детьми, знакомить их с жизнью и учением Православной Церкви. А когда появятся необходимые средства, произвести капитальный ремонт в уже довольно ветхом здании и обставить детский сад новой мебелью».

Автору настоящего исследования, посетившему «Русский дом» в апреле 2004 г., представилась менее радостная картина. Здание было в запущенном состоянии. Часовня оставалась нетронутой, но посетителю, намеревавшемуся туда попасть, приходилось идти по давно не убиравшемуся коридору с грязными стенами и паутиной. Фасад был «украшен» изображениями диснеевских персонажей, соседствующих с полуистершейся надписью «Русский православный дом» и православным крестом. Здание производило угнетающее впечатление, впрочем, как и сотрудники детского сада, беженцы из стран к северу от ЮАР. Оказалось, что среди них был проповедник одной из так называемых африканских церквей, соединившей христианство с традиционными местными культами. В этой связи, перспектива обращения воспитанников детского сада в православие казалась довольно призрачной. В начале сентября 2004 г. иконы и утварь из часовни были, наконец, перевезены на хранение в русскую церковь в Мидранде[58].

Но надо признать, что отец Филарет стремился установить добрые отношения со «старыми» эмигрантами в Южной Африке. После закрытия «Русского дома» ему удалось привлечь в свой приход почти всех из них. Обязанности старосты прихода преп. Сергия Радонежского сейчас исполняет бывший казначей «Русского дома» А.Д. Елагин.[59] Церковь помогала А.И. Одинцовой, эмигрантке послереволюционной волны, жившей в трудных материальных условиях. «Начали с того, что ей поставили телефон, починили телевизор, который она *слушала* в течение пяти

лет, потому что он ничего не показывал, – вспоминал о. Филарет. – Но, наверное, самое главное, что у нее просто появились друзья, которые ей звонят, рассказывают о домашних неприятностях, о чем-то советуются, просто ее слушают. Она перестала быть одинокой. Она стала нужной людям»[60]. А 1 июня 2003 г. священник провел в Мидранде панихиду по оторванным от Родины на долгие десятилетия нашим соотечественникам, которые на собственные средства создали очаг русской веры и культуры на юге Африки – «Русский дом».

Глава 5. Современные российские общины ЮАР

Первое формальное объединение выходцев из бывшего СССР появилось в Южной Африке в 1998 г. по инициативе посольства России. В июне 2003 г. это объединение было преобразовано в общественную «Ассоциацию российских соотечественников», которая претендует на роль «единого координационного органа, представляющего в наши дни лицо русской диаспоры в ЮАР»[61]. Она тесно сотрудничает с русским православным приходом преп. Сергия Радонежского и местным представительством «Росзарубежцентра» и поддерживает связи с соотечественниками в других странах юга Африки.

В правление Ассоциации входят импресарио Эдуард Мясников, бывший заведующий лабораторией в корпорации «Англо-Америкен» Вагиз Абраров, настоятель прихода преп. Сергия Радонежского о. Иоанн Лапидус, преподаватель русского языка при южноафриканском МИДе Марина Шаталова и другие видные представители российской диаспоры. Ассоциацию возглавляет йоханнесбургский бизнесмен Олег Пантюхин, один из основателей «Международного совета российских соотечественников». Ассоциация устраивает русские концерты, выставки и другие культурные мероприятия. В ее деятельности участвуют около 200 семей наших соотечественников[62].

Главные задачи Ассоциации – «содействие объединению и координации деятельности российских соотечественников во имя сохранения этнической идентичности, самобытности и культурного наследия, поддержки и развития экономического и интеллектуального потенциала, оказание им всесторонней помощи; содействие процессам укрепления дружбы между народами России, ЮАР и других стран; привлечение на историческую родину интеллектуальных, экономических и финансовых ресурсов российских соотечественников за рубежом, формирование эффективной системы взаимодействия государственных, общественных и коммерческих организаций России и ЮАР с объединениями российской диаспоры»[63].

В Кейптауне, втором по величине и значению городе ЮАР, в 1996–1998 гг. действовал общественный «Русский клуб» при Центре российских исследований Кейптаунского университета. Он проводил мероприятия, приуроченные к памятным датам отечественной истории и культуры и важным этапам российско-южноафриканских отношений. Эти встречи посещали не только коренные южноафриканцы, но и наши соотечественники.

В октябре 1998 г. в Кейптауне побывал заместитель председателя Отдела внешних церковных связей Московской Патриархии архимандрит Феофан, который прибыл в ЮАР, чтобы изучить вопрос об открытии в этой стране русского прихода. Он не только провел службу для местных русских в греческом храме, но и обсудил с мэром Уильямом Бэнтомом возможность открытия в городе церкви для россиян, проживающих в Кейптауне, и моряков с российских судов[64]. Мэр поддержал это предложение, но русского прихода в этом городе нет до сих пор.

Первое формальное объединение наших соотечественников в Кейптауне появилось весной 2004 г. при деятельном участии российского вице-консула Л.А. Дублик. Преподаватель Дипломатической академии, Лариса Александровна специализировалась на работе с соотечественниками, и эти теоретические знания были использованы при организации кейптаунского объединения соотечественников. Среди основателей общества – историк Ирина Филатова, полярник Василий Калязин, бизнесмены Марк Кожанов и Александр и Ирина Рябцевы, директор Российского дома технологий, образования и развития в Кейптауне Олег Неручев.

Еще в начале 2003 г. Л.А. Дублик начала устраивать неформальные встречи с россиянами, живущими в Западном Кейпе[65]. Россияне собираются на природе, общаются на родном языке, слушают русскую музыку, поют, танцуют. В апреле 2004 г. на одной из таких встреч доктор исторических наук И.И. Филатова с большим успехом прочитала серию лекций об истории российско-южноафриканских связей, в частности, об участии наших соотечественников в англо-бурской войне. Для детей из смешанных браков в начале 2004 г. были организованы курсы русского языка при Российском доме технологий, образования и развития. Поскольку в Кейптауне нет дипломатических представительств остальных стран СНГ, российское консульство уделяет внимание и гражданам других государств Содружества. Поэтому мероприятия, организованные объединением российских соотечественников, посещают и украинцы, белорусы, молдаване.

Кейптаунское общество проводит встречи соотечественников, отмечает российские праздники, устраивает тематические вечера. Также собирается организовывать конференции, круглые столы, олимпиады по русскому языку, концерты артистов из России и талантливых представителей местной общины. Планируется и обмен деловым опытом, спортивные соревнования между россиянами и южноафриканцами.

Вообще, проблемы, с которыми сталкиваются сотрудники российских дипломатических миссий при работе с соотечественниками во всем мире, характерны и для ЮАР. Поскольку в задачу российских дипмиссий входит защита интересов соотечественников, поддержка русского языка и культуры, еще в середине 1990-х посольство РФ в Претории старалось объединить россиян. Но эти попытки увенчались успехом только после создания русского православного прихода. Теперь представители российского посольства посещают все праздники в храме преп. Сергия Радонежского в Мидранде.

Опыт жизни на родине научил наших соотечественников опасаться внимания государственных органов. Для многих эмиграция стала попыткой бежать от доминирующего государственного влияния в «свободный мир», где гарантированы невмешательство в частную жизнь и неприкосновенность гражданских прав. В то же время, высокая стоимость бензина или отсутствие машины мешают некоторым соотечественникам добраться не только до консульства, но и до русской церкви. К помощи российской дипмиссии они обращаются только при возникновении проблем. Поэтому многие российские граждане просто не считают необходимым становиться на учет.

Еще во второй половине 1990-х в Йоханнесбурге, крупнейшем городе Южной Африки, была русская чайная и ресторан «Москва», где работал бывший личный повар И.Б. Тито[66]. В Претории работали рестораны «Волшебный самовар» и «Тарас Бульба», в Кейптауне – «Москва». Но эти довольно дорогие заведения, созданные, прежде всего, для местных жителей, не пользовались популярностью ни у наших соотечественников, ни у южноафриканцев, довольно консервативных в своих кулинарных пристрастиях.

Между тем, россияне за рубежом скучают по знакомой с детства еде, по русским продуктам. «В Африке многого нет, что нам привычно, – еще в начале 1950-х писал русский эмигрант в Марокко. – Не найдете вы тут маку; редко-редко, случайно встретите творог; …о гречневой крупе не приходится и заикаться; хорошей селедки и не сыскать… И вот тут на помощь приходит обычно какой-нибудь предприимчивый человек. Смотришь, появился магазинчик с русскими товарами, где найдешь и черный хлеб, и зеленый сыр, и многое еще»[67].

В ЮАР не раз предпринимались попытки создать русский магазин. Например, в апреле 2006 г. такой магазин планировалось открыть в Блумфонтейне. «В нашем ассортименте, – сообщал его владелец, – конфеты, печенье, мясные и рыбные продукты, молочные продукты, сыры, и т.д. А также вы можете заказать у нас ваш любимый фильм или музыку. Не беда, если вы живете в другом городе. Мы вам все перешлем в целости и сохранности»[68]. Однако магазин вскоре прекратил работу из-за проблем с доставкой российских товаров в Южную Африку. Вероятно, начинания такого рода неизбежно сталкиваются и с трудностями, свя-

занными со сравнительной малочисленностью и дисперсным расселением российских иммигрантов в Южной Африке, а также отсутствием надежных каналов, с помощью которых можно было бы доносить информацию о магазине до потенциальных покупателей по всей стране.

Собственных периодических изданий у российской диаспоры ЮАР нет, хотя попытки их создания предпринимались. В 2000 г. было объявлено о том, что готовится к выходу первый журнал для русскоязычной общины ЮАР: «Последние новости из России, обзор местных новостей, события и мероприятия в общине, хроника русской церкви в ЮАР, а также масса полезной информации для предпринимателей, домохозяек и всех интересующихся, сказки для детей, детективы для взрослых, сплетни, анекдоты, кроссворды, объявления, обзор программ ТВ – российского и местного». Очевидно, инициаторы просто не рассчитали свои силы. Осуществление такого крупного русскоязычного проекта в южноафриканских условиях было просто нереально. Даже гораздо более скромный по объему и амбициям журнал русского прихода преп. Сергия Радонежского просуществовал всего два–три номера.

С 2003 г. каждые два месяца российское посольство издает бюллетень «Соотечественник», который распространяется через консульский отдел и русский храм[69]. Выпуск каждого номера приурочивается к государственным праздникам, знаменательным датам и тематическим мероприятиям, проводимым посольством. В бюллетене публикуются новости из России, объявления, рецепты блюд русской кухни.

Проблемы, встающие перед организаторами русскоязычных общин в Южной Африке, сводятся к следующему: а) недостаток средств – «россияне все любят делать „на халяву“, ни о каких взносах, как это делают поляки, португальцы, греки, речи быть не может»[70]; б) боязнь «обязаловки» и принудительного коллективизма; в) желание общаться только с людьми своего круга и образования – «Контингент иммиграции весьма разношерстный – публика из всех городов, весей и слоев советского общества, поэтому многие не хотят общаться с людьми только потому, что они говорят по-русски»[71]. «У каждого свой круг общения, своя компания, которые, как правило, не перемешиваются»[72]; г) недоверие к соотечественникам, нежелание вызвать зависть и стать объектом сплетен и домыслов в небольшой общине. Как и в других странах Африки, объединению мешают дисперсность расселения, имущественное неравенство и склонность к участию в разовых акциях, а не в продолжительной деятельности[73].

Глава 6. Приход Русской православной церкви в Мидранде

Сегодня самым крупным российским общинным центром в ЮАР является храм преп. Сергия Радонежского, расположенный на полпути ме-

жду Преторией и Йоханнесбургом. Это единственная русская церковь в Африке южнее Сахары.

В 1998 г. по инициативе российского посольства состоялся прием, на котором присутствующие подписали прошение о необходимости открытия прихода Русской православной церкви в ЮАР. В этой связи можно вспомнить слова А. Авдеева, посла РФ во Франции: «Церковь для нашей диаспоры является олицетворением России, не посольство – солидное, нужное учреждение, но порой контора…»[74]. Реакция Московского Патриархата была быстрой: в октябре того же года Южную Африку посетил заместитель председателя Отдела внешних церковных связей архимандрит Феофан, и был избран организационный комитет по созданию прихода.

24 ноября 1998 г., находясь с официальным визитом в Москве, вице-президент ЮАР Табо Мбеки встретился с Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II. Они обсудили возможность открытия в Южной Африке прихода Русской православной церкви, и Т. Мбеки заявил о полной поддержке этого начинания. 29 декабря последовало решение Синода РПЦ о создании в ЮАР прихода «в честь Преп. Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца». Таким образом, вопрос был решен буквально за несколько месяцев.

Йоханнесбург, город, где проживает большинство наших соотечественников, находится всего в 58 км от Претории, столицы страны, где также много россиян. Поэтому было решено разместить будущую церковь в Мидранде, на полпути между этими городами. Предполагалось, что прихожане будут добираться до церкви на своих автомобилях, а выгодное местоположение храма позволит им сэкономить на бензине. В августе 1999 г. Московская патриархия арендовала в Мидранде здание под домовую часовню и квартиру для священника. С октября там проводились богослужения.

Первым настоятелем в декабре 1998 г. был назначен протоиерей Сергий Рассказовский, преподаватель Санкт-Петербургской православной духовной академии. Он организовал приходскую общину, нашел участок земли для строительства церкви и начал сбор пожертвований для его приобретения. «… Для большинства наших прихожан все началось со знакомства с отцом Сергием, – вспоминает Наталья Колесникова из Претории. – Первые службы, проповеди в небольшом доме, где поселилась семья священника, для большинства из нас стали откровением – необыкновенный дар красноречия, эрудиция и образованность отца Сергия, способность обращаться ко всем одновременно и персонально к каждому создали контакт от сердца к сердцу, от души к душе… После службы мы подолгу засиживались за чашкой чая, знакомились, общались… Попытки создания [русской общины] были и раньше, но не было лидера, человека, способного объединить столь разных людей, зажечь одной идеей строительства храма… При этом, конечно, понимали, что

на наши скромные пожертвования церковь не построить. Необходимо было найти спонсоров, подготовить материальную платформу под будущее строительство, определиться с выбором места, покупкой земли под храм. Многие вопросы решались благодаря личным контактам отца Сергия, его способности убеждать и пробуждать лучшие порывы души человеческой. Очень помогал нам в тот период бывший посол России в ЮАР Вадим Борисович Луков»[75].

На первых порах у нового прихода сложились непростые отношения с представителями Александрийского Патриархата, на канонической территории которого находится русская церковь в Мидранде. Летом 2000 г. о. Сергий был назначен настоятелем вновь образованного Патриаршего подворья в Торонто и покинул Южную Африку. Тем не менее, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Кирилл дал высокую оценку трудам отца Сергия по созданию русской православной общины в ЮАР[76].

В июле 2000 г. новым настоятелем прихода в Мидранде был назначен иеромонах Филарет Булеков. Он родился в Москве, окончил духовную академию, занимал должность заведующего службой коммуникации Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. До прибытия в Южную Африку о. Филарет служил секретарем представительства Московского Патриархата в Дамаске, где приобрел опыт работы с соотечественниками[77]. В ЮАР о. Филарету предстояло объединить русскую паству, восстановить добрые отношения с представителями Александрийского Патриархата и осуществить строительство масштабного приходского центра с крупным даже по российским меркам храмом. Новый настоятель оказался талантливым организатором и дипломатом, блестяще справившимся с поставленными перед ним нелегкими задачами.

Проект пятикупольной церкви создал петербургский архитектор Ю.В. Кирс, работавший над реставрацией собора Владимирской иконы Божией Матери и Александро-Невской лавры. В марте 2001 г. в Мидранде начались подготовительные строительные работы. При поддержке посла России в ЮАР А.А. Кушакова были привлечены крупные средства российских организаций[78]. Основные пожертвования на создание храма внесла компания «Стройтрансгаз», которая в течение нескольких лет стремилась закрепить свое присутствие в регионе и участвовала в тендере на строительство девятисоткилометрового газопровода из Мозамбика в Южную Африку[79]. Компания «Тюменьавиатранс» помогла русскому приходу оплатить расходы по созданию инженерно-технической документации. Часть текущих расходов покрывалась за счет сбора средств среди прихожан. На строительство храма жертвовали и российские артисты, приезжавшие в Южную Африку на гастроли.

15 декабря 2001 г. в Мидранде состоялась церемония закладки русского храма, приуроченная к визиту в ЮАР министра иностранных дел

России И.С. Иванова[80]. Вместе с о. Филаретом чин на основание церкви и водружение креста совершили священники греческой, сербской и румынской церквей. Российский министр выразил благодарность Александрийскому Патриархату за согласие на пастырское служение священников Русской Православной Церкви на его канонической территории. Отношения между русским приходом и Александрийской церковью были нормализованы.

В 2002 г. строительство храма в Мидранде продолжалось. «Большинство работ для ЮАР в новинку, – рассказывал о. Филарет. – Здесь никогда не делали луковичные купола. Для нас их проектировали в Санкт-Петербурге. Сусальное золото для куполов пришлось завозить через посольство из Германии – в Африке такого нет. Иконы заказываем московским мастерам»[81].

Прихожане организовали хор, собирали книги для библиотеки и воскресной школы. Сейчас в приходской библиотеке более 1500 наименований книг, включая православную, художественную и детскую литературу на русском и английском языках, а также школьные учебники, видео- и аудиокассеты[82]. Регент церковного хора – выпускница Ереванской государственной консерватории Ангелина Давтян. Чтобы повысить певческий уровень хора, о. Филарет приглашал профессионального регента из Санкт-Петербурга для подготовки праздничных богослужений. Новый настоятель, о. Иоанн Лапидус, имеет большой опыт церковного пения и помогает хору осваивать сложные песнопения. Среди певчих не только русские, но и грек Джордж Канонис и англоязычная южноафриканка Эрика Скотт[83].

«Очень многие люди сердцем и делами откликнулись на сам процесс реального дела, – отмечал о. Филарет. – Безделье никогда никого не объединяло. Дело же, реальное, когда есть плоды, объединяет многих, и особенно людей, которые выросли в бывшем Советском Союзе и получили наше старое воспитание»[84]. В 2000–2001 гг. воскресные богослужения в домовой часовне в Мидранде посещало около 25 человек. А в 2002 г., по свидетельству о. Филарета, на богослужениях присутствовало уже «30–50 человек – русские, белорусы, украинцы, сербы. На Рождество и Пасху собираются человек 300. Приезжают даже из соседних стран, например, из Мозамбика»[85]. Соответственно, было решено увеличить запланированную площадь церкви на 44 м^2.

Здание русского храма было освящено 2 марта 2003 г. руководителем Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом в сослужении митрополита Йоханнесбургского и Преторийского Серафима. В тот же день митрополит Кирилл возвел о. Филарета в сан игумена «во внимание к трудам по организации строительства церковного здания»[86].

Строительство церкви завершилось лишь к 5 апреля 2004 г., когда на здании были установлены пять золотых куполов общей площадью

150 м². Их остовы изготовила южноафриканская фирма, а покрытие медью и золочение выполнила бригада российских мастеров, специально прибывшая в Мидранд и три месяца трудившаяся в Южной Африке. Таким образом, возведение церкви преподобного Сергия Радонежского заняло чуть более трех лет.

Комплекс зданий русской церкви в Мидранде производит большое впечатление. В центре участка – златоглавый пятикупольный храм, высокий, светлый и просторный. Он построен в стиле, сочетающем традиции русского церковного зодчества и современные архитектурные мотивы. Вокруг церкви расположены служебные здания, приходский центр с библиотекой и залом на 100 мест, трапезная и двухэтажный дом настоятеля. Предполагается, что в Южной Африке будут служить два священника: один будет постоянно находиться в Гаутенге, а другой – посещать прихожан в разных уголках страны. Поэтому в церковном комплексе есть жилье для обоих настоятелей.

В апреле 2001 г. о. Филарет выпустил первый номер русского православного журнала «Вестник»[87]. Это издание было учреждено приходом преп. Сергия Радонежского и адресовано в первую очередь выходцам из России и СНГ, проживающим в ЮАР. Тираж первого номера составил 300 экземпляров. Часть из них была направлена русским православным в Кейптаун и Дурбан, а также в Мозамбик. «Пусть [„Вестник“] станет нашим общим журналом, где мы не только сможем почерпнуть недостающие знания и опыт церковной жизни, прочесть новости, но и поделиться друг с другом своими радостями и печалями, найти поддержку, утешение и полезные советы, – обращался о. Филарет к читателям первого номера «Вестника». – Многие из наших соотечественников живут достаточно далеко от храма в Мидранде и не могут регулярно посещать богослужения. Для них „Вестник“ может стать возможностью разделить с другими будни приходской жизни, почувствовать себя членом нашей дружной церковной семьи»[88].

Планировалось, что русский православный журнал будет выходить в свет ежеквартально под редакцией настоятеля прихода. Но, по свидетельству о. Филарета, хлопоты, связанные со строительством храма, не оставляли ему времени на выпуск «Вестника», который не получил ожидаемого отклика среди прихожан[89]. В свет вышло всего три номера этого журнала.

В настоящее время функцию приходского средства массовой информации выполняет сайт, открывшийся в апреле 2006 г.[90]. На нем размещена очень подробная информация об истории храма, его настоятелях, воскресной школе, приходские новости и расписание богослужений. Также на сайте можно найти сведения об истории российской иммиграции в Южную Африку и о современной российской диаспоре этой страны.

Помимо строительства храма, важнейшей задачей прихода стала организация приходской школы. «Так было всегда: именно вокруг Церкви

за рубежами нашего отечества возникали центры духовного, культурного воспитания», – писал о. Филарет[91]. Школа открылась в мидрандском приходе в марте 2005 г. «Школа ставит перед собой задачу воспитания детей в русских православных традициях, ознакомления с шедеврами русской литературы, музыки и искусства, сохранения русского языка, гармоничного воспитания личности», – сообщает сайт прихода преп. Сергия Радонежского[92]. Занятия по основам православия, пению, рисованию и родной речи проводятся в неформальной обстановке каждое воскресенье.

Не все ученики в достаточной мере знают русский язык, поэтому учителям часто приходится прибегать к английскому. На уроках рисования дети разделены по группам не по возрасту, а по уровню владения русским языком: «О каких-то больших успехах говорить рано. Пока мы радуемся тому, что малыш, не говоривший по-русски ни слова еще несколько месяцев назад, на просьбу нарисовать предмет округлой формы рисует желтый круг и говорит, что это Колобок!»[93].

Детей учат читать и писать по-русски, преподают им основы пунктуации и грамматики и сокращенную школьную программу русской литературы. «Мы стараемся, прежде всего, чтобы дети полюбили нашу родную литературу, не боялись взять в руки четыре тома „Войны и мира“, смогли процитировать „Евгения Онегина“, знали бы факты биографии Ф. М. Достоевского, чтобы они гордились русской литературой и своей принадлежностью к великой русской культуре»[94].

При русской церкви действуют курсы по изучению основ православия для взрослых. «Специфика катехизации [в Южной Африке] заключается не только в отсутствии доступа к православным изданиям (за исключением Интернет-ресурсов), радиостанциям, телеканалам, не только в ограниченном количестве православной литературы, но и в степени восприятия самими прихожанами церковной жизни, как части ежедневного бытия, – отмечают создатели сайта Сергиевского прихода. – В силу того, что основная часть русскоговорящей эмиграции, проживающей на юге Африканского континента, покинула Россию (Украину, Белоруссию) в начале 1990-х годов XX века, церковное возрождение, начавшееся в нашей стране как раз в тот период, не коснулось людей, составляющих основу прихода преподобного Сергия Радонежского»[95]. Занятия проходят не только на русском, но и на английском – для англоязычных прихожан русской церкви в Мидранде.

Прихожане русской церкви – представители разных профессий: преподаватели, врачи, инженеры, программисты, артисты, музыканты, художники, бизнесмены. Они приехали из России, Украины, Белоруссии и других республик СНГ. Большинство из них работает в ЮАР по контракту[96]. Среди прихожан церкви преп. Сергия Радонежского есть даже несколько семей англичан и африканеров, для которых проводятся специальные богослужения на английском языке. Русским православным стал африканер

Даниил Стейн, фермер из провинции Свободное государство. Его прадед во время англо-бурской войны попал в плен к англичанам, но был спасен российскими моряками. Иногда праздничные богослужения в русской церкви посещают и прихожане других православных церквей – греки, сербы, болгары, копты, ливанцы.

Члены прихода преп. Сергия Радонежского ежегодно отмечают не только православные, но и такие светские праздники: например, День защитника Отечества, День Победы. Эти торжества, которые устраивает «Ассоциация российских соотечественников», проводятся в приходском центре в Мидранде. Помимо членов прихода, в них участвуют сотрудники Посольства РФ и российских государственных учреждений в ЮАР.

В марте 2004 г. отец Филарет получил новое назначение. Он стал представителем Русской православной церкви при Совете Европы и настоятелем прихода Всех Святых в Страсбурге. В Мидранде его заменил священник Иоанн Лапидус, сотрудник секретариата по межхристианским отношениям в Отделе внешних церковных связей Московского патриархата, преподаватель Российского православного университета св. Иоанна Богослова и клирик храма св. мученицы Татианы при МГУ. После четырех лет, проведенных в Южной Африке, игумен Филарет отправился к новому месту служения. Назначение в Страсбург стало следствием высокой оценки деятельности настоятеля прихода преп. Сергия Радонежского руководством Московского Патриархата, ведь Русская православная церковь планирует, что ее представитель будет активно участвовать «в европейских процессах»[97].

О. Филарет объединил и увеличил свою паству, нормализовал отношения с местными православными церквями и, что самое важное, построил первый русский храм и приходской центр на юге Африки. Для такого большого и важного дела потребовались энтузиазм и незаурядные организаторские способности. Председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата протоиерей Всеволод Чаплин так охарактеризовал о. Филарета: «…Молодой, но уже опытный священнослужитель и церковный дипломат, человек, прекрасно владеющий английским и французским языком, умеющий находить общий язык с самыми разными людьми, как церковными, так и светскими»[98]. По словам о. Филарета, за все время его служения в Мидранде прихожане не подали на него ни одной жалобы, что нетипично для русских приходов за границей[99].

О. Филарет считает, что серьезной проблемой прихода преп. Сергия Радонежского остается недостаточная активность прихожан. Их пожертвования далеко не всегда позволяют удовлетворить нужды прихода. Наши соотечественники, приехавшие в ЮАР в конце 1980-х–начале 1990-х и воспитанные в духе атеизма, не привыкли жертвовать на церковь. «Они выросли и воспитывались в Советском Союзе, а, следовательно, не

застали и не увидели возрождения храмов, открытия духовных школ, массового открытия воскресных школ – всех тех процессов, которые переживал и в которых участвовал российский народ на Родине в течение последних 15 лет», – отмечал о. Филарет[100]. У некоторых прихожан просто нет денег, и они стараются выполнять работу для церкви. Но большинство членов прихода пока не готовы к самостоятельности, ждут инициативы «сверху».

Глава 7. Евреи из бывшего Советского Союза в ЮАР в 1990-е гг.

К концу 1980-х гг. в Южной Африке выходцы из России перестали играть существенную роль в местных еврейских общинах. После Второй мировой войны прекратилась эмиграции евреев с территории бывшей Российской Империи в ЮАС. С тех пор число русских евреев в Южной Африке лишь сокращалось, и главную роль в общинах стали играть их дети и внуки.

Иммиграция советских евреев в ЮАР началась еще в 1970-е годы. Согласно исследованию, проведенному Центром еврейских исследований Кейптаунского университета, из всех восточноевропейских евреев, иммигрировавших в Южную Африку в 1970–91 гг., в России родились 9,8%, в Литве – 57,3%, а в Латвии – 10,1%[101]. Таким образом, 77,2% еврейских иммигрантов из Восточной Европы, поселившихся в ЮАР за указанный период, родились на территориях, которые входили в СССР. Иммиграция советских евреев в ЮАР увеличилась в 1980-е годы, несмотря на строгие ограничения на отъезд еврейских граждан, введенные в СССР в начале того десятилетия[102]. Дело в том, что большинство евреев из Советского Союза приезжали в Южную Африку после нескольких лет, проведенных в Израиле.

Однако похоже, что наши соотечественники составляли лишь малую долю от общего числа новых еврейских иммигрантов в Южной Африке и не оказывали влияния на местные общины. К 1991 г. среди евреев, проживавших в этой стране, лишь 3,5% родились в Литве и Латвии и 0,5% – в России[103]. К началу 1990-х гг. не более 4% южноафриканских евреев можно было отнести к нашим соотечественникам.

Почему многие советские евреи перебирались из Израиля в другие страны, в частности в Южную Африку? Об этом корреспонденту «Саут Эфрикан Джуиш Таймс» рассказала заведующая русской кафедрой Витватерсрандского университета в Йоханнесбурге Генриетта Мондри, эмигрировавшая в ЮАР через Израиль в 1980 году: «Большая часть советских евреев – это интеллигенция и специалисты.[104] Они не всегда могут привыкнуть к новой жизни и к новому кругу общения. В Израиле ко всем одно и то же отношение – будь ты врачом или рабочим, и все про-

ходят через один и тот же процесс абсорбции. Поэтому многие русские евреи уезжают из Израиля в те страны, где, как им кажется, ценят их профессиональные качества. В Израиле мы с сыном никогда не чувствовали, что мы там нужны»[105].

Гипнотерапевт Александр Брагинский (теперь живущий в Канаде) приехал в ЮАР в 1991 г. и устроился работать в кейптаунскую больницу «Хруте Схююр»[106]. Но сначала он эмигрировал из Советского Союза в Израиль. «В том году, когда я туда приехал, – вспоминает Брагинский, – туда прибыло еще 300 тысяч эмигрантов из бывшего СССР. Большинство – с высшим образованием. Страна маленькая, населения много, работы, соответственно, мало, даже неквалифицированной… Услышал, что в ЮАР не трудно эмигрировать. И это оказалось правдой. Я приехал туда по туристической визе и через какое-то время получил вид на жительство. Там было довольно-таки неплохо. Высокий уровень жизни – выше, чем в Канаде, взаимоотношения между людьми теплее, не трудно было найти работу по специальности. А климат – просто замечательный»[107].

Показателен также пример семьи Верховских, покинувших Советский Союз, как и А. Брагинский, в 1991 году. Они с самого начала планировали эмигрировать в ЮАР, но поскольку в Москве в то время не было южноафриканского консульства, Верховские решили вначале поехать в Израиль. Там Аркадию Верховскому, хирургу по профессии, пришлось пять лет заниматься неквалифицированной работой. Верховским говорили, что в ЮАР профессионалы не могут никуда устроиться и едут оттуда тысячами. Поэтому в течение нескольких лет Аркадий и его жена Елена не решались предложить свои кандидатуры для работы в южноафриканских больницах. Наконец, им пришел ответ из ЮАР, и Верховские отправились в Кейптаун, имея при себе лишь «четыре чемодана, набитые словарями» и очень мало денег. Аркадию удалось устроиться в местную больницу. Довольно скоро его дочь Анна, до приезда в ЮАР совершенно не владевшая английским, стала первой ученицей в классе, а семья Верховских приобрела дом в одном из северных пригородов Кейптауна. «Мы наслаждаемся каждым днем, прожитым здесь, – говорил Аркадий в интервью газете «Кейп Таймс». – Мне не хватает английских слов, чтобы описать, как мы здесь счастливы»[108].

Для еврейских организаций ЮАР евреи из бывшего Советского Союза как бы не существуют. Например, выходцы из СССР не были опрошены в ходе Национального исследования южноафриканского еврейства 1998 г., а значит, полученные данные не дадут нам представления о наших соотечественниках в этой стране[109]. Разумеется, сегодня русские евреи составляют лишь малую часть 75-тысячного еврейства Южной Африки[110], но даже эти несколько процентов заслуживают внимания.

В настоящее время большинство русских евреев в ЮАР – это люди работоспособного возраста, родившиеся и выросшие в Советском Союзе. Для них не характерна приверженность сионизму, распространенная

среди южноафриканского еврейства. Они почти не участвуют в деятельности местных еврейских общин, будучи людьми нерелигиозными и не соблюдающими еврейские традиции. В Южной Африке главным критерием еврейства считается вероисповедание, а большинство советских евреев не соблюдают законы иудаизма и не посещают синагогу.

Как это ни парадоксально, южноафриканская еврейская община, сформированная и возглавляемая русскими евреями и их потомками, сегодня почти не взаимодействует с евреями из бывшего СССР[111]. Евреи в Южной Африке традиционно считают важным соблюдение религиозных предписаний и еврейских традиций, ощущение связи с Израилем, приверженность сионизму и активное участие в общинной жизни. А советские евреи в ЮАР – индивидуалисты; к религии они относятся прохладно, а сионистские идеи среди них популярностью не пользуются. Многие из этих людей жили в Израиле и предпочли покинуть эту страну из-за невозможности самореализации или достойного заработка.

Стоит напомнить и о том, что в настоящее время около 80% еврейских школьников в ЮАР, помимо обычных, посещают еще и еврейские школы. 88% южноафриканских евреев принадлежат к ортодоксальному направлению иудаизма[112]. Процент смешанных браков в среде еврейства Южной Африки чрезвычайно низок. Еврейскую общину страны отличает монолитность и сплоченность. Может ли такая община быть близкой для большинства советских евреев, чуждых религии и имеющих смутное представление о еврейской истории и традициях? И наоборот, может ли такая община с распростертыми объятиями принимать евреев из бывшего СССР, которые не разделяют ее ценности и ориентиры? В этом контексте становится понятным полное отсутствие данных о выходцах из СССР в опубликованных результатах исследований, проводящихся еврейскими организациями ЮАР.

Евреи из бывшего Советского Союза не принимают участия ни в кампании в защиту Израиля, которую проводят еврейские организации ЮАР[113], ни в дебатах относительно пассивной позиции еврейских лидеров в годы борьбы с апартеидом – а это две главные темы, беспокоящие еврейскую общину страны. Большинство советских евреев в Южной Африке не владеют ивритом или идиш. Они дорожат русским языком, который считают родным, гордятся тем, что с детства восприняли русскую культуру. Поэтому они скорее ассоциируют себя с русскими, нежели с довольно ортодоксальной еврейской общиной Южной Африки. «О них можно рассказать только старую шутку, – писал инженер Виктор Френкель, эмигрировавший в ЮАР в 1990 г. – Русский еврей – это русский, у которого в паспорте написано, что он еврей»[114].

Евреи из Советского Союза в Южной Африке лишены тех преимуществ, которыми пользуется еврейская община этой страны. Прежде всего, это поддержка, которую оказывают южноафриканскому еврейству очень влиятельные местные еврейские организации, например, Ев-

рейский совет депутатов, Совет по еврейскому образованию, Еврейский национальный фонд, Южноафриканский еврейский трест. Но надо отметить, что в начале 1990-х многие наши соотечественники пользовались помощью южноафриканских еврейских организаций. «Они многим помогли, в том числе и русским, неевреям, – вспоминает В.И. Френкель. – Они помогали найти работу и организовывали бесплатные курсы английского языка… Надо сказать, что еврейские организации вскоре оставили попытки интегрировать новоприбывших в свою среду, обнаружив, что „русские“ совершенно нерелигиозны, не знают ни иврита, ни идиша, ни еврейской истории, ни обычаев и не интересуются ничем, кроме материальной стороны жизни. Что неудивительно, если вспомнить, что они все были поначалу безработные и думали только о том, как выжить в этой стране»[115].

В Южной Африке евреи из СССР не создали собственной общины (как в Израиле) и не примкнули к уже существующим (как в США). Сегодня большинство русских евреев в ЮАР – это специалисты, люди с высшим образованием, средний класс. Они приехали в эту страну, в основном, по экономическим причинам и неплохо устроились на новом месте, найдя работу по специальности. Деятелей, известных в масштабах Южной Африки, среди них мало.

Глава 8. Особенности социальной и профессиональной адаптации российских иммигрантов в Южной Африке

Деятельность наших соотечественников, проживающих в ЮАР, многообразна и, конечно, не поддается строгой классификации. В отсутствие дискриминации им открыты самые разнообразные возможности для приложения сил. Тем не менее, можно выделить наиболее типичные сферы, в которых заняты российские иммигранты в этой стране:

Деятели культуры. Артисты из Советского Союза начали приезжать в ЮАР в 1990–91 гг., еще до отмены объявленного ООН культурного бойкота этой страны. Тогда Южную Африку посетили украинский балет на льду, российские балерины, грузинский государственный ансамбль танца, московский цирк[116]. В мае 1991 г. в ЮАР по контракту с местным Национальным симфоническим оркестром прибыли четыре музыканта из Ансамбля солистов симфонического оркестра Большого театра[117]. Один из них, заслуженный артист РСФСР, кларнетист Эдуард Мясников стал самым крупным российским импресарио в ЮАР, после того как в 2000 г. Южноафриканская вещательная корпорация, в ведении которой находился Национальный симфонический оркестр, распустила этот музыкальный коллектив.

Среди творческих коллективов, южноафриканские гастроли которых организовал Эдуард Мясников, можно выделить балетную труппу Большого театра, Московский камерный оркестр, Русский национальный балет, Московский государственный классический балет и Государственный ансамбль песни и пляски «Кубанские казаки». Гастроли российских артистов спонсируют компании «Ягуар», «Тойота», «БМВ», «Бош», «Олд Мьючуал», «АБСА», «Аэрофлот», «Сазерн Сан». Весной 2006 г. Эдуард Мясников организовал первые гастроли Южноафриканского театра балета в Москве.

В середине 1990-х в Национальном симфоническом оркестре, помимо Эдуарда Мясникова, работало около десяти наших соотечественников, среди которых главный дирижер Виктор Ямпольский, концертмейстер Сергей Рябов, главный контрабасист Виктор Богданов и главный валторнист Шамиль Люфтрахманов.

Российские музыканты есть и в Филармоническом оркестре провинции Квазулу-Наталь, крупнейшем симфоническом оркестре страны. Среди них – скрипачка Елена Керимова и виолончелист Борис Керимов из Новосибирска, которые вместе с пианистом Кристофером Дайганом организовали популярное в Дурбане фортепианное трио[118]. «Всегда хотел поработать за границей, – рассказывает Б. Керимов, – поэтому, узнав о конкурсе в здешний оркестр, мы с женой отправили кассеты с требуемой программой… Почему ЮАР? В большинстве оркестров, чтобы получить работу, нужно играть конкурс лично… Это практически нереально, особенно для музыканта из провинции. В данном случае, из-за фактора расстояния конкурс проводится по кассетам, что идеально нам подходит. Впечатления от страны самые хорошие – прекрасный климат, чудесная природа, европейский уровень инфраструктур. Проблема одна – большое количество малоимущих среди черного населения, отсюда высокий уровень преступности»[119].

В конце 1990-х гг. танцовщица из Златоуста Ирина Зырянова стала солисткой балета преторийского Государственного театра[120]. Во время гастролей по ЮАР в труппе петербургского Театра балета под руководством Бориса Эйфмана она узнала, что ей присвоено звание заслуженной артистки России. Об этом событии сообщила местная пресса, и Трансваальский совет по исполнительским искусствам предложил Ирине контракт. Два раза она удостаивалась приза за лучшее исполнение женской балетной партии и получила награду из рук Нельсона Манделы. После расформирования балетной труппы Государственного театра Ирина Зырянова занялась преподаванием и хореографией, поставила в Южной Африке балеты «Жизель» и «Лебединое озеро»[121].

С 1992 г. солистом Кейптаунского городского балета служит Станислав Чалов, выпускник Ташкентского хореографического училища, бывший танцовщик Государственного Академического Большого театра оперы и балета им. А. Навои.

«Самый грандиозный преподаватель музыки в Йоханнесбурге – Лара Саркисова, выпускница Бакинской консерватории, – считает Олег Пантюхин, председатель «Ассоциации российских соотечественников» Южной Африки. – За 5 лет она тяжелым трудом добилась звания лучшего преподавателя начальной школы. Каждый год пять–семь ее учеников признаются лучшими музыкантами среди всех школ Йоханнесбурга, что вызывает ревность и зависть местных преподавателей»[122].

Инженеры, ученые, преподаватели и программисты. Среди российских эмигрантов конца 1980-х – начала 1990-х значительную долю составляли лица с высшим образованием, в том числе преподаватели и ученые. В годы «перестройки» и последовавшего за ней социально-экономического кризиса советская интеллигенция лишилась материальной поддержки государства и была вынуждена искать новые способы выживания.

Некоторым выпускникам советских вузов удалось найти работу в ЮАР, где расположены самые престижные научные центры на Африканском континенте. Там российские ученые получили возможность не только решать прикладные задачи в качестве научных консультантов, как в других странах Африки, но и проводить теоретические исследования, участвовать в конференциях и поддерживать тесные связи с коллегами по всему миру.

Профессор Юрий Николаевич Туманов, начальник отдела плазменной технологии Института водородной энергетики и плазменных технологий, летом 1992 г. был приглашен Комиссией по атомной энергии для консультаций по организации новых отраслей промышленности в атомном центре «Палиндаба».

«Уехал я туда на три месяца, пробыл около полутора лет, – рассказывает Юрий Николаевич. – Дело даже не в том, что в Палиндабе была интересная работа. Конверсия атомно-энергетического комплекса СССР по коммерческому пути породила в научных сотрудниках и, особенно, в менеджменте отталкивающий коммерческий дух, который проник даже на охраняемые территории Минатома. Погоня за рублем породила нездоровые отношения, сильный начал давить слабого, непорядочный – порядочного, создавались „фирмы и корпорации“, кустарно производили и продавали редкие металлы, изобретали „красную ртуть“. Тогда же начались первые убийства и самоубийства запутавшихся в новых условиях научных работников... В ЮАР... тоже шла конверсия атомно-энергетического комплекса, но в отличие от нашей – под строгим надзором государства»[123].

Сотрудники из бывшего СССР есть почти в каждом крупном учебном заведении Южной Африки, и многие из них планируют остаться в ЮАР надолго, если не навсегда. Когда в 1990 г. в Университете Родса появился первый российский специалист, микробиолог из Саратова Олег Викторович Шипин, это произвело сенсацию в местной прессе. А

всего через несколько лет в тамошнем университетском городке проживало уже четыре семьи ученых из России[124].

«Я уехал в сентябре 1990-го в Берлин, до этого исчезнув с работы завгруппой микробиологических ферментаций в саратовском Институте биохимии и физиологии растений и микроорганизмов Академии наук, – вспоминает Олег Шипин. – Сейчас многие из нашего института работают за границей. Уехал с волжских берегов и я, за год до этого списавшись с Университетом Родса, который мне выделил стипендию для проведения научных исследований… Я уехал отчасти по экономическим причинам…, отчасти из-за любопытства и любви к этнографии, отчасти из-за того, что мои взгляды и ментальность – в большей степени западные, нежели российские»[125].

С 1993 г. в Технологическом университете Тшване (бывшем Преторийском техниконе) преподает доктор физико-математических наук, профессор Дмитрий Кацков. До приезда в ЮАР он заведовал отделом аналитической химии в одном из ленинградских НИИ. Кацков планировал провести в ЮАР лишь год – столько требовалось для окончания исследовательского проекта в Преторийском техниконе. Но исследование затянулось, и ему пришлось задержаться в Южной Африке еще на несколько лет. Дочь Д. Кацкова вышла замуж за южноафриканца, а стипендия, выделенная на исследования, закончилась. В 1997 году ученый поступил на работу в Преторийский техникон. В интервью газете «Билд» Дмитрий Кацков сообщил, что, хотя уровень образования в ЮАР ниже, чем в России, его устраивают созданные в техниконе условия для научной работы[126].

Один из самых известных российских ученых, работающих в ЮАР, – доктор математических наук Наил Ибрагимов. Его имя вошло в список 2000 крупнейших ученых XX века, составленный специалистами кембриджского Международного биографического центра. Он – автор семи монографий и около сотни научных статей, лауреат Государственной премии СССР[127]. До отъезда в ЮАР Н. Ибрагимов возглавлял исследовательскую группу в Институте математического моделирования РАН, преподавал в МГУ и МФТИ. В ЮАР Ибрагимов впервые приехал в 1992 году. Читал лекции на математическом факультете Натальского университета, работал в Витватерсрадском университете, а с 1998 г. – в Университете Северо-Западной провинции. Н. Ибрагимов возглавляет основанный им Международный институт симметричного анализа и математического моделирования, первый в мире научный центр такого рода[128]. Институт, организованный Наилом Ибрагимовым в 1998 г. и расположенный в южноафриканском городе Ммабато, привлекает в Южную Африку лучших математиков мира.

Впрочем, наши преподаватели работают не только в высших, но и в средних учебных заведениях ЮАР. Например, йоханнесбургский учитель Анатолий Елисеев, приехавший в Южную Африку из Москвы в

1991 г.: «Я кандидат экономических наук. Здесь подтвердил свою ученую степень. Сейчас у меня южноафриканское гражданство. Работаю в государственной школе в Йоханнесбурге, преподаю аудит и бухгалтерский учет, читаю лекции по математике… Плюс даю частные уроки по математике и географии (географ – мое первое образование, я окончил МГУ)… До сих пор ни минуты не жалею, что остался здесь»[129]. Его сын, Алексей Елисеев, работает старшим репортером в старейшей йоханнесбургской газете «Стар».

Ведущие южноафриканские музеи тоже охотно приглашают российских специалистов. В питермарицбургском Натальском музее, одном из лучших в стране, отдел артроподологии возглавляет кандидат биологических наук Михаил Борисович Мостовский. «В Москве я работал в Палеонтологическом институте, занимался ископаемыми двукрылыми (проще говоря, мухами), а, кроме того, являюсь специалистом и по одной из групп современных двукрылых, – вспоминает Мостовский. – В 2001 г. провел почти год на стажировке в Кембридже… По возвращении понял, что жить на институтскую зарплату, а тем паче кормить семью, весьма и весьма затруднительно… Рассылал заявления в разные места, но практически везде получал отлуп… Одним из мест, куда подавал документы, и был Натальский музей. Вакансия была очень соблазнительной: как раз требовался диптеролог…, да и места просто райские. Тогда я понятия не имел о природе и прочих прелестях, а судил просто по состоянию изученности фауны – поле непаханое»[130].

Ученый сотрудничает с Университетом Квазулу-Наталь, организует в ЮАР симпозиумы с участием российских специалистов, а также является научным редактором журнала «Эфрикен Инвертебрейтс» Натальского музея и Палеонтологического журнала РАН. «Страна мне нравится во всех отношениях, – говорит Михаил Борисович, – и я не вижу для себя препон, почему бы не остаться здесь надолго. Климат, интересная работа, зарплата, которая позволяет не думать о приработках – в общем, все вполне устраивает».

Научную деятельность и бизнес совмещает Василий Евгеньевич Калязин, полярный исследователь, участник полярных экспедиций. В 1993 г. он был направлен в ЮАР, чтобы организовать в Кейптауне центр по обслуживанию российских антарктических экспедиций. В настоящее время Калязин управляет частной компанией «Международный антарктический центр логистики», которая обслуживает экспедиции, занимается доставкой грузов и людей в Антарктиду, поиском и арендой необходимого полярникам оборудования. Это совместное российско-южноафриканское предприятие создано в 2001 году. С российской стороны учредителем выступает петербургский НИИ Арктики и Антарктики.

Вплоть до конца 1980-х единственными советскими учеными, официально посетившими Южную Африку, оставались Н.М. Федоровский и Д.И. Мушкетов, делегаты Международного геологического конгресса

1929 г. Но в 1989 г. в ЮАР побывали видные российские африканисты, профессора Аполлон Борисович Давидсон, заведующим сектором Африки Института всеобщей истории РАН, и Ирина Ивановна Филатова, заведующая кафедрой африканистики ИСАА при МГУ. Они приехали по согласованию с АНК, чтобы принять участие в Конференции за демократическое будущее для Южной Африки[131].

В последующие годы они оба жили и работали в этой стране. А.Б. Давидсон с 1991 г. читал лекции в Университете Родса, а затем – в Кейптаунском университете и в других крупнейших вузах страны. Аполлон Борисович был удостоен престижной исследовательской стипендии имени Хью Ле Мея, которую Университет Родса присуждает крупным ученым мира. И.И. Филатова, коллега и соавтор А.Б. Давидсона, с 1992 г. заведовала кафедрой истории в Университете Дурбан-Вествилл, вплоть до упразднения этого вуза. Ирина Ивановна Филатова живет и работает в ЮАР до сих пор.

В июле 1994 г. в Кейптаунском университете, старейшем в Южной Африке, открылся Центр российских исследований, призванный «стать одним из мостов между Россией и ЮАР, способствовать взаимопониманию между этими странами»[132]. Его возглавил А.Б. Давидсон.

Под эгидой Центра российских исследований проводились международные конференции и симпозиумы с участием известных российских, южноафриканских, американских ученых. Сотрудники кейптаунского центра занимались изучением исторических традиций и перспектив взаимоотношений России со странами юга Африки в сотрудничестве с Центром африканских исследований Института всеобщей истории РАН, выпускали статьи на русском, английском и африкаанс.

Главным результатом этой работы стали монография А.Б. Давидсона и И.И. Филатовой «Россияне и англо-бурская война», опубликованная крупным южноафриканским издательством «Хьюман энд Руссо», двухтомный сборник документов «Россия и Африка: Документы и материалы. XVIII в. – 1960 г.», при подготовке которого использовались материалы южноафриканских архивов, и сборник статей на английском языке «Россия в современном мире».

Важным направлением деятельности центра стало преподавание русского языка, чтение лекций по российской истории и культуре. Курс русского языка читался в Кейптауне на университетском уровне впервые[133]. При Центре была создана библиотека русской литературы и книг о России, насчитывавшая тысячи томов и ставшая одной из лучших на Африканском континенте[134]. Планировалось также приглашать российских специалистов для проведения краткосрочных курсов для разных факультетов Кейптаунского университета.

Для распространения знаний о нашей стране А.Б. Давидсон и его коллеги организовали в ноябре 1996 г. общественный «Русский клуб» и проводили в Центре российских исследований тематические встречи,

посвященные вехам в истории отношений между Россией и Южной Африкой, памятным датам отечественной истории и культуры. Эти мероприятия посещали южноафриканцы, интересующиеся Россией, а также наши соотечественники, жившие в Кейптауне и его окрестностях.

В 1998 г. Центр российских исследований был вынужден прекратить работу из-за недостатка финансирования.

Во второй половине восьмидесятых годов в Южной Африке было две кафедры русистики: в Витватерсрандском университете в Йоханнесбурге и в Университете Южной Африки в Претории. На этих кафедрах преподавали не только русский язык, но и русскую историю и литературу.

В 1987 г. заведующей русской кафедрой Витватерсрандского университета стала Генриетта Мондри. Она родилась в Риге, окончила филологический факультет Латвийского государственного университета, преподавала русский язык и литературу. В 1979 г. вместе с мужем, инженером-компьютерщиком, и семилетним сыном Генриетта Мондри эмигрировала в Израиль. Там семья запросила вид на жительство в Южной Африке, где в то время жили родители и брат Генриетты. Визу удалось получить лишь через год.

«Главная причина моего отъезда из Советского Союза заключалась в том, что я преподавала русскую филологию, и меня раздражала необходимость работать в марксистской среде, – рассказывала Г. Мондри в интервью газете «Стар». – А еще я хотела, чтобы мой сын получил хорошее западное образование и воспитание. В жизни каждой советской семьи присутствует элемент самоцензуры: о чем можно говорить и думать, а о чем – нет. Это может быть довольно травматично, и я хотела сделать так, чтобы мои дети были свободными»[135].

С 1981 года Г. Мондри работала на кафедре русистики Витватерсрандского университета. «Я скучаю по Латвии, по природе, знакомым местам, по выразительному русскому языку, каким он бывает, когда это – твой родной язык, – говорила она в одном из интервью. – По русским людям я совершенно не скучаю»[136]. Она также считала, что «в России такой расизм, что Южной Африке до него далеко. Многие черные в Южной Африке живут лучше, чем белые в России»[137].

В 1984 г. на своей кафедре Генриетта Мондри защитила первую в ЮАР докторскую диссертацию по русистике[138] («Оценка новых тенденций в изучении творчества Достоевского советским литературоведением 1970–80-х годов»[139]). Чтобы достать в Южной Африке печатную машинку с кириллическим шрифтом пришлось немало потрудиться[140]. В 1989–1991 гг. Южноафриканский совет по гуманитарным исследованиям дважды предоставлял Г. Мондри стипендию для проведения исследований по русской филологии[141]. Она стала официальным русским переводчиком Верховного суда ЮАР и была избрана председателем Южноафриканского общества центрально- и восточноевропейских исследований, в создании которого она принимала деятельное участие.

Генриетта Мондри читала лекции по таким разнообразным темам, как история русской литературы XIX в., русские философы-экзистенциалисты, советские барды, русская литература эпохи барокко, русский язык, русский сентиментализм, российская и советская культура и цивилизация, перевод с русского на английский. К началу 1990-х гг. она опубликовала три монографии и множество статей в Южной Африке и в других странах. Г. Мондри организовала в Йоханнесбурге симпозиумы по российской и славянской культуре, в которых участвовали такие ученые, как авторитетный британский лингвист Кристофер Инглиш.

В 1990-е Г. Мондри принимала участие в российских научных конференциях и симпозиумах[142]. Она консультировала компанию «Де Бирс» и летом 1991 г. сопровождала делегацию «Англо-Американ» в поездке по Советскому Союзу[143].

В конце 1980-х на русской кафедре Витватерсрандского университета обучалось около тридцати студентов. По словам Г. Мондри, практически все студенты были южноафриканцами, а среди детей русских эмигрантов интереса к обучению на кафедре не было[144]. В 1990-е гг. на этой кафедре работали четыре преподавателя. Из них носителем русского была только Генриетта Мондри. «[Русский] язык изучают по преимуществу люди, готовящие себя к карьере переводчиков, – сообщила она в интервью журналу «Азия и Африка сегодня», – немало слушателей с отделений точных наук – русский нужен им для чтения технической литературы. Идут к нам люди – в том числе и не очень молодые, – интересующиеся русской литературой»[145]. Среди выпускников кафедры русистики можно выделить Лукаса Фентера, который в течение двух лет жил в Москве и работал диктором-переводчиком в Африканской службе Московского радио, выпускавшей ежедневную часовую программу на африкаанс[146].

В 1994 г. русская кафедра в Витватерсрандском университете была закрыта. Из-за нехватки средств ее объединили с кафедрами португальского, греческого и иврита. Генриетте Мондри было предложено продолжить работу, но она решила покинуть Южную Африку. С 1995 года она работает на кафедре французского и русского языков в новозеландском Университете Кентербери[147]. Курс русского языка теперь преподается по заявкам в Языковой школе при факультете гуманитарных наук Витватерсрандского университета.

В Африке к югу от Сахары Университет Южной Африки остается единственным вузом, регулярно предлагающим полную программу пред- и постдипломного обучения русскому языку, литературе и цивилизации. Там же, в Претории, находится и самое крупное в ЮАР собрание книг на русском языке, насчитывающее более 10000 единиц хранения. Старейшая в стране кафедра русистики, основанная в этом университете в начале 1960-х, была в ноябре 2001 г. объединена с кафедрой немецкого языка. Из-за финансовых и административных проблем «уплот-

нение» продолжилось. В июне 2002 г. была образована кафедра современных европейских языков, впоследствии – кафедра классических и европейских языков, где теперь работают преподаватели-русисты. Их трое: руководитель русской секции профессор (Associate Professor) Агата Кшихилькевич, филолог Гражина Матушевска и профессор (Associate Professor), кандидат педагогических наук Ирина Владимировна Гармашова-Дю Плесси.

Выпускница МГУ им. Ломоносова, Ирина Владимировна до приезда в ЮАР защитила диссертацию в Государственном институте русского языка имени А.С. Пушкина, преподавала русский язык в московских вузах и на курсах для иностранцев. В Университете Южной Африки Ирина Владимировна работает с 1993 г., ведет курс русского языка начального и среднего этапов обучения, продвинутый курс русского для делового общения, работает с аспирантами, разрабатывает учебные программы и пособия для обучения русскому языку и литературе.

Основным дополнением к этим пособиям служат магнитофонные пленки и компакт-диски, помогающие учащимся развить навыки устной речи. «Время от времени, по мере необходимости, я привлекаю русских, живущих в ЮАР, для записи пленок и дисков, которые входят в „пакет“ учебных материалов для наших студентов, – рассказывает Ирина Владимировна. – Но у нас нет финансовых возможностей и вакансий для привлечения других преподавателей к работе кафедры. К тому же, пока среди российской диаспоры нет не только ни одного специалиста по преподаванию русского языка как иностранного, но и просто филолога-русиста»[148].

Ирина Владимировна активно занимается исследованиями в области методики преподавания иностранных языков, социальной и прикладной лингвистики, этнопсихолингвистики, межкультурной коммуникации и культурологии, регулярно участвует в международных научных конгрессах и конференциях, проводит семинары и лекции. Список ее научных работ насчитывает около 40 публикаций на русском и английском языках, более половины которых опубликованы за время работы в Южной Африке.

Одной из своих задач в ЮАР Ирина Владимировна считает пропаганду русского языка и культуры. Работая в Университете Южной Африки, она организует русские вечера, встречи студентов и сотрудников университета с нашими соотечественниками в ЮАР, выставки и концерты, связанные с Россией. И.В. Гармашова и ее коллеги реализуют уникальный научный проект «Образы России и ЮАР». Изучение стереотипов взаимного восприятия жителей наших стран имеет не только теоретическое значение. По приглашению деловых кругов Ирина Владимировна выступает с лекциями по проблемам межкультурной коммуникации для сотрудников Министерства иностранных дел Южной Африки, проводит семинары по адаптации южноафриканских специалистов в

России и практические занятия по русскому языку для работников компаний ЮАР.

Ирина Владимировна – президент и один из учредителей Ассоциации Юга Африки по русскому языку и культуре, которая «способствует обмену информацией по вопросам функционирования и преподавания русского языка, литературы и культуры» и призвана способствовать проведению исследований по русскому языку и культуре в Южноафриканском регионе[149].

В 1997 г. издательство Университета Южной Африки опубликовало на английском языке справочник Ирины Владимировны «Россия: путешествуйте и общайтесь без проблем»[150], который удостоился положительных отзывов прессы[151] и выдержал уже два издания. А в 2001 г. И.В. Гармашова выпустила аналогичный справочник для российских туристов и бизнесменов «Южная Африка: путешествуйте и знакомьтесь без проблем».

Кто изучает русский язык в Университете Южной Африки? Согласно данным исследования, которое И.В. Гармашова провела во второй половине 1990-х гг., для большинства студентов изучение русского – это либо хобби, либо необходимость, связанная с профессиональными интересами. Однако учащиеся хотят не просто овладеть языком, но и узнать о русских традициях и обычаях, о российской культуре и ментальности. Филологическое образование интересует их в гораздо меньшей степени, и русская секция учитывает эти пожелания при разработке учебных программ[152]. По словам Ирины Владимировны, среди ее студентов «иногда встречаются дети выходцев из России, но, к великому моему сожалению, с каждым годом их число резко сокращается»[153].

Таким образом, на сегодняшний день в ЮАР больше не существует ни одной самостоятельной университетской кафедры русского языка, а Ирина Владимировна Гармашова остается единственным в этой стране университетским преподавателем русского, для которой этот язык является родным. «Ситуация с изучением русского языка в ЮАР складывается неблагоприятно и заметно ухудшилась в последние годы, – отмечается в докладе МИД РФ «Русский язык в мире». – Ни в государственных, ни в частных школах ЮАР русский язык не преподается. Количество граждан, изучающих русский язык вне школьного и вне вузовского секторов, исчисляется единицами, и уровень их знаний крайне низок»[154].

Тем не менее, наблюдаются положительные изменения в отношении к русскому языку со стороны студентов, общественности, а также правительственных и образовательных учреждений ЮАР. За последние годы число учащихся, зарегистрированных по секции русского языка Университета Южной Африки, возросло до нескольких десятков. Расширяющиеся деловые и культурные контакты между Россией и ЮАР способствуют тому, что преподаватели секции русского языка регулярно участвуют в переводах для научных и деловых кругов Южной Африки, сотрудничают с Южноафриканским институтом перево-

дчиков и с кафедрой перевода Северо-Западного Университета, где проходят аккредитацию кандидаты на звание переводчиков с русского языка, консультируют интересующихся русской культурой и даже дают интервью южноафриканским телекомпаниям. Тем не менее, по свидетельству Ирины Владимировны, желающих получить степень филолога-русиста крайне мало.

Предприниматели. Нашим соотечественникам в ЮАР принадлежат, в основном, малые предприятия, работающие в самых разных сферах – от туризма до производства мебели и импорта российских товаров.

Елена Кулик, супруга советского журналиста-международника Сергея Кулика, в 1995 г. основала в Йоханнесбурге туристическое агентство «Голден Рут Африка» и сотрудничает с российскими туроператорами. Она предлагает поездки и экскурсии по ЮАР, а также программы обучения российских студентов в южноафриканских университетах. «…Больше всего я люблю ЮАР за налоговый климат, – говорит Елена Кулик. – Здесь созданы все условия для того, чтобы люди богатели и развивали свой бизнес. Например, малые предприятия совсем не платят налог на прибыль. Бизнесмены заявляют в налоговой декларации, что вкладывают полученную прибыль в развитие своего дела. В этом случае законодательство освобождает их от налога»[155]. В 1999 г. «Голден Рут Африка» ежегодно принимала 300–400 туристов из СНГ, Прибалтики, США, Израиля и других стран[156].

В пригороде Питермарицбурга москвич Евгений Евреинов владеет небольшим мебельным предприятием и выпускает мебель из зимбабвийского тика с отделкой из шкур африканских животных. Он основал эту компанию в 1996 г., использовав опыт, приобретенный на собственной мебельной фабрике в Сибири[157]. «Я занимаюсь любимым делом, – говорит Евгений. – Всю мебель делаю вручную… Нанял четырех работников. Двое из них русские – они помогают мне при изготовлении мебели, двое черных – на подсобных работах».

Петербуржцы Алексей и Татьяна Усатые в 2003 г. открыли в Кейптауне салон белой магии. Они называют себя русскими «сангомами», то есть народными целителями. Подобно своим коллегам на родине, Алексей и Татьяна снимают порчу, сглаз и предсказывают будущее. В небольшой квартире, где они принимают клиентов, большой запас черных свечей, шерсти собак и кошек и волос продажных женщин, целый мешок кладбищенской земли и сертификат Международной ассоциации белой и черной магии. «У нас индивидуальный подход к каждому обратившемуся», – говорят Алексей и Татьяна[158].

С Южной Африкой связана компания «Быстров», впервые выпустившая на российский рынок каши быстрого приготовления. В конце 1980-х гг. выпускник МХТИ им. Менделеева Сергей Выходцев через Зимбабве приехал в ЮАР. Окончил двухгодичный курс по экономике и финансам в Кейптаунском университете и вместе с партнером А. Ко-

раевым наладил в Южной Африке производство принципиально нового для российского рынка продукта – растворимого напитка «Инвайт». К 1995 г. компания Выходцева и Кораева стала крупнейшим восточноевропейским импортером продукции из ЮАР[159].

Августовский кризис 1998 г. подорвал позиции этой компании, и партнерам пришлось начинать все заново. Было основано акционерное общество «Быстров», которое занялось производством каш быстрого приготовления по технологиям, которые использовались при разработке питания для космонавтов. «Акционеры компании – это бывшие русские люди, эмигранты всех четырех волн, от ленинской до горбачевской, – рассказывает Сергей Выходцев. – Все эти четыре эмигрантских пласта в ЮАР я умудрился зацепить, когда искал деньги на „Быстрова“, и – не скрою – во многом благодаря тому, что у них остались теплые чувства в отношении страны»[160]. Таким образом, наши соотечественники в ЮАР владеют долей в компании, которой принадлежит один из самых знаменитых пищевых брэндов в России.

Возможно, самым крупным и преуспевающим бизнесменом российского происхождения в ЮАР является Марк Семенович Волошин. В начале 1970-х он эмигрировал из Советского Союза в Германию, окончил Медицинскую школу в Ганновере, работал в немецких зубных клиниках. К началу 1980-х перебрался в Лос-Анджелес, где основал зубоврачебную клинику и стал президентом «Марвол Груп». В 1985 г. Волошин приехал в Южную Африку[161]. В настоящее время Марк Волошин является председателем правления «Марвол Груп», имеющей отделения в Германии, ЮАР, России и других странах.

М.С. Волошин владел большим пакетом акций гостиничной сети «Карос Хотелс», которой принадлежали первоклассные отели и виллы в ЮАР, Мозамбике и Намибии[162]. А в декабре 1991 г. Волошин зарегистрировал в ЮАР первое совместное предприятие с участием российского капитала – «Москоу Дженерал Индастриз»[163]. Оно занималось производством солнечных батарей для южноафриканской корпорации «Эском» на фабрике близ Претории.

В первой половине 1992 г. в России было создано АОЗТ «Марвол Груп–Раша», в котором участвовали фирмы, принадлежавшие «Марвол Груп», и российские государственные организации, партнеры «по реализации крупных проектов на пространствах от Москвы до Урала»[164]. Совместные предприятия, состоявшие в «Марвол Груп–Раша», работали в таких сферах, как авиационная промышленность, использование солнечной энергии, создание экологически чистых производств, производство и экспорт стекла, юриспруденция, туристический бизнес и редакционно-издательская деятельность. Компания Волошина выпустила первый справочник «Желтые страницы Москвы»[165]. Деятельность «Марвол Груп–Раша» в первой половине 1990-х была разноплановой и способствовала развитию деловых отношений между Россией и ЮАР.

М.С. Волошин финансировал ежемесячную «газету деловых людей России и ЮАР» «Нью Бридж», которая выходила в 1992–1994 гг. на русском и английском языках. Это издание распространялось не только в России, но и в Южной Африке. Его главный редактор, журналист «Известий» Леонид Иосифович Шинкарев привлекал к работе над выпусками видных экономистов, политиков, репортеров, ученых. Волошин также спонсировал Центр российских исследований в Кейптаунском университете и множество культурных мероприятий – балетные постановки, концерты, спектакли и помогал устраивать гастроли российских артистов в Южной Африке.

В середине 1990-х М.С. Волошин собирался построить в Южной Африке русский культурный центр. Комплекс зданий должен был включать церковь, театр на 300 мест, картинную галерею, лекционный зал, помещения для офисов, студии, классы и русский ресторан[166]. Этот проект так и не был реализован, но в апреле 1993 г. в Фервурдбурге (теперь Сенчурион) Волошин организовал первую в Южной Африке постоянную Русскую художественную галерею, для которой приобрел несколько сотен произведений современных российских художников. Галерея предназначалась для южноафриканцев, но на проходившие там мероприятия приглашались и представители российской диаспоры ЮАР.

В настоящее время «Музей Марвол», как он теперь называется, расположен близ Кейптауна, на старинной винодельческой ферме «Хазендал», которую М.С. Волошин приобрел в 1994 г.[167]. Помимо галереи здесь есть библиотека русской литературы, видеотека, а также русский ресторан. В музее проводятся лекции и образовательные программы. Вино, которое производится на ферме, было удостоено наград на международных конкурсах и экспортируется в Россию.

Пресса связывает имя Волошина со скандалом, касающимся поставок российской военной техники южноафриканской корпорации «Армскор» в обход международного эмбарго на военное сотрудничество с ЮАР[168]. Факт такой сделки и «грубых нарушений порядка и правил экспортного контроля» при ее совершении был подтвержден заместителем генерального директора ФГУП «Промэкспорт» на пресс-конференции 15 сентября 2000 г.[169]. Тем не менее, во второй половине 1990-х в совет директоров одной из компаний Волошина вошел бывший министр обороны ЮАР Джо Модисе[170]. Также М.С. Волошин активно участвовал в разработке проекта модернизации южноафриканских истребителей, который планировали осуществить «Армскор» и «Рособоронэкспорт»[171].

В 2003 г. Марк Семенович заявил, что покидает Южную Африку и будет впредь вести дела из Москвы. По сообщению влиятельной африканерской газеты «Ди Бюргер», Волошин планировал сохранить за собой в ЮАР ферму «Хазендал» и предприятия по производству стекла и солнечных батарей[172].

Спортсмены. Среди наших соотечественников в ЮАР есть выдающиеся спортсмены. В 2005 г. лучшим тренером сборной Южной Африки по плаванию признан Игорь Омельченко, олимпийский чемпион из бывшего Советского Союза.

Президентом Федерации фехтования ЮАР является заслуженный тренер СССР, кандидат педагогических наук Геннадий Давидович Тышлер, который с 1993 г. живет в Йоханнесбурге.

«В 1992 г. я закончил свою работу как тренер сборной команды СССР, так как такой команды после Олимпийских игр в Барселоне не стало, – рассказывает Геннадий Давидович. – Команда, тренером которой я являлся в течение 11 лет, привезла из Барселоны золотую медаль. Мои лучшие ученики стали выступать за другие государства – Украину, Азербайджан, Латвию. Несмотря на то, что я являлся старшим тренером РСФСР, я не получил никаких предложений от новой федерации фехтования России… В этой ситуации я принял предложение федерации фехтования Трансвааля приехать по контракту на 3–6 месяцев. И после 3 месяцев открыл в ЮАР свою частную школу фехтования»[173].

Руководят этой школой, крупнейшим центром фехтования в Южной Африке, Г.Д. Тышлер и его ученик Дарио Торренте. При Школе Тышлера работает единственный в стране магазин для фехтовальщиков. Несколько учеников Геннадия Давидовича стали чемпионами ЮАР. Г.Д. Тышлер несколько раз назначался тренером национальной сборной Южной Африки по фехтованию, в том числе на Олимпийских играх в Афинах в 2004 году. Его жена Наталия Тышлер, мастер спорта СССР по художественной гимнастике, в 2002 г. стала чемпионкой Африки по фехтованию и представляла ЮАР на Олимпийских играх 2004 года. Геннадий Давидович использует систему спортивного совершенствования, созданную его отцом, заслуженным мастером спорта, заслуженным тренером СССР, доктором педагогических наук, профессором Давидом Абрамовичем Тышлером[174].

Еще до возникновения русского православного прихода в Мидранде и организации Ассоциации российских соотечественников в помещении Школы Тышлера собирались выходцы из бывшего СССР. На встречу Нового года приходило более сотни человек. Там же состоялось учредительное собрание русского клуба, на котором присутствовало около 50 человек. «Я сказал, что дам помещение: у меня при зале много помещений. Но первые собрания организаторов начали превращаться в партсобрания, и все развалилось… Отличие ЮАР от других стран – что ты с первого дня не чувствуешь себя здесь иммигрантом. Поэтому люди не держатся за своих»[175].

С середины 1990-х гг. россияне ежегодно одерживают победы в южноафриканских супермарафонах, которые в этой стране являются национальным видом спорта[176]. Некоторые из этих спортсменов остаются жить в ЮАР. Один из них – уроженец Подмосковья Дмитрий Гришин,

чье имя в Южной Африке стало легендарным. В 1996 г. он занял первое место на престижном супермарафоне «Комредз», преодолев дистанцию в 87 км, а в 1998 г. вновь одержал победу с рекордным результатом, что не удавалось ни одному атлету в течение десятилетия. Несколько лет назад спортсмен получил вид на жительство в ЮАР. Он проживает в Претории и выступает за южноафриканский клуб, но к соревнованиям готовится по-прежнему в России.

В 2000 г. рекорд Гришина побил Владимир Котов, выпускник Витебского государственного университета, живущий в Кейптауне. В 2002 г. Владимир снова пришел к финишу первым на супермарафоне «Комредз». В третий раз Котов победил в июне 2004 г., когда ему исполнилось уже 46 лет. До переезда в Южную Африку Владимир десять лет работал в Польше и выступал за местный атлетический клуб. После того, как Котов одержал победу на «Комредз», компания-спонсор этого супермарафона предложила ему многолетний контракт, и Владимир с семьей поселился в ЮАР. Котовы собираются получить южноафриканское гражданство[177].

Более шести лет проработал в Южной Африке футбольный тренер Виктор Иванович Бондаренко. Во второй половине 1990-х он был главным тренером известных в ЮАР клубов «Орландо Пайрэтс», «Морока Суоллоуз», «Буш Бакс» и «Мамелоди Сандаунз». Под руководством Бондаренко команда «Орландо Пайрэтс» завоевала Суперкубок Африки, а Виктор Иванович был удостоен в ЮАР звания «Тренер года». По его рекомендации в российских футбольных командах впервые появились южноафриканские игроки. В 2004 г. В.И. Бондаренко был назначен тренером московского «Динамо».

Успехов в спорте добиваются и дети российских иммигрантов в Южной Африке. Например, девятилетняя Сандра Шолох недавно стала чемпионкой ЮАР по фигурному катанию среди юниоров.

Студенты. Первые студенты из СССР впервые приехали в Южную Африку в октябре 1990 года. Группа студентов, изучавших язык африкаанс в Институте стран Азии и Африки при МГУ, и их преподаватель Андрей Константинович Игнатенко находились с визитом в Намибии, когда им поступило предложение от кейптаунских книжных издательств провести две недели в ЮАР. Эта поездка освещалась южноафриканским телевидением и вызвала множество публикаций в местной прессе.

Двое студентов Игнатенко, Альберт Питерский и Дмитрий Балакин, в 1991 г. вернулись в ЮАР и поступили в Витватерсрандский университет на кафедру африкаанс. Оба они нашли работу в этой стране[178]. Третий участник группы, Дмитрий Грешнев, в 1991–1992 гг. работал корреспондентом кейптаунской африканерской газеты «Ди Бюргер», писал очерки на тему «ЮАР глазами россиянина»[179], учился в школе бизнеса Стелленбошского университета и работал в местной фирме.

Возможно, первый российский студент, обучавшийся в ЮАР, – это Иван Згерский, сын обозревателя журнала «Новое время». В 1991 г. он поступил на исторический факультет Кейптаунского университета.

«Мой сын закончил школу в 15 лет, дважды пытался поступить в Институт стран Азии и Африки, – писал его отец, Дмитрий Згерский. – Бдительная „спецчасть“ института отказывала ему в этом праве: двоюродная сестра сына была замужем за иностранцем. Иван пошел работать в типографию, служил в армии, но африканские мечты не оставляли его. Наконец, обстановка в стране и в институте изменилась, можно было вновь подавать документы. Но сын не мог забыть обиды. Он замахнулся на невозможное: решил учиться в Южной Африке. Наша семья дала ему возможность полтора года, нигде не работая, готовиться к поступлению в Кейптаунский университет. Через друзей мы собрали деньги на авиабилет»[180].

Чтобы заработать на жизнь и на учебу, Иван в Южной Африке трудился на винодельческой ферме, проводил экскурсии по винным погребам, писал статьи в местные газеты. По окончании университета он стал профессиональным гидом по ЮАР, написал путеводитель по этой стране для туристов из России. «В целом очень рад, что уехал, – говорит Иван Згерский. – В России я жить не мог и тогда, не смог бы и сейчас»[181].

Первым россиянином, получившим южноафриканский диплом о высшем образовании в области бизнеса, стал Дмитрий Макаров, сын временного поверенного в делах РФ в ЮАР Алексея Андреевича Макарова[182]. По окончании Института стран Азии и Африки при МГУ Дмитрий работал военным переводчиком в Йемене, затем стал сотрудником Института Африки РАН. Чтобы оплачивать обучение в школе бизнеса Витватерсрандского университета в Йоханнесбурге, он устроился на работу в крупную страховую компанию и дослужился до менеджерской должности. Впоследствии Дмитрий Макаров вернулся в Россию.

Сегодня российские граждане обучаются во многих престижных университетах Южной Африки. Как правило, они хорошо учатся, и местные компании охотно предлагают им работу. Российские выпускники южноафриканских университетов востребованы местным рынком труда. Благодаря трудолюбию, способностям и полученным знаниям, они быстро продвигаются по службе[183]. Поэтому учеба в местном университете может позволить нашим соотечественникам остаться в ЮАР на постоянное жительство, обеспечив им достойную работу и положение в обществе.

Глава 9. «Русские жены»

В последние годы в ЮАР становится все больше так называемых «русских жен». В отличие от остальных стран Африки южнее Сахары,

в ЮАР мужьями российских женщин становятся, как правило, не черные, а белые – африканеры или англоязычные южноафриканцы. В этой стране россиянки очень редко вступают в браки с представителями других рас. Главные причины – многочисленность белого населения ЮАР, по сравнению с другими африканскими государствами, сравнительно высокий уровень благосостояния местных белых и усиление расистских настроений в нашей стране. Хотя в 1963–1991 гг. в советских военно-учебных заведениях, гражданских вузах и техникумах обучалось около 2000 (преимущественно черных) южноафриканцев[184], они не могли, в отличие от других африканских студентов, вернуться на родину по окончании учебы и были связаны обязательствами перед освободительным движением. Поэтому им было гораздо труднее обзаводиться семьей.

Как правило, российские женщины знакомятся со своими избранниками-южноафриканцами через брачные агентства или сайты. До недавнего времени одним из самых крупных агентств такого рода было «Елена’с Моделс», созданное в конце 1990-х Еленой Петровой из Екатеринбурга и ее мужем-южноафриканцем. Елена сотрудничает с брачными конторами на территории СНГ и Восточной Европы. Она давала интервью американским, британским, российским, южноафриканским СМИ и даже написала книгу о том, как найти мужа за границей. Несколько лет назад супруги эмигрировали из ЮАР в Австралию и успешно продолжают свой бизнес на новом месте.

«Хотя мужчины всегда обращали на меня внимание, я не могла найти Мужчину своей мечты у себя на родине, – рассказывает Елена. – В 29 лет я обнаружила, что мои требования к идеальному мужчине постоянно повышались…, а мои шансы найти такого мужчину сокращались в геометрической прогрессии. Я не могла встретить мужчину, за которого хотела бы выйти замуж, а даже если иногда мне попадался подходящий мужчина, он неизменно был уже женат. Поэтому в 29 лет я была еще не замужем, что для русской женщины более чем необычно»[185]. Летом 1997 г. она начала искать мужа за границей и познакомилась с южноафриканцем Джоном, менеджером в крупной компании. «У нас уже двое замечательных детей, и, честно говоря, я никогда в жизни не была так счастлива».

«Много воды утекло с тех пор, когда пропагандисты времен „холодной войны“ внушали нам, что все русские женщины похожи на мускулистых, волосатых тяжелоатлетов или на трактористов, – пишет обозреватель кейптаунской газеты «Ди Бюргер». – Теперь у южноафриканцев Россия ассоциируется не только с АК-47, „Доктором Живаго“, Распутиным и водкой, но и с русскими красавицами. Глядя на объявления на сайтах, вроде „Русские невесты на заказ“, южноафриканец может подумать: „Черт возьми, зачем тратить время в ночных клубах, ухаживая за капризными, высокомерными кейптаунскими девушками?!“»[186].

Южноафриканцы считают россиянок привлекательными и заботливыми. Мужчинам из ЮАР нравится, что русские женщины любят готовить, что у них, как правило, хорошее образование и что их не смущает возраст жениха. «Поскольку я работаю переводчиком, то в больших количествах перевожу письма от местных бурских фермеров, которые хотят жениться на русских, – рассказывает Татьяна Калязина из Кейптауна. – У них почему-то существует иллюзия, что русские жены очень неприхотливые и работящие. Хотя к той категории барышень, которые приезжают через брачные агентства или по знакомству через Интернет, это вряд ли относится»[187].

Собирательный портрет жениха из ЮАР, ищущего русскую невесту, приведен в фельетоне, опубликованном на сайте «Anastrophe»: «Я уже четыре раза разводился, и эти южноафриканки с их дурацкими претензиями меня просто достали. Последнюю свою жену я выгнал из дома, когда обнаружил, что она втайне от меня поступила в университет на заочное. Как будто женщинам нужны дипломы!» Его бывшая жена стала профессором прикладной математики в Кейптаунском университете. «Она считает себя такой умной, но вот вести дела на ферме умею только я… И вот я решил, что мне нужна женщина, которая знает свое место в жизни; ее амбиции начинаются с меня и мною же заканчиваются»[188].

Такие браки, заключаемые в подавляющем большинстве с белыми южноафриканцами, далеко не всегда бывают счастливыми. Нередко женщина из России, приехав к мужу в ЮАР, оказывается предоставленной исключительно самой себе и переживает из-за своего одиночества. Если у нее нет машины, то в южноафриканских условиях она практически не может никуда добраться самостоятельно. Если права и автомобиль все же имеются, то некоторые наши соотечественницы боятся садиться за руль, поскольку в ЮАР очень часто происходят аварии и нападения на водителей. Бывает, что женщина не может даже вволю поговорить с подругами по телефону из-за высоких тарифов на переговоры.

Работу россиянкам в ЮАР найти непросто, поскольку, во-первых, в стране действует политика предпочтительного найма представителей других расовых групп, а, во-вторых, существуют трудности с признанием российских дипломов. Этому также способствует недостаточное знание местного языка и самой страны. «Полноценность и объективность информации, получаемой русской женщиной о предстоящей жизни в Африке, равно как и о культуре ее будущего африканского мужа, весьма условны», – отмечает Н.Л. Крылова в своей монографии «Русские женщины в Африке. Проблемы адаптации». Она считает, что российская женщина в Африке часто испытывает чувство «этнокультурного одиночества», ведь ей приходится в одиночку приспосабливаться к новой для себя среде[189]. Ведение домашнего хозяйства для многих из них остается почти единственным способом самореализа-

ции, но недостаток общения и невозможность удовлетворения привычных интересов могут привести к стрессам и даже к депрессии[190].

Некоторые русские женщины разочаровываются в своих южноафриканских мужьях и в новой стране. Особенно часто это происходит в браке с африканерами в небольших городках или деревнях. Женщины из России, всерьез пытающиеся выйти замуж за иностранца, как правило, имеют высшее образование. В ЮАР многим из них не хватает «культуры» (походов в театры, на концерты, общения на интеллектуальные, философские темы), а сами южноафриканцы кажутся им ограниченными, зацикленными на деньгах и спорте. Если в крупных городах все же имеются театры и концертные залы, где выступают российские гастролеры, то в провинции наши соотечественницы оказываются практически изолированными от культурной жизни.

Попытка бегства от быта и беспросветности на родине может закончиться печально. Иногда мужчина привлекает женщину рассказами о своем богатстве, а по приезде в Южную Африку оказывается, что его финансовое положение далеко не так благополучно, как он рассказывал. Как и везде, случаются разводы. От этого страдают, конечно, не только наши соотечественницы, но и их южноафриканские мужья. Газета «Ди Бюргер» сообщает, что в Претории существует специальная группа психологической поддержки для мужчин, женатых на россиянках[191].

Бывает, что супруги неодобрительно относятся к желанию своих жен общаться с соотечественниками, ходить на русские мероприятия. Впрочем, некоторые южноафриканские мужья сами привозят своих жен в мидрандскую церковь или на встречи соотечественников. Для женщин такие поездки – редкая возможность пообщаться с земляками, посоветоваться, обменяться опытом и просто поговорить по-русски[192].

Очень небольшую группу составляют русские жены черных южноафриканцев. Как правило, эти браки были заключены еще в Советском Союзе, где в то время учились или работали южноафриканские женихи. Первой гражданкой СССР, вышедшей замуж за представителя народа коса, была Филарида Мфеньяна. Они с мужем познакомились и поженились в Москве и сейчас проживают в Кейптауне.

В Дурбане живут Пила и Людмила Ндлову с дочерью Тиной. Людмила – первая гражданка СССР, вышедшая замуж за зулуса. Ее будущий муж, инженер по профессии, работал в «Гостелерадио» диктором службы вещания на языке зулу. Они поженились в 1973 г., а в 1991 г. переехали в ЮАР[193]. Людмила до сих пор чувствует себя чужой в Южной Африке, а в Москве никого из близких уже не осталось. В Дурбане, одном из трех крупнейших городов страны, она знает всего четырех российских женщин, вышедших замуж за африканцев[194]. Иногда Людмила, даже не будучи верующей, ездит в местную греческую православную церковь св. Троицы, которую, в отсутствие русского храма, посещают местные россияне.

В последние годы невесты из России сталкиваются в ЮАР еще с одной проблемой. Согласно поправке к Закону об иммиграции, вступившей в силу с 2005 года, иностранные граждане, заключившие брак с южноафриканским гражданином, могут получить разрешение на постоянное жительство в Южной Африке лишь через пять лет легального проживания в этой стране. Но и тогда, если в течение последующих двух лет супруги разведутся, разрешение на постоянное проживание будет аннулировано. Таким образом, даже прожив в браке с южноафриканцем неполных семь лет, гражданка России может быть депортирована на родину как нелегальный иммигрант. Поправка к закону была принята для борьбы с фиктивными браками, которые заключают, в основном, африканские иммигранты. Но российских граждан в ЮАР это положение тоже может коснуться напрямую.

Глава 10. Нелегальная деятельность российских иммигрантов в Южной Африке

По сведениям СМИ, российские эмигранты, занимавшиеся нелегальной деятельностью, посещали ЮАР еще в середине 1980-х. Якобы, тогда в эту страну приехал Марат Балагула, который в 1993 г. был осужден в США за уклонение от акцизного налога на сумму более 80 миллионов долларов[195]. Предполагается, что М. Балагула имел деловые интересы в Южной Африке[196]. Тем не менее, российские преступные группировки попали в поле зрения полиции ЮАР лишь в 1995 году.[197] В более «освоенных» нашими соотечественниками странах мира о феномене «русской мафии» заговорили несколькими годами ранее.

Приход российской организованной преступности в Южную Африку совпал с появлением там других иностранных нелегальных сообществ – китайских триад, нигерийской мафии, пакистанских группировок. Их внедрение в преступный мир этой страны стал возможным с устранением международной блокады ЮАР, отменой чрезвычайного положения и других суровых мер безопасности внутри страны. Кроме того, пик эмиграции из СССР и России в Южную Африку приходится на начало 1990-х. До этого времени российские преступники не могли обосноваться в этой стране, помимо прочего, из-за отсутствия здесь необходимого числа соотечественников, готовых с ними сотрудничать.

Судя по исследованиям, проведенным южноафриканскими специалистами, масштаб деятельности отечественных группировок в ЮАР с тех пор только увеличился. В нынешней ЮАР при нехватке квалифицированных кадров в правоохранительных органах, либеральном законодательстве и огромном имущественном неравенстве между богатыми и бедными, сложились условия для развития организованной преступно-

сти, и не только российской. Основные усилия полиции в такой ситуации направлены на борьбу с хулиганством, кражами, грабежами и разбоем, а для раскрытия более сложных махинаций и ликвидации преступных кланов не остается ни времени, ни кадров. Появлению широких возможностей отмывания нелегальных доходов способствовала также отмена строгого валютного контроля, действовавшего в Южной Африке до середины 1990-х гг.

Впервые о феномене «русской мафии» в ЮАР было заявлено в отчете, подготовленном местным Институтом безопасности в 1997 г.[198]. По данным, опубликованным тем же институтом в следующем году, российские граждане принимают участие в деятельности ряда криминальных групп в государствах юга Африки и, в том числе, в самой ЮАР[199]. Никаких конкретных имен и фактов в указанных отчетах не приведено. С. Никишов, корреспондент «Новой газеты», беседовал в 1998 г. с директором Информационного центра южноафриканской полиции Крисом де Коком, который сообщил ему, что не имеет достаточной информации о русской преступности, хотя присутствие «русской мафии» в Южной Африке считается установленным. «Мы можем найти книги об итальянской мафии, – сказал де Кок. – Но не знаем, что такое „русская мафия". Может, вы расскажете что-нибудь об этом?»[200].

В последующие годы южноафриканские правоохранительные органы и независимые организации собрали больше сведений о нелегальной деятельности наших соотечественников в этой стране. Специалисты считают, что главными сферами деятельности «русской мафии» в ЮАР являются нелегальная торговля алмазами и оружием, угон автомобилей, мошенничество и отмывание денег[201]. Часто незаконные операции проводятся под прикрытием легальных фирм, а доходы, полученные преступниками, вкладываются в «чистый» бизнес. «У этих группировок есть собственная продукция, рынки и технологии сбыта товара и они управляются, совсем как обычная компания – просто их деятельность незаконна», – утверждает Питер Гэстроу, директор кейптаунского отделения Института безопасности ЮАР[202].

Гэстроу считает, что россияне, проживающие в Южной Африке, координируют поставки российского и списанного советского оружия в горячие точки континента – Либерию, ДРК, Сьерра-Леоне – а также в саму ЮАР. Иногда такие грузы доставляют в страну грузовые самолеты российского производства, приземляющиеся на небольших и неохраняемых аэродромах под покровом ночи[203].

Именно в Южной Африке начинал деловую карьеру бывший военный переводчик Виктор Бут, занимавшийся транспортировкой оружия на принадлежащих ему самолетах, в том числе, как утверждает пресса, в обход санкций ООН[204]. «Империя Бута – уникальное явление, поскольку она может обеспечить поставку самых современных вооружений практически в любую точку мира», – писала газета «Вашингтон Пост»[205].

В.А. Бут не отрицает, что транспортировал оружие, но считает, что перевозчик не несет ответственности за содержание груза[206]. Этот же принцип нередко используется и в Южной Африке. Например, в марте 2002 г. южноафриканская полиция отпустила на свободу российских летчиков, задержанных ею в провинции Западный Кейп по обвинению в нелегальном проникновении на территорию страны и контрабанде взрывчатки[207]. Пилоты признали свою вину и выплатили установленный штраф. Они прилетели в Йоханнесбург из Бурунди и не прошли паспортный и таможенный контроль. Это привлекло внимание служащих аэропорта в г. Джордж, куда затем направились самолеты. Летчики заявили, что большой груз взрывчатки, обнаруженный таможенниками на борту, был предназначен для горнодобывающих работ в Демократической Республике Конго. В результате полиция освободила самолет и экипаж, «так как претензии были к владельцу груза, а не к перевозчику»[208].

Комментируя этот инцидент, «Независимая газета» отмечала: «Практика показала, что работающие на юге Африки российские летчики нередко ввязываются в контрабанду оружия и боеприпасов – благо воюющих сторон там хватает. Стремление россиян заработать на таком опасном деле легко объяснимо: наши летчики работают там по кабальным контрактам, на них сваливают самую опасную работу, а порой они просто вынуждены выполнять любые задания. Впрочем, еще ни разу подобные объяснения не показались африканским властям основанием для прекращения уголовных дел против контрабандистов оружия…»[209].

Иностранные и местные преступные группировки не только конкурируют, но и сотрудничают друг с другом. Примером такого сотрудничества является сбыт наркотиков в Южной Африке, крупнейшем производителе марихуаны в мире. Банды, состоящие из черных и цветных, реализуют нелегальный товар с помощью иностранцев – российских, итальянских, сербских, израильских нелегальных объединений[210]. Русские и сербы также выполняют функцию «крыши» при сбыте наркотиков.

Факты сотрудничества российских и южноафриканских группировок были подтверждены результатами исследования, обнародованными Институтом безопасности в ноябре 2003 года. Так же, как преступные группировки из других стран, россияне используют граждан ЮАР в качестве курьеров при нелегальном вывозе алмазов, драгоценных камней и наркотиков за границу. Южноафриканцы переправляют за рубеж дорогие автомобили, угнанные российскими преступниками. Группировки из России – одни из примерно 230 криминальных синдикатов, действующих на сегодняшний день в ЮАР[211].

Вопрос о «русской мафии» поднимался во время визита делегации Министерства внутренних дел России в ЮАР в январе 1998 года. Южноафриканская сторона предлагала внести в проект готовившегося межправительственного «Соглашения о сотрудничестве в борьбе с ор-

ганизованной преступностью» пункт о предотвращении проникновения в ЮАР «русской мафии». По словам Юрия Жданова, тогдашнего заместителя начальника Управления международного сотрудничества МВД, российская сторона не видела в этом необходимости[212]. Соглашение было подписано в ходе визита в ЮАР российского министра внутренних дел в марте того же года, но слово «организованная» в названии этого документа было опущено.

Тема российской преступности в Южной Африке стояла на повестке дня и в ноябре 1998 г., в ходе московской встречи министра безопасности ЮАР Сидни Муфамади с министром внутренних дел России Сергеем Степашиным[213]. Южноафриканский гость представил список из 25 российских граждан, обвинявшихся в совершении незаконных деяний на территории ЮАР. Он также сообщил журналистам, что преступники из России, возможно, также занимаются нелегальным сбытом южноафриканского урана, и призвал к более тесному сотрудничеству правоохранительных органов двух государств.

После встречи с южноафриканским коллегой С. Степашин заявил, что российское МВД уже приступило к «комплексной проверке» лиц, перечисленных в списке, представленном С. Муфамади. Нам не известно, было ли публично объявлено о результатах этой проверки. Стороны также договорились о «конкретном обмене офицерами связи, оперативной информацией в борьбе с наркотиками, с другими видами преступлений»[214].

Первая совместная операция российских и южноафриканских правоохранительных органов была проведена лишь семь лет спустя, в конце 2005 года. Сотрудникам Департамента по борьбе с организованной преступностью и терроризмом МВД РФ, Следственного комитета при МВД, Федеральной таможенной службы и полиции ЮАР удалось перекрыть канал поставки в Россию эфедрина-гидрохлорида, сырья для производства наркотиков амфетаминовой группы[215]. Оперативники установили, что эфедрин отправлял ленинградец Александр Белый, который еще в 1991 г. эмигрировал в Южную Африку через Израиль. В Йоханнесбурге он владел ресторанами и занимался операциями с недвижимостью[216].

На протяжении нескольких лет Белый регулярно посылал в Петербург эфедрин во флаконах из-под морской соли для ванн. Эти посылки шли в Россию транзитом через Франкфурт-на-Майне, а затем эфедрин реализовывался по всей стране. В группировку входили только близкие родственники и друзья Белого, так что внедриться в нее было непросто. Контакты с южноафриканской полицией пришлось налаживать практически с нуля[217]. Тем не менее, в ноябре 2005 г. делегация российского МВД прибыла в Южную Африку, и до конца года были арестованы не только Александр Белый, но и его сообщники в ЮАР, Москве и Петербурге.

Важнейшими сферами нелегальной деятельности россиян в Южной Африке являются обращение в рабство женщин и детей и проституция. По оценкам Международной организации по вопросам миграции, общий годовой доход от работорговли в южноафриканском регионе составляет около семи миллиардов долларов США, что делает этот бизнес одним из самых высокодоходных в мире. Больше прибыли подпольным дельцам приносит лишь торговля наркотиками и оружием, но эти виды криминальной деятельности связаны с бóльшим риском[218]. Согласно исследованию, проведенному по заказу ООН, ЮАР является главным центром работорговли на Африканском континенте[219].

Российские преступники в ЮАР не остались в стороне от такого прибыльного бизнеса. Заместитель начальника Следственного комитета при МВД Борис Гаврилов в апреле 2004 г. назвал Южную Африку одним из основных государств, куда вывозятся российские женщины, и заявил, что масштабы торговли людьми угрожают национальной безопасности России[220]. К сожалению, пока не сообщалось о каких-либо результатах действий отечественных правоохранительных органов по пресечению торговли российскими женщинами в ЮАР.

Согласно докладу «Обращение в рабство женщин и детей – нелегальных иммигрантов в Южноафриканском регионе», подготовленному Международной организацией по вопросам миграции в 2003 г., российская мафия занимается поставкой проституток из стран бывшего СССР в ЮАР. Россиянки и болгарки пользуются наибольшей популярностью среди восточноевропейских проституток в этой стране. Россияне создали одну из самых крупных в Южноафриканском регионе сеть работорговли, конкурируя с преступными сообществами из Нигерии, Китая и Болгарии. При этом, по словам сотрудника Международной организации по вопросам миграции Мэка Пичковски, группировки, занимающиеся доставкой и содержанием российских женщин в ЮАР, – «одни из самых безжалостных»[221].

По подложным документам жертвы получают краткосрочные визы и по прибытии в Южную Африку поступают в распоряжение владельцев публичных домов. Агенты в России заманивают женщин в ЮАР предложениями хорошо оплачиваемой работы в качестве официанток, танцовщиц, стриптизерш. Для этого используются как личные связи с потенциальными жертвами и их родственниками, так и реклама в российской прессе. Известны случаи, когда жертвы мошенников, выкупившись из рабства, возвращаются на родину и становятся сообщниками работорговцев[222]. Они устанавливают связи с предполагаемыми жертвами и пытаются уговорить их отправиться в ЮАР на заработки и представляют им будущего «хозяина», своего подельщика.

Как правило, жертвами преступников становятся образованные 18–35-летние женщины. Именно высокий уровень образования выделяет восточноевропейских проституток среди других жертв южноафрикан-

ских работорговцев. Россиянки, не найдя достойной работы на родине, поддаются уговорам мошенников, обещающих быстрый и сравнительно крупный заработок в далекой ЮАР. К тому же «доброжелатели» предлагают женщине оплатить авиабилет до Йоханнесбурга или предоставить для этих целей кредит. Жертвы не знают, что по прибытии в страну им придется расплачиваться с кредиторами «натурой».

Женщин доставляют самолетом из Москвы в международный аэропорт Йоханнесбурга или Масеру, столицы Лесото. Уже по прибытии в Южную Африку мошенники конфискуют у россиянок паспорта и прочие документы. Женщины узнают, что в течение 6–12 месяцев им придется выплачивать «долг» в несколько тысяч долларов в качестве секс-рабынь[223]. В случае отказа следуют угрозы физической расправы с жертвой и членами ее семьи, оставшимися в России. Жертве также сообщают, что если она будет сопротивляться, ее владелец может перепродать ее другому хозяину и долг возрастет.

Российских женщин, попавших в секс-рабство в ЮАР, принуждают работать много часов в сутки, без права на отказ от клиента и на свободное передвижение. В Йоханнесбурге они живут группами в борделях или на съемных квартирах, преимущественно в районах Хиллброу, Рандбург, Бедфордвью и Бенони, и передвигаются по улице только в сопровождении надзирателя. Во избежание подозрений, проституток регулярно переселяют с квартиры на квартиру. У некоторых рабовладельцев есть связи в полиции, и они заранее узнают о готовящейся облаве[224].

Если жертве преступников все же удается бежать, и она обращается за помощью в полицию, ей грозит тюремное заключение за занятие проституцией, работу без соответствующего разрешения и нахождение на территории страны без визы[225]. В лучшем случае, ее депортируют из страны. Чтобы помочь женщинам, попавшим в рабство, Международная организация по вопросам миграции организовала специальную телефонную службу, а также планирует открыть приют для секс-рабынь, которым удалось бежать от хозяев[226]. Помимо коррупции, работу правоохранительных органов затрудняет отсутствие соответствующего законодательства и кадров для борьбы с работорговцами.

Если женщина не справляется с установленной ее хозяином нормой и не приносит определенный им доход, она подвергается штрафу, и ее долг возрастает. За любую провинность налагается штраф. Женщине разрешается не являться на работу только в случае очень тяжелой болезни. Если жертва долго не поправляется, ее перестают кормить. Тем не менее, большинство рабовладельцев отпускают жертв на свободу, как только те выплачивают всю сумму «долга», и возвращают им документы[227]. Женщина также может освободиться от рабства, если кто-то пожелает заплатить за нее выкуп. Обычно это делают южноафриканцы, собирающиеся жениться на бывшей рабыне.

При такой работе чрезвычайно велик риск заражения СПИДом, ведь Южная Африка занимает одно из лидирующих мест в мире по темпам распространения этой болезни. Русские проститутки работают не только в элитных «мужских клубах», вроде «Зи Рэнч» в провинции Гаутенг[228], но и на улицах йоханнесбургского черного района Хиллброу[229]. Там им приходится, подвергая опасности здоровье и даже жизнь, бороться за клиентов не только с местными «ночными бабочками», но и с китаянками, нигерийками и другими иммигрантами.

Рабами в ЮАР могут стать не только взрослые россияне, но и несовершеннолетние. Нередко те же самые группировки, которые занимаются транспортировкой в Южную Африку взрослых проституток, подозреваются и в обращении в сексуальное рабство детей из Восточной Европы. В докладе кейптаунской организации «Моло Сонгололо», борющейся за права детей, особо отмечается, что добычей преступников становятся и несовершеннолетние россияне[230].

Российских детей и подростков, предназначенных для сексуального рабства, в Южную Африку ввозят, в основном, их бывшие соотечественники[231]. В России и в ЮАР деятельность этих агентов и группировок хорошо отлажена и организована. Нередко эти преступники занимаются еще и контрабандой наркотиков, сигарет, компакт-дисков, а также отмыванием нелегальных доходов.

Торговля детьми из России в Южной Африке – это, преимущественно, удел мужчин, часто бывших военных, обладающих достаточными средствами для того, чтобы оплатить доставку своих жертв с российской территории, через аэропорты Западной Европы, в ЮАР[232]. Риск такой операции выше, чем при торговле взрослыми рабами, но зато доходы могут оказаться значительнее. Сексуальные услуги, оказываемые несовершеннолетними в Южной Африке, стоят больше, чем труд взрослых проституток. Так же, как и в случае с российскими женщинами-проститутками, хозяева детей, попавших в рабство в ЮАР, осуществляют за ними строгий контроль. У детей практически нет возможности сбежать, они не знают местных языков, а их документы и удостоверения личности конфискуются преступниками сразу же по прибытии на южноафриканскую территорию.

По заявлению генерального прокурора ЮАР Булелани Нгука, в конце 1990-х «русская мафия» (под которой прокурор понимает преступников из всего бывшего СССР) заинтересовалась игорным бизнесом, спекуляциями недвижимостью и финансов. Прокурор считает, что российские криминальные элементы, как правило, «не проживают на территории ЮАР, бывают в стране наездами, а их интересы представляют местные гангстеры»[233].

Руководители южноафриканской полиции заявляют, что российские преступники контролируют казино и публичные дома Кейптауна и отличаются особой жестокостью, открывая автоматный огонь без предупре-

ждения[234]. Что касается операций с недвижимостью, то еще в 1998 г. заместитель начальника Южноафриканской полицейской службы по коммерческим преступлениям Луи Эстерхюзен в интервью корреспонденту ИТАР-ТАСС сообщил, что россияне отмывают деньги путем перепродажи зданий в Западном Кейпе и курортных зонах ЮАР[235].

Таким образом, российские преступные группировки в ЮАР занимаются теми же видами нелегальной деятельности, что и в других странах мира. Это финансовые преступления (Германия, Австрия, Швейцария, Кипр, Мадагаскар, Уругвай, США, Великобритания), организованная проституция (Израиль, Кипр, Польша, Турция, Япония, Китай, Тайвань, Сингапур, Испания, Италия), контрабанда оружия (Германия, Китай, Афганистан, Пакистан) и угнанных автомобилей (Германия, Италия, Финляндия, Нидерланды, Югославия), спекуляции недвижимостью (Польша, Германия, Кипр, Греция, США, Венгрия, Уругвай, Испания, Мальта), рэкет (повсеместно), контрабанда драгоценных камней (повсеместно)[236]. В Южной Африке «русская мафия» активна в тех сферах, которые характерны для ее деятельности и в развитых, и в развивающихся государствах. Вероятно, это объясняется противоречиями экономической ситуации в ЮАР.

* * *

За последние 15 лет российская диаспора в ЮАР значительно увеличилась. Счет наших соотечественников в этой части света идет уже не на десятки, а на тысячи. Этому способствовал эмиграционный бум, потрясший Россию в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Одним из важных направлений выезда россиян в этот период стала Южная Африка, чей образ был окружен своеобразным ореолом запретности и привлекательности. Значительное экономическое развитие этого государства, социальная система, обеспечивавшая привилегии белого меньшинства, и политика правительства Национальной партии, стимулировавшего иммиграцию белых, способствовали притоку наших соотечественников в ЮАР, особенно до первых демократических выборов 1994 года.

Если в первой половине 1990-х гг. туда ехали, в основном, «романтики», привлеченные мифом о сказочном благополучии и стабильности Южной Африки, то с ужесточением иммиграционного законодательства страны контингент российских иммигрантов стал «прагматичнее». Наши соотечественники, поселившиеся в ЮАР за последние 10 лет, это, прежде всего, профессионалы, обладающие востребованной в этой стране специальностью (программисты, инженеры, ученые, музыканты), или предприниматели, способные открыть свое дело на юге Африки. Вопросы, касающиеся трудоустройства в Южной Африке, они решают еще на родине: например, заключают контракт на работу с южноафриканской организацией. Особые группы иммигрантов – это российские студенты, которые находят в Южной Африке работу и остаются здесь надолго или

навсегда, и «русские жены», гражданки России, вышедшие замуж за южноафриканцев. Эти изменения вполне соответствуют общей тенденции, наметившейся во второй половине 1990-х и в других странах, куда устремляется поток российских иммигрантов.[237]

Мотивация переезда наших соотечественников в ЮАР в 1950–1970-е гг. и в 1980–1990-е гг., в основном, совпадает. Основные причины – экономические: возможность получить хорошо оплачиваемую работу по специальности в стране с развитой инфраструктурой, прекрасным климатом и преуспевающим белым населением. Но для большинства иммигрантов последних десяти лет уже нет принципиальной разницы между работой в ЮАР или в таких же далеких Австралии, Новой Зеландии и Канаде. На Южную Африку выбор падает, как правило, по случайному стечению обстоятельств. Теперь гораздо меньше россиян, изначально желающих поселиться и работать именно в ЮАР.

Несмотря на приток иммигрантов из бывшего СССР, роль русских евреев в ЮАР, чрезвычайно важная на протяжении всего XX в., неуклонно уменьшалась. Сокращалась и общая численность южноафриканского еврейства. К 1990-м гг. русские евреи, десятилетиями возглавлявшие еврейские общины страны и составлявшие в них большинство, ушли на покой или умерли. Их дети и внуки, составляющие сегодня большинство южноафриканского еврейства, с Россией уже не связаны. С одной стороны, они вполне интегрированы в местное общество и считают себя южноафриканцами. С другой стороны, они являются, в основном, приверженцами ортодоксального иудаизма и активными сторонниками сионизма. Традиционализм, характерный для тысяч российских евреев, приехавших в Южную Африку на рубеже XIX–XX вв., до сих пор преобладает в сознании еврейства этой страны. Евреи из бывшего СССР – как правило, люди нерелигиозные – не стремятся присоединиться к местным еврейским общинам. Они, скорее, ассоциируют себя с русскими и склонны принимать участие в деятельности русских обществ, чем примыкать к «консервативным» объединениям южноафриканского еврейства.

Уже в первой половине 1990-х гг. в ЮАР прибыли сотни иммигрантов из бывшего СССР, которые в несколько раз численно превзошли русских иммигрантов послереволюционной волны, основателей прихода св. Владимира и «Русского дома». Однако самостоятельные попытки новой российской диаспоры в Южной Африке основать общества и ассоциации не привели к успеху. Для организации в этой стране первого постоянного общинного центра выходцев из бывшего СССР, прихода преп. Сергия Радонежского, потребовались инициатива и активное содействие российского посольства в Претории и Московского Патриархата. На полпути между Преторией и Йоханнесбургом был возведен большой храм и приходской центр, построенные, в основном, за счет крупных российских компаний.

С другой стороны, большинство «перестроечных» иммигрантов, составляющих сегодня большинство русскоязычных жителей ЮАР, уезжали не только от социально-экономических трудностей и невозможности реализовать себя на родине. Они, в какой-то степени, уезжали и от советских людей, а по прибытии в Южную Африку не были склонны к широкому общению с соотечественниками и ориентировались на скорейшую интеграцию в принявшее их общество.

Однако среди членов прихода преп. Сергия немало представителей именно этой иммиграционной «волны». Дело в том, что к концу 1990-х их интеграция в южноафриканское общество завершилась: в отсутствие дискриминации и при дефиците квалифицированных и предприимчивых кадров в ЮАР, они обеспечили себе достойное существование, завели знакомства среди южноафриканцев, усвоили их привычки и образ жизни. Тем не менее, они остались русскими, и поэтому после удовлетворения основных материальных потребностей, многие иммигранты конца 1980-х – начала 1990-х пожелали расширить свой круг общения с соотечественниками. Община им нужна, прежде всего, в качестве средства моральной, а не экономической взаимопомощи (так же, как и основателям «Русского дома»). Но все же, основу русского прихода составляют не «перестроечные» иммигранты, а те, кто приехал в ЮАР работать по контракту[238]. То есть те наши соотечественники, которые не связывают долгосрочных планов с Южной Африкой и собираются в обозримом будущем покинуть эту страну, возможно, чтобы вернуться на родину.

Эмигранты послереволюционной «волны» содержали «Русский дом» вплоть до конца 1990-х, когда их осталось 10–15 человек, в основном, пенсионеры. Их община возникла без участия извне: создалась «критическая масса» иммигрантов (20–30 человек), сформировалась инициативная группа, зарегистрирована ассоциация, организован регулярный сбор средств среди ее членов, приглашен русский священник, образован приход, который оплачивал текущие расходы настоятеля, арендовал помещение под домовую часовню, а через несколько лет приобрел небольшой дом для постоянной часовни и общинного центра.

«Старые» эмигранты были людьми одного круга. Почти все они принадлежали к привилегированным группам населения в дореволюционной России, получили высшее образование, воспитывались в православии, были противниками коммунизма. В то же время, наши соотечественники, покинувшие родину в конце 1980-х–1990-е, относились к самым разным группам населения и не были объединены идеологией. Многие из них не были свидетелями возрождения православия в России и не привыкли регулярно посещать богослужения, жертвовать на церковь. К тому же, наличие таких важных внешних факторов, как активное участие в судьбе прихода российского дипломатического представительства, руководства Русской православной церкви и крупных спонсоров, сказалось на инициативности самих прихожан, тех, ради кого созда-

ны были величественный храм и общинный центр близ столицы Южной Африки.

Приобретенная еще в советские времена «аллергия» на коллективные мероприятия, недостаток средств и инициативы, отсутствие сильных лидеров – это одни из главных причин того, что все русскоязычные общины ЮАР, помимо прихода преп. Сергия Радонежского, либо уже исчезли, либо только зарождаются. Несмотря на то, что в Южной Африке сейчас проживает несколько тысяч выходцев из СССР, в этой стране нет ни одного популярного среди наших соотечественников русского кафе или ресторана, ни одного русского магазина или периодического издания.

«Старые» эмигранты, поселившись в Южной Африке, оказывались почти изолированными не только от России, но даже от центров Русского Зарубежья. Они жадно читали русские эмигрантские газеты, дорожили возможностью поговорить по-русски, услышать русскую речь. Россия была для них недоступна. О возможности возвращения туда не могло быть и речи. Русские эмигранты послереволюционной волны были вынуждены осуществлять культурную взаимосвязь с Россией лишь опосредованно, путем актуализации национальных обычаев, организации общинного центра, установления контактов с другими очагами Русского Зарубежья[239].

Но сегодня большинство бывших наших соотечественников в ЮАР не сталкиваются с этими проблемами. С помощью Интернета они могут читать свежую российскую прессу, приобретать русские книги и узнавать о последних новостях из России. Они могут смотреть российское телевидение, звонить на родину, свободно переписываться по обычной и электронной почте, навещать друзей и родственников в России. Многие из них сохранили российское гражданство и даже недвижимость на родине. В принципе, они могут в любой момент вернуться назад. Возможно, что эта вполне осязаемая и непосредственная индивидуальная связь с Россией также замедляет процесс создания русскоязычных общин в ЮАР при сравнительной малочисленности и дисперсности местной российской диаспоры.

Как и в предыдущие десятилетия, дети российских иммигрантов подвергаются ассимиляции. Они почти не знакомы с русской культурой: литературой, театрами, музыкой, кино. «С детьми, конечно, проблема: как им передать это? – пишет Евгений Тавив из Йоханнесбурга. – Хотя эта проблема всюду вне России. Но если мы уезжаем частично ради будущего наших детей, то возникает вопрос: а насколько им это нужно и понадобится в будущем?»[240]. Им, как и детям «старых» эмигрантов, проще и удобнее стать южноафриканцами, усвоить их язык, привычки, традиции. Поэтому многие дети наших соотечественников плохо владеют русским языком. Они ходят в английские школы. Их друзья – это южноафриканцы, с которыми общаться можно только по-английски или на

африкаанс. Русский язык становится языком внутрисемейного общения и теряет в глазах детей ту ценность, которой наделяют его их родители.

Но, с другой стороны, некоторые из них, как отмечает председатель Ассоциации российских соотечественников в ЮАР Олег Пантюхин, «к 18–25 годам начинают интересоваться русским языком, читают классику. Многие мечтают найти работу в России, и зачастую это удается через английские фирмы, которые сейчас набирают специалистов, владеющих русским. Но для юношей основной проблемой является [обязательная] служба в армии»[241].

Поэтому, как и в 1960–70-е гг., возникает вопрос о том, какое будущее ожидает русскоязычные общины Южной Африки. Захочет ли второе поколение иммигрантов продолжить дело своих родителей? Приход преп. Сергия Радонежского пробует решить эту проблему через организацию воскресной школы для русских детей. Прихожане стараются включить их в общинную жизнь, показать им ценность русского языка и культуры в надежде, что когда они вырастут, то будут по-прежнему посещать русскую церковь и поддерживать приход.

Как и в предыдущие десятилетия, сегодня среди наших соотечественников в ЮАР есть немало выдающихся деятелей культуры, бизнеса, науки. Имена некоторых из них известны на всю страну. К сожалению, выходцы из бывшего СССР участвуют и в нелегальной деятельности на территории Южной Африки. Сообщения о «русской мафии» нередко появляются в репортажах южноафриканских средств массовой информации, что негативно сказывается на представлениях южноафриканцев о наших соотечественниках.

Продолжится ли иммиграция в ЮАР из России? Вероятно, о возобновлении массовой иммиграции начала 1990-х в обозримом будущем речи быть не может. Все меньше россиян отправляются на постоянное жительство за границу. Южноафриканские власти больше не стимулируют иммиграцию. Проведение в жизнь программы предпочтительного трудоустройства небелого населения оставляет нашим соотечественникам мало шансов получить достойную работу в Южной Африке. И, тем не менее, в ближайшие годы, вероятно, продолжится индивидуальная трудовая иммиграция российских специалистов в ЮАР. А среди южноафриканских мужчин по-прежнему будут пользоваться спросом российские невесты.

---

[1] Имеется в виду количество иммигрантов, родившихся в России. В указанный период южноафриканские статистические службы под Россией понимали всю территорию Советского Союза. *Peberdy S.A.* Selecting Immigrants: Nationalism and National Identity in South Africa's Immigration Policies, 1910 to 1998. A thesis… for the degree of Doctor of Philosophy. Queen's University, Kingston, Ontario, Canada, 1999. P. 405, 408.

[2] *Тетекин В.* Собираетесь в ЮАР? Помните: будете вкалывать, как негры // Комсомольская правда. 1991. 28 августа. С. 3; *Сигов Ю.* Кому в ЮАР жить хорошо // Аргументы и факты. 1991. № 2. С. 5.

[3] Собрание постановлений правительства Союза Советских Социалистических Республик. М., 1986. № 31. Ст. 163. С. 563.

[4] *Анисимов Л.* Из эмигрантов в иммигранты // Международная жизнь. 1990. № 12. С. 143.

[5] В реальности, это не принесло нашей стране никакой экономической выгоды, повредило престижу Советского Союза, лишило его возможности реально влиять на переговорный процесс в ЮАР и на многие годы затормозило развитие сотрудничества между Россией и Южной Африкой, где уже в 1994 г. пришел к власти Африканский национальный конгресс. В то же время, страны Запада стремились установить тесные связи с АНК, предвидя поражение Национальной партии на всеобщих выборах. Подробнее об этом см.: *Шубин В.Г.* Африканский конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. М.: Институт Африки РАН, 1999; *Sommerville K.* Southern Africa and the Soviet Union: from Communist International to Commonwealth of Independent States. L.: Macmillan, 1993.

[6] *Peberdy S.A.* Selecting Immigrants: Nationalism and National Identity in South Africa's Immigration Policies, 1910 to 1998. A thesis… for the degree of Doctor of Philosophy. Queen's University, Kingston, Ontario, Canada, 1999. P. 276.

[7] Новый «железный занавес»… // Литературная газета. 1990. № 51. 19 декабря. С. 13.

[8] South African Statistics 2001. Pretoria: Statistics South Africa, 2001. P. 2.7.

[9] *Тетекин В.* Собираетесь в ЮАР?.. С. 3.

[10] *Пиляцкин Б.* Раньше запрещали, теперь стращают // Независимая газета. 1991. 1 октября.

[11] *Тетекин В.* Собираетесь в ЮАР? С. 3.

[12] *Peberdy S.A.* Selecting Immigrants: Nationalism and National Identity… P. 279.

[13] *Пиляцкин Б.* Без флага, но с полномочиями. Беседа с дипломатическим представителем ЮАР в Москве // Известия. 1991. 12 октября.

[14] До 1996 г. разрешалось подавать заявление о разрешении на постоянное жительство в Южной Африке на ее территории. В последующие семь лет такие заявления разрешалось подавать только за ее пределами, в посольствах ЮАР. Письмо М.М. Йордаан, заведующей миграционным отделом Посольства ЮАР в России, автору, 29.01.2004.

[15] Письмо В.И. Френкеля автору, 28.03.2002.

[16] Сообщение на форуме сайта ЮАР.ру (www.yuar.ru), 27.02.2006. Что касается «жуликов», показательна история, которую автору рассказала Вера Борисовна Белякова, проживающая в ЮАР уже более тридцати лет. В начале 1990-х полицейское отделение Хиллброу нередко обращалось к ней за помощью при задержании наших соотечественников, проживавших в этом неблагополучном районе Йоханнесбурга. В этих случаях, Вера Борисовна выступала в качестве русского переводчика. Но в последние годы полицейские из Хиллброу перестали к ней обращаться. Они объяснили, что правонарушители из бывшего СССР теперь живут в более престижных районах города.

[17] *Усманова Э.* Миграционные истории. Культурологический контекст с личностным подтекстом: www.navi.kz/articles/7818.

[18] Письмо О.В. Пантюхина автору, 13.07.2006.

[19] *Бутрос-Гали Б.* Организация Объединенных Наций и апартеид. М.: Информационный центр ООН в Москве, 1996. С. 190.

[20] Там же. С. 74, 116.

[21] Письма С.Ф. Кулика автору, 30.10.2002 и 14.07.2006.

[22] *Peberdy S.A.* Selecting Immigrants: Nationalism and National Identity… P. 408–410.

[23] Сообщения на форуме сайта ЮАР.ру, 27.02 и 03.03.2006.

[24] Письмо О.В. Пантюхина автору, 13.07.2006.

[25] *Crush J., McDonald D., Williams V., Mattes R., Richmond W., Rogerson C.M., Rogerson J.M.*. Losing Our Minds: Migration and the ‘Brain Drain’ from South Africa. Southern African Migration Project. Migration Policy Series, 2000. No. 18: www.queensu.ca/samp/sampresources/samppublications/policy-series/policy18.htm

[26] Цит. по: South Africa’s New Immigration Law. A Salvageable Instrument for Economic Growth? October 2002. The Centre for Development and Enterprise. P. 9.

[27] *Mattes R., Taylor D.M., McDonald D.A., Poore A., Richmond W.* Still Waiting for the Barbarians: SA Attitudes to Immigrants & Immigration. Southern African Migration Project. Migration Policy Series. 1999. No. 14: www.queensu.ca/samp/samp-resources/samppublications/policyseries/policy14.htm

[28] Response to the Immigration Amendment Act of October 2004 and the Draft Immigration Regulations of January 2005. February 2005. The Centre for Development and Enterprise: www.cde.org.za/article.php?a_id=72.

[29] President Nelson Mandela on Wednesday Renewed His Attack… // Business Day. Johannesburg, 1998. 25 September.

[30] South Africa’s New Immigration Law. A Salvageable Instrument for Economic Growth? P. 5. Примерно такие же данные получили специалисты Южноафриканского института расовых исследований. По их данным в 1995–2005 гг. ЮАР покинуло около миллиона белых граждан. См. *Van Aaardt P.* Een miljoen wittes weg uit SA – studie // Rapport. 2006. 24 September. Bl. 1.

[31] *Crush J., et al.* Losing Our Minds: Migration and the ‘Brain Drain’ from South Africa.

[32] *Van Aaardt P.* Een miljoen wittes weg uit SA – studie…

[33] *Азаева Э.* Попал в чужую перестройку // Репортер. Торонто, 2005. 11 апреля.

[34] Письмо О.В. Шипина автору, 03.06.2002.

[35] Сообщения на форуме ЮАР.ру, 15.09.2005, 16.09.2005, 17.06.2005, 13.03.2006, 27.10.2005.

[36] Сообщение на форуме ЮАР.ру, 03.03.2006.

[37] Белое сопротивление. Негры мрут в ЮАР // Московский демократ. 2001. № 13.

[38] *Галимова Н.* Съезд клинических патриотов // Московский комсомолец. 2003. 20 января.

[39] По данным Федеральной службы государственной статистики, в 1997 г. из России на постоянное жительство за границу выехало 232 987 человек, а в 2004 г. – 79 795 человек, то есть в три раза меньше.

[40] Это характерно и для других стран Африки. Например, в Марокко, по сведениям о. Ростислава Колупаева, бывшего настоятеля прихода Московского Патриархата в Рабате, наши соотечественницы, вышедшие замуж за коренных жителей этой страны, составляют большинство прихожан русской церкви. *Колупаев В.Е.* Русские в Северной Африке. Обнинск, 2004. Интернет-версия: www.teolog.ru/lib/t2.php?pid=82

[41] *Казанская О.* Белая Африка // Профиль. 1999. № 41.

[42] *Никольский С.* Школьные приключения в ЮАР // Первое сентября. 2002. № 11.

[43] Unique Russian Orthodox Church shines over Johannesburg. AFP. 2005. 9 January.

[44] *Peberdy S.A.* Selecting Immigrants: Nationalism and National Identity in South Africa's Immigration Policies, 1910 to 1998. A thesis… for the degree of Doctor of Philosophy. Queen's University, Kingston, Ontario, Canada, 1999. P. 405–414.

[45] В южноафриканских статистических отчетах того времени СССР и РФ обозначались, как «Россия».

[46] Письмо В.И. Френкеля автору, 18.04.2002.

[47] По сообщению В.Б. Беляковой. Взгляд доперестроечных эмигрантов на советских эмигрантов конца 1980-х–начала 1990-х (иногда их называют «четвертой волной») отразился в статье А. Полянской, опубликованной в парижской «Русской мысли» в 2000 г.: «Главная особенность четвертой волны – искреннее убеждение, что им должны все – Франция, церковь, любой соотечественник или прохожий. Они не просят, а требуют… Представители четвертой волны в храмы не ходят. Они ходят только в те места, где им что-нибудь дают». Цит. по: *Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М. В., Окороков А.В.* Эмиграция и репатриация в России. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. С. 182.

[48] По сообщению В.Б. Беляковой.

[49] *Решетняк Н.* Красят яйца в Йоханнесбурге // Новое время. 1991. № 14. С. 25.

[50] Беседа с А. Д. Елагиным. Йоханнесбург, апрель 2004 г.

[51] См. *Яковлев Н.А.* Русская духовная миссия в Японии и ее кафедральный собор в Токио // Христианство на Дальнем Востоке: Сборник научных трудов. Уссурийск, 2001. С. 32–44.

[52] Письмо С. Хэйза, одного из основателей общества, автору, 04.03.2003.

[53] По сообщению В.Б. Беляковой.

[54] Письмо О.В. Гостиной автору, 15.03.2005.

[55] По сообщению В.Б. Беляковой.

[56] По сообщению В.Б. Беляковой.

[57] Русский приход в Южной Африке помогает чернокожим детям из бедных семей // Официальный сайт Русской Православной Церкви (www.mospat.ru), 25 декабря 2003 г.

[58] По сообщению В.Б. Беляковой.

[59] Сайт русского православного храма преподобного Сергия Радонежского: ru.st-sergius.info/index.html?did=62.

[60] Телепрограмма «Их нравы». НТВ. Эфир: 20.02.2005.

[61] *Якушева Н.* Путь к храму – путь к духовному единению: www.rusedina.org/?id=6591

[62] Письмо О.В. Пантюхина автору, 02.05.2006.

[63] Устав общественной организации «Ассоциация российских соотечественников Южной Африки». Йоханнесбург, 2003. С. 1.

[64] The Cape Metropolitan Council. News Release. 9 November 1998.

[65] Беседа с Л.А. Дублик. Кейптаун, апрель 2004 г.

[66] Южноафриканская Республика. Путеводитель. Париж: Le Petit Futé. P., 1996. С. 69.

[67] Цит. по: *Колупаев В.Е.* Русские в Северной Африке. Обнинск, 2004. Интернет-версия: www.teolog.ru/lib/t2.php?pid=85

[68] Сообщения на форуме сайта ЮАР.ру от 23 марта–12 апреля 2006 г.

[69] Беседа с А.Е. Шарашкиным. Претория, май 2004 г.

[70] Письмо Т.Ю. Калязиной автору, 10.03.2003.

[71] Сообщение на форуме сайта ЮАР.ру, 23.09.2001.

[72] Письмо Т.Ю. Калязиной автору, 10.03.2003.

[73] *Крылова Н.Л.* Русские женщины в Африке. Проблема адаптации. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. С. 225, 239.

[74] Международная жизнь. 2002. № 8. С. 21–23.

[75] Сайт русского православного храма преп. Сергия Радонежского: ru.st-sergius.info/index.html?did=16.

[76] Новое назначение протоиерея Сергия Рассказовского // Вестник. Издание Русского Православного прихода Преподобного Сергия Радонежского. Йоханнесбург, 2001. № 1. С. 9.

[77] *Лебедев В.* Золотые купола засверкали над православным храмом в Йоханнесбурге // Российская газета. 2004. 13 апреля.

[78] За активную деятельность на благо русского прихода А.А. Кушаков награжден орденом преподобного Сергия Радонежского III степени.

[79] *Бушуева Ю.* «Я выпишу доверенность Миллеру» // Ведомости. 2001. № 169. 17 сентября. С. 5.

[80] *Чародеев Г.* Африканские купола кроют чистым золотом // Известия. 2001. 27 декабря.

[81] *Короп Е.* Выходцы из России обжили юг Африки // Известия. 2002. 4 сентября.

[82] Сайт русского православного храма преподобного Сергия Радонежского: ru.st-sergius.info/index.html?did=20

[83] Там же: ru.st-sergius.info/index.html?did=36

[84] Телепрограмма «Их нравы». НТВ. Эфир: 20.02.2005.

[85] *Короп Е.* Выходцы из России обжили юг Африки.

[86] Официальный сайт Московского Патриархата (www.russian-orthodox-church.org.ru), 4 марта 2003 г.

[87] Первым изданием такого рода в Южной Африке был машинописный «Православный миссионерский бюллетень», который о. Алексей Чернай выпускал для своих прихожан в 1959–1974 гг. «Вестник» стал первым и единственным периодическим изданием «новых» российских иммигрантов в ЮАР.

[88] Вестник. Йоханнесбург, 2001. № 1. С. 3.

[89] Примечательно, что о. Алексей Чернай, настоятель русского прихода в Йоханнесбурге в 1960–1970-е гг., писал о том, что его бюллетень «к сожалению, как то не прививался, мало имел отклика… И последнее время стал выпускаться с большими перебоями отчасти по немощам моим, и отчасти, [потому] что не имел интереса, да и некоторыми он и не раскрывался». (См. Православный миссионерский бюллетень Св. Владимирской Русской Православной Церкви. Йоханнесбург. 1974. Июль–сентябрь. С. 5.) Тем не менее, о. Алексей выпускал свой бюллетень многие годы, несмотря на болезни, чрезвычайную малочисленность паствы, отсутствие средств и раскол в приходе.

[90] Сайт русского православного храма преп. Сергия Радонежского: www.st-sergius.info

[91] *О. Филарет.* Христианство в новом тысячелетии. Образование и Церковь: какой быть приходской школе? – Вестник. 2001. № 1. С. 13.

[92] Сайт русского православного храма преп. Сергия Радонежского: ru.st-sergius.info/index.html?did=32

[93] Там же: ru.st-sergius.info/index.html?did=26

[94] Там же: ru.st-sergius.info/index.html?did=31

[95] Там же: ru.st-sergius.info/index.html?did=64

[96] *Чародеев Г.* Африканские купола кроют чистым золотом // Известия. 2001. 27 декабря.

[97] *Василенко К.* Крестом по бюрократии // Время новостей. 2004. 31 марта.

[98] Там же.

[99] Беседа с о. Филаретом. Йоханнесбург, апрель 2003 г.

[100] *Лебедев В.* Золотые купола засверкали над православным храмом в Йоханнесбурге // Российская газета. 2004. 13 апреля.

[101] *Dubb A.A.* The Jewish Population of South Africa. The 1991 Sociodemographic Survey. Cape Town: Kaplan Centre, Jewish Studies and Research, UCT, 1994. P. 25.

[102] Ibid. P. 16.

[103] Ibid. P. 95.

[104] Более 30% евреев из СССР, поселившихся в Израиле в 1989–92 гг., были научными работниками. См. *Рисс И.* Статистический анализ миграционных потоков в Израиль. Диссертация на соискание ученой степени канд. экон. наук. М., 2004. С. 72.

[105] *Blumenthal I.* SA Barmitzvah for Russian Boy, Ari Germann // South African Jewish Times. 1985. 22 February.

[106] В этой больнице Кристиаан Барнард в 1967 г. провел первую в мире операцию по пересадке сердца.

[107] *Азаева Э.* Попал в чужую перестройку // Репортер. Торонто, 2005. 11 апреля.

[108] There are Immigrants as well as Emigrants // The Cape Times. Cape Town, 1997. 13 June.

[109] См. Jews of the ‘New South Africa’: Highlights of the 1998 National Survey of South African Jews // JPR / Report. L.: Institute for Jewish Policy Research, 1999. No 3.

[110] Южноафриканская еврейская община по-прежнему является крупнейшей в Африке. *Schneider M.* Spotlight Thrown on Past and Future as S. African Group Marks 100 Years // Global News Service of the Jewish People. 2003. 15 September 2003: jta.org/page_print_story.asp?inarticleid=13200.

[111] При этом интерес южноафриканских евреев к своим российским корням не угасает. Об этом свидетельствует не только обширная литература по данной теме, опубликованная в ЮАР. Геннадий Островский, автор сценария комедии Павла Лунгина «Бедные родственники», победившей на фестивале «Кинотавр–2005», вспоминает, что толчком к замыслу фильма «послужило электронное письмо, плавающее в Интернете: „Мне 82 года. Я живу в Йоханнесбурге, Южная Африка. Ищу Островских из Сосновки, выехавших оттуда в 1906 году – Дору, Иосифа и дядю Мотла. Я здесь совсем один.“» См. *Радбель Д.* Тусовка? Стимул! // Россія. 2005. 16–22 июня.

[112] *Saks D.* South African Jewry: A Contemporary Portrait // Policy Studies. Jerusalem. 2001. № 25 (www.wjc.org.il/publications/policy_studies).

[113] Впрочем, в 2002 году в ЮАР возникло движение против политики, проводимой премьер-министром Израиля Ариэлем Шароном. Петицию этого движения, которое называется «Not in Our Name» («Не от нашего имени»), подписали около 700 видных представителей южноафриканской еврейской интеллигенции. Основатель движения, министр Ронни Касрилс в 2006 г. организовал сбор подписей под декларацией, осуждающей вооруженные действия Израиля на территории Ливана, и призвал к введению санкций против Израиля. Текст декларации: www.mg.co.za/ContentImages/280452/mideastpetition2.pdf

[114] Письмо В.И. Френкеля автору, 20.03.2002.

[115] Письма В.И. Френкеля автору, 18.04.2002 и 25.07.2006.

[116] *Решетняк Н.* Иосиф Кобзон: В ЮАР был цирк // Новое время. 1991. № 44. С. 43.

[117] *Van den Bergh M.* Russiese kunstenaars soek werk in SA // Beeld. 1991. 16 Mei. Bl. 1.

[118] Их дочь, Ольга Керимова, в 2003 г. была названа лучшей выпускницей в провинции Квазулу-Наталь. См.: *Cole B.* Olga Tops – in Any Language // Daily News. 2002. 30 December. P. 1.

[119] Письмо Б. Керимова автору, 28.05.2004.

[120] *Айзенберг О.* Бывает, жизнь забросит в край иной… // Челябинский рабочий. 1998. 1 августа.

[121] *Elias L.* Capturing the Essence // Daily Dispatch. 2001. 23 May.

[122] Письмо О.В. Пантюхина автору, 13.07.2006.

[123] *Туманов Ю.* Есть ли свет в конце туннеля? Отечественная наука после постсоветских реформ // Независимая газета. 2001. 23 мая.

[124] *Давидсон А.* Едут, едут по Капстаду наши казаки… // Родина. 1996. № 9. С. 53.

[125] Письма О.В. Шипина автору, 03.06.2002 и 02.05.2002.

[126] *Gibson E.* Technikon se russiese prof 'per ongeluk' in SA bly vir eers hier // Beeld. 1997. 18 Maart. Bl. 9.

[127] Who's Who of Southern Africa. 2000. Johannesburg: Jonathan Bell, 2000.

[128] Top Scientist Realises Dream at North-West // Sunday Times' Read Right. 1998.

[129] *Казанская О.* Мыс Доброй Надежды. Карьера. 1999. № 8.

[130] Письмо М.Б. Мостовского автору, 22.05.2004.

[131] *Шубин В.Г.* Африканский конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. М.: Институт Африки РАН, 1999. С. 386.

[132] *Городнов В.П.* Центр российских исследований в ЮАР // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 207.

[133] Там же. С. 208.

[134] *Давидсон А.Б.* Русская литература в Южной Африке // Россия–Восток–Запад / РАН, Отд. лит. и яз. М.: Наследие, 1998. С. 216.

[135] *Blackburn S.* Sad Farewell to Home, then Came Success // Star. 1988. 11 August.

[136] *Blumenthal I.* SA Barmitzvah for Russian Boy, Ari Germann // South African Jewish Times. 1985. 22 February.

[137] *Van der Stad M.* Onderwyser kry hier meer as ingenieur // Beeld. 1982. 2 November.

[138] News release. University of the Witwatersrand, Johannesburg. 27 June 1984. Фонд Г. Мондри. Архив Витватерсрандского университета, Йоханнесбург.

[139] *Mondry H.* Evaluation of Ideological Trends in Soviet Dostoevsky Scholarship. PhD Thesis. Johannesburg: University of Witwatersrand, 1984.

[140] *Stein E.* Russian Émigrés Find Freedom in SA // The Citizen. 1984. 11 July.

[141] Curriculum Vitae. 1991. Фонд Г. Мондри. Архив Витватерсрандского университета, Йоханнесбург.

[142] *Соколова Н.* Русский язык в Южной Африке // Азия и Африка сегодня. 1993. № 2. С. 33.

[143] Curriculum Vitae. 1991. Фонд Г. Мондри. Архив Витватерсрандского университета, Йоханнесбург.

[144] Письмо Г. Мондри автору, 29.05.2002.

[145] *Соколова Н.* Русский язык в Южной Африке.

[146] *Мостовщиков С.* Два года советской жизни – добровольно // New Bridge. 1992. № 1. С. 8.

[147] Письмо Г. Мондри автору, 29.04.2002.

[148] Письмо И.В. Гармашовой автору, 08.06.2002.

[149] Сайт Ассоциации Юга Африки по русскому языку и культуре: www.saarlc.org.za

[150] *Garmashova I.* Russia: Travel and Communicate without Problems. Miscellanea specialia 12. Pretoria: UNISA, 1997.

[151] См., например, *Du Preez E.* Trouble-free Travel // The Citizen Today. Johannesburg. 2000. 27 October.

[152] См. *Garmashova-du Plessis I.* Modularisation: Extension of Existing Problem or New Solution? // Progressio. Pretoria. 1999. No 21 (2).

[153] Письмо И.В. Гармашовой автору, 08.06.2002.

[154] Министерство иностранных дел Российской Федерации. Доклад «Русский язык в мире». 2002. Тем не менее, южноафриканские студенты гораздо лучше осведомлены о России, чем российские – о ЮАР. Такой вывод можно сделать, ознакомившись с результатами исследования, проведенного И.В. Гармашовой в трех российских и трех южноафриканских университетах. Студенты в ЮАР смогли назвать имена 54 известных россиян, а студенты в России вспомнили имена лишь 22 известных южноафриканцев, то есть в два раза меньше. См. *Гармашова-дю Плесси И.В.* Южноафриканцы о русских – русские о южноафриканцах: сравнительный анализ персонифицированных портретов. Доклад на IX Международной конференции африканистов «Африка в контексте „Север–Юг"». Москва, 21–23 мая 2002 г.

[155] *Казанская О.* Белая Африка. Профиль. 1999. № 41.

[156] Там же.

[157] Там же.

[158] *Malan M.* Toorkuns: Ken weë en rituele. Russiese 'sangomas' wil SA mense help // Die Burger. 2003. 10 Julie. Bl. 8.

[159] *Бутрин Д., Ментюкова С.* Два литра авантюризма // Компания. 1999. № 73. 12 июля.

[160] *Дмуховский М.* Сергей Выходцев: русских хлебом не корми, дай только каши // Собеседник. 2000. № 31.

[161] Who's Who of Southern Africa. 2000. Johannesburg: Jonathan Ball, 2000.

[162] *Valentine S.* Marvol kry deur regte 'n deel van Karos // Beeld. 1993. 20 Julie. Bl. 2.

[163] Eerste regstreekse belegging uit Rusland in SA // Die Burger. 1991. 3 Desember. Bl. 20.

[164] *Галушко О.* Мост между Россией и Африкой // Международная жизнь. 1994. № 11. С. 80.

[165] Там же. С. 82-83.

[166] *Коновалов Ю.* Маленькая Москва на юге Африки // New Bridge. 1994. № 15. С. 10.

[167] *Van Bart M.* Historiese Hazendal in Kuilsrivier verkoop // Die Burger. 1994. 7 Mei. Bl. 2.

[168] *Сумской С.* «Миражи» против «МиГов». История скандальной сделки // Новая газета. 2000. № 53. С. 4; *Кислинская Л.* Медведковские мясники // Совершенно секретно. 2005. № 7.

[169] В том же году эта организация была преобразована в «Рособоронэкспорт». См. «Промэкспорт» объявил о новой тактике агрессивного продвижения российской военной техники и вооружений на африканский континент // Коммерсантъ. 2000. 18 сентября.

[170] *Kirk P.* Modise's Greasy Brotherhood // Mail & Guardian. 2002. 23 May.

[171] *Коротченко И.* Второе дыхание «Миражей» // Независимое военное обозрение. 2001. 14 сентября; *Имамутдинов И., Хазбиев А.* Дежа вю в Жуковском // Эксперт. 2001. № 29. 13 августа. С. 54–57; *Makings R.* Armscor to Unveil New ‘Russian-bomb’ Fighter Planes // Sunday Times. 2000. 27 August.

[172] *Hoffman G.* Hazendal se baas keer terug na Moskou // Die Burger. 2002. 10 Maart. Bl. 2.

[173] Письмо Г.Д. Тышлера автору, 01.02.2002.

[174] *Миниберг Л.Л.* Евреи в российском и советском спорте (1891–1991). М., 1998. С. 119.

[175] Письмо Г.Д. Тышлера автору, 18.03.2002.

[176] Победы российских спортсменов на супремарафоне «Компэдз» нашли отражение в южноафриканской комедии «Бунт на беговой дорожке» (Running Riot). Главный герой этого фильма, южноафриканец Криспин, влюбляется в Светлану, русскую участницу марафона. См.: 'Running riot' se première // Beeld. 2006. 10 November.

[177] *Muller H.* Cold Enough, Comrade? // You. Johannesburg, 2004. July. P. 130.

[178] Беседа с А.К. Игнатенко. Москва, 26.02.2003.

[179] См., например, *Greshnev D.* So ver en tog so naby // Die Burger. 1991. 5 Oktober. Bl. 4; *Greshnev D.* Só leer jy ‘n land die beste ken // Die Burger. 1992. 2 Mei. Bl. 9.

[180] Первый российский студент у мыса Доброй Надежды. Из переписки отца с сыном // New Bridge. 1992. № 1. С. 8.

[181] Письмо И.Д. Згерского автору, 25.08.2006.

[182] «Не самый быстрый способ заработать миллионы…» // New Bridge. 1994. № 18. С. 8.

[183] Беседа с вице-консулом Л.А. Дублик. Кейптаун, апрель 2004 г.

[184] Шубин В.Г. Африканский конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. М.: Институт Африки РАН, 1999. С. 410.

[185] Сайт Елены: www.womenrussia.com/who.htm

[186] *Kirsten J.* Haai, general, die Russe is op ons! // Die Burger. 2004. 28 Augustus. Bl. 8.

[187] Письмо Т.Ю. Калязиной автору, 10.03.2003.

[188] *Spagnoletti N.* Mail Order Wives from Russia: anastrophe.co.za, 25 April 2000.

[189] *Крылова Н.Л.* Русские женщины в Африке. Проблема адаптации. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. С. 10, 58.

[190] В других странах Африки проблемы с трудоустройством наших соотечественниц вызваны, прежде всего, ограничениями в трудовом законодательстве, касающимися иностранцев, или же просто негативными представлениями об участии женщин в производственном процессе. Впрочем, важны и такие характерные для ЮАР причины, как острая конкуренция на рынке труда, недостаточное знание местного языка и отсутствие материальной необходимости работать. См. *Крылова Н.Л.* Русские женщины в Африке. С. 215, 253.

[191] *Kirsten J.* Haai, general, die Russe is op ons! // Die Burger. 2004. 28 Augustus. Bl. 8.

[192] См. *Крылова Н.Л.* Русские женщины в Африке. С. 239.

[193] *Grange H.* Liefde is… ‘n reenboog // Huisgenoot. 2004. 15 Julie. Bl. 120-21.

[194] Беседа с Л. Ндлову. Дурбан, май 2004 г.

[195] United States Court of Appeals. For the 2nd Circuit. Summary Order. 13 September 1996.

[196] См., например, *Friedman R.I.* Red Mafiya: How the Russian Mob Invaded America. Boston: Little, Brown and Co., 2000. P. 57–61.

[197] *Gastrow P.* Main Trends in the Development of South Africa’s Organised Crime // African Security Review. 1999. Vol 8, No 6: www.iss.co.za/Pubs/ASR /8No6/MainTrends.html

[198] *Shaw M.* Organised Crime in South Africa. Unpublished briefing paper. Institute for Security Studies. Halfway House, 1997. July.

[199] *Shaw M.* Organised Crime in Post-Apartheid South Africa. Ocasional Paper No 28. Institute for Security Studies. Halfway House, 1998. January: www.iss.co.za/Pubs/PAPERS/28/Paper28.html

[200] Никишов С. Не ходите, братаны, в Африку гулять // Новая газета. 1998. 9 февраля.

[201] Свидетельство об одном из случаев задержания граждан России по такому обвинению: Россияне арестованы в ЮАР за торговлю алмазами. Utro.ru, 27 апреля 2002 г.: www.utro.ru/articles/20020427092629754 22.shtml

[202] *Ancer J.* Underworld Crime Syndicates are Going Down // The Star. 2003. 17 November. P. 3.

[203] *Gastrow P.* Main Trends in the Development of South Africa’s Organised Crime.

[204] *Абаринов В.* На кончике «Иглы» // Совершенно секретно. 2003. 8 сентября; *Апостолова А.* Виктор Бут опять помог «Аль-Кайеде» // Газета. М., 2002. 3 сентября.

[205] *Farah D.* Arrest Aids Pursuit of Weapons Network // The Washington Post. 2002. 26 February.

[206] Lenta.ru, 1 ноября 2006 г. (www.lenta.ru/articles/2006/11/01/bout)

[207] Сообщения РИА-Новости, 20 и 21 марта 2002 г.

[208] Заявление Посольства РФ в ЮАР «К вопросу о российских летчиках», 20 марта 2002 г.

[209] *Симакин Д.* Прерванный полет // Независимая газета. 2002. 21 марта.

[210] Oservatoire Geopolitique des Drugs. Annual Report 1998/1999. P.187: www.ogd.org/2000

[211] *Mufweba Y.* Foreign Thugs Rule // Saturday Star. 2003. 15 November.

[212] *Никишов С.* Не ходите, братаны, в Африку гулять // Новая газета. 1998. 9 февраля.

[213] *Tsedu M.* Russia Linked to Arms and Drugs in SA // Cape Argus. 1998. 28 November.

[214] Сайт Министерства внутренних дел РФ (www.mvdinform.ru), 24 ноября 1998 г.

[215] *Игорев А., Баринов В.* Бригада Саши Белого // Газета. М., 2006. № 17. 3 февраля; *Witbooi M.* Tip-off Fails to Save Russian Duo // Cape Argus. 2006. 19 January. P. 3.

[216] *Гришин А.* «Бригада» из Йоханнесбурга // Время новостей. 2006. № 18. 3 февраля.

[217] Репортаж С. Косарева. «Новости». Первый канал. 2 февраля 2006 г. (www.1tv.ru/owa/win/ort6_main.main?p_news_title_id=85703&p_news_razdel_id=)

[218] IOM International Organization for Migration. The Trafficking of Women and Children in the Southern African Region. Presentation of Research Findings. Sheraton Hotel, Pretoria, 2003. 24 March. P.7.

[219] *Smith C.* SA Leads World in Sex Slave Trade // Sunday Tribune. 2004. 21 March. P. 1.

[220] Масштабы торговли людьми угрожают национальной безопасности России. Утро.ру, 16 апреля 2004 г.

[221] *Smith C.* SA Leads World in Sex Slave Trade. Также см. *Rondganger L.* Riddle of Skeleton Home // The Star. 2006. 27 January.

[222] Trafficking in Women and Children for Sexual Exploitation in Southern Africa. IOM Southern Africa. May 2003.

[223] IOM International Organization for Migration. The Trafficking of Women and Children in the Southern African Region. P. 2−3, 15.

[224] Trafficking in Women and Children for Sexual Exploitation in Southern Africa.

[225] Ibid.

[226] *Smith C.* SA Leads World in Sex Slave Trade // Sunday Tribune. 2004. 21 March. P.1.

[227] Trafficking in Women and Children for Sexual Exploitation in Southern Africa.

[228] До 2000, когда «Рэнч» был закрыт властями ЮАР, это заведение считалось самым престижным мужским клубом страны. Помимо россиянок, здесь работали проститутками женщины из Румынии и Болгарии. См. *Ellis E.* Pimp Tells How He Recruited Ranch Prostitutes // The Star. 2004. 20 January.

[229] Brothels Get the Heat // Mail & Guardian. 2000; 7 February; *Wa ka Ngobeni E.* Local Hookers Claim the Street // Mail & Guardian. 1999. 12 February.

[230] The Trafficking of Children for Purposes of Sexual Exploitation – South Africa. A Report by Molo Songololo. August 2000. P. 41.

[231] Ibid.

[232] Ibid. P. 43.

[233] *Федорович В.* Бывшие наемники против бандитов // Известия. 2002. 8 августа.

[234] Там же. См. также *Van Zilla L.* Scorpions Raid Cape's 'Mafia Underboss' // Cape Times. 2002. 5 September.

[235] *Ушкин М.* «Русская мафия» обнаружена в Африке, а в Болгарии – нет // Іностранец. 1998. 11 марта.

[236] Информация о сферах деятельности «русской мафии» в других странах взята из статьи Алексея Мухина «Всемирность и народность “русской мафии”» (Кто есть кто. М., 2003. № 2).

[237] В своем исследовании современной российской иммиграции в США А.М. Божева отмечает, что с середины 1990-х в эту страну уезжают, в основном, молодые специалисты и их отъезд изначально имеет временный характер. Кроме того, на протяжении последнего десятилетия XX в. Россия и Украина оставались

главным источником невест, приезжающих из Европы в США. См. *Божева А.М.* Четвертая волна российской иммиграции в США. Дисс. канд. геогр. наук. СПб, 2006. С. 82, 117.

[238] *Чародеев Г.* Африканские купола кроют чистым золотом // Известия. 2001. 27 декабря.

[239] См.: *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь: «Золотая буква», 2002. С. 318.

[240] Сообщение на форуме ЮАР.ру, 26.07.2001.

[241] Письмо *О.В. Пантюхина* автору, 13.07.2006.

ПОДВЕДЕМ ИТОГИ

Российская иммиграция в Южную Африку была численно и качественно неравномерной в разные исторические периоды. Для периода с конца Второй мировой войны по настоящее время характерны два типа иммиграции: индивидуальная (до «перестройки» и последние десять лет) и дисперсно-массовая[1] («перестройка» и первая половина 1990-х).

Здесь в среде иммигрантов из России можно выделить две основные социально-этнические группы. Во-первых, это десятки тысяч русских евреев, подавляющее большинство из которых приехали в Южную Африку до Второй мировой войны в результате массового исхода из Прибалтики и Белоруссии. Во-вторых, это более сотни русских, украинцев и прибалтийских немцев, поселившихся там, преимущественно, в конце 1930-х – начале 1950-х гг., предчувствуя надвигавшуюся войну или спасаясь от ее последствий. Советские евреи, приезжавшие сюда, как правило, через Израиль, бывшие «перемещенные лица», моряки, бежавшие с советских кораблей, бросивших якорь у южноафриканских берегов, а также прочие эмигранты из СССР, поселившиеся в Южной Африке, были крайне малочисленны и разобщены, а потому многие из них быстро ассимилировались.

К 1950-м гг. организации русских евреев в ЮАС прекратили существование из-за успешной адаптации иммигрантов и повышения их социально-экономического положения. Притока молодых сил в такие организации не было, поскольку дети русских евреев считали себя южноафриканцами, прекрасно интегрировались в южноафриканское общество и удовлетворяли свои религиозно-этнические потребности в рамках общин и организаций, не связанных напрямую со страной происхождения их родителей.

Упадок эмигрантских общин свидетельствует о том, что у иммигрантов пропадает необходимость в таких объединениях. Иммигрант больше не ищет поддержки и понимания исключительно среди своих земляков, и общинные механизмы оказываются лишними. Теперь он уже может реализовать себя, не ограничивая себя связями со страной исхода. Особенно, если его соотечественники играют важную роль в экономике, культуре, общественной жизни и даже политике страны его нынешнего пребывания, как это наблюдалось в Южной Африке. Тот факт, что в 1940-е гг. в правительстве Смэтса русский еврей Г. Глюкман занимал пост министра, говорит о том, что первое поколение еврейских эмигрантов из России успешно интегрировалось в принимающее общество ЮАС.

Русским евреям, приезжавшим в Южную Африку непосредственно из Российской Империи, после непродолжительной остановки в европейских портах, пришлось столкнуться с совершенно новой, непривыч-

ной для себя средой, с чужими обычаями, языком, культурой, с необходимостью научиться выживать в этом мире. Они, судившие об этой стране по письмам друзей и родных, статьям в еврейской прессе, а возможно, и просто по слухам, выросшие в патриархальных и религиозных семьях в Литве, Латвии, Белоруссии, на первых порах переживали стресс на новом месте, ощущали себя потерянными, лишенными корней, беспомощными. Даже службы в синагогах в Южной Африке значительно отличались от тех, которые были привычны для русских евреев. Но этим же людям, после трудного и болезненного периода адаптации, суждено было не только взять под свой контроль местные еврейские организации и внести изменения в богослужения, но и стать одной из самых влиятельных групп южноафриканского населения.

Начиная с 1950-х гг., уже не имеет смысла выделять выходцев из России из общей массы южноафриканского еврейства. К этому времени десятки тысяч русских евреев в ЮАС потеряли свою самобытность и фактически растворили в себе местную еврейскую диаспору. С родиной их уже не связывало ничего, кроме воспоминаний и русского языка, который кое-кто из них еще помнил. Многие евреи из бывшей Российской Империи искренне симпатизировали СССР, особенно в годы Второй мировой войны, но их интересы, семейные дела, работа и общественная деятельность были связаны уже не с Россией, а с Южной Африкой. Русские евреи объединились с местным еврейством, заняв его место и став южноафриканцами. По словам З.И. Левина, «диаспора остается таковой лишь до тех пор, пока в ее ментальности сохраняется этнокультурная специфика и пока ее члены сознают свою инакость в окружающем социуме». Для русских евреев середины XX в. Южная Африка стала второй родиной, «полюсом гражданской и политической лояльности»[2].

Что касается русских эмигрантов, то в послевоенные десятилетия их адаптация к местным условиям проходила не столь тяжело, как у русских евреев. Во-первых, это были, в основном, представители второго поколения русских беженцев. Они родились уже в зарубежье или покинули Россию еще в детстве и выросли за границей. Большинство из них в совершенстве владели иностранными языками, обладали богатым опытом адаптации к инокультурной и иноязычной среде, получили хорошее образование, позволявшее устроиться на достойную работу. Многие ехали в ЮАР, предварительно заключив контракты с южноафриканскими компаниями или университетами. В общем, большинство русских эмигрантов уже были адаптированы к жизни в западном капиталистическом обществе и хорошо знакомы с ценностями принявшего их белого южноафриканского общества.

Русские эмигранты, поселившиеся в Южной Африке, уже не рассчитывали на возвращение в Россию и были готовы искать для себя новые места работы и жительства в других странах и на других конти-

нентах. Конечно, для того, чтобы отправиться не в обжитые и освоенные русскими США, Австралию и даже Латинскую Америку, а в экзотическую Южную Африку, нужны были привлекательные финансовые условия и доля авантюризма. Но все же, если говорить об Африканском континенте, ЮАС значительно больше подходил для жизни европейского населения, чем, например, Бельгийское Конго, Марокко, Тунис или Алжир.

В Южной Африке русские эмигранты оказывались в привычных для себя условиях вестернизированного общества (речь идет, конечно, о «белой» Южной Африке) и не испытывали того шока, который пришлось пережить русским, прибывшим после революции в мусульманскую Северную Африку. Адаптацию русских эмигрантов ускоряло сходство между культурными и политическими традициями Европы и «белой» Южной Африки, благоприятный климат, развитая инфраструктура и наличие дешевой рабочей силы в лице черных. Здесь русским эмигрантам не приходилось, как в довоенной Северной Африке, привыкать к жизни в тяжелых климатических условиях или соглашаться на низкооплачиваемую, малопрестижную работу и чувствовать себя людьми второго сорта.

Кроме того, несмотря на периодические волнения в черных пригородах (например, в Шарпевилле и Соуэто), положение белых в ЮАР, в отличие от других африканских территорий, оставалось вполне прочным вплоть до конца 1980-х гг., а высокий уровень экономического развития страны обеспечивал соответствующий уровень жизни для белого населения. И если в бывших африканских колониях в 1950-е гг. наблюдался упадок русских общин из-за массовой эмиграции после обретения этими странами независимости, а впоследствии из-за активного проведения новыми правительствами политики «африканизации», то в Южной Африке в тот же период русские общины только зарождались и пополнялись.

В то же время, у русских в Южной Африке, в отличие от североафриканских стран, вплоть до 1950-х гг. не было собственных организаций, объединений, не говоря уже об общинах. Как известно, в Тунисе, Марокко, Египте еще до Второй мировой войны проживали тысячи русских эмигрантов, имевших свои церкви, ассоциации, общества взаимопомощи и даже печатные издания. Русская иммиграция в эти страны была компактно-массовой: в относительно краткие сроки в странах Магриба оказались тысячи офицеров и солдат Белой армии и гражданских лиц, а также целая Черноморская эскадра. А русская иммиграция в Южную Африку вплоть до второй половины 1980-х была индивидуальной. Во время Второй мировой войны и после нее русские общины в Северной Африке пополнились за счет «перемещенных лиц», недавних советских граждан, а также «русских французов», ехавших сюда в поисках работы. Некоторые русские эмигрантские организации в странах Магриба существовали и после войны. Поэтому вплоть до середины 1950-х гг. северо-

африканские русские диаспоры были гораздо крупнее и организованнее южноафриканской.

Хотя уровень адаптации русских эмигрантов к жизни в условиях Южной Африки был высок, в их среде сохранялись специфически русские этнокультурные доминанты, усвоенные еще с детства. Они не принимали советскую власть в России[3], но ощущение эмиграции как миссии было у них не таким острым, как у их родителей. Тем не менее, именно гордость за русскую культуру, народ, религию, язык, желание сохранить русское наследие объединило южноафриканскую русскую диаспору.

З.И. Левин пишет о «нравственном императиве» как причине сохранения этнокультурной специфики иммигрантской общины[4]. По-видимому, именно этот императив явился основной причиной создания русских общин в Йоханнесбурге, Кейптауне, Дурбане. Слово «нравственный» в данном случае используется в нейтральном значении и связано с этическими представлениями эмигрантов. Предпосылками создания общины также становятся отторжение диаспоры принимающим обществом, «критическая масса» иммигрантов и компактность их расселения, возникающая среди них необходимость искать поддержку, помощь среди соотечественников. Итак, община возникает как альтернатива ассимиляции и в некоторых случаях способна существовать даже на стадии продвинутой интеграции ее членов в принимающее общество.

У русских в Южной Африке, большинство из которых можно было отнести к среднему классу, очевидно, не было экономических предпосылок к объединению. Работу они могли найти и без помощи своих соотечественников. В частности, этому способствовали нехватка квалифицированных специалистов в ЮАР и резервирование рабочих мест для белых. Благоприятное отношение властей страны к европейским иммигрантам и малочисленность русской диаспоры привели к тому, что здесь не сложился стереотип русского иммигранта, с присущим ему набором специальностей и сфер деятельности, который значительно затрудняет выход за пределы определенной ниши (как это было, например, у русских во Франции в 1930-е гг.).

Русские могли заниматься бизнесом с южноафриканцами, и у них не было нужды искать деловых партнеров только среди русских. Знание нескольких языков и опыт адаптации к жизни в западном обществе позволял русскому иммигранту найти друзей среди местных жителей. «Чем ближе диаспора к автохтонам в цивилизационном отношении, – отмечает З.И. Левин, – тем выше ее статус»[5]. Русские в Южной Африке как люди «белой» расы были близки белому населению страны, не подвергались дискриминации и, как правило, не страдали от предубежденности и предрассудков. А значит, социальная изоляция также не могла стать для большинства русских эмигрантов причиной к объединению. Это, в особенности, относится к основателям йоханнесбургского Общества русских эмигрантов, крупнейшей русской общинной организации

страны. О степени интеграции русских в южноафриканское общество свидетельствует наличие в ее среде непропорционально большого числа видных деятелей науки, искусства, бизнеса, таких как В. Третчиков, В. Иванов, К. Бельмас, Ю. ван Зон, Б. Балинский, К. Владыкин[6].

Таким образом, в Южной Африке 50–60-х, очевидно, не было социально-экономических предпосылок создания русской общины. Отсутствовали также компактность расселения и «критическая масса» иммигрантов, а такая малочисленность обычно является серьезным препятствием созданию общины[7]. На всей территории Южной Африки в 1940–1985 гг. проживало не более 200 русских иммигрантов. Эти люди жили дисперсно в городах и сельской местности. Дисперсность расселения русских была обусловлена их значительной социальной мобильностью и высоким образовательным уровнем, что увеличивало самостоятельность иммигрантов и скорость их адаптации.

Итак, русские в Южной Африке были вполне интегрированы в жизнь принявшего их общества и, по-видимому, единственным объяснением их противостоянию ассимиляции являются незавершенная аккультурация и, как следствие, особый «нравственный императив», усвоенное от родителей чувство важности сохранения своего особого этнического самосознания. З.И. Левин даже считает такую приверженность расовой и этнической «самости» актом самозащиты, «когда иммигрант осознает пределы возможности своей ассимиляции»[8]. Но в нашем случае следует, наверное, говорить о сознательном ограничении собственной ассимиляции. Например, далеко не все русские приняли гражданство ЮАР: некоторые из них до конца жизни оставались лицами без гражданства, хотя они, при желании, могли получить южноафриканский паспорт. Большинство местных русских не ощущали себя южноафриканцами, а значит, Южная Африка не стала для них «полюсом гражданской и политической лояльности». Кроме того, эрозия этой немногочисленной диаспоры затруднялась отчетливо сознаваемой связью с культурой и историей такой могущественной страны, как Россия, и с наследием и ценностями Русского Зарубежья, с его консервативными и мессианскими идеями.

Наши соотечественники в Южной Африке обратились к традиционным методам организации Русского Зарубежья. В 1952 г. они основали «Общество русских эмигрантов» в Йоханнесбурге и его филиалы в Кейптауне и Дурбане, а затем пригласили священника Русской православной церкви за границей, который перенес свою резиденцию из Кении в ЮАС. В последующие годы Южная Африка стала практически единственным центром русского православия к югу от Сахары, а йоханнесбургская община – главной в Южной и Центральной Африке. Ведь во многих иммигрантских общинах церковь выступает в роли интеграционного центра, где иммигрант может почувствовать себя среди своих, культурного очага, а не только места для молитв и богослужений[9].

Важной чертой русской диаспоры Южной Африки был ее конформизм, законопослушность, нежелание вмешиваться в политику. Стремление «не высовываться», избежать конфликтов, обрести покровителей среди высокопоставленных чиновников свойственно любой диаспоре, особенно малочисленной[10]. З.И. Левин отмечал, что «в общественно-политической жизни принимающей страны диаспоры, как правило, пассивны»[11]. Если даже многотысячное южноафриканское еврейство отмежевывалось от своих представителей, которые посмели открыто выступить против апартеида (среди них было немало русских евреев и их потомков), то можно понять и русскую общину, стремившуюся заявить о своей благонадежности, особенно ввиду возможных подозрений относительно ее связей с «красной» Россией и суровых репрессий со стороны властей. Кроме того, зачем русским эмигрантам было выступать в защиту черного населения, если эти группы населения разделяла стена отчуждения и недоверия (как, например, русских и арабов в Северной Африке)[12]; если левые идеи в среде русских эмигрантов были крайне непопулярны и связывались с коммунизмом; и, наконец, если политическое и экономическое неравноправие белых и небелых было выгодно русским эмигрантам, как и всему европейскому населению страны?

Последовавший в конце 1960-х раскол в йоханнесбургской общине и основание «Русского дома» тоже характерны для Русского Зарубежья с его внутренними распрями, многочисленными организациями и группировками. Приход в Йоханнесбурге был упразднен в 1974 г., а «Русский дом» просуществовал до конца 1990-х гг. как светская организация, хотя раз в месяц здесь проводились получасовые богослужения.

Русская диаспора в Южной Африке не смогла продвинуться в своем развитии дальше стадии образования общины, для которой свойственно накопление иммигрантской массы и ее структурирование, а также появление специфических институтов, таких, как, например, церковь. Русские иммигранты создали условия для самореализации в рамках общины: организовывали праздничные вечера, костюмированные балы, концерты, в том числе и благотворительные, собирали пожертвования на создание церкви и на помощь неимущим членам общины. Но ставшее заметным к концу 1970-х гг. ослабление русской диаспоры ЮАР и связей между членами общины внутри страны и за ее пределами, превращение общинных центров во все более эфемерные образования, не более чем «символы существования диаспоры»[13], произошли не только из-за отсутствия значительного притока русских иммигрантов и отъезда русских из бывших африканских колоний.

Гораздо важнее, что дело «старых» иммигрантов не продолжили их дети, ставшие уже стопроцентными южноафриканцами. Они не видели необходимости в сохранении русского языка и культуры, имели слабое представление о русских традициях и истории. И причина тут не в их «несознательности» или в неспособности русских родителей передать

детям свою любовь к России, «научить их патриотизму». Просто общине, особенно такой несплоченной и размытой, очень сложно противостоять разрушающему действию принимающего общества, его образа жизни и информационного поля.

Первое поколение русских иммигрантов в ЮАР было связано с Россией по рождению и по воспитанию, по установкам и ценностям, усвоенным в детстве и юности в таком мощном культурном поле, каким было Русское Зарубежье до Второй мировой войны. «Наиболее активной силой для будущего преобразования [России] должны были стать европейски образованные, мыслящие люди, опирающиеся в своей деятельности на российскую культурную традицию», – пишет об эмигрантской молодежи 20–30-х гг. И.В. Сабенникова[14]. Их дети в Южной Африке не имели таких же непосредственных впечатлений о России, ее культуре и традициях. Они были изолированы от России, в то время как «тесная связь с родиной в любой форме способствует сохранению в диаспоре этнической социокультурной матрицы»[15], а значит и специфического менталитета этой диаспоры. Идеология Русского Зарубежья, предполагавшая спасение русской культуры для предстоящего возвращения в Россию не была близка детям русских эмигрантов в Южной Африке, а коммунизм их научили ненавидеть не только родители, но и южноафриканская пропаганда. Но четкой модели сохранения русского национального самосознания в рассеянии без обязательного возвращения в Россию не существовало.

Важным фактором размывания общины и ослабления диаспоры также стали межэтнические браки, распространенные даже среди представителей первого поколения русских жителей Южной Африки. Смешанные браки обычно приводят к разрушению специфической ментальности диаспоры. Левин называет их «особенно мощным фактором самоуничтожения диаспоры»[16].

Дети, рожденные в таких браках, как правило, обладают смутным этническим сознанием. Супругами русских эмигрантов в Южной Африке часто становились не только южноафриканцы, но и французы, англичане, бельгийцы, немцы, греки, сербы. Поэтому для второго поколения русских эмигрантов вопрос этнической самоидентификации становился еще более сложным. Им, выросшим в условиях бикультуризма и двуязычия, осложненных поликультурным характером южноафриканского общества, был необходим серьезный стимул, чтобы ассоциировать себя именно с русскими. Но такой стимул в Южной Африке 50–80-х отсутствовал, а значит, не было и психологического барьера, препятствовавшего ассимиляции. Впрочем, второе поколение русских эмигрантов иногда проявляло интерес к русской культуре, истории, традициям, но уже «как к чему-то стороннему»[17].

Община, основой существования которой являлась идеология, «русская идея», а не объективные социально-экономические предпосылки,

может иметь будущее лишь при возникновении новых факторов, например, дискриминации иммигрантов и их детей по этническому признаку. Иначе такой общине сложно удержать иммигрантов в своей орбите. Таким образом, исчезновение русской диаспоры ЮАР к началу 1980-х представляется неизбежным.

Если говорить о российской иммиграции, начавшейся в конце 1980-х, надо отметить, что главная причина переезда наших соотечественников в Южную Африку в последние 15–20 лет почти не отличалась от мотивации российских иммигрантов 30–70-х гг. Это два поколения «трудовой эмиграции». Считается, что «новые» иммигранты покинули Родину, прежде всего, по экономическим мотивам. Но и те россияне, которые обосновались в Южной Африке после Второй мировой войны и до начала «перестройки» ехали туда, желая обрести материальное благополучие и достигнуть благосостояния. Они переезжали в страну с прекрасным климатом и со стабильными политико-экономическими условиями, в которой белому иммигранту было гораздо легче найти достойную работу, чем, к примеру, в послевоенной Европе. Действительно, их родители или они сами эмигрировали из России, главным образом, из-за неприятия советской власти и страха за свою жизнь. Но их повторная эмиграция – из Европы, Китая, Южной Америки в Южную Африку – объяснялась, прежде всего, экономическими причинами.

Далеко не всех наших соотечественников, поселившихся в ЮАР в последние пятнадцать лет, можно назвать «эмигрантами» в прежнем значении этого слова. Бунин, один из идеологов русской эмиграции, считал, что эмигранты – это «люди, добровольно покинувшие родину». Но, при этом, он считал основной причиной послереволюционной русской эмиграции то, что эмигранты «так или иначе не приняли жизни, воцарившейся с некоторых пор в России, были в том или ином несогласии, в той или иной борьбе с этой жизнью и, убедившись, что дальнейшее сопротивление грозит нам лишь бесплодной, бессмысленной гибелью, ушли на чужбину»[18]. Вероятно, эти же слова применимы и ко многим эмигрантам из СССР 40–80-х годов, например, к диссидентам или перемещенным лицам, не пожелавшим возвращаться на родину.

Сегодня причины эмиграции россиян уже не политические, а, главным образом, экономические. Теперь наши соотечественники, в отличие от своих предшественников, могут в любой момент вернуться в Россию, не опасаясь кары властей. Процесс глобализации, в который они вовлечены, ведет к созданию мира «пересекающихся экономик, перекрещивающихся систем ценностей и фрагментарных идентичностей»[19]. «Многие члены диаспор долгое время живут в принимающей стране, сохраняя семью, жилье, связи, профессиональные и личные контакты, как в стране исхода, так и в стране поселения, – считает социолог Вячеслав Попков, и его слова применимы к современной русскоязычной диаспоре ЮАР. – Интенсивность таких контактов со странами исхода благодаря

современным средствам передвижения и массовой коммуникации находится на очень высоком уровне. По сути, это делает возможным проживание сразу в двух культурах… Широко распространенным феноменом являются мультилокальные семьи в двух национальных государствах, когда родители и дети живут в семьях, находящихся в двух разных государствах… Существуют „старые“ мигранты, которые возвращаются в страну происхождения, в то время как их взрослые дети и внуки остаются в странах иммиграции»[20].

Еще в 1993 г. Ю.С. Борисов, исследователь Русского Зарубежья, высказал мнение, что «когда наши люди получат возможность только по личной инициативе в любое время выезжать за пределы страны, не теряя при этом гражданства, и возвращаться по личному желанию, эмиграция как историческое явление целиком уйдет в прошлое. Понятие «эмигрант», очевидно, сохранится лишь в сугубо демографическом смысле слова, чтобы отличить коренное население каждой страны от переселенцев, живущих в ней постоянно или долгое время»[21].

Но понятие «трудовая эмиграция» не потеряло своего значения и для последних 15–20 лет. Возможно, следует, подобно Л.И. Еременко, говорить об исчезновении «проблемы Русского Зарубежья как социально-культурного феномена» и больше не ставить знак равенства между понятиями «эмигрант» и «беженец» или «диссидент». По мнению И.В. Сабенниковой, «современные социологические энциклопедии определяют эмигранта как человека, выезжающего из страны по собственному желанию с тем, чтобы стать гражданином другого государства»[22]. Неизвестно, как сложится судьба большинства россиян, проживающих сегодня в ЮАР: пожелают ли они вернуться в Россию, продолжат ли жить в Южной Африке или переселятся в какую-то другую страну. Далеко не все из них стремятся получить южноафриканское гражданство. Поэтому в этой книге по отношению к ним применяется нейтральное словосочетание «российские иммигранты».

Наши соотечественники, постоянно проживающие сегодня в Южной Африке, – это, в основном, люди предприимчивые, динамичные, заранее готовые к адаптации в непривычных условиях. Это профессионалы, квалифицированные специалисты, предприниматели. Социально-экономические условия в ЮАР с ее многомиллионной армией бедняков и безработных не позволяют надеяться на получение должности, не требующей образования. Такая ситуация согласуется и с тенденцией к изменению потребностей мирового хозяйства, когда в течение последнего столетия «эмиграцию, в которой абсолютно преобладала рабочая сила для плантаций, рудников, строительства железных дорог, для лесоразработок, сменила эмиграция, ориентированная преимущественно на современные отрасли промышленности, городское хозяйство, торговлю, сферу обслуживания»[23]. В общем, положение российской эмиграции в других странах (в Европе, Израиле, Австралии) аналогич-

но. Наши соотечественники там – это, как правило, интеллигенция или предприниматели.

Многочисленные попытки создания русскоязычных общин в крупных городах ЮАР увенчались успехом лишь в конце 1990-х гг. с возникновением прихода Русской православной церкви в Мидранде, на полпути между Преторией и Йоханнесбургом. Хотя непосредственным поводом для появления русской церкви в Южной Африке стало обращение группы соотечественников, открытие этого прихода соответствовало устремлениям Московской Патриархии к освоению новых территорий и намерениям российского МИДа более эффективно организовать работу с россиянами, проживающими в ЮАР. Таким образом, в организации первой в Южной Африке ассоциации «новых» российских иммигрантов приняли участие не только сами соотечественники, как это было в 50–60-е гг., но также государственные органы РФ, московская церковь и спонсоры – крупные российские компании.

Потенциально временный характер пребывания наших соотечественников в ЮАР предопределяет их скептическое отношение к целесообразности общинной организации или к интеграции в южноафриканское общество. Для многих из них «эмиграция – временная отлучка, не требующая отказа от привычных норм и представлений»[24]. До сих пор сохраняющееся социально-экономическое неравенство между белыми и небелыми и заблаговременно заключенные контракты обеспечивают нашим соотечественникам достойный уровень жизни и, как минимум, сохранение того социального статуса, которое они имели в России. А схожесть менталитетов россиян и белых южноафриканцев облегчают адаптацию к новой среде. Как и в других странах, в ЮАР наши соотечественники селятся дисперсно (преимущественно в городах), что мешает объединению диаспоры. Атеистическое воспитание, полученное подавляющим большинством «новых» россиян, позволяет им не заботиться об удовлетворении религиозных потребностей. Соответственно, и конфессиональные различия между ними и местным населением, особенно белым, для них не очень важны и не становятся причиной объединения.

Тем не менее, объективные экономические, социальные и демографические предпосылки создания общины уже складываются. Правительство АНК проводит курс на предпочтительное предоставление рабочих мест небелым и усложнение получения права на постоянное жительство в стране. А значит, россиянам становится труднее закрепиться в ЮАР и найти здесь новую работу. Тут могут помочь соотечественники, например, те, кто имеет в Южной Африке свое дело. Число россиян в стране медленно увеличивается, а значит, растет «критическая масса», необходимая для возникновения общины не только в Йоханнесбурге, но и в других крупных городах страны. Появился такой специфический контингент российских иммигрантов, как «русские жены». Продолжительное пребывание в ЮАР и отсутствие реальной возможности найти дос-

тойную работу в России порождает ностальгию. Праздничные богослужения и мероприятия в мидрандской церкви регулярно посещают около двухсот россиян. Самими соотечественниками, при поддержке российского консульства, предпринимаются активные попытки организовать общину в Кейптауне.

Но будет ли пребывание россиян в Южной Африке действительно временным? Ведь при удачной интеграции иммигранта его желание вернуться на родину слабеет. Показателен пример первого поколения турецких иммигрантов в Германии, один из которых говорил: «Девяносто девять процентов из нас приехали сюда с мыслью через несколько лет вернуться в Турцию. Но мы привезли сюда свои семьи, мы привыкли жить в упорядоченном, дисциплинированном обществе... Мы хорошо зарабатываем. Наши дети не чувствуют себя полноценными турками. Желание вернуться начинает угасать. Я могу вернуться, выйдя на пенсию, но не раньше»[25].

В ЮАР контакты между «старыми» российскими иммигрантами и их детьми, с одной стороны, и «новыми» российскими иммигрантами, с другой стороны, как правило, случайны,. Впрочем, это свойственно и для российских диаспор в других странах мира, например, в Западной Европе. Представители обеих волн русской эмиграции осознают разделяющий их культурно-идеологический барьер. Поэтому «новые» не продолжили дело «старых», и «Русский дом» в Йоханнесбурге был закрыт. «Новые» российские иммигранты основали собственный общинный центр, и теперь уже «старые» иммигранты приходят туда как гости. Наши соотечественники в ЮАР имеют смутное представление о предыдущих волнах российской иммиграции в эту страну. Преемственности между этими иммиграционными волнами так и не возникло. Это типично и для других стран Африканского континента, но, разумеется, такое положение не облегчает адаптацию вновь прибывших иммигрантов[26].

Большинство «новых» российских иммигрантов в ЮАР, в отличие от «старой» русской диаспоры, представляют собой классический пример первого поколения иммигрантов на стадии выживания на чужбине. З.И. Левин так описывает эту стадию: «Контакты между иммигрантами случайные, люди часто связаны между собой только силой обстоятельств... и не обладают групповым сознанием... Каждый в одиночку борется за выживание в меру индивидуальной способности. Здесь каждый – сам по себе, взаимопомощь в зачатке... Община пока еще не сложилась, ее реакция на воздействие социального окружения непредсказуема, у нее нет коллективного ответа; каждый мигрант реагирует на свой лад»[27].

Они адаптированы к жизни в принимающем обществе, но не допускают интеграции в него. Полюсом гражданской и политической лояльности для них по-прежнему является Россия, и они не считают себя южноафриканцами, – скорее россиянами, «волею судьбы» оказавшимися на

юге Африки. Процент межэтнических браков среди них невелик. Что касается русских жен, то в ЮАР, как и в других частях Африканского континента, они сталкиваются с «этнокультурным одиночеством» (термин Н.Л. Крыловой[28]), изоляцией от диаспоры, но, тем не менее, пытаются объединяться, общаться друг с другом. В целом, россияне в Южной Африке объединяются, как правило, на основе групп по интересам. Та же разобщенность и отсутствие осознанного общинного интереса наблюдаются и среди российских иммигрантов в некоторых странах Европы.

Даже такие известные в Южной Африке деятели, как Дмитрий Гришин, Марк Волошин, Геннадий Тышлер, Эдуард Мясников в местной прессе именуются не южноафриканцами российского происхождения, как это было, к примеру, с В. Ивановым или В. Третчиковым, а исключительно «русскими». Это свидетельствует о том, что и южноафриканское общество до сих пор воспринимает российскую иммиграцию как нечто постороннее, инородное. Тем не менее, по утверждению многих наших соотечественников, в ЮАР отношение к ним преимущественно доброжелательное. Отсутствие дискриминации и предубежденности со стороны местного населения замедляет процесс организации российской диаспоры и формирования общины, даже при том, что в Южной Африке сегодня проживает до трех тысяч русскоязычных.

Размыванию культурной дистанции между российскими иммигрантами последней волны и южноафриканцами способствует и тесная связь наших соотечественников с Россией. Чтобы постоянно жить в ЮАР, российские иммигранты больше не обязаны отказываться от своего гражданства, имущества и сопутствующих прав на родине. Они могут обратиться за помощью в дипломатические представительства РФ и участвовать в общероссийских выборах, не покидая Южной Африки. Они, в отличие от русских иммигрантов 1950–1970-х, могут рассчитывать на поддержку своей Родины, одной из важнейших мировых держав.

Второе поколение российских иммигрантов ассимилируется гораздо быстрее. Многие его представители общаются по-русски только со своими родителями и владеют этим языком лишь на разговорном уровне. Русская школа, основанная при храме преп. Сергия Радонежского в Мидранде, сталкивается с серьезными трудностями, так как большинство детей российских иммигрантов посещают местные школы, функционирующие в рамках системы образования ЮАР. По сути, русская школа является лишь хранителем российской этнокультурной специфики и не дает детям навыков, необходимых для повседневной жизни в южноафриканском обществе. Тем более, что они не испытывают отторжения со стороны своих сверстников и чувствуют себя в местной школе (и шире – в принимающем обществе) вполне комфортно.

Когда дети российских иммигрантов вырастут, то, вероятно, станут носителями бикультуризма, ведь «для иммигрантской молодежи... родительский дом является уже только одним и, возможно, далеко не глав-

ным источником поведенческих норм и ориентаций... Второе поколение, живущее между двумя мирами, утверждает, что ему нужны оба мира»[29]. Возможно, им будет непросто определить свое этническое сознание.

При всех различиях между волнами российской иммиграции в Южной Африке, особенностях их менталитета и способов адаптации к принимающему обществу у них есть общая черта, определяющая их судьбу. Это духовная и физическая связь с русской культурой, языком и, в конечном счете, с самой Россией. От прочности этой связи, в значительной степени, зависит будущее нынешних российских иммигрантов в ЮАР. Кем они будут себя осознавать: россиянами или южноафриканцами российского происхождения?

---

[1] То есть «исход большой массы людей разрозненными группами или индивидуально, различными путями и через различные пункты». См. *Поляков Ю.А.* Адаптация и миграция – важные факторы исторического процесса // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. Сборник статей. М.: Институт российской истории РАН, 1996. С. 10.

[2] *Левин З.И.* Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М.: Институт востоковедения РАН; Крафт+, 2001. С. 9.

[3] «Миссия русской эмиграции, доказавшей своим исходом из России и своей борьбой, своими ледяными походами, что она не только за страх, но и за совесть не приемлет ленинских градов, ленинских заповедей, миссия эта заключается ныне в продолжении этого неприятия». *Бунин И.* Великий дурман. М.: Совершенно секретно, 1997. С. 133.

[4] *Левин З.И.* Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). С. 8.

[5] Там же. С. 27.

[6] В Северной Африке тоже проживало много выдающихся русских художников, инженеров, геологов, гидрологов, почвоведов, археологов, врачей, юристов, но все же русская диаспора там была гораздо многочисленней южноафриканской.

[7] *Левин З.И.* Менталитет диаспоры… С. 48.

[8] Там же. С. 38.

[9] Там же. С. 39.

[10] «Русские эмигранты мало интересовались или были мало осведомлены относительно политической жизни принявших их стран, за исключением моментов, непосредственно влиявших на их экономическое или правовое положение». *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1917–1939. Пер. с англ. М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 19.

[11] Там же. С. 159.

[12] Например, русский поэт, оказавшийся в тунисском лагере для беженцев из России, писал об арабах: «рожи, где белеет лишь зубов оскал». Цит. по:

Недзельский Е. Мемуары лагерей // Африка глазами эмигрантов: Россияне на континенте в первой половине XX века. М.: Восточная литература, 2002. С. 124.

[13] *Левин З.И.* Менталитет диаспоры… С. 29.

[14] *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь: «Золотая буква», 2002. С. 347–348.

[15] *Левин З.И.* Менталитет диаспоры… С. 52.

[16] Там же. С. 62.

[17] Там же. С. 154.

[18] *Бунин И.* Великий дурман. М.: Совершенно секретно, 1997. С. 126–127.

[19] Цит. по: *Попков В.Д.* Феномен этнических диаспор. М.: ИС РАН, 2003. С. 10.

[20] Там же. С. 42, 46–47.

[21] *Борисов Ю.С.* Российская эмиграция как историческое явление // Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры. Научная конференция. Москва, 13–15 апреля 1993 г. Тезисы докладов. М.: Институт российской истории РАН, 1993. С. 18.

[22] *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция (1917–1939). С. 20.

[23] *Левин З.И.* Менталитет диаспоры... С. 6.

[24] Там же. С. 51.

[25] Цит. по: Левин З.И. Менталитет диаспоры… С. 132.

[26] «Российская субкультура в Африке лишена преемственности», – считает африканист Н.Л. Крылова. См. *Крылова Н.Л.* Русские женщины в Африке. Проблемы адаптации. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. С. 256.

[27] Там же. С. 41–42.

[28] *Крылова Н.Л.* Русские женщины в Африке. С. 10.

[29] *Левин З.И.* Менталитет диаспоры… С. 118, 121.

SUMMARY

When during the perestroika hundreds of Russians left their motherland to live in South Africa, a country forbidden to Soviet citizens for decades, they realised that they were not the first.

Tens of thousands of Russian immigrants lived in South Africa in the 20th century. Among them, there were members of parliament, Nobel laureates, millionaires, a star of the Russian silent cinema, a world-famous artist, an expert in South African butterflies, a founder of electron microscopy in Africa, an adviser to the Ethiopian emperor, a mayor of Johannesburg.

How did the new Russian immigrants get along with their predecessors? How did Russians adapt to their new life in South Africa? Were their expectations met? Has the Russian community in South Africa survived?..

Here is the first book on the history of Russian immigration to South Africa.

Источники и использованная литература

Источники

I. Архивы русских эмигрантов в Южной Африке

1. Личный архив В.Б. Беляковой, Йоханнесбург.
2. Фонд Б.И. Балинского (AU8 BAL), архив Витватерсрандского университета, Йоханнесбург.
3. Фонд Г. Мондри, архив Витватерсрандского университета, Йоханнесбург.
4. Фонд Е.Г. Кандыбы-Фокскрофт, архив Университета Южной Африки, Претория.
5. Фонд Ю.С. ван Зона, архив Трансваальского музея, Претория.

II. Архивные материалы

1. Свидетельства о смерти российских эмигрантов и передаче имущества наследнику, завещания, дела о разводе, постановления суда, прошения и иски, пассажирские декларации, заявления о получении гражданства или права на жительство в Южной Африке, хранящиеся в отделениях Национального архива ЮАР в Претории (TAB и SAB), Кейптауне (KAB), Питермарицбурге (NAB) и Дурбане (TBD).
2. Личные дела и списки из собрания Русского зарубежного исторического архива (РЗИА), хранящиеся в Государственном архиве РФ (ГАРФ).
3. Материалы о К.А. Бельмас и О.И. Руниче из Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ).
4. Послужные списки русских офицеров. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), фонд 409.
5. Бастунов В.И. Списки награжденных орденом Св. Георгия и георгиевским оружием. – Документальный фонд Центрального музея Вооруженных сил (Москва). Фонд «Архив общества „Родина“, (г. Лейквуд, Нью-Джерси)», д. 4/48739/4.

III. Рукописи и публикации российских эмигрантов в Южной Африке

А. Воспоминания

1. *Коновалов Ф.* На родине кофе. Hoover Institution Archives, Collection title: B. Nicolaevsky, Box number: 639, Folder ID: 25.
2. [*Чернай А.*] Жизненный путь русского священника. Из воспоминаний архимандрита Алексея. Сан-Диего, 1980.
3. *Alexander Simons R.* All My Life and All My Strength. Ed. by Raymond Suttner. Johannesburg: STE Publishers, 2004.

4. Boris I. Balinsky Memoir. Архив Университета штата Иллинойс, США, Record Series 15/35/57.
5. *Cantacuzène M.* Trials and Tribulations of a Tumbleweed. The Memoirs of Prince Michel Cantacuzène, Count Spèransky. 1920–1998. Из собрания ассоциации «Primi di Torviscosa», Италия.
6. *Chernay A.* Russian Odyssey: The Life-Path of an Exile. Roodepoort: CUM Books, 1981.
7. *Colliander C.* Baronessan och hennes dotter. Otalampi: Sahlgrens, 2005.
8. *Kaplan, M., Kaplan S., Robertson M.* From Shtetl to Steelmaking: The story of three immigrant families and a family business. Cape Town: The Kaplan-Kuschlick Foundation, 1979.
9. *Konovaloff Th.* Con le armate del negus. Un bianco fra i neri. Bologna: Zanichelli, 1936.
10. *Nazaroff P.S.* Hunted through Central Asia. Rendered into English from the Russian of the Author's Manuscript by Malcolm Burr. Edinburgh–London: WM Blackwood & Sons Ltd, 1932.
11. *Nazaroff P.S.* Moved on! From Kashgar to Kashmir. L.: George Allen & Unwin Ltd, 1935.
12. *Šulc S.* An Individual with an Accent. The Life and Travels of a Russian émigré. Howick: Brevitas CC, 2001.
13. *Tretchikoff V., Hocking A.* Pigeon's Luck. St James Place, L.: Collins, 1973.
14. *Von Rahden S.A.* Memoirs. Translated from Russian by NA Schwezova. 1966–1982.
15. *Wilson B.* A Time of Innocence. Bergvlei: Murray Coombes Publisher, 1991.

B. Статьи в периодических изданиях

1. *Боссе К.* Встреча с петербуржцем за экватором // Сегодня. Рига, 1937. № 122. С. 2.
2. *Боссе К.* Встреча с русским из Иоганнесбурга // Сегодня. Рига, 1938. № 67. С. 3.
3. *Мосолов Н.* Русский художник в Южной Африке // Русская мысль. Париж, 1975. № 3047. 17 апреля. С. 12.
4. *Прихожанин.* Освящение церкви в Иоганнесбурге. // Православная Русь. Holy Trinity Monastery, Jordanville, 1960. № 24. С. 15.
5. [*Стариков С.*] Выступление о. С. Старикова в Иоганнесбурге // Православная Русь. Holy Trinity Monastery, Jordanville, 1954. № 12. С. 16.
6. [*Стариков С.*] Годовое обще-приходское собрание в городе Иоганнесбурге (Южная Африка) // Православная Русь. 1955. № 12. С. 15–16.
7. [*Стариков С.*] День русской скорби в Южной Африке // Православная Русь. 1955. № 16. С. 15–16.
8. [*Стариков С.*] Дни Всероссийского траура и русской культуры в Иоганнесбурге (Южная Африка) // Православная Русь. 1953. № 15. С. 16.

9. *Стариков С.* Из Иоганнесбурга к мысу «Добрая Надежда» // Православная Русь. 1955. № 6. С. 12.
10. *Стариков С.* Миссионерская поездка вглубь Африки // Православная Русь. 1956. № 24. С. 15–16.
11. *Стариков С.* Миссионерская поездка по берегам Индийского и Атлантического океанов // Православная Русь. 1956. № 10. С. 12.
12. *Стариков С.* Обращение о. Настоятеля Свято-Владимирского прихода Южной Африки (г. Иоганнесбург) // Православная Русь. 1953. № 16. С. 14.
13. *Стариков С.* Письмо из Южной Африки // Православная Русь. 1953. № 10. С. 13.
14. *Стариков С.* Рождество Христово в Южной Африке (Иоганнесбург) // Православная Русь. 1955. № 2. С. 14.
15. *Стариков С.* Церковная жизнь в Южной Африке // Православная Русь. 1958. № 9. С. 16.
16. [*Стариков С.*] Церковное торжество на Юге Африки // Православная Русь. 1952. № 18. С. 16.
17. *Фокскрофт Е.* Вести из Южной Африки // Православная Русь. 1964. № 22. С. 12.
18. [*Фокскрофт Е.*] Награда настоятеля церковной общины в г. Иоганнесбурге, архимандрита Алексея // Православная Русь. 1963. № 20. С. 11.
19. *Фокскрофт Е.* Отголоски из Южной Африки // Православная Русь. 1961. № 17. С. 16.
20. *Beljakova V.* From Saratov to South Africa: Journey of a Life-Time // Cape Argus. Cape Town, 1971. 26 August. P. 5.

C. Русские периодические издания в Южной Африке

1. Православный миссионерский бюллетень Русско-Сербской православной церкви в Иоганнесбурге, 1963. Апрель–май.
2. Православный миссионерский бюллетень Св. Владимирской Русской Православной Церкви. Последний выпуск. Йоханнесбург, 1974. Июль–сентябрь.
3. Вестник. Издание Русского Православного прихода Преподобного Сергия Радонежского. Йоханнесбург, 2001. № 1.

D. Прочие публикации

1. *Иванов-Дивов 2-й.* 7-я рота лейб-гвардии Семеновского полка в Галиции // Военная быль. Париж, 1968. № 91. С. 1–9.
2. *Ковалев П.Е.* Месторождения медных руд Катанги и Северной Родезии. М.: Институт прикладной минералогии, 1931.
3. Русские православные общины в Южной, Средней и Восточной Африке // Русская православная церковь заграницей. 1918–1968. Русская духовная миссия РПЦЗ в Иерусалиме, 1968. Т. II. Стлб. 1308–1317.

4. Устав общественной организации «Ассоциация российских соотечественников Южной Африки». Йоханнесбург, 2003.
5. *Ivanoff I.* Die Tweede Wereld-oorlog in spotprente. Johannesburg: Afrikaanse Pers Boekhandel, 1946.
6. *Kandyba-Foxcroft E.* Russian and the Anglo-Boer War 1899–1902. Roodeport: CUM Books, 1981.

Использованная литература

I. Диссертации

1. *Еременко Л.И.* Русская эмиграция как социально-культурный феномен. Дисс. канд. филос. наук. М., 1993.
2. *Божева А.М.* Четвертая волна российской иммиграции в США. Дисс. канд. геогр. наук. СПб, 2006.
3. *Burns C.* An Historical Study of the Friends of the Soviet Union and the South African Peace Council. Dissertation submitted in partial fulfillment of the degree of BA Honours in History. Johannesburg: University of the Witwatersrand, 1987.
4. *Peberdy S.A.* Selecting Immigrants: Nationalism and National Identity in South Africa’s Immigration Policies, 1910 to 1998. A thesis submitted to the Department of Geography in conformity with the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Queen’s University, Kingston, Ontario, Canada, 1999.

II. Монографии и научные сборники по истории Южной Африки
и русской эмиграции на Африканский континент

1. Англо-бурская война 1899–1902 гг. По архивным материалам и воспоминаниям очевидцев. Авт.-сост. Н.Г. Воропаева, Р.Р. Вяткина, Г.В. Шубин. М.: Восточная литература РАН, 2001.
2. Африка глазами эмигрантов: Россияне на континенте в первой половине XX века / Сост. А.Б. Летнев, В. П. Хохлова. М.: Восточная литература, 2002.
3. *Асоян Б.Р.* Сквозь 300 лет – от Кейпа до Трансвааля. Штрихи к портрету Южной Африки. М.: Новости, 1991.
4. *Бутрос-Гали Б.* Организация Объединенных Наций и апартеид. М.: Информационный центр ООН в Москве, 1996.
5. *Гасратян С. М.* Израиль и ЮАР: цели и формы сотрудничества. М.: Наука, 1987
6. *Горячкин Г.В., Гриценко Т.Г., Фомин О.И.* Русская эмиграция в Египте и Тунисе (1920–1939 гг.) М.: ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова, 2000.
7. *Давидсон А.Б.* Южная Африка. Становление сил протеста. 1870–1924. М.: Главная редакция восточной литературы, 1972.
8. *Колупаев В.Е.* Русские в Северной Африке. Обнинск, 2004.
9. Российская диаспора в Африке. 20–50-е годы. Сборник статей. М.: Восточная литература РАН, 2001.

10. Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в.–1960 г. М.: ИВИ РАН, 1999.

11. *Рябова В.И.* Российская эмиграция в Африке в 1920–1945 гг. М.: МАКС Пресс, 2005.

12. *Шубин В.Г.* Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. М.: Институт Африки РАН, 1999.

13. *Шубин Г.В., Воропаева Н.Г., Вяткина Р.Р., Хритинин В.Ю.* Англо-бурская война 1899–1902 гг. глазами российских подданных. Готовится к публикации.

14. *Davidson A., Filatova I.* The Russians and the Anglo-Boer War. Cape Town, Pretoria, Johannesburg: Human & Rousseau, 1998.

15. *Dubb A.A.* The Jewish Population of South Africa. The 1991 Sociodemographic Survey. Cape Town: Kaplan Centre, Jewish Studies and Research, UCT, 1994.

16. The Jews of South Africa. A History. Edited by Gustav Saron and Louis Hotz. Cape Town: Geoffrey Cumberledge, 1955.

17. *Mendelsohn R.* Sammy Marks: The Uncrowned King of the Transvaal. Cape Town: David Philip, 1991.

18. *Millin S.G.* The South Africans. L.: Constable & Co Ltd, 1928.

19. *Pottinger B.* The Foreign Volunteers. They Fought for the Boers (1899–1902). Melville: Scripta Africana, 1986.

20. *Shimoni G.* Jews and Zionism: The South African Experience (1910–1967). Cape Town: Oxford University Press, 1980.

21. *Sommerville K.* Southern Africa and the Soviet Union: from Communist International to Commonwealth of Independent States. L.: Macmillan, 1993.

22. *Timmins H.* Tretchikoff. With a forward by Stuart Cloete. L.: George Harrap & Company Ltd, 1969.

III. Научные статьи по истории Южной Африки и русской эмиграции на Африканский континент

1. *Давидсон А., Филатова И.* Опыт консульских отношений // Азия и Африка сегодня. 1998. № 1. С. 32–37.

2. *Давидсон А.Б.* Русская литература в Южной Африке // Россия–Восток–Запад / РАН, Отд. лит. и яз. М.: Наследие, 1998. С. 210–229.

3. *Давидсон, А.* Союзники в войне – Россия и Южная Африка // Азия и Африка сегодня. 2000. № 5. С. 2–6.

4. *Давидсон А.Б.* Едут, едут по Капстаду наши казаки… // Родина. 1996. № 9. С. 49–53.

5. *Пулик М.* Евреи в Южной Африке // Еврейский мир. Сборник 1944 года. Репринтное издание. Минск: МЕТ, 2001. С. 460–465.

6. *Ронин В.* «Русское Конго»: действующие лица // Африка глазами эмигрантов: Россияне на континенте в первой половине XX века/ Сост. А.Б. Летнев, В.П. Хохлова. М.: Восточная литература, 2002. С. 154–184.

7. *Соколов Б.В.* Иммигрантское население Южноафриканской Республики // Советская этнография. 1984. № 6. С. 41–47.

8. *Хренков А.В.* Российская диаспора в Эфиопии // Российская диаспора в Африке. 20–50-е годы. Сборник статей. М.: Восточная литература РАН, 2001. С. 91–108.

9. *Филатова И.* Мадам Бельмас. Вернется ли прах великой певицы на Родину? // Родина. 2000. № 7. С. 61–65.

10. *Bixbaum S.* The Demographic Structure of the Jewish Community of South Africa // Jewish Affairs. Cape Town, 1979. July. No 34 (7). P. 17–20.

11. *Davidson A.* Russia and South Africa: Centuries of Contact. Russia in the Contemporary World. The First Symposium in South Africa at the Centre for Russian Studies. University of Cape Town, 1995. P. 95–107.

12. *Pankhurst R.* Le diverse versioni della testimonianza del colonello Konovaloff sull'invasione fascista dell'Etiopia. Studi Piacentini. Rivista dell'Istituto storico della Resistenza e dell'età contemporanea. Piacenza, 1995. Nº 17. P. 157–199.

13. *Mendelsohn R.* Russian Jews in the Anglo-Boer War, 1899–1902: Recent Archival Discoveries.

IV. Статьи, опубликованные в русскоязычной прессе

1. *J.* Евреи в Южной Африке. Пережитое и увиденное // Научно-литературный сборник «Будущности». СПб, 1900. Т. 1. С. 272–290.

2. *Айзенберг О.* «Бывает, жизнь забросит в край иной…» // Челябинский рабочий. 1998. 1 августа.

3. *Азаева Э.* Попал в чужую перестройку // Репортер. Торонто, 2005. 11 апреля.

4. Богатый, как Пикассо… // New Bridge. М., 1994. № 9. С. 15.

5. *Галушко О.* Мост между Россией и Африкой // Международная жизнь. М., 1994. № 11. С. 79–83.

6. *Говор. Е.* Ольга Гостина из рода Кочубеев, австралийский этнограф // Австралиада. Сидней, 2000. № 24. С. 21–24.

7. *Городнов В.П.* Центр российских исследований в ЮАР // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 207–208.

8. Дмитрий Макаров: «Не самый быстрый способ заработать миллионы…» // New Bridge. М. 1994. № 18. С. 8.

9. *Казанская О.* Белая Африка // Профиль. М., 1999. № 41. С. 40–45.

10. *Коновалов Ю.* Маленькая Москва на юге Африки // New Bridge. 1994. № 15. С. 10.

11. Марк Шуан: «Стоило ли мучаться, чтобы иметь все это?..» // New Bridge. 1992. № 3. С. 10.

12. *Миролевич В.* Российский самородок укрепляет экономику ЮАР // Новые известия. 2000. 1 декабря. С. 3.

13. Первый российский студент у мыса Доброй Надежды. Из переписки отца с сыном // New Bridge. 1992. № 1. С. 8.

14. *Пиляцкин Б.* Раньше запрещали, теперь стращают // Независимая газета. 1991. 1 октября.

15. *Рауш-Гернет Э.М.* О роде фон Гернетов // Дворянский календарь. Тетр. 5. СПб: Санкт-Петербургское дворянское собрание, 1998. С. 30.

16. *Решетняк Н.* Красят яйца в Йоханнесбурге // Новое время. 1991. № 14. С. 25.

17. *Ростовцев М.* Художник Владимир Третчиков // Русская жизнь. Сан-Франциско, 1953. 19 сентября. С. 3.

18. *Св–ов Н.* Первые шаги на пути к славе. Необычайные успехи молодого художника // Рубеж. Харбин, 1934. № 35. С. 8–9.

19. *Сигов Ю.* Кому в ЮАР жить хорошо // Аргументы и факты. 1991. № 2. С. 5.

20. *Соколова Н.* Русский язык в Южной Африке // Азия и Африка сегодня. 1993. № 2. С. 33.

21. *Сумской С.* «Миражи» против «МиГов». История скандальной сделки // Новая газета. 2000. № 53. С. 4–5.

22. *Тетекин В.* Собираетесь в ЮАР? Помните: будете вкалывать, как негры // Комсомольская правда. 1991. 28 августа. С. 3.

23. *Туманов Ю.* Есть ли свет в конце туннеля? Отечественная наука после постсоветских реформ // Независимая газета. 2001. 23 мая.

24. Школьные заботы российских дипломатов // Международная жизнь. 2002. № 7. С. 111–127.

V. Статьи, опубликованные в периодических изданиях ЮАР

1. *Beljakova V.* Aristocrat who Fled the Bolsheviks Now Teaches at UCT // Woman’s Argus. Cape Town, 1971. 26 August. P. 5.

2. *Blumenthal I.* SA Barmitzvah for Russian Boy, Ari Germann // South African Jewish Times. Cape Town, 1985. 22 February.

3. *Crouse R.* Tretchi: Trash or Treasure? // Sunday Times Lifestyle. Johannesburg, 1998. 23 August.

4. Dr Georges van Son. An appreciation by Dr V Fitzsimmons // South African Museums Association Bulletin. Pretoria, 1967. June. Vol 8. No 13.

5. Eerste regstreekse belegging uit Rusland in SA // Die Burger. Kaapstad, 1991. 3 Desember. Bl. 20.

6. *Ferreira E.* Hermanus man (67) vermoor gekry in sy tuin // Die Burger. 1995. 29 Augustus. Bl. 2.

7. *Greshnev D.* Russe ken nie die ‘Russiese’ wors // Die Burger. 1992. 7 April. Bl. 6.

8. *Herbert A.* Vrou na 56 j weer in Russiese tuisdorp // Volksblad. Bloemfontein, 1998. 29 Junie. Bl. 11.

9. *Hoffman G.* Hazendal se baas keer terug na Moskou // Die Burger. 2003. 10 Maart. Bl. 2.

10. *Kirk P.* Modise Linked to Used MiG Dealer // Mail & Guardian. Johannesburg, 2001. 15 January. P. 7.

11. Late Russian Academic // Unisa Bulletin. Pretoria, 1989. Vol 14. No 2. P. 1.

12. The Marvol Museum // Cape Argus. Cape Town, 1997. 20 February.

13. *Prince L.* Bank wil Hazendal-wynlandgoed likwideer // Die Burger. 2004. 11 Junie. Bl. 1.

14. *Roos G.* Ossip Runitsch // Die Brandwag, Johannesburg. 1947. 18 April. Bl. 7

15. Russiese Prinses kom haar in Suid-Afrika vestig // Die Vaderland. Johannesburg, 1951. 28 November.

16. *Scholtz J.J.J.* Johannesburg se Jode is effens 'anders' // Die Burger. 1991. 9 Julie. Bl. 7.

17. *Smith C.* SA Leads World in Sex Slave Trade // Sunday Tribune. Johannesburg, 2004. 21 March. P. 1.

18. *Stein J.* Russian Émigrés Find Freedom in SA // Citizen. Johannesburg, 1984. 11 July.

19. There are Immigrants as well as Emigrants // The Cape Times. Cape Town, 1997. 13 June.

20. *Van den Bergh M.* Russiese kunstenaars soek werk in SA // Beeld. Johannesburg, 1991. 16 Mei. Bl. 1.

21. *Visser L.* King of Kitsch or Kuns? // Kebula.Comic. Johannesburg, 2002. September. P. 8–9.

22. Vladimir Tretchikoff: Master of Kitsch // Leadership. Johannesburg, 2000. March.

VI. Путевые заметки подданных Российской Империи и СССР, побывавших в Южной Африке в 1808–1970 гг.

1. *Блок Г.К.* Два года из жизни русского моряка. Т. 1. Библиотека путешествий. Т.4. СПб, 1854.

2. *Головнин В.М.* Путешествие на шлюпе «Диана». М.: Государственное издательство географической литературы, 1961.

3. *Гончаров И.А.* Фрегат «Паллада». М.: Советская Россия, 1976.

4. *Иванченко А.* Оскорбленные звезды. Рассказы очевидца. М.: Молодая гвардия, 1964.

5. *Ивашко И.* Заокеанские встречи. Симферополь: Крым, 1970.

6. *Макаров Н.М.* В стране алмазов и нищеты. М.: Просвещение, 1965.

7. *Федоровский Н.М.* В стране алмазов и золота. Путешествие по Южной Африке. М.–Л.: Главная редакция геологоразведочной и геодезической литературы, 1934.

VII. Публикации по истории Русского Зарубежья и теории диаспор

1. *Анисимов Л.* Из эмигрантов в иммигранты // Международная жизнь. 1990. № 12. С. 141–150.

2. *Борисов Ю.С.* Российская эмиграция как историческое явление // Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры. Тез. докл. науч. конф. Москва, 13–15 апреля 1993 г. М.: Институт российской истории РАН, 1993. С. 17–19.
3. *Земсков В.Н.* Рождение «Второй эмиграции» (1944–1952) // Социологические исследования. М., 1991. № 4. С. 3–24.
4. *Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М. В., Окороков А.В.* Эмиграция и репатриация в России. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001.
5. *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия и культурно-просветельская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – P.: Librairie des cinq continents, 1971.
6. *Крылова Н.Л.* Русские женщины в Африке. Проблемы адаптации. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996.
7. *Левин З.И.* Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М.: Институт востоковедения РАН; Крафт+, 2001.
8. *Поляков Ю.А.* Адаптация и миграция – важные факторы исторического процесса // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. Сб. ст. М.: Институт российской истории РАН, 1996. С. 4–18.
9. *Попков В.Д.* Феномен этнических диаспор. М.: ИС РАН, 2003.
10. *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1917–1939. Пер. с англ. М.: Прогресс-Академия, 1994.
11. *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь: «Золотая буква», 2002.
12. *Федотов А.С.* Российская эмиграция и Русское Зарубежье (к вопросу о дефинициях) // Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры. Научная конференция. Тез. докл. Москва, 13–15 апреля 1993 г. М.: Институт российской истории РАН, 1993. С. 5–8.
13. *Хрусталева Н.* Адаптация выходцев из бывшего СССР. Взгляд психолога. Диаспоры. М., 1999. № 2–3.

VIII. Справочные издания

1. *Волков С.В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб: Издательский дом «Нева», 2003.
2. *Волков С.В.* Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2002.
3. Дворянские роды Российской Империи. Том 2. Князья. СПб: ИПК «Вести», 1995.
4. *Лейкинд О.Л., Махров К.В., Севрюхин Д.Я.* Художники Русского Зарубежья. 1917–1939. Биографический словарь. СПб: Нотабене, 1999.
5. *Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. Киев: Товарищество Г.Л. Фронцкевич и Ко., 1910.
6. *Ровенский Г., Бибиков Н.* Родословная Бибиковых. Фрязино, 1996.

7. *Русаков В.М.* Рассказы о потомках А.С. Пушкина. М.: Информпечать, 1999.
8. Справочная книга по вопросам эмиграции. Под ред. С.Я. Яновского и А.И. Кастелянского. СПб, 1913.
9. *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. Библиографический словарь. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2000.
10. Южно-Африканская Республика: Справочник. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994.
11. Южно-Африканская Республика // Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 2002. Т. 10. Стлб. 813–825.
12. *Ferrand J.* Histoire et genealogie des nobles et comtes Moussine-Pouchkine. P., 1994.
13. Genealogisches Handbuch des Adels. Limburg: a.d. Lahn, 1952–92.
14. Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. Görlitz: C.A. Starke, 193[?].
15. *Grut M.* The History of Ballet in South Africa. Cape Town, Johannesburg, Pretoria: Human & Rousseau, 1981.
16. NdR. La Noblesse de Russie. Deuxième Edition. Publiès par Nicholas Ikonnikov. P., 1956–60.
17. Official Year Book of the Union of South Africa. Pretoria. 1952–60.
18. *Ogilvie G., Graff C.* The Dictionary of South African Painters and Sculptors. Including Namibia. Rosebank: Everard Read, 1988.
19. The Oxford History of South Africa. Ed. by M Wilson and L Thomson. Oxf.: The Clarendon Press, 1971.
20. *Rosenthal E.* Southern African Dictionary of National Biography. L.: Frederick Warne & Co, 1966.
21. *Schakhovskoy D.* Société et Noblesse Russe. Rennes, 1980–81.
22. *Schoonraad E., Schoonraad M.* Suid-Afrikaanse spot- en strookprentkunstenaars. Roodepoort: CUM-boeke, 1983.
23. Seventy Golden Years. 1886–1956. Edited and published by Felix Stark. Johannesburg: Municipal Relations Bureau, 1956.
24. South African Music Encyclopaedia. Edited by Dr Jacques P Malan. Cape Town: Oxford University Press, 1986.
25. South African Who's Who. 1944. Johannesburg: Ken. Donaldson, 1944.
26. Standard Encyclopaedia of Southern Africa. Cape Town: Nasou Ltd, 1971–74.
27. Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. Teil: Estland. Görlitz: Starke, 1930. Band II.
28. Who's Who of Southern Africa. Johannesburg, 1965, 1983.

Материалы Интернета

1. Сайт русского православного храма преп. Сергия Радонежского в Йоханнесбурге (www.st-sergius.info)

2. Сайт «ЮАР.ру» (www.yuar.ru)
3. *Франк Х.* Православие в Южной Африке – упущенная возможность? (ao.orthodoxy.ru/arch/005/005-sour.htm)
4. *Gastrow P.* Main Trends in the Development of South Africa's Organised Crime. (www.iss.co.za/Pubs/ASR/8No6/MainTrends.html)
5. *Hayes S.* Orthodox Mission in Tropical Africa. (www.geocities.com/Athens/7734/ orthmiss.htm)
6. IOM International Organization for Migration. The Trafficking of Women and Children in the Southern African Region. Presentation of Research Findings. Sheraton Hotel, Pretoria, March 24th, 2003. (www.iom.int)
7. *Crush J., McDonald D., Williams V., Mattes R., Richmond W., Rogerson C.M., Rogerson J.M.* Losing Our Minds: Migration and the 'Brain Drain' from South Africa. Southern African Migration Project. Migration Policy Series, No 18, July 2000. (www.queensu.ca/samp/sampresources/samppublications/policy-series/policy18.htm)
8. Jews of the 'New South Africa': Highlights of the 1998 National Survey of South African Jews // JPR/Report. Institute for Jewish Policy Research. L., 1999. No 3. (www.jpr.org.uk/Reports/PJC_Reports/no_3_1999/index.htm)
9. *Mattes R., Taylor D.M., McDonald D.A., Poore A., Richmond W.* Still Waiting for the Barbarians: SA Attitudes to Immigrants & Immigration. Southern African Migration Project. Migration Policy Series. 1999. No 14. (www.queen-su.ca/samp/sampresources/samppublications/policyseries/policy14.htm)
10. Oservatoire Geopolitique des Drugs. Annual Report 1998/1999. (www.ogd.org/2000)
11. *Saks D.Y.* Jews on Commando. (http://www.jewishgen.org/Safrica/commando.htm)
12. *Shaw M.* Organised Crime in Post-Apartheid South Africa. Occasional Paper No 28, Institute for Security Studies, Halfway House, January 1998. (www.iss.co.za/Pubs/ PAPERS/28/Paper28.html)
13. Trafficking in Women and Children for Sexual Exploitation in Southern Africa. IOM Southern Africa. May 2003. (www.iom.org.za)
14. The Trafficking of Children for Purposes of Sexual Exploitation // South Africa. A Report by Molo Songololo. August 2000. (www.gov.za/reports/2000/childtraffic/cinno.pdf)
15. *Visser W.* The Production of the Literature on the 'Red Peril' and the 'Total Onslaught' in the Twentieth-Century South Africa. (academic.sun.ac.za/history/dokumente/literature_production.pdf)

Видеоматериалы

1. Телевизионный документальный фильм «The White Russians of South Africa», режиссер Эдриан Херринг. SABC, 1975.
2. Телевизионный документальный фильм «The Green Lady» из серии «Success Story», режиссер Алан Йентоб. BBC, 1974.
3. Телепрограмма «Их нравы». НТВ. Эфир: 20.02.2005.

Именной указатель

Аарон Б. 29
Абданк-Коссовский В.А. 38
Абрамович М. 121
Абрахамс И. 120, 127, 128
Абрахамс Л. 120
Августус Е.Ф. 28
Александер Д.У. 75, 77
Александрович Д. 42
Александрович М.Д. 42, 126
Аллен Т. Ф. 32
Байков Г.Е. 83
Байкова О.Л. 83
Балагула М. 202
Балакин Д. 197
Балинский Б.И. 7, 71–73, 122
Балинский И.Б. 72
Батлер Г. 112
Бах Л. 124
Белый А. 205
Бельмас К.А. 7, 40, 41, 107, 108, 230
Белякова В.Б. 13, 92, 95, 97, 98
Березов Н. 62
Березова С. 62
Бернстайн Л. 127
Бернстайн Х. 127
Бибиков М.Д. 98
Блок Г.К. 17, 18
Богданов В. 184
Бондаренко В.И. 197
Борисов Ю.С. 234
Брагинский А. 161, 181
Булеков Ф., о. 169, 170, 175–180
Бурдель А. 37
Бут В.А. 203, 204
Бэр У.А. 103
Вайнберг Э. 124, 126
Ван Рейсвейк В. 101, 102
Верховский А. 181
Весселс П. 82
Витте С.Ю. 20
Владыкин К.К. 39, 40, 82, 230
Волошин М.С. 194, 195, 237
Вольберг (Вельмонт) М.Я. 32
Выходцев С. 193, 194
Ганди М. 123
Ганецкий А.Н. 28
Гармашова-Дю Плесси И.В. 191–193
Гери Я. 120
Германн Р. 35
Гернет, фон, Р.А. 20, 21
Герцог Дж. 28
Гершензон Дж.Р. 26
Гинзберг (Гюнзберг) Б. 35
Гиршон И. 35
Глюкман Г. 43, 119, 226
Головнин В.М. 18
Гончаров И.А. 18
Гордимер Н. 120
Горячкин Г.В. 5, 10
Грешнев Д. 197
Гриневич (Янг) Н.С. 102
Гриценко Т.В. 5, 10
Гришин Д. 196
Гроблер П. 69
Грюнштейн 28
Давидсон А.Б. 10, 13, 28, 188
Давтян А. 176
Давыдов Х. 37
Данилова А.Д. 62
Де Вет К. 28
Де ла Рей К. 28
Джорджевич Н.А. 94, 95, 108
Дождалев В. 43
Дойл А.К. 37
Дублик Л.А. 171
Евреинов Е. 193
Елагин А.Д. 167, 169
Елагин М.А. 167
Елисеев А. 186
Елкунович Д. 115
Еременко Л.И. 234
Засыпкин В.А. 105
Згерский И.Д. 198
Зон, ван, Ю.С. 7, 79, 114, 230
Зырянова И. 184
Ибрагимов Н. 186
Иванов В.А. 7, 39, 40, 60, 61, 68–71, 90–94, 122, 167, 230, 237
Иванов И.С. 176
Иванова И.С. 68
Иванов-Дивов А.А. 102, 103
Иванченко А.С. 57, 58, 62

Ивашко И. 58
Игнатенко А.К. 197
Игнатьев Б.А. 109
Игнатьева (Арсеньева) М.С. 109
Идельсон Дж. 119
Ильченко Б.Ф. 133
Калленбах Г. 123
Калязин В.Е. 171, 187
Калязина Т. 200
Канард Н. 35
Кандыба (Каульбарс) Е.Н. 72, 82
Кандыба-Фокскрофт Е.Г. 64, 65, 81, 84, 85, 89, 112–114, 116, 122
Каннберг Г. 96
Кантакузен М.С. 109, 122
Каплан М. 120
Каракасян Р. 97, 121
Карлис В. 36
Карпов Н.П. 70
Касрилс Н. 28
Касрилс Р. 28, 120, 126, 127
Кац М. 119
Кацков Д. 186
Кентридж (Канторович) М. 36
Керзнер С. 120
Керимов Б. 184
Керимова Е. 184
Кибел В. 37
Кирс Ю.В. 175
Кирш О. 120
Кичигин М.А. 105
Клуг А. 120
Клуте С. 105
Ковалев П.Е. 37, 38, 40
Кожанов М. 171
Колесникова Н. 174
Колупаев В.Е. 5, 10, 66
Колясников Д. 40
Комаровская Н.Е. 79
Коновалов Ф.Е. 110
Кораев А. 194
Котов В. 197
Кочубей-Ван Рейсвейк О.П. 101, 122, 168
Кошелев Б.Г. 72
Краснокутский Л.Н. 71, 167
Краснокутский Н.Л. 71, 92, 94
Крылова Н.Л. 200, 239
Крюгер П. 25, 29, 69
Кузейн Д. 119, 145
Кулик Е. 193
Кулик С. Ф. 157, 193
Купер И. 42
Кушаков А.А. 175
Кшихилькевич А. 191
Ладыженская Е.П. 92, 93
Лазарус Э. 36
Лапидус И., о. 170, 176, 179
Левин З.И. 9, 227, 229–232, 236
Летнев А.Б. 5, 7
Лешиц-Семевская Т.И. 96
Либерман Х. 24
Лилиенштейн, фон, К. 108
Липшищ Л. 37
Лифарь С.М. 39
Лозинский М.Л. 73
Луков В.Б. 175
Львов Б. 114
Льюис И. 24–26, 30, 36
Люфтрахманов Ш. 184
Ляхов Н.Д. 98
Магид М. 114
Макаров Д.А. 198
Макаров Н.М. 62
Макарова Н.Р. 62
Малан Д. 117
Мандела Н. 81, 82, 129, 160, 184
Мансырев В.С. 80
Мансырев Л.В. 65, 80, 114, 116
Мансырев С.П. 80
Марков Н.Л. 94
Маркова-Тэйлор Т.Н. 94, 95
Маркс С. 24–26, 30
Маркус М.Л. 36
Матушевска Г. 191
Мейерович В.Г. 7, 37
Мейсинг-Делич И. 114, 115
Мендельсон Р. 27
Меренский Г. 103
Мерзоева Дж. 156
Миллер В.А. 73
Миллер Е.Л. 73, 82
Миллин С.Г. 27, 35, 37
Мильнер А. 29
Минсер Дж. 119
Михайлов Ф.М. 82

Михайлова Е.А. 82, 113
Модисе Дж. 195
Можаровский Е.И. 68, 69, 75
Мондри Г. 115, 180, 189, 190
Мосолов Н.К. 7
Мостовский М.Б. 187
Муди К. 114, 115
Мур Ф.Дж. 32
Муравьев М.Н. 20
Муфамади С. 205
Мушкетов Д.И. 37, 39, 187
Мфеньяна Ф. 201
Мясников Э. 170, 183, 184, 237
Нагорнова Е.Н. 71
Назаров П.С. 37, 38, 40
Нарышкин А.Ю. 103, 104
Ндлову Л. 201
Нел Ф. 115–117
Неручев О.И. 171
Новак Е.И. 114, 115
Одинцов И.М. 96
Одинцова А.И. 96, 97, 169
Олифер Г. 154
Омельченко И. 196
Охберг И. 36
Павлищева Н. 41, 114
Павлов И.П. 36
Павлова А. 133
Панов Л.И. 55
Пантюхин О.В. 156, 158, 170, 185, 213
Пеберди С. 13
Перлов Н. 121
Пиляцкин Б.А. 154
Пинкус Л. 119
Питерский А. 197
Плумер У. 112
Подбрей П. 127
Поляк Г. 35
Попков В.Д. 47, 233
Попов Д.Г. 95
Попов Г.К. 95
Пост, фан дер, Л. 112
Потапов А.С. 22
Притворов А.В. 14
Пушкин А.С. 38
Рабинович С. 36
Раден, фон, А.Ю. 69
Раден, фон, Н.А. 69, 72
Раден, фон, С.А. 69
Райцин М.Б. 114
Рассказовский С., о. 174
Ребров И. 62, 112
Розенмайер, фон дер, Е.А. 38, 39
Роос Г. 41
Роуз М. 36
Рунич О.И. 41, 42, 114
Рысс О. 7, 70, 119, 145
Рытов Л.Н. 13
Рябов С. 184
Рябова В.И. 5, 10, 60, 66
Рябцев А. 171
Сабенникова И.В. 6, 232, 234
Саймонс Р. 42, 124–126
Сакс В. 7, 36, 41
Самцова Г.М. 62
Сараев К.А. 95
Саркисова Л. 185
Свелленгребел Й. 17, 18
Свелленгребел Х. 17
Свиридов М.С. 39, 40, 61, 68, 90, 94
Свиридов П.С. 55, 61
Сезиомов И.С. 18
Сигал Й. 28
Симонов К.М. 41
Слово Дж. 124, 125
Смэтс Я. 43, 53, 54, 85, 86, 93, 226
Снайдман П. 119
Соколов А. 168
Соломон (Петрова) Е. 199
Соломон Б. 119
Сперанский М.М. 109
Стариков, о., С. 64, 66–68, 72–74, 80, 97, 101–104, 107, 109
Старикова М.П. 73
Стейн Д. 176
Степашин С. 205
Столяренко А.Ф. 72, 90, 93
Стравинский И.Ф. 62
Сузман Х. 82, 120, 128, 129
Тавив Е. 212
Тамм Н.Н. 83, 91, 114
Танаев В. 100
Тейхман Л. 22
Тетекин В.Н. 153
Тито И.Б. 172

Толстой Л.Н. 71, 112, 123
Торби, де, А.М. 38
Третчиков В.Г. 7, 92, 104–106, 230, 237
Третчикова Н.М. 104, 105
Троицкий 22
Туманов Ю.Н. 185
Туманова (Туманянц) А.Б. 95, 96
Туманова (Туманянц) Е.Б. 95, 96
Туманова Т. 62, 107
Туманянц Б. 96
Турок Б. 124, 125
Тухачевский М.Н. 103
Тышлер Г.Д. 196
Тышлер Д.А. 196
Уилсон Б. 128
Уолтон М. 124
Уорхол Э. 106
Усатая Т. 193
Усатый А. 193
Уэрнер Дж. 38, 39
Фан-дер Флит В.Я. 111
Фан-дер-Флит М.В. 111
Федоровский Н.М. 37, 39, 40, 187
Фельдберг Л. 119
Фентер Л. 190
Фервурд Х. 64
Фервурд Э. 64, 83, 113
Фермюллен К. 163, 164
Ферст Р. 124, 125
Филатова И.И. 10, 13, 28, 107, 108, 171, 188
Фишер Б. 82
Фомин О.И. 5, 10
Франк Х. 65, 76, 77, 89, 99, 100
Фредерикс В.М. 73
Фредерикс К.Р. 73, 82
Френкель В.И. 155, 166, 182, 183
Хайле Селассие I 96, 110
Харди Т.И. 72
Хармел Р. 126
Хейманн А. 26
Херринг Э. 112
Хирсон Б. 127
Хичкок А. 105
Хрисогонов М.М. 70
Хуртум, ван, К.Д. 56
Чалов С. 184
Чернай А.Н. (о. Алексей) 64, 71, 75–81, 83–85, 87, 101, 114
Шаталова М. 170
Швецов В.А. 69, 72, 90, 92
Шинкарев Л.И. 195
Шипин О.В. 161, 185, 186
Шлезин С. 123
Шнайер Х.М. 42
Штернгельм, фон, Х. 103
Шуан М. 121
Шубин В.Г. 14
Шубин Г.В. 14
Шульц С.В. 110, 111, 144
Шур М. 124
Эванс Г. 98
Эдисон Т.А. 35
Эйс Я. 112
Эссен Н.О. 103
Юделович Х.Д. 28
Явно Л. 119
Якобсон В. 28
Яле Н.Л. 72, 176
Ямпольский В. 184
Янг Д.К. 102

Научное издание

Горелик Б.М.

Российская иммиграция
в Южную Африку: вчера и сегодня

Утверждено к печати
Институтом Африки РАН

Зав. РИО *Н.А. Ксенофонтова*
Редактор *О.И. Шартова*
Компьютерная верстка и дизайн *Г.М. Абишевой*

Подписано к печати 15.02.07 Объем 17 п.л.
Тираж 300 экз.
Заказ №

Отпечатано в ПМЛ Института Африки РАН
123001, ул. Спиридоновка, 30/1